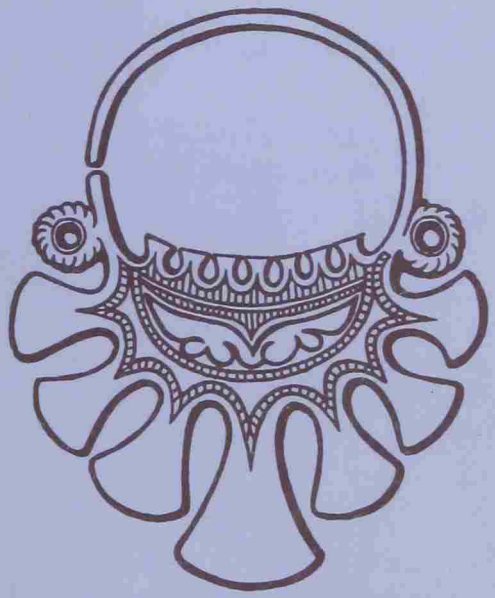
ISSN 0869-6063

275 лет Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1999 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1999 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии 5
Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы 24
Фролова Н.А. К вопросу о чеканке Тирой статеров лизимаховского типа 38
Кошеленко Г.А., Новиков С.В. О коропластике Маргианы эллинистического периода 54
Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка 65
Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья 78
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма 99

Дискуссии

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные 119

Публикации

Березанская С.С. Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге 131
Паньков С.В., Недопако Д.П. Поселение и производственный центр позднезарубинецкого времени у села Синица 149
Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере 163
Башенькин А.Н., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Кузнечное дело финно-угорского населения Белозерья до славянской колонизации 180

© Российская академия наук
Институт археологии, 1999 г.

Заметки

Шевелев В.В. Новые памятники культуры Веретье на озере Лача 191
Лордкипанидзе Г.А., Кипиани Г.Г. Боевые колесницы древней Грузии 195
Абдуллаев К. Ахеменидская гемма из Британского музея 199
Лагутин А.Б. Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму 203
Лысенко П.Ф. Булла киевского митрополита Кирилла из раскопок в Турове 207
Тараненко Н.П., Гей А.Н., Детюк А.Н. Применение фосфатного анализа при разведке древних поселений на черноземах Воронежской области 211

История науки

Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым 215
Мазуров А.Б. Одна из первых находок вятических древностей 221
Зеленеев Ю.А. Этнокультурная история Поволжья XIII–XV вв. в работах А.П. Смирнова 40–50-х годов 225

Критика и библиография

Смирнов К.А. Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996 229
Беляев Л.А. *Баталов А.Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века: проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996 232
Ковалевская В.Б. *Anna A. Ierusalimskaja.* Die Gräber der Moscevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. Herausgegeben vom Bayerischen Nationalmuseum München und von der Staatlichen Ermitage Sankt Petersburg. München, 1996 235

Хроника

Гавритухин И.О., Михайлина Л.П., Перхавко В.Б. К 80-летию Бориса Анисимовича Тимощука 240
Мастыкова А.В. Франко-российское сотрудничество в области раннесредневековой археологии 241
Костылева Е.Л., Уткин А.В. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904–1998) .. 245
Хачатурова (Ярковая) Е.А. Памяти Никиты Владимировича Анфимова (1909–1998) 247

Указатель статей, опубликованных в журнале "Российская археология", за 1999 год ... 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1999 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Borzunov V.A. Something new on the geographical distribution of the fortified dwellings in North Eurasia 5
Ruzanov V.D. Once more on the chronology of Chust cultue in Ferghana 24
Frolova N.A. On the coinage of the Lysimachaean-type staters in Tyra 38
Koshelenko G.A., Novikov S.V. On the coroplastica of Margiana in Helenistic period 54
Perevalov S.M. The Sarmatian *contus* and the Sarmatian mode of seat 65
Abashina N.S., Oblomsky A.M., Terpilovsky R.V. Early Slavic elements at the sites of Chernyakhovo culture in the Middle Dnieper region 78
Kyzlasov I.L. The material concerning early history of the Turks. IV. Education during the runic writing period 99

Discussions

Kazansky M.M., Mastykova A.V. The Alans on the Dnieper in Great migration period: Marcianus' evidence and archaeological data 119

Publications

Bereznskaya S.S. A Bronze Age cemetery on the South Bug 131
Pan'kov S.V., Nedopako D.P. The settlement and the production centre of the late Zarubintsy peiod near the village of Sinitsa 149
Makarov N.A., Zaitseva I.E. New investigations of Medieval cemeteries in North Russia. The cemetery of Minino II at Lake Kubenskoye 163
Bashen'kin A.N., Rozanova L.S., Terekhova N.N. Blacksmith's craft of the Finno-Ugrian population in Beloozero area before Slavic colonization 180

Notes

Shevelev V.V. Some new sites of Veret'ye culture on Lake Lacha 191
Lordkipanidze G.A., Kipiani G.G. Military charriots in ancient Georgia 195
Abdullaev K. An Achaemenian gem from the British Museum 199

Lagutin A.B. Iron heads of missile weapon from the excavations of the Greek-Scythian fortified settlement of Kara-Tobe in Crimea 203
Lysenko P.F. A bulla of Kievan Metropolitan Kirill from the excavations of Turov 207
Taranenko N.P., Gey A.N., Detyuk A.N. The application of phosphate analysis for reconnaissance of ancient settlements within the black earth belt in Voronezh region 211

History of science

Melyukova A.I., Yatsenko I.V. The first expeditions with B.N. Grakov 215
Mazurov A.B. One of the earliest finds of the Vyatichian antiquities 221
Zeleneev Yu.A. Ethno-cultural history of the Volga region in A.P. Smirnov's publications 225

Critics and bibliography

Smirnov K.A. The city of Bolgar: the trades of metallurgist, smiths, casters. Kazan, 1996 229
Belyaev L.A. *Batalov A.L.* Moscow stone architecture of the late 16th century: the problems of artistic thought of the epoch. Moscow, 1996 232
Kovalevskaya V.B. *Anna A. Ierusalimskaja.* Die Gräber der Moscevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. Herausgegeben vom Bayerischen Nationalmuseum München, und von der Staatlichen Ermitage Sankt Petersburg. München, 1996 235

Chronicle

Gavritukhin I.O., Mikhailina L.P., Perkhavko V.B. On the 80th anniversary of Boris Anisimovich Timoshchuk 240
Mastykova A.V. French-Russian co-operation in the field of early Medieval archaeology 241
Kostyleva E.L., Utkin A.V. In memory of Dmitriy Aleksandrovich Krainov (1904–1998) 245
Khachaturova (Yarkovaya) E.A. In memory of Nikita Vladimirovich Anfimov (1909–1998) 247

Index of the articles published in the journal of "Rossiyskaya Arkheologiya" in 1999 253

В.А. БОРЗУНОВ

НОВЫЙ АРЕАЛ УКРЕПЛЕННЫХ ЖИЛИЩ НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ

Укрепленное (крепостное, оборонное) жилище (дом-крепость, жилище-крепость) – один из наиболее своеобразных и древнейших типов укрепленных поселений мира. Первая и самая распространенная его форма – башенное жилище (жилая башня, жилище-башня и т. д.) из камня и дерева, имевшее множество модификаций. В неолите – бронзовом веке (VIII–II тыс до н.э.) оно было распространено на обширной территории Старого Света – от Балеарских островов до Китая, в полосе между 20 и 45° с.ш. При этом наиболее ранние его разновидности приходились на Ближний и Средний Восток (Джандиери М.И., 1981). В конце эпохи бронзы и начале железного века башенные жилища появились на территории современных Испании, Франции, Ирландии, Великобритании одновременно с другой формой малых укреплений – одиночным домом на холме, окруженным кольцевой стеной-частоколом. В средние века и позднейшее время их разновидности и дериваты продолжали возводиться в указанных регионах Евразии, проникли на восток Европы и в Среднюю Азию. Новые модификации оформились на юге Африки, юго-западе США, в Перу и Сибири.

Предметом нашего анализа являются укрепленные жилища севера Евразии. Первые такие объекты, открытые в XIX – первой половине XX в. в Зауралье и на р. Конде – Палкинское на г. Малой, Шайдурихинское, Устье-Вагильское, Оськинское I, Катайское I, Андреевское № 5, Ень-янское (Еныя 19), краеведы и археологи считали курганами, селищами (М.В. Малахов, Н.А. Рыжников), в лучшем случае – обычными городищами (И.Я. Словцов, П.Ф. Первушин, А.А. Спицин, В.Я. Толмачев, Д.Н. Эдинг, К.В. Сальников и др.). А.А. Спицин даже полагал, что зауральские городища (включая Палкинское и Катайское I) ввиду их малых размеров имели лишь обрядовое значение (Спицын А., 1906, с. 212). Только масштабные исследования Шайдурихинского поселения, проведенные в 1959–1960 гг. (рис. 1, 2), сопоставление их результатов с материалами раскопок М.В. Малаховым Палкинского городища (1874, 1878 гг.) и П.Ф. Первушиным – Катайского I (1903 г.) позволили Е.М. Берс выделить *новый, специфический тип поселения, сочетавший признаки одиночного бревенчатого дома и укрепления с глубоким рвом* (Берс Е.М., 1963, с. 72–74).

Ныне известно 70 таких поселений, в том числе три двухслойных[1]. Объекты, хронология которых ясна, распределяются следующим образом: поздний неолит – 1, энеолит – 3, периоды ранней и средней бронзы – 21, поздней бронзы – 16, рубежа бронзового и железного веков – 10, раннего железа – 3, позднего железа – 7. Полностью или частично раскопанных памятников пока немного (20%): 7 – в Зауралье и столько же – в Западной Сибири (рис. 1). В этой связи кроме материалов стационарных исследований автором привлечены данные, полученные в процессе внешней фиксации таких объектов. Последнее было не только необходимо, но и вполне оправданно. Дело в том, что в западно-сибирской тайге, благодаря малой и практически не

[1] Помимо материалов вышеупомянутых исследователей и своих собственных автором использованы результаты полевых работ Н.А. Алексашенко, Е.М. Беспрозванного, Г.П. Визгалова, В.Д. Викторовой, М.В. Елькиной, А.П. Зыкова, Л.В. Иваськo, К.Г. Карачарова, О.В. Кардаша, С.Ф. Кокшарова, Л.Л. Косинской, В.И. Липского, В.М. Морозова, А.А. Погодина, В.И. Семеновой, В.И. Стефанова, Н.К. Стефановой, Л.В. Сухины, Л.М. Тереховой, А.Е. Цеменкова, Ю.П. Чемякина, В.А. Швечиковой и В.Д. Ширинкина.

© В.А. Борзунов, 1999 г.

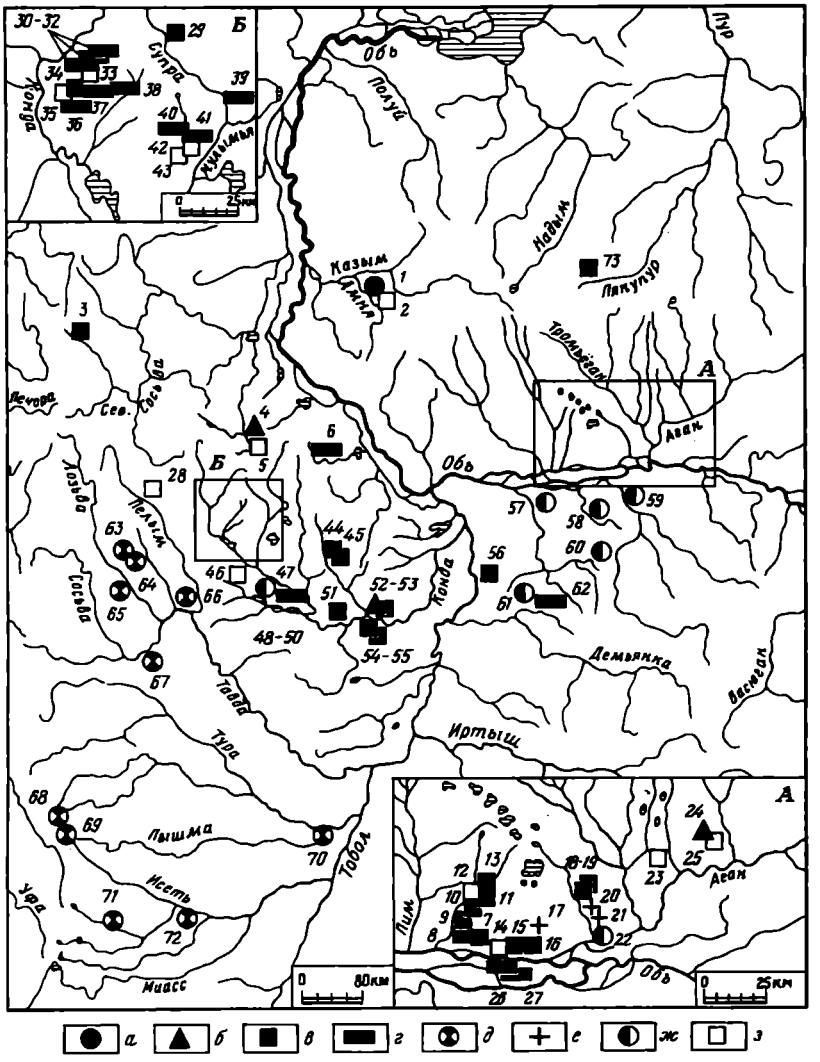


Рис. 1. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири: *а* – позднего неолита (конец IV тыс до н.э.); *б* – энеолита (III – начало II тыс до н.э.); *в* – ранней и средней бронзы (2-я и 3-я четверти II тыс до н.э.); *г* – поздней бронзы (конец II – начало I тыс до н.э.); *д* – рубежа бронзового и железного веков (IX/VIII–IV вв. до н.э.); *е* – раннего железа (IV/III вв. до н.э. – III/IV вв. н.э.); *ж* – позднего железа (IV–XVII вв.); *з* – неопределенного времени. *1* – Амня (1-я площадка, жилище 1)*; *2* – Товгор-Лор 6; *3* – Няйс-Манья I; *4* – Теплый Ручей II; *5* – Ем-Ёган I; *6* – Ендырское VIII; *7–15* – Быстрый Кульёган 3, 38*, 40, 44, 73, 77, 100; *14–17* – Барсов Городок II/37 (объект 2), II/37 (объект 1), II/22, III/3*; *18–19* – Моховая 8 (1-я, 2-я площадка*); *20–22* – Моховая 20, 25, 42; *23* – Нивагальское; *24, 25* – Имнъёган 2.1 (объект 7), 2.2 (объект 1); *26, 27* – Сырой Аган 1 (1-я площадка), 6; *28* – Атымья XII (Ермакова Яма); *29* – Усть-Олье 5 (объект 4); *30–33* – Лемья 1.1, 1.6, 5.3, 1.4 (объект 1); *34* – Еныя 3 (III); *35* – Окуневый Мыс I (объект 43); *36* – Ах 2 (II); *37* – Еныя 19 (Ены-янское); *38* – Большая Умытья VIII; *39* – Супра XVIII; *40–43* – Олымья 3, 4, 6, 8; *44, 45* – жилища 1 и 2 у городища Среднереченского; *46* – Денисово 1; *47–50* – Большая Учинья XIII, II, XII, XIX; *51* – Турсунт IV; *52–53* – Волвонча I (ранний и поздний горизонты)*; *54–55* – Пашкин Бор I (ранний и поздний рвы)*; *56* – Подгорный Сор I; *57* – Лемпино 1; *58* – Усть-Пытьях 5; *59* – Еутское 2 (II); *60* – Топатъега 12; *61* – Мамонтово VII; *62* – Соровское XI; *63–64* – Туманские (нижнее и верхнее) жилища*: *65* – Илюшинское IV; *66* – Усть-Вагильское*; *67* – Оськинское I (нижний горизонт)*; *68* – Шайдурихинское (нижний горизонт)*; *69* – Палкинское (Чудское) на г. Малой*; *70* – Андреевское № 5*; *71* – Ближнее Багарякское*; *72* – Катайское I (по Е.М. Берс – Второе Катайское, по К.В. Сальникову – Малое Ильинское)*; *73* – Щетнмато-лор* (звездочкой отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи)

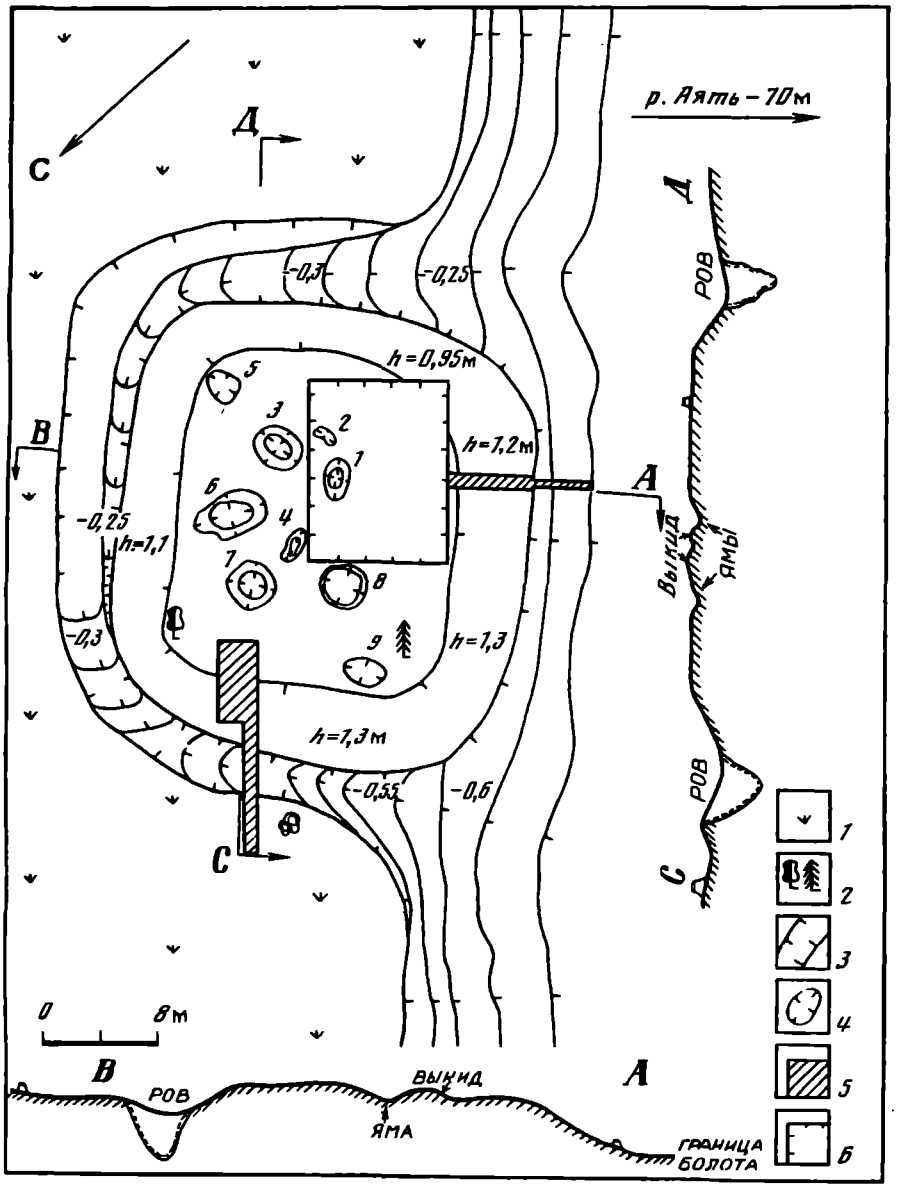


Рис. 2. Шайдурихинское укрепленное жилище. Общий план. VIII–III вв. до н.э. Раскопки Е.М. Берс 1959 г. *1* – луг; *2* – дерево; *3* – ров; *4* – грабительские ямы; *5*, *6* – траншеи и раскоп Е.М. Берс. В 1960 г. памятник был исследован Е.М. Берс почти полностью, но отчета о раскопках в архивах нет

увеличивающейся мощности почвы, на поверхности террас отчетливо прослеживаются не только остатки оборонительных систем и жилищ, но и некоторые мелкие детали – входы, обваловки-завалинки, тамбуры, перегородки, ниши, очаги, рухнувшие перекрытия и т.д. Кроме того, обнаруженные в ходе разведок укрепленные жилища близки по конструкции многочисленным раскопанным неукрепленным постройкам Нижнего и Сургутского Приобья (рис. 3–8).

Картографирование объектов позволило выделить *новый, самый северный на земном шаре ареал распространения укрепленных жилищ, который охватывал лесные районы Зауралья и Западной Сибири между 56 и 64° с.ш., 60 и 76° в.д.* Вероятно, он был шире и включал восточную часть Среднего Приобья. Основная масса таких построек и все ранние из них расположены в средней и северной тайге (Конда, Сургутское и частично Нижнее Приобье). Здесь находился центр их строительства. В Зауралье укрепленные жилища появились только на рубеже бронзового и железного

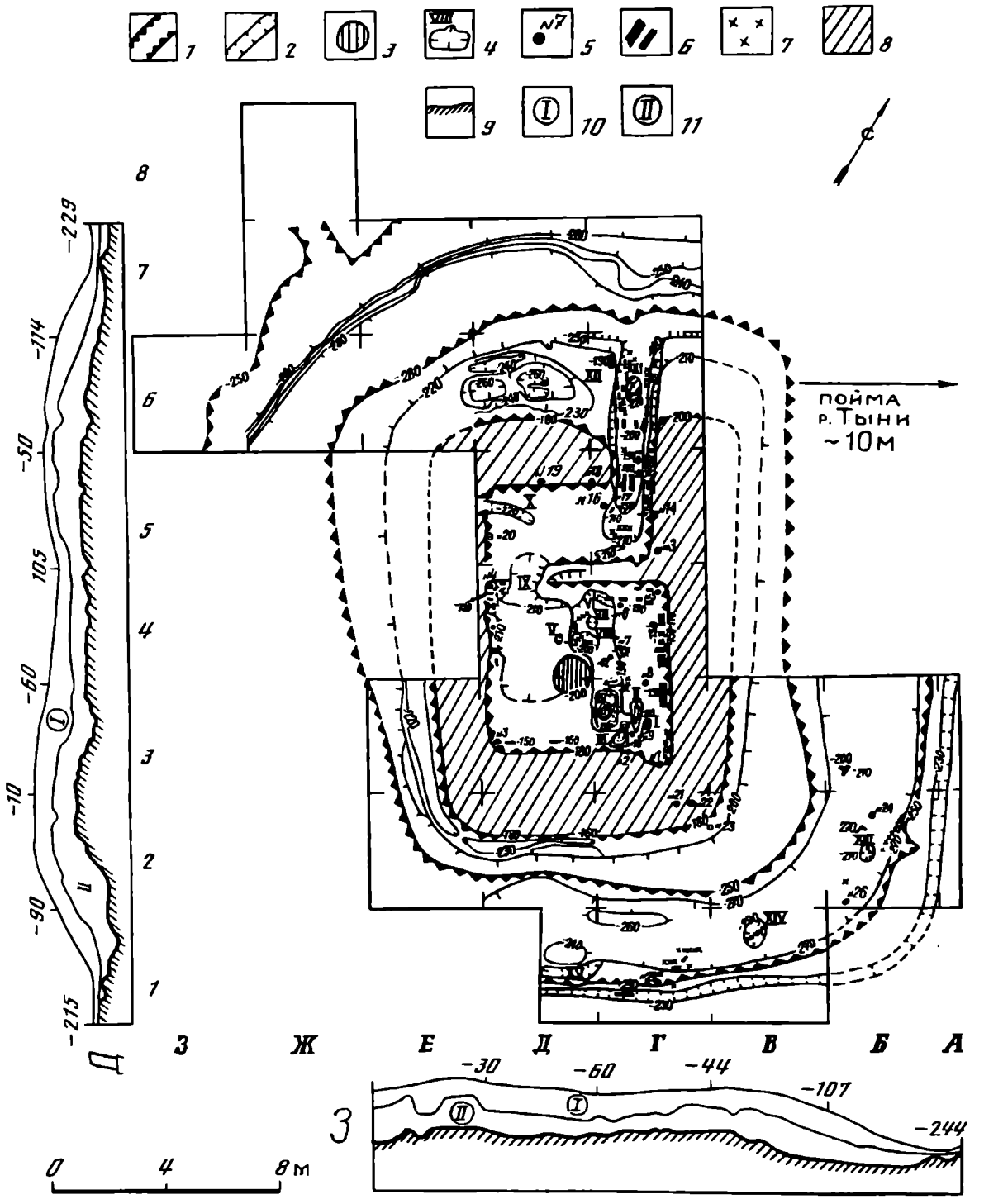


Рис. 3. Туманское нижнее (раннее) укрепленное жилище. Общий план раскопа. Около IX–VIII вв. до н.э. Раскопки В.И. Липского 1963 (под наблюдением В.Д. Викторовой) и 1966 г. *1* – границы рва и стен жилища; *2* – канавка частокола; *3* – прокал, очаг; *4* – яма; *5* – столбовая ямка; *6* – обугленное дерево; *7* – угли; *8* – плотная светло-серая супесь; *9* – материк; *10* – горизонт нижнего (раннего) жилища; *11* – горизонт верхнего (позднего) жилища

веков в ходе миграции на юг населения гамаюнской культуры – потомков лозьвинских и атлымских групп Западной Сибири. Богатство этих районов строевым лесом предопределило создание здесь оригинального дерево-земляного сооружения, резко отличного от всех предшествующих крепостных домов Евразии.

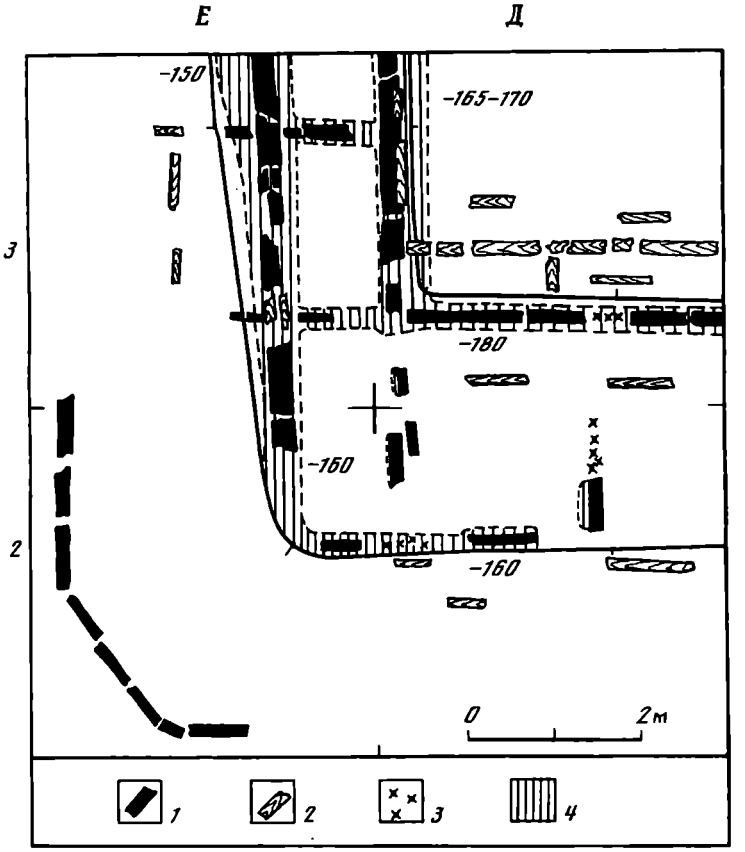


Рис. 4. Туманское нижнее (раннее) укрепленное жилище. Южный угол постройки (уч. Е-Д/2–3). Около IX–VIII вв. до н.э. Раскопки В.И. Липского 1963 г. (под наблюдением В.Д. Викторовой). *1* – остатки обугленных бревен (глубина 155–170 см); *2* – остатки обугленных бревен (глубина 120 см); *3* – угли; *4* – прокаленная красная глина и куски обожженной глиняной обмазки

По системам обороны урало-сибирские укрепленные жилища подразделяются на два варианта. Первый – одиночная постройка (землянка, полуземлянка, наземный дом), окруженная замкнутой оборонительной стеной и отчасти рвом. Стена, вероятно, была бревенчатая, однорядная, типа заплота или частокола. Она возводилась непосредственно на поверхности террасы и укреплялась в основании грунтом, вынутым из рва (рис. 5; 9, *А*). *Второй вариант:* окруженное рвом мощное прямоугольное в плане бревенчатое сооружение, внешние стены которого одновременно являлись жилыми и оборонительными (рис. 9, *Б*). От сходных больших одиночных неукрепленных домов, распространенных в Западной Сибири с неолита до позднего железа (рис. 10), крепостное жилище второго варианта отличалось наличием рва и привязкой к естественно защищенным местам – мысам и краям террас. К укреплениям первого варианта относились жилище 1 неолитического городища Амня I в бассейне Казыма, кулайские поселения Сургутского Приобья (Моховая 20, 25, Барсов Городок III/3), отдельные гамаюнские постройки Зауралья (Туманское нижнее, Андреевское № 5), часть крепостей эпохи бронзы и позднего железа Сургутского Приобья и Нижнего Прииртышья (Моховая 8, Олымья 6, Усть-Пытьях 5, Топатъега 12, Еутское 2, возможно, Шетнмато-лор). Ко второму варианту можно причислить большинство укрепленных домов гамаюнской культуры Зауралья (Туманское верхнее, Шайдурихинское, Ближнее Багарякское, Оськинское I и др.) и укреплений бронзового века Конды, Сургутского и Нижнего Приобья. Укрепленные поселения первого варианта, по сравнению с объектами второго, зачастую выглядят менее мощными. Между тем, благодаря наличию защитной

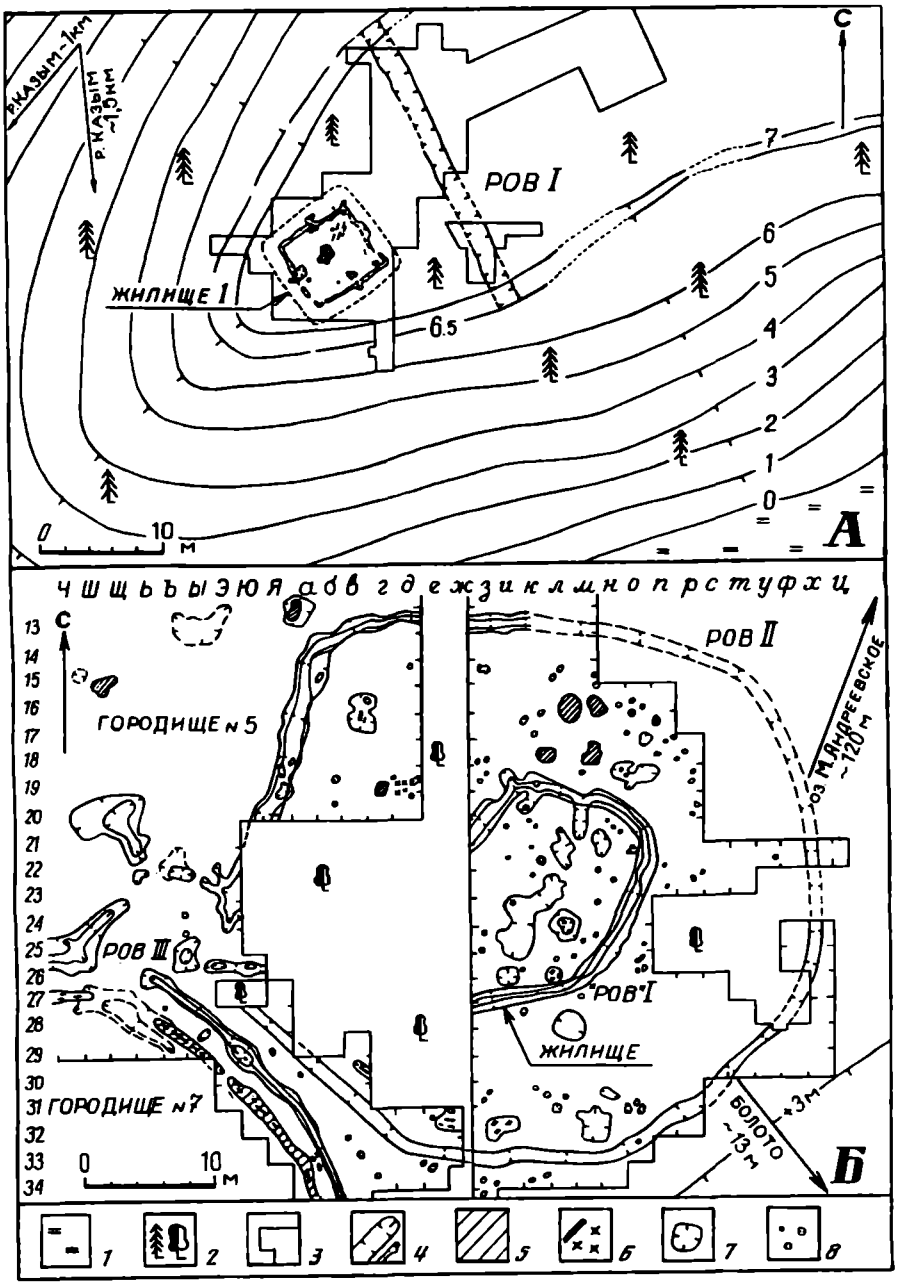


Рис. 5. Городище Амня I (жилище 1). Общий план (*А*). Конец IV тыс до н.э. Раскопки В.М. Морозова 1987–1989 гг., В.И. Стефанова 1989 г. Городище Андреевское № 5. Общий план (*Б*). Около середины I тыс до н.э. Раскопки М.В. Елькиной (Романовой) 1969 и 1971 гг., Л.В. Сухины 1970 г. *1* – болото; *2* – деревья, лес; *3* – границы раскопа; *4* – канавка, ров; *5* – углистая супесь (заполнение очагов, валов); *6* – обугленное дерево и крупные угли; *7* – ямы, углубления; *8* – столбовые ямки

стены, удаленной от постройки, они представляют собой более развитый тип укрепления. По сути дела это разновидность малых городищ. В то время как жилища второго варианта в действительности являются только формирующимся укрепленным поселением, переходным от селища к городку.

Жилища обоих вариантов располагались поодиночке либо объединялись в группы, связанные с одной небольшой рекой, озером или участком крупной водной артерии. В таких микрорайонах укрепления отстояли один от другого от 300 м до нескольких десятков километров. В свою очередь, микрорайоны могли как находиться поблизости,

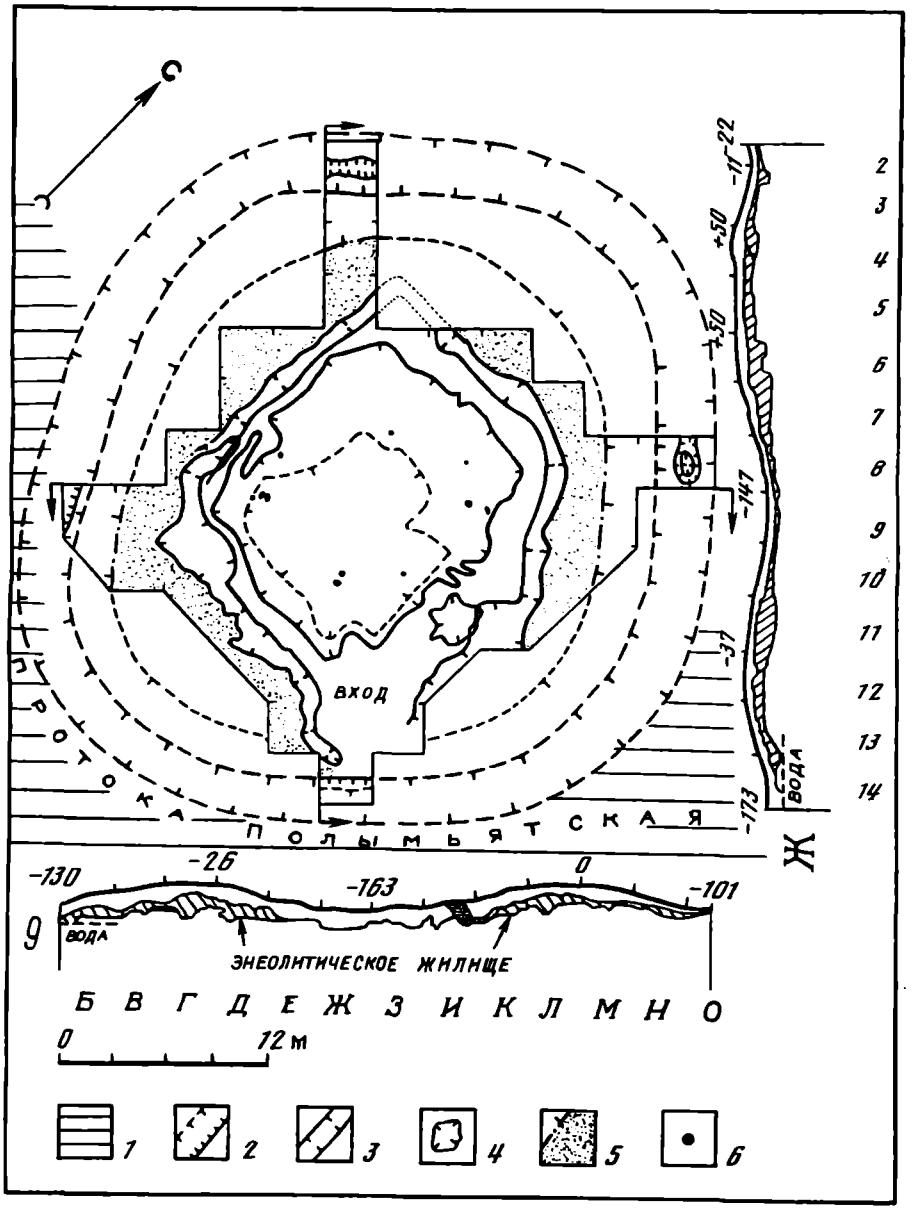


Рис. 6. Поселение (укрепленное жилище) Волвонча I. Энеолитический горизонт. III – начало II тыс до н.э. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г. *1* – водоем; *2* – ров; *3* – канавка в основании стен жилища; *4* – котлован жилища, яма; *5* – обваловка основания стен жилища; *6* – столбовая ямка

так и разделяться сотнями километров. Синхронных селищ рядом с укрепленными домами обычно не наблюдается. Остатки укрепленных построек иногда удалены от водоисточника на 100 и более м. В древности последний находился поблизости – не далее 50 м, на что указывает расстояние от объекта до заболоченной поймы. Как правило, укрепленные жилища занимали достаточно заметные места. Более половины этих маленьких крепостей 39 (54%) построено на небольших мысах и мысовидных изгибах речных террас, треть 23 (32%) – на обрывистых берегах рек и озер. Незначительная часть сооружений 10 (14%) как бы спрятана в глубине берега. Высотное расположение поселений, безусловно, диктовалось особенностями рельефа: обычно это были самые высокие точки в данной местности. Вместе с тем 27 (37,5%) укрепленных жилищ находились на высоте не более 2 м от уровня древнего водоема. В цифрах динамика изменения высотного расположения укреплений от уровня заболоченной поймы выглядит следующим образом: неолит – 6,5–7/6,75; энеолит 0–2,5/1,12; ранняя

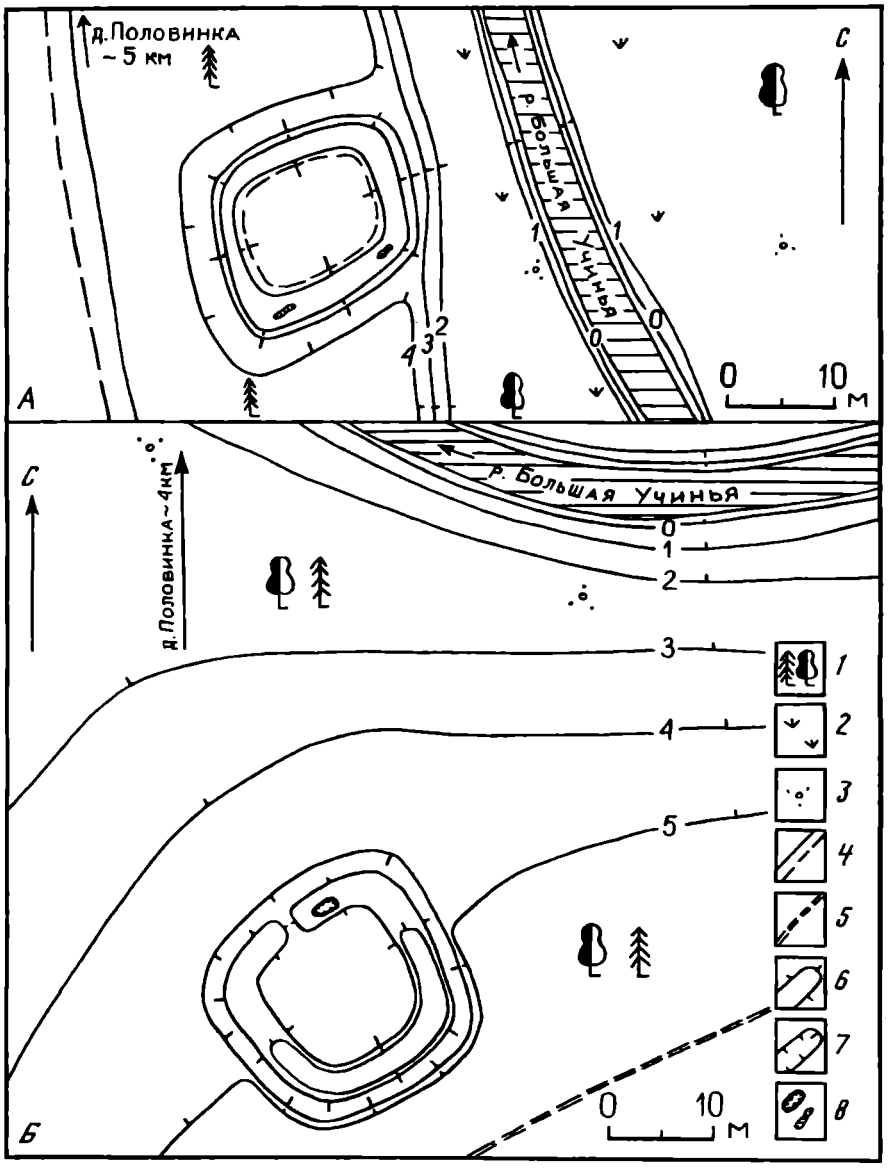


Рис. 7. Укрепленное жилище Большая Учинья XII. Общий план (*А*). Конец II – начало I тыс до н.э. Укрепленное жилище Большая Учинья XIII. Общий план (*Б*). VI–VII вв. Съемка С.Ф. Кокшарова 1992 г. *1* – лес, *2* – луг; поляна; *3* – кусты; *4* – дорога; *5* – тропа; *6* – вал; *7* – ров; *8* – современные ямы

и средняя бронза – 0–20/5,7; поздняя бронза – 0–8/3,72; рубеж бронзового и железного веков – 1–16/5,15; ранний железный век – 4,5–17/8,8; поздний железный век – 0,6–4/2,3 м[2]; для жилищ всех периодов в среднем 4,3 м. Для сравнения: от современных водоемов эти постройки находятся в среднем на высоте 5,6 м. В каменном и бронзовом веках укрепленные жилища, как и все поселения, располагались в наиболее богатых пищевыми ресурсами местах. Их высотное и иное положение зависело от особенностей водного режима в данный момент и соответствовало условиям наиболее успешного ведения оборонительных действий. В эпоху железа в топографической привязке городищ и укрепленных жилищ на первый план выходят социально-экономические факторы. Главный из них – возможность контроля торговых ("пушных") и военных путей, коими являлись в это время большие и малые реки, открывавшие доступ в глубинные районы Югры. Кроме того, высотное распределение укрепленных

[2] В числителе – интервал, в знаменателе – среднее арифметическое.

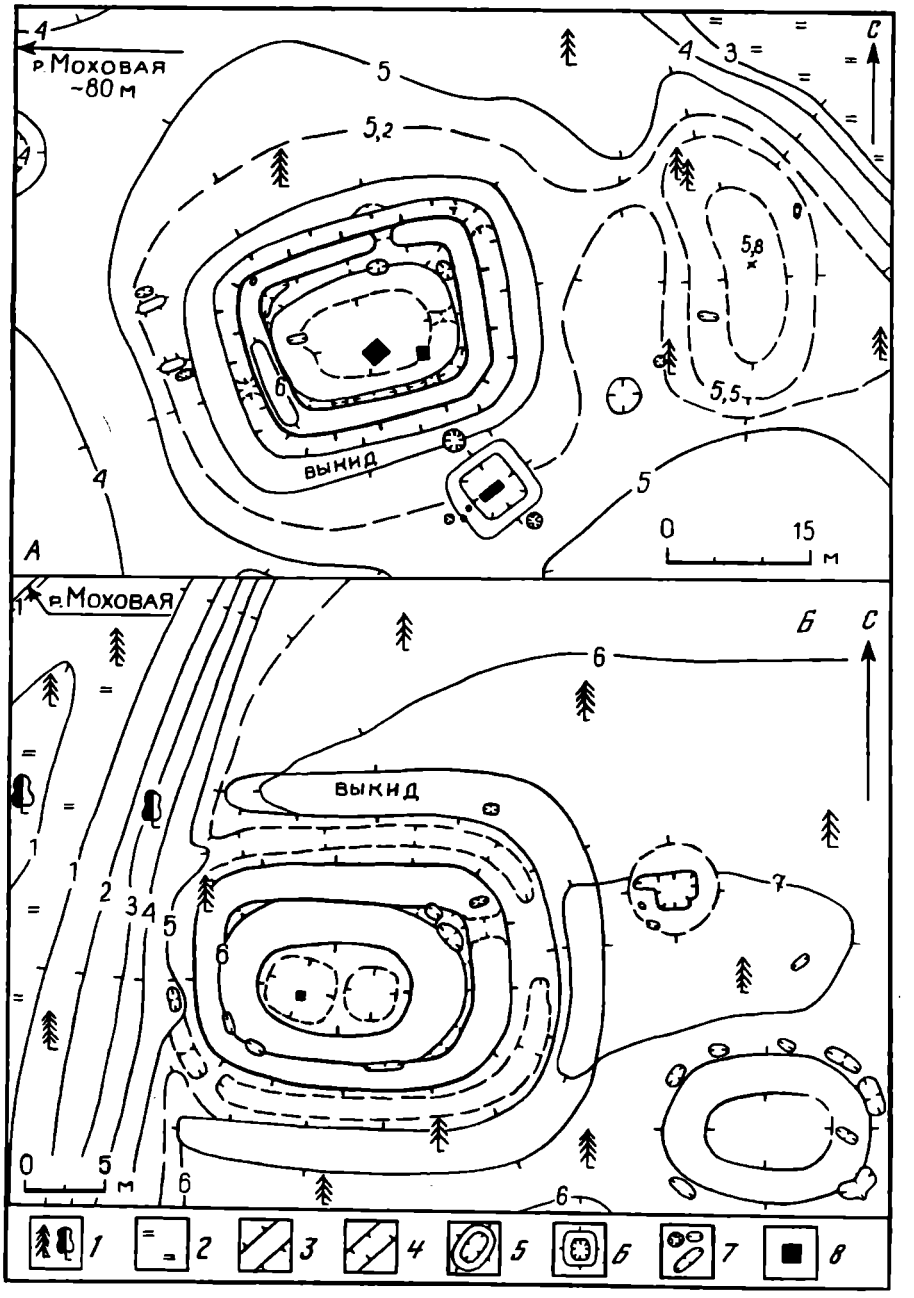


Рис. 8. Городища (укрепленные жилища) Моховая 20 (*А*) и 25 (*Б*). Рубеж эр. Съемка В.А. Борзунова 1994 г. *1* – лес; *2* – болото; *3* – вал и выкид из рва; *4* – ров; *5* – остатки наземного жилища с обваловкой; *6* – средневековая жилищная впадина с обваловкой; *7* – ямы, углубления; *8* – шурф

пунктов становится показателем социального статуса, экономического и военного могущества отдельных коллективов и их глав. Наиболее сильные "князья" и "богатыри" располагали свои "замки" ("медные города") на высоких кручах. Слабейшие или потерпевшие военное поражение общины строили свои селения и городки на болоте или в глубине леса (Патканов С.К., 1891; Косарев М.Ф., 1984, с. 154; Головнев А.В., 1995, с. 143–146).

Рвы, выкопанные вокруг жилищ, независимо от грунта (песок, суглинок, скала) имели различную протяженность и конфигурацию. В разрезе они трапециевидные, реже – полукруглые. Ширина раскопанных канав варьирует в пределах 1,5–4, глубина – 0,5–4 (в среднем 2,96 и 1,12) м. Остатки рвов на поверхности имеют ширину от 0,6 до 8,

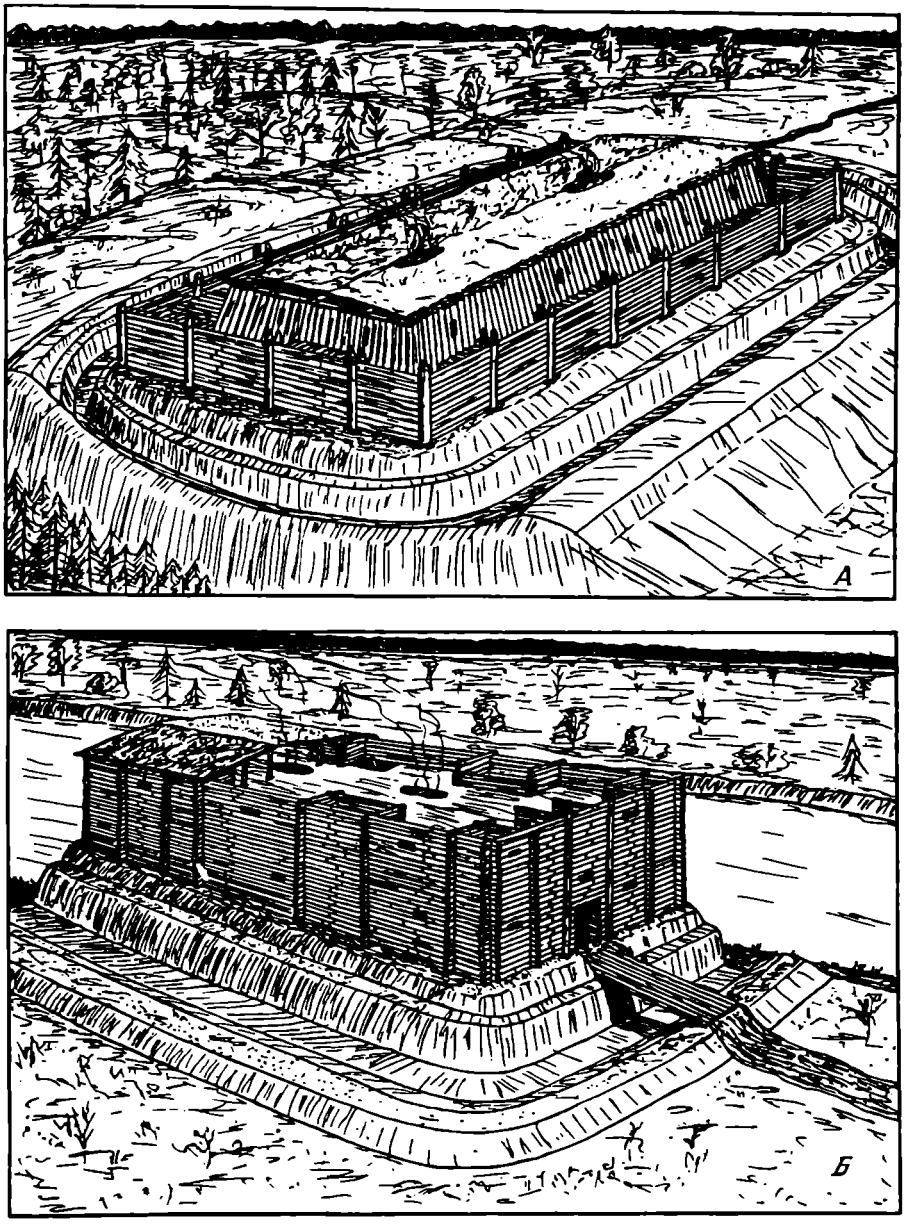


Рис. 9. Две разновидности первого (*А*) и второго (*Б*) вариантов укрепленных жилищ Зауралья и Западной Сибири. Реконструкция автора (собирательный образ по материалам археологических исследований, фольклорным и этнографическим данным). В действительности разновидностей было больше, некоторые из них опубликованы (Борзунов В.А., 1992, рис. 4)

глубину 0,2–6 м, в среднем соответственно 2,83 и 0,7 м. При этом наиболее глубокие и широкие канавы отмечены на поселениях неолита, бронзы, а также рубежа бронзового и железного веков. Наименьшие показатели имели ровики жилищ, удаленных от кромки берега. В этом случае оборонительные стены несли практически всю нагрузку по защите поселка, а рвы являлись только местами забора грунта для укрепления стены и дренажными канавами. Рвы эпох неолита, железа, рубежа бронзового и железного веков часто прерываются перемычками, оставленными для подхода людей к жилищу. Через глубокие канавы эпохи бронзы, очевидно, перекидывались мостки.

У разрушенных укрепленных жилищ второго варианта кроме рвов прослеживаются характерные расплывшиеся обваловки шириной от 0,5 до 12, высотой 0,2–2,2 м. Они окружали впадины различной формы и глубины, оставшиеся от внутренних частей построек. Вследствие того, что исследовались не самые мощные укрепления, ширина

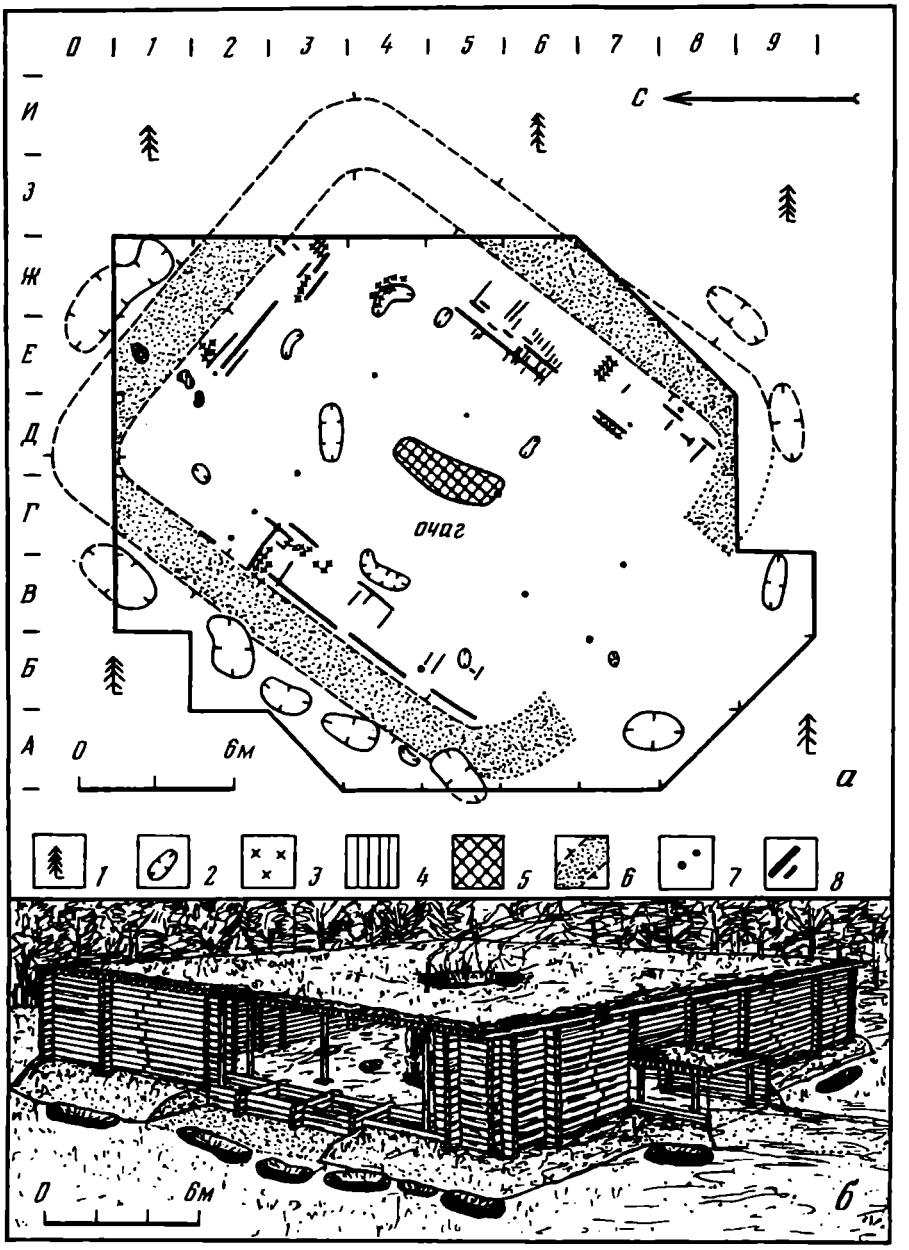


Рис. 10. Поселение (большое одиночное неукрепленное жилище) периода поздней бронзы Барсова Гора III, объект 107. План раскопа (*а*) и общий вид жилища (*б*). Конец II – начало I тыс до н.э. Раскопки М.В. Елькиной 1974 г. Реконструкция автора. *1* – лес; *2* – яма; *3* – прокал; *4* – буро-коричневая супесь с органикой; *5* – обваловка жилища; *6* – столбовая ямка; *7* – обугленное дерево

раскопанных насыпей варьирует от 2 до 5,5 м, а высота не превышает 2 м. Изначально они были уже и выше. Одновременно следует подчеркнуть, что данные "валы" собственно оборонительными не являлись: это остатки забутовки рубленых в два пояса бревенчатых стен и обваловки вокруг основания внешней стены постройки. Основное назначение таких присыпок – утепление жилища и укрепление основания ее стен. Собственно оборонительными нельзя назвать и небольшие валы, окружавшие укрепленные поселения первого варианта. Хотя как те, так и другие, безусловно, увеличивали высоту стены и крутизну внутренней стенки рва, объективно выступая составной частью оборонительной системы.

Крепости были миниатюрные, но дома, стоявшие здесь, особенно у поселений второго варианта, значительно превосходили по величине рядовые неукрепленные

постройки. Площади всех укреплений, включая линию обороны, варьировали в пределах 120–2850 (в среднем 627) м^2. Так, для эпохи неолита – около 650, энеолита – от 320 до 1250 (643), ранней и средней бронзы – от 230 до 1500 (689), поздней бронзы – от 120 до 890 (560), рубежа бронзового и железного веков – от 310 до 1600 (667), раннего железа – от 475 до 675 (577), позднего железа – от 196 до 750 (443) м^2. Пространство, ограниченное рвом, т.е. отведенное для постройки, а в укреплениях первого варианта и для дополнительной оборонительной стены, составляло от 90 до 2300 (в среднем 437) м^2, при этом для поселков неолита – около 450, энеолита – от 265 до 925 (500), ранней и средней бронзы – от 143 до 925 (485), поздней бронзы – от 90 до 650 (397), рубежа бронзы и железа – от 244 до 1450 (441), раннего железа – от 250 до 500 (397), позднего железа – от 112 до 520 (302) м^2. Ров на этих памятниках занимал около 30% всего пространства укрепления, а площадка с оборонительными стенами – 70%. Предполагаемая площадь жилища составляла от 54 до 667 (в среднем 265) м^2, в том числе в неолите – около 74, в энеолите – от 165 до 370 (258), в раннюю и среднюю бронзу – от 56 до 600 (276), на рубеже бронзы и железа – от 94 до 624 (268), в раннем железном веке – от 120 до 200 (150), в позднем железе – от 64 до 300 (175) м^2. Размеры жилища составляли от 9 × 6 до 29 × 23 (в среднем 17,4 × 14,7) м. В укреплениях первого варианта жилая постройка занимала приблизительно от 20 (Амня I, Андреевское № 5) до 70–90% пространства, окруженного оборонительной стеной (Моховая 8, 20, 25). Приведенные цифры достаточно точно отражают реальные размеры объектов. Сравнение материалов раскопок и разведок показывает, что первоначальные параметры построек и поселений установить несложно. Внешние стены раскопанных жилищ располагались примерно между центром обваловки и внутренним краем рва. Граница всего поселка удалена от внешнего края заплывшего рва не более чем на 1,5 м. Оборонительная стена у построек первого варианта находилась приблизительно посередине расплывшегося "вала". Полезная площадь жилища (помещения) у различных типов построек варьировала от 40 до 450 м^2. Это нечто среднее между площадью жилищной впадины (от 22 до 112, в среднем – 130 м^2) и жилища.

Постройки обоих вариантов укрепленных поселений имели несколько разновидностей, объединявшихся в три типа: землянка, полуземлянка и наземный дом. Землянка, открытая на Амне I (жилище 1), имела почти правильный квадратный котлован глубиной не менее 1,8 м, обшитый жердями или колотыми плахами. Кровля сооружения четырехскатная, в виде усеченной пирамиды. Верхние концы ее бревен и жердей покоились на деревянной раме, установленной на столбах, вкопанных внутри жилища. Нижние концы упирались в грунт за пределами котлована и были присыпаны песком. Угол наклона бревен и жердей – около 30°. В центре кровли находилось дымоходное отверстие, которое использовалось также в качестве входа в помещение (Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993, с. 143–147). Полуземлянки имели сходную наземную конструкцию, прямоугольные и квадратные котлованы глубиной от 0,4 до 1 м, вероятно, также укреплявшиеся плахами. В отличие от землянок входы у них были в виде дверных проемов либо выступающих наружу крытых тамбуров с наклонным полом, плавно спускавшимся в углубленную часть помещения (Щетнмато-лор, Пашкин Бор I и др.). Наземные жилища с неуглубленным или слабо углубленным (до 0,4 м) полом, расположенным в центре помещения, представлены двумя основными разновидностями. Первая имела усеченно-пирамидальную каркасную конструкцию, близкую полуземлянкам, но отличалась от них более высокими и близкими к вертикали стенами (угол наклона их, вероятно, от 45 до 70°). Кровля могла быть как односкатной, так и двускатной. В основании такие постройки могли быть прямоугольной или вытянутой овальной формы (Барсов Городок III/3, Моховая 8, 25, 20 и др.) (рис. 9, *А*). Вторая разновидность представляла собой мощный дом с рублеными в один (Волвонча I)[3] либо

[3] Реконструкция Волвончи I как жилища "шатрового типа" по аналогии с "наземной шатровой постройкой памятника Пашкин Бор I" (Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К., 1993, с. 56), на наш взгляд, ошибочна. Подквадратная в плане канавка с отводом в юго-восточном углу (рис. 6) скорее всего предназначалась для

два пояса вертикальными стенами (Туманское нижнее и верхнее, Шайдурихинское, Ближнее Багарякское и др.) (Борзунов В.А., Липский В.И., 1984). Пространство между двумя рядами стен делилось перегородками-перерубами на отсеки и частично забутовывалось грунтом, взятым из рва. Стены снаружи в основании были присыпаны обваловкой-завалинкой. В помещения вели наружные или внутренние тамбуры-коридоры, закрывавшиеся, по-видимому, двумя навесными или приставными дверями. Крыша сооружалась из тонких бревен и жердей, покрытых берестой и дерном. Она могла быть плоской, слегка наклонной, двускатной и полуцилиндрической подобно – перекрытиям, которые наблюдали этнографы у коренного населения Западной Сибири (ср.: Патканов С.К., 1891, с. 30–32; Очерки культурогенеза... 1994, кн. II, рис. 57, 59, 60, 65–69). Края перекрытий первых двух разновидностей лежали на стенах, центр опирался на многочисленные лаги и столбы. У зауральских укрепленных жилищ наружные и внутренние стены, а также потолки были обмазаны глиной, в которую была добавлена рубленая солома. Это повышало огнестойкость сооружений и мощность их обороны. В наземных домах обеих разновидностей конца бронзового – начала железного веков помещение иногда делилось на две камеры, разделенные стенкой: предвходовую и основную (Туманское нижнее, возможно, Моховая 25) (рис. 3; 8). В одном из средневековых укрепленных домов, по данным разведки, таких камер было не менее четырех (Моховая 42) (Борзунов В.А., 1995, рис. 1, *15*). Надо полагать, что обширные (от 100 до 450 м^2) помещения жилищ эпох бронзы и железа также были поделены перегородками на секции.

В целом это были довольно мощные сооружения, для строительства которых требовалось немало леса. По этой причине в процессе возведения дома должны были вырубаться все деревья в округе. Это диктовали и соображения безопасности, так как любое высокое дерево, случайно упавшее во время бурелома или лесного пожара, а также намеренно срубленное неприятелем, могло повредить постройку. Ширина свободного пространства вокруг укрепления для ведения успешной обороны и лучшего обзора подходов к жилищу, как показывают материалы этнографии, должна была быть не менее длины полета стрелы.

Результаты археологических исследований подтверждаются и дополняются фольклорными и этнографическими данными. В недавнем прошлом у коренных народов Западной Сибири существовали укрепленные и неукрепленные одиночные жилища – так называемые "однодворные постройки с одним двором" или "жердяные поселки с одним домиком" (манси). Некоторые укрепленные жилища имели специальные названия: "военная землянка", "военный чум" (кеты), "военный дом", "крепость-землянка" (селькупы) и т.д. К отдельным постройкам со склона берега вели крытые подземные лазы. Существовали и двухэтажные строения: в верхней части их устраивался помост со стенами, имевшими узкие бойницы для стрельбы (Яковлев Я.А., 1994, с. 17, 18). Возможно, такую же надстройку имели некоторые укрепленные жилища, открытые археологами (рис. 9, *Б*). В легендах обских угров также встречаются упоминания о значительных по размерам "княжеских" резиденциях и общественных зданиях с сенями, кладовыми и просторными жилыми помещениями, пол в которых был сколочен из половиц, соединенных железными скобами. Одна из таких построек была сооружена из 800 жердей (Патканов С.К., 1891, с. 32, 39), что вполне сопоставимо с рассмотренными выше большими одиночными жилищами.

Завершая общую характеристику урало-сибирских укрепленных домов, рассмотрим вкратце их генезис, развитие и назначение.

Строителями данных жилищ, по всей вероятности, было коренное население таежной зоны – предки современных манси, хантов, ненцев, селькупов и других народов. Основой их хозяйственной деятельности вплоть до позднейшего времени оста-

---

основания срубной стены и крытого коридорообразного входа, а не для установки нижней части пирамидальной конструкции. А.П. Зыков даже полагает, что дом Пашкиного Бора I был сходен с Туманскими жилищами.

вались различные варианты присваивающей экономики – рыболовство, охота, собирательство. Лишь в начале I тыс. до н.э. мигрировавшие на юг охотники-рыболовы средней тайги (в том числе гамаюнские группы) знакомятся с навыками придомного содержания скота. Не позднее середины I тыс. до н.э. в средней и северной тайге появляется лошадь, а в I в. до н.э. или чуть раньше в тундре Приобья одомашнен северный олень. Навыки домостроительства и основания стационарных поселков в Западной Сибири формируются еще в мезолитическую эпоху и развиваются в неолите. По крайней мере уже на поселениях среднего каменного века Конды (около XIII–VI тыс. до н.э.) встречаются однокамерные и двухкамерные наземные жилища с каркасно-столбовыми конструкциями и углубленной подквадратной центральной частью, обшитой плахами (Беспрозванный Е.М., 1985; Очерки культурогенеза..., 1994, кн. I, с. 91). По-видимому, от больших неолитических построек с прямоугольными котлованами площадью до 230 м^2 и наземной частью в виде усеченной пирамиды, типа исследованных на поселении Чес-тый-яг в бассейне Северной Сосьвы (Чернецов В.Н., 1953, с. 12, 13, 61; Васильев Е.А., 1987), берет начало *линия развития одиночных неукрепленных и укрепленных (второго варианта) домов* энеолита – средней бронзы Конды, Нижнего и Среднего Приобья, продолжающаяся в лозьвинских и атлымских укрепленных жилищах Сургутского Приобья и Конды, затем – в гамаюнских сооружениях лесного Зауралья (Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф., 1983, с. 164; Борзунов В.А., 1994, с. 211–225).

Укрепленные поселения первого варианта довольно разнородны: существенно различаются их жилища, оборонительные стены и рвы. Строителями их являются коллективы, различные в этническом, хозяйственном, культурном и ином отношении, удаленные друг от друга во времени и пространстве – жители некоторых поселков эпохи бронзы Конды и Сургутского Приобья, кулайские и гамаюнские общины, средневековое население Нижнего Прииртышья. Скорее всего *укрепленные поселения первого варианта не объединены одной линией развития и образуют искусственную, формально-типологическую группу*. Вполне вероятно, что некоторые, наиболее развитые общины неолита – ранней бронзы западно-сибирской тайги независимо от внешних влияний могли открыть для себя общую идею укрепленного поселения. Прообразами фортификаций могли послужить стационарные запорные конструкции частокольного типа для ловли рыбы и "огороды", применявшиеся во время загонной охоты на лесных копытных – косулю, лося, оленя. В дальнейшем различные модификации простейшего городища с одним жилищем при необходимости конструировались любым экономически самостоятельным и жизнеспособным коллективом на основании этой общей идеи с учетом специфики его домостроительства и оборонного зодчества, поэтому укрепленные жилища первого варианта получались разные. В определенный момент даже некоторые мощные укрепленные дома второго варианта были обнесены дополнительными оборонительными стенами и превратились в укрепления первого варианта (Туманское нижнее, Андреевское № 5 и др.). Вместе с тем относительно генезиса древнейшего памятника первого варианта – городища Амня I (жилище 1), являвшегося и самым северным из известных вообще, неолитическим городищем[4], могут существовать различные мнения. Дело в том, что, судя по керамическому материалу, среди строителей фортификаций Амни I были потомки неолитического, скорее всего боборыкинского, населения Среднего Притоболья IV тыс. до н.э. Последнее, по мнению специалистов,

[4] В его развитии выделяется, минимум, три этапа. Одиночное жилище на оконечности мыса, защищенное прямым поперечным рвом и, вероятно, замкнутой оборонительной стеной (рис. 5, *А*), вскоре было перестроено в одно-, а затем в двухплощадочное городище с частокольными стенами и глубокими дуговидными рвами. Все периоды объединяет сходная неолитическая керамика, которую авторы раскопок датируют концом IV – началом III тыс. до н.э. (Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993). Вместе с тем анализ угля из землянки 9, частично разрушенной внешним рвом, дал три ранние и крайне спорные калиброванные даты: 6900 ± 90, 8760 ± 280, 8630 ± 180 лет назад (Ле-4973, 4974 а,б) или 5888–5592, 8030–7530, 8030–7290 гг. до н.э.

было связано генетическими и культурными узами с племенами южных районов Азии (Ковалева В.Т., Варанкин Н.В., 1976). В лесостепном Притоболье укрепленные поселения этого времени не известны. Однако в сопредельных с Уралом регионах Средней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья они были распространены с энеолита, т.е. в IV и даже в V тыс. до н.э. (Энеолит СССР, 1982, с. 31–33, 105–107, 124, 125, 167, 178–206; Фортификация..., 1995, с. 7–18). Укрепленных жилищ среди них нет. Между тем Амня I позднего периода отдаленно напоминает некоторые трипольские мысовые городища с расположением построек по периметру рва и свободным пространством в центре. Все это наводит на мысль, что население позднего неолита, предки которого мигрировали в Нижнее Приобье в сухой и теплый период IV тыс. до н.э., могло иметь некоторые представления о южных городищах и применить эти знания на практике.

Анализ укрепленных жилищ второго варианта показывает, что имеется больше данных в пользу независимого их зарождения в Западной Сибири. Об этом, в частности, свидетельствуют уникальность конструкции данных домов, отсутствие крепостных жилищ на сопредельных территориях вплоть до эпохи железа, хронологический разрыв и отсутствие преемственности между оборонительными сооружениями Амни I и ранними укрепленными жилищами второго варианта.

Основными причинами изобретения фортификаций, так же как и выделения укрепленных домов из общей массы жилых и производственных построек, являлись, на наш взгляд, не экологические (природные), а чисто социально-экономические факторы. Главными из них были последствия "неолитической революции", а именно необходимость защиты населения позднепервобытной общины, ее территории и всего накопленного продукта (прежде всего произведенного устойчивого избыточного, имевшего большую потребительную и меновую ценность – зерно, скот, изделия из металлов, пушнина и т.п.) от посягательств враждебного *социального* окружения. Резко выросшая конфликтность общин, в свою очередь, была обусловлена экономическим расслоением первобытных коллективов и перенаселенностью зон экономического процветания – как за счет роста самих аборигенных обществ, так и вследствие притока сюда инородных, как правило, менее развитых племен. Одновременно следует подчеркнуть, что в отличие от юга и запада Евразии, где строителями первых фортификаций стали общины ранних земледельцев-скотоводов и коллективы со смешанной экономикой, *в Западной Сибири впервые в мировой практике оборонительные системы создали общества с присваивающими отраслями хозяйства.* Иногда называются другие, менее значимые, а порой и вообще маловероятные причины появления стен и рвов вокруг поселков земледельцев-скотоводов и высших охотников-собирателей: потребность защиты селений от диких животных, наводнений, оползней и т.п. Между тем перечисленные выше явления существовали задолго до "неолитической революции" и строительства первых укреплений, но не предопределили генезис последних. Исследования археологов и этнографов свидетельствуют, что даже общества, стоявшие в преддверии перехода к позднепервобытной общине и периодически получавшие избыточный продукт (натуфийцы, андаманцы и др.), так и не создали фортификаций[5]. Кстати сказать, для защиты от зверей, природных стихий и неблагоприятного климата человечеством изобретены иные сооружения – обычные жилища, ветровые заслоны, подпорные стенки, дамбы, каналы, террасы, загоны и т.д.

Анализ пространственно-временного распределения урало-сибирских укрепленных жилищ показывает, что первый, наиболее значительный "всплеск" их строительства пришелся на период средней бронзы, ориентировочно в пределах XVII–XIV вв. до н.э. При этом все интересующие нас объекты тяготели к глубинным районам тайги

---

[5] Что же касается стенки из каменных глыб, созданной якобы обитателями мезолитической пещеры Эль-Вад для защиты от диких животных (Массон В.М., 1966, с. 43), то принадлежность ее к эпохе среднего камня сомнительна, тем более что кочевники Востока вплоть до позднейшего времени огораживали камнями и жердями пещеры и скальные навесы, используя их в качестве загонов для скота. Кстати, первооткрыватели стены вообще придавали ей культовое значение.

(рис. 1). Данный период отмечен существенным потеплением и усыханием климата, смещением к северу границ природных зон, что предопределило освоение степными племенами части лесостепной зоны, а общинами тайги – более северных территорий (вплоть до Ямала). В степях в это время формируется развитое скотоводческое хозяйство. Происходит становление "буферной" лесостепной хозяйственно-культурной зоны с экономикой комплексного типа, постепенно распространяющейся на подзону южной тайги. В лесной зоне, в том числе на Конде и в Сургутском Приобье, появляются первые металлические орудия и оружие – бронзовые кельты, ножи, долота, наконечники копий, изготовленные на месте из привозного сырья. Это сыграло определяющую роль в социально-экономическом развитии местных обществ, в первую очередь в совершенствовании их хозяйства, домостроительства и военного дела. По-видимому, именно тогда аборигенами Западной Сибири был получен относительно устойчивый избыточный продукт, первые признаки которого появились еще в неолите–энеолите. Основой формирования его стали продукты специализированного присваивающего хозяйства, которое включало запорное и сетевое рыболовство, загонную охоту на путях движения лесных копытных с помощью длинных жердяных изгородей – "ачи" ("огородов", "засек"), а также новые способы консервирования и хранения съестных припасов в больших глиняных сосудах (Косарев М.Ф., 1984, с. 92–103; 1991, с. 60–66; Кокшаров С.Ф., 1992, с. 6–15).

Зарождение металлообработки и осложнение политической ситуации в регионе было обусловлено последствиями стремительной миграции из предгорий Алтая в Приуралье воинственных племен сейминско-турбинских металлургов-коневодов. Предполагается, что один из путей их миграции пролегал через Конду и Северный Урал (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 270–276). Неспокойная, конфликтная обстановка сложилась не только в западно-сибирской тайге, но и прежде всего в лесостепи и степи. Показатель этого – распространение здесь укрепленных поселков (Зданович Г.Б., 1988, с. 20–53, рис. 1; Стефанова Н.К., 1988). Примечательно, что один из них – памятник кротовской культуры Инберень X в Среднем Прииртышье, датируемый XVI в. до н.э., – представлял собой разновидность укрепленного жилища первого варианта: на огражденной забором (частоколом или заплотом) подпрямоугольной площадке размером 15 × 20 м располагалась двухкамерная каркасно-столбовая постройка площадью около 200 м^2 (Стефанова Н.К., 1985; 1988, с. 54–56). Несмотря на это, есть основания предполагать, что открытого противостояния Леса и Степи в эту эпоху еще не наблюдалось и пограничных "крепостей" у населения тайги пока не существовало. Широкое распространение укрепленных жилищ второго варианта в Приобье и на Конде являлось не реакцией на внешнеполитическую ситуацию, а результатом социально-экономического развития таежных коллективов. С увеличением плотности населения в лесной зоне (на это указывает возросшее количество поселений) и завершением первичного раздела наиболее богатых природными ресурсами территорий, прилегающих к Уралу, таежные общества вступают в эпоху постоянных конфронтаций с целью передела общинных и племенных земель, присвоения чужих ценностей, подрыва экономического благосостояния соседей. Одним из последствий этой ситуации стало изобретение оригинального укрепления, переделанного из обычного жилища.

Укрепленное жилище не было застывшим явлением ни с точки зрения его конструкции, ни назначения и изменялось в зависимости от уровня социально-экономического развития таежных обществ и локальных особенностей их домостроительства. Топография этих поселений, размеры построек и их помещений, остатки, обнаруженные в них (орудия труда, оружие, шлаки, сплески металла и т.д.), указывают на то, что ранние укрепленные жилища были местами постоянного обитания и жизнедеятельности небольших (от 15 до 60 человек) коллективов, состоявших из одной или нескольких больших семей, а также социально-экономическими центрами общинных территорий. Данные сооружения нельзя рассматривать только как поселения-убежища для укрытия населения общины во время войн. Размеры этих построек относительно невелики, селищ поблизости от них нет. Кроме того, трудно представить себе пустую-

щим такой стратегически важный укрепленный пункт: в этом случае он становился легкой добычей чужаков и превращался в их форпост на захваченных землях. С другой стороны, это не исключало того, что часть хозяйственной деятельности обитателей дома могла проходить за его пределами. Более того, в ходе "путин" и загонной охоты часть мужчин общины могла покидать зону поселка и ночевать во временных строениях. Такое положение сохранялось на протяжении почти всей эпохи бронзы. В дальнейшем назначение укрепленных жилищ несколько меняется.

Гамаюнские укрепления рубежа бронзового и железного веков (VIII–IV вв. до н.э.) помимо обозначенных выше функций приобрели значение фортов, позволивших пришельцам из западносибирской тайги закрепиться в Зауралье и удерживать несколько столетий свои позиции в окружении более развитых аборигенных обществ металлургов, скотоводов и охотников. Кроме того, некоторые укрепленные дома гамаюнской культуры (Катайское I, Андреевское № 5, Ближнее Багарякское) вместе с воробьевскими, гороховскими и южными иткульскими городищами вошли в общую систему пограничных укрепленных пунктов, защищавших Зауралье от кочевых савромато-сарматских племен.

С началом социального расслоения населения западно-сибирской тайги в начале эпохи железа, т.е. с кулайского времени (IV–III вв. до н.э. – III–IV вв. н.э.) малые городища и укрепленные жилища (Моховая 20, 25, Барсов Городок III/3) становятся местами проживания социальной верхушки общества – военных вождей, глав общин, родов и их больших семей[6]. Рядовое население обитало в более обширных (1000–10000 м^2) селищах, насчитывавших от 4 до 23 жилищ. При этом главными факторами, стимулировавшими накопление престижных ценностей и расслоение таежных обществ с этого времени становятся пушная охота и меновая торговля, находившиеся под контролем общинной и племенной верхушки. Открытые в Сургутском Приобье редкие могилы родо-племенной кулайской аристократии и их детей (могильники Баровские III, IV) изобилуют вещами из Прикамья, Причерноморья, Китая, местными изделиями из привозных бронзы и серебра, которые могли быть получены в обмен на единственный пользующийся высоким спросом на внешнем рынке местный товар – пушнину. В период позднего железа (средневековья) с оформлением более четкой социальной структуры аборигенного общества ("князья", "богатыри", шаманы, "многочисленные мужи всего города и деревни", дружинники, мастера-литейщики, "торговые люди", рядовое население, домашняя челядь, рабы и т.д.) (Патканов С.К., 1891; Косарев М.Ф., 1984, с. 149–154), протогосударственных и раннегосударственных образований ("княжеств") и распространением в тундре кочевого оленеводства лесные народы вступают в период постоянных межэтнических войн (ненцы – обские угры), "княжеских" усобиц, дальних и ближних грабительских набегов "богатырей". В это время практически все городища и укрепленные жилища становятся резиденциями родо-племенной и военно-феодальной аристократии, военными крепостями и убежищами для зависимого населения в дни военной опасности. Вместе с тем характер остатков, обнаруженных археологами в данных городках, включая укрепленное жилище Моховая 42 и Ендырское I городище (легендарный Эмдер остяцких былин), свидетельствует о том, что эти удельные "столицы" и военные поселения продолжали оставаться также местами производственной деятельности и культовыми центрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.

Беспрозванный Е.М., 1985. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.

Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рабеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.

[6] Примечательна в этом плане находка импортной сердоликовой бусины в укрепленном жилище Моховая 20.

Борзунов В.А., 1994. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I. Томск.

Борзунов В.А., 1995. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. Тез. докл. Екатеринбург.

Борзунов В.А., Липский В.И., 1994. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Васильев Е.А., 1987. Раскопки поселения Чес-тый-яг // АО-1985.

Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.

Джандиери М.И., 1981. Древнее башенное оборонное жилище // ВДИ. № 2.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В., 1976. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.

Кокшаров С.Ф., 1992. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург.

Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К., 1993. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.

Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.

Массон В.М., 1966. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // КСИА. № 108.

Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Вып. 21.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1994. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I, II. Томск.

Патканов С.К., 1891. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.

Спицын А., 1906. Зауральские древние городища // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1.

Стефанова Н.К., 1985. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск.

Стефанова Н.К., 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф., 1988. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. № 3.

Фортификация в древности и средневековье, 1995. СПб.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.

Энеолит СССР, 1982. М.

Яковлев Я.А., 1994. Поселения Северо-Западной Сибири по фольклорным источникам // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. Томск.

Уральский государственный университет,
Екатеринбург

V.A. BORZUNOV

SOMETHING NEW ON THE GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF THE FORTIFIED DWELLINGS IN NORTH EURASIA

Summary

The author suggests the boundaries of northernmost territory where fortified dwellings were used. In his opinion, it included forest areas of Transuralia and West Siberia. The sites which belong to it are dated to the recent five thousand and five hundred years. Two main types of the dwellings in question are represented. The first one includes any single dwelling (pit-house, half-sunk dwelling, and surface house) encircled with a ditch and defensive log-wall of paling kind. The earliest site of that type is Amnya I fortified settlement, house 1; it is dated to the late 4th millennium B.C. The second type of the dwellings

is represented by massive rectangular log-house built either of horizontal beams or vertical posts' framework, the outer walls functioning as defensive ones. The earliest dwellings of that type are ascribed to the period from the Chalcolithic to the Middle Bronze Age, i.e. the 3rd – mid 2nd millennia B.C. As a rule, fortified dwellings were constructed on capes and terrace edges, and more seldom in the inner part of the bank (14%). The whole fortified area in both types of settlements covered from 120 to 2850 sq.m (average 627 sq.m), while dwelling proper covered from 54 to 667 sq.m. (average 265 sq.m). Those fortified houses were built by the ancestors of modern peoples of Mansi, Khanty, Nenets, Selkups, and other native inhabitants of West Siberia. Among the Nenets and Selkups similar constructions of single fortified houses were recorded by the tehnologists and linguists. Some of the dwellings had two stories, their upper part contained a platform, while the walls were supplied with narrow loop-holes for shooting. During the Neolithic and Bronze Age such fortifications served as constant dwellings for not numerous groups of 15 to 60 persons entering one ore several extended families. The buildings served as producing and social centres of the communities. In the Iron Age they became residences of tribal and feudal elite of taiga-type social organizations, fortresses, producing and religious centres. For the first time in the world history the Uralian and Siberian peoples who practiced appropriative economy of hunting and fishing type created a specific kind of fortified dwellings and settlements.

В.Д. РУЗАНОВ

ЕЩЕ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ

Несмотря на многолетние исследования памятников чустской культуры, ее хронология остается спорной. Исследователями были высказаны различные гипотезы и предположения, связывавшие чустскую культуру не только с разными этапами одной эпохи, но и с разными эпохами. М.Э. Воронец датировал эту культуру концом III–II тыс. до н.э. (Воронец М.Э., 1954). Аналогичного мнения первоначально придерживался В.И. Спришевский, который затем пересмотрел дату поселения Чуст и отнес его к середине – концу II тыс. до н.э. (Спришевский В.И., 1957, с. 49; 1958, с. 98). Дальнейшие раскопки памятников дали новые материалы для передатировки в сторону омоложения чустской культуры. Теперь по керамическим и металлическим комплексам с поселения Дальверзин Ю.А. Заднепровский датирует этот памятник и всю чустскую культуру концом II – первой третью I тыс. до д.н. (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 70). Впоследствии эту дату пересматривает А.И. Тереножкин, указавший на морфологическое сходство псалиев из южных (Сиалк VI), западных (Мингечаур) и северных (скифских) памятников с литейной формой с Дальверзина, что дает ему основание датировать чустскую культуру VIII–VII вв. до н.э. (Тереножкин А.И., 1971, с. 70). Приведенные выше точки зрения о хронологической принадлежности материалов чустской культуры привели к разногласиям при определении места этой культуры в периодизации эпохи раннего металла, принятой для комплексов Средней Азии. В разных работах материалы чустской культуры мы встречаем либо в разделах эпохи поздней бронзы (Средняя Азия..., 1996, с. 195–207; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 93), либо – эпохи раннего железа (Заднепровский Ю.А., 1978, с. 32). Столь двоякая хронологическая позиция чустской культуры вызвана близостью ее материалов, с одной стороны, с памятниками степных племен эпохи поздней бронзы, с другой – с комплексами памятников раннего железного века Средней Азии и более южных территорий (Иран). В связи с этим, с целью привязки хронологической шкалы ферганских памятников к шкале, принятой для земледельческих культур юга Средней Азии, Ю.А. Заднепровский предложил компромиссный вариант, согласно которому "памятники чустской культуры по местной периодизации относятся к периоду поздней бронзы и синхронны памятникам раннежелезного века южных областей Средней Азии" (Заднепровская Т.Н., Заднепровский Ю.А., 1984, с. 99).

Для установления хронологии памятников и культур эпохи раннего металла важную роль играют металлические изделия. Практически во всех работах, посвященных материальной культуре племен или специально металлу Средней Азии эпохи бронзы, хронологические проблемы, как правило, решаются традиционными методами – типологическим, стратиграфическим и сравнительным. В отличие от этих исследований в предлагаемой статье, кроме данных вышеуказанных определений, были привлечены результаты спектрального анализа и статистической обработки материалов. Такой подход к решению проблемы успешно используется при изучении древней металлургии Евразии (Черных Е.Н., 1970; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989).

Результаты подсчетов критериев типологического и химического сходства между металлическими коллекциями памятников чустской культуры и комплексами некоторых культур Узбекистана и Таджикистана приведены в табл. 1. Главное внимание мы

© В.Д. Рузанов, 1999 г.

Таблица 1

Степень типологической и химической близости между металлом памятников чустской культуры и некоторых памятников, а также комплексов культур Средней Азии эпохи поздней бронзы

Памятник	Критерии	
	типологический	химический
П. Дальверзин	–	–
П. Чуст	0,64/–	0,07/–
К. Кузали	0,21/0,13	0,42/0,1
К. Молали	0,3/0,22	0,65/0,07
К. Бустан	0,31/0,25	0,45/0,11
М. Тандыр-йул	0,16/0,07	0,84/0,06
М. Чакка	0,1/–	0,5/0,06
М. Муминабад	0,12/–	0,4/0,14
М. Дашти-Кози	0,14/–	0,76/0,1
Бургулюкская культура	0,21/0,37	0,84/0,09
Кайраккумская культура	0,22/0,12	0,14/0,52
К. Кучуктепа II	0,24/0,24	0,04/0,63

Примечание. П – поселение, К – комплекс, М – могильник. Значение критерия варьирует от 0 до 1. Числитель – Дальверзин, знаменатель – Чуст.

уделили высоким показателям, поэтому наша таблица представлена в сокращенном виде[1].

Вначале проведем анализ результатов подсчетов критериев сходства металла памятников чустской культуры. Такие расчеты сделаны лишь для Дальверзина и Чуста, поскольку металлические коллекции только этих памятников изучены как в типологическом, так и в химическом отношении.

По типологическому показателю комплексы с Дальверзина и Чуста весьма близки друг к другу (при максимальном значении 1 степень их сходства равна 0,64). Этого результата следовало ожидать в связи с культурной близостью памятников. Высокая степень типологического сходства также подтверждает вывод о принадлежности Дальверзина и Чуста к одной и той же культуре.

Совершенно иная ситуация складывается при анализе связи между Дальверзином и Чустом по химическому показателю. Степень химической близости металла оказалась очень низкой (0,07). В чем причина столь незначительного химического сходства материалов? Наблюдения за взаимоотношением металлических коллекций с памятников Средней Азии выявили несколько факторов, вносящих коррективы в оценку значимости химического, а также типологического критериев близости. Среди них основными являются – этнокультурный, хронологический и географический факторы. Поскольку Чуст и Дальверзин относятся к одной и той же культуре, то, очевидно, этнокультурный фактор следует исключить из этого списка. Вряд ли столь сильно могла отразиться на химическом различии территориальная удаленность (всего 140 км по прямой) между памятниками. Кстати, при дистанции в 300–500 км между относительно близкими по времени другими памятниками показатели химического сходства металла не падают до столь низкого значения, выявленного для пары Дальверзин – Чуст.

[1] В данной таблице мы не приводим сведения о распределении типов изделий по коллекциям памятников и культур Средней Азии эпохи поздней бронзы. Они будут опубликованы позже в обобщающей работе, посвященной древней металлургии Средней Азии. Описание химических и металлургических групп металла чустской культуры и других памятников эпохи поздней бронзы, а также распределение образцов этих групп по коллекциям уже нашло отражение в ряде наших работ (Рузанов В.Д., 1980; 1982; 1990; 1994). Подсчеты критериев типологической и химической близости металлических коллекций проводились по формуле, предложенной Е.Н. Черных (1970, с. 75).

Следовательно, причина химического различия между чустским и дальверзинским комплексами кроется в хронологии – в разнице во времени между памятниками. Только этим объяснением можно аргументировать столь низкую степень химического сходства металла, а значит и слабые металлургические связи между Дальверзином и Чустом.

В хронологических исследованиях результаты критерия типологической близости металла Дальверзина и Чуста с металлическими коллекциями других памятников оказались малоэффективными. Как видно из проводимых в табл. 1 данных, во-первых, эта связь низка, во-вторых, чаще всего значения критерия оказываются сходными или незначительно отличаются друг от друга. Все это не позволяет провести группировку памятников по типологическим показателям.

Иная картина рисуется при анализе данных степени сходства коллекций по химическим показателям (табл. 1). По ним выделяются две группы памятников, между которыми наблюдаются значительные различия. Первая группа представителей культур крашеной керамики (поселения Дальверзин и Бургулюк), земледельческого типа Намазга VI – Сапалли (комплексы Кузали, Молали и Бустан сапаллинской культуры, могильник Тандыр-йул)[2] и степных племен (могильники Дашти-Кози, Муминабад и Чакка). Коллекции бронз из этих памятников оказались сходными в химическом плане с дальверзинским металлом. Особенно значительная близость проявляется в парах Дальверзин – Тандыр-йул (0,84), Дальверзин – Бургулюк (0,84), Дальверзин – Дашти-Кози (0,76) и Дальверзин – комплекс Молали (0,65). Такое положение можно объяснить тем, что все эти памятники поддерживали прямые или косвенные связи с одними и теми же центрами производства металла, поставлявшими медь и бронзу их литейщикам. Картографический анализ распространения образцов химико-металлургических групп указывает на существование двух таких центров, поиски которых следует вести в фергано-ташкентском регионе в Северо-Восточном Узбекистане и в верхнем бассейне Зеравшана в Центральном Таджикистане. Кстати, именно в этих горнорудных районах известны полиметаллические месторождения со следами древних разработок, геохимия руд которых сходна с химической характеристикой металла многих изделий рассматриваемых коллекций (Рузанов В.Д., 1980, с. 61–63; Литвиненко К.И. и др., 1994, с. 64–67). Вышеуказанные центры обменивались сырьем и, очевидно, продукцией, а также экспортировали медь и бронзы в другие районы Узбекистана и Таджикистана, способствуя тем самым активизации связей северных памятников с южными в восточной части Средней Азии.

Итак, мы наметили круг памятников, чей металл химически близок дальверзинским бронзам. Установили исходные районы производства металла, связавшие эти памятники в единую группу. Теперь выясним характер взаимоотношений между памятниками и центрами производства металла. Возможны два варианта объяснения связи между ними: либо представители каждой из трех культур попеременно производили металл, выплавленный из руды месторождений вышеупомянутых горнорудных районов, либо только одна культура занималась производством сырья и его экспортом населению различных культурных общностей. При этом, как в первом, так и во втором случае, не исключается вероятность участия культур в разработке рудников. Решение данного вопроса имеет важное и принципиальное значение, поскольку обоснование того или иного варианта может привести к совершенно противоположным выводам в наших хронологических изысканиях. Так, заимствование источников сырья одной культурой у другой можно объяснить их асинхронностью. Монополизация же источников металла одной культурой и появление химически сходного этому металлу сырья в памятниках разных культур указывает на наличие связей между населением, а значит на синхронность или сосуществование этих памятников на каком-то отрезке времени.

---

[2] Химический сходный металл также выявлен в коллекции поселения Кангурттут в Южном Таджикистане. Комплекс проанализированных предметов немногочислен, поэтому расчеты критерия сходства не проводились.

Общепринятая исследователями хронологическая шкала памятников Средней Азии эпохи бронзы делает правдоподобным первый вариант решения. Хронологический приоритет основной массы земледельческих памятников типа Намазга над культурами степной бронзы, а последних над памятниками культур крашеной керамики как будто уже предопределяет очередность владения ими источниками сырья. К этому добавим, что в Фергане известны комплексы всех трех культур, в Ташкентской области – металл андроновской культурно-исторической общности и культуры крашеной керамики, а в Центральном Таджикистане встречены земледельческие памятники типа Намазга и материалы той же андроновской культурно-исторической общности. Однако данная гипотеза не подтверждается результатами химического исследования металла. Анализы указывают на иные местные или зарубежные источники сырья, из которого были сделаны изделия других коллекций, найденные там же в фергано-ташкентском регионе (вещи Чимбайлыкского и Хакского кладов, комплекс кайраккумской культуры, инвентарь из погребения Искандер и другие находки) и Центральном Таджикистане (металл культуры Саразм), но не вошедшие в условно названную нами дальверзинскую группу памятников. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что все эти комплексы в химическом плане не имеют точек соприкосновения с дальверзинской коллекцией изделий. Они прослеживаются, например, в материалах кайраккумской и саразмской (!) культур. Однако сходство между Дальверзином и этими памятниками незначительно и обусловлено появлением в их комплексах однородного по химическому составу импортного металла, связанного с производствами других металлургических очагов.

Таким образом, возможный список производственных центров со сходной металлообработкой в восточной части Средней Азии сократился до минимума. К их числу, на наш взгляд, относятся: в Фергане – дальверзинские племена чустской культуры, в Ташкентской области – племена культуры Бургулюк и в Центральном Таджикистане – население, оставившее могильник Дашти-Кози. Очевидно, появление дальверзинского (и сходного по химическому составу бургулюкского) металла в других культурах скорее всего обусловлено наличием связей между ними. Этот вывод подтверждают находки из Дальверзина, изготовленные из комплексных сплавов типа медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковистых, столь характерных для производства у племен, оставивших могильник Дашти-Кози. Такое положение позволяет синхронизировать комплекс Дальверзина с материалами памятников, включающих металл, химически сходный с дальверзинскими бронзами. При этом важно подчеркнуть, что большинство изделий коллекции с Дальверзина химически близки металлу памятников второй половины II тыс. до н.э.

Ко второй группе памятников относятся коллекции кайраккумской и кучукской (комплекс Кучук II) культур[3]. Их металл оказался весьма близким по химическим показателям к металлу другого памятника чустской культуры – поселения Чуст (табл. 1). В то же время химическое сходство этих комплексов с металлом Дальверзина очень незначительно. Столь же низкая связь проявляется при сравнении химических показателей коллекции Чуста с упомянутыми ранее памятниками и комплексами культур дальверзинской группы. Данное различие металла Чуста означает либо использование чустскими металлургами иных источников сырья, либо указывает на их связь с другими центрами производства металла, которые были неизвестны Дальверзину.

Локализация источника металла, объединявшего металлические коллекции чустской группы, остается для нас пока неизвестной. Можно лишь предполагать, что он находился либо в Фергане, либо в Ташкентской обл. Пока же отметим следующее: металл этого источника встречается в более ранних комплексах фергано-ташкентских степных племен; значительно чаще такие сплавы использовались в первой половине I тыс. до н.э.; более половины образцов этой группы металла выявлено в коллекции поселения Чуст. Поэтому вполне вероятно, что металлурги с поселения Чуст заимст-

[3] В этот список памятников следует включить погребение у селения Искандер в Ташкентской обл. Серия изделий данного комплекса составляет химическую группу подобную чустской. Однако расчеты химической близости металла не проводились из-за ее малой представительности.

вовали данный источник сырья у степных племен, что в свою очередь позволяет отнести материалы Чуста к более позднему хронологическому горизонту. Очевидно, поэтому химическое сходство металла с поселения Чуст выявляется преимущественно в комплексах памятников первой половины I тыс. до н.э.

Итак, приведенные нами данные указывают на химическое своеобразие металла Дальверзина и Чуста. Выявленные значительные различия в химическом плане между ними следует связывать с хронологией памятников. Проведенный сравнительный анализ материалов на уровне химических групп дает возможность отнести поселение Чуст к более позднему времени, чем Дальверзин.

Относительная хронология памятников чустской культуры остается неразработанной. Правда, Ю.А. Заднепровский указал на возможную разницу в возрасте памятников оседлых земледельцев Ферганы, однако поселения Дальверзин и Чуст он отнес к одному и тому же хронологическому горизонту (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 17). Остается для нас неясной внутренняя периодизация чустских памятников. К сожалению, полные сведения о стратиграфии и планиграфии металлических находок в публикациях отсутствуют. Факты стратиграфического характера, выявленные при изучении Дальверзина и Чуста, истолковываются исследователями по-разному. Так, Ю.А. Заднепровский ставит под сомнение правомерность результатов стратиграфических наблюдений В.И. Спришевского на поселение Чуст (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 42). Не ясна и схема периодизации поселения Дальверзин, предложенная Ю.А. Заднепровским: в развитии этого памятника исследователь выделяет то два, то три периода (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 17, 19). К тому же добавим, что неопубликованные материалы по стратиграфии чустских памятников остаются для нас трудно доступными. Учитывая все это, во избежание спорных моментов и ошибок, для решения вопросов хронологии памятников чустской культуры будут использованы лишь данные, полученные при наблюдении за внутренней и внешней взаимовстречаемостью типов изделий инвентаря и образцов химических групп, выделенных в металле чустских племен.

Исследователи (Заднепровский Ю.А., 1978, с. 28; Матбабаев Б., 1985) неоднократно указывали на различие между комплексами Дальверзина и Чуста, связывая отличия с локальными вариантами чустской культуры. Правда, своеобразие этих памятников было показано главным образом на керамическом материале. При изучении же металлических коллекций главное внимание исследователи (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 93) сосредоточили на изделиях сходных форм, не отмечая при этом типологического своеобразия. Все это привело к морфологической нивелировке металлических материалов Дальверзина и Чуста.

Сравнительный анализ категорий и типов изделий с Дальверзина и Чуста выявил не только сходство, но и значительные отличия инвентаря. Так, дальверзинский комплекс богаче категориями изделий, чем коллекция с поселения Чуст. Кроме наконечников стрел, ножей, серпов, подвесок, зеркал и удил, характерных также для Чуста, в него входят новые категории изделий: тесло, долота, булавки, браслет и бляшки. В металлическом инвентаре Дальверзина выделено 19 типов изделий, а в Чусте – всего 11. Нельзя не отметить также разницу в наборе типов изделий. Оказывается у племен чустской культуры в период существования Чуста выходят из обихода 11 типов орудий, оружия и украшений, которые были известны на Дальверзине. В то же время появляются 3 новых типа из числа орудий труда. Сходство дальверзинской и чустской коллекции прослеживается лишь по 8 типам предметов. Всего же в инвентаре памятников выделено 22 типа изделий (без учета шильев, пробойников, игл и фрагментов типологически неопределенных изделий, морфологическая невыразительность которых не позволяет делать конкретных выводов по вопросам хронологии, связей и генезиса).

Уже эти первые наблюдения за взаимовстречаемостью типов изделий в инвентаре Дальверзина и Чуста позволяют нам выделить три группы. К первой из них относятся типы изделий, характерные только для Чуста. Вторая включает типы, встречающие-

ся в комплексах Чуста и Дальверзина. И, наконец, третья группа объединяет типы изделий, известные лишь на Дальверзине. С учетом ранее установленной относительной разницы во времени между Чустом и Дальверзином становится ясно, что между этими группами, по крайней мере, между первой и третьей, также существует хронологическая разница. При этом первая (чустская) группа должна объединять поздние типы изделий, а третья (дальверзинская) – ранние. Думается, что типы именно этих групп могут служить реперами для установления абсолютных дат памятников. Конечно, при этом следует привлекать изделия второй группы. Однако ее типы могут и не дать точных дат в связи с относительно широким хронологическим диапазоном их бытования.

Проведем сопоставления материалов чустской культуры. Данные об аналогиях типам металлического инвентаря Чуста и Дальверзина сведены в табл. 2. Как мы видим, география аналогов обширна. Аналогии и параллели инвентарю чустских племен находятся в Узбекистане, Таджикистане, Южной Туркмении, Киргизии и Казахстане. Кроме того, отдельные типологические соответствия известны в Иране, Афганистане и Северном Причерноморье. Большая часть аналогий изделиям дальверзинского и чустского комплексов представлена в степных бронзах Северной Киргизии и культурах "валиковой" керамики Казахстана: их инвентарь сопоставляется соответственно по 10 и 8 типам изделий. Далее следует целая группа разных по своему материальному облику археологических культур. В нее входят кучукская, бургулюкская, амирабадская, кайраккумская, бешкентская, алакульская культуры, могильник Тандяр-йул и поселение Кангурттут, а также комплексы Кузали, Молали и Бустан культуры Сапалли. В отличие от предыдущих памятников сходство их инвентаря не столь значительно и определяется 3–5 типами. Третья группа представлена культурами типа Яз-депе I, Анау IVA и архаического Дахистана, поселением Тоголок II и усадьбой Кызылча 6, могильниками Чакка, Дашти-Кози и Муминабад, памятниками вахшской, тазабагъябской и федоровской культур. В инвентаре этой группы совпадение с чустско-дальверзинскими бронзами ограничивается 1–2 типами.

Обращает на себя внимание парадоксальный характер взаимоотношений комплексов некоторых памятников последней группы с металлом Дальверзина. Это касается могильников Дашти-Кози, Муминабад и Чакка. Так, при химическом сходстве изделий этих памятников с дальверзинским металлом устанавливаются значительные морфологические отличия между ними. На наш взгляд, причина коренится не только в этнокультурной разнице, но и в неравноценной изученности памятников и особенностях погребального обряда. Весь металл чустской культуры был найден на поселениях. В 34 погребениях, обнаруженных на Дальверзине, найден лишь один фрагмент бронзового изделия. В коллекции чустских племен категории орудий труда и оружия в количественном отношении превосходят украшения (соответственно 88,6 и 11,4%). Совершенно иную картину мы наблюдаем в металле могильников среднего и верхнего бассейна Зеравшана. Погребальный инвентарь Муминабада и Чакки не содержит орудий труда и оружия, и представлен только украшениями. В Дашти-Кози был найден лишь рыболовный крюк, остальные изделия – украшения. Думается, что открытие новых памятников в восточной части Средней Азии еще внесет коррективы в известные ныне типологические взаимоотношения металлических коллекций бассейна р. Зеравшан и Ферганы.

При установлении абсолютной хронологии Чуста и верхней даты чустской культуры вначале обратим внимание на изделия первой (поздней) группы типов изделий, встреченных на поселении Чуст. Группа малочисленная и представлена орудиями труда (табл. 2; рис. 1). Из них однолезвийный нож с выделенным черенком и выступом (рис. 1, *1*), и рыболовный крюк с щитком для крепления (рис. 1, *3*) не находят аналогий в инвентаре культур Средней Азии и Казахстана. Правда, рыболовный крюк сходной формы известен в Северном Причерноморье (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXII, 14). Однако эта находка не связана с комплексом и вряд ли может быть привлечена для определения точной даты. Поэтому в данной группе типов важным датирующим

Таблица 2

Распределение типов металлического инвентаря Дальверзина и Чуста по памятникам и культурам Средней Азии и Казахстана

Комплекс, памятник, культура	Группа типов																
	I			II										III			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	12	13	15	16	17	20	21
У. Кызылча 6		+						+									
к.к. Кучук I, II					+	+							+				
К. Яз-депе I													+				+
Культура архаического Дахистана				+									+				
п. Анау (южный холм)					+												+
Амирабадская культура					+			+									
К. Северокиргизский	+				+	+	+	+	+	+	+	+		+			+
Культуры "валиковой" керамики					+	+		+			+	+			+	+	+
Бургулюкская культура					+	+		+									+
Кайраккумская культура					+						+	+				+	+
Бешкентская культура										+				+	+		
П. Тоголок II				+	+												
Вахшская культура										+					+		
К.м. Тандыр-йул и п. Кангуртут										+					+		+
М. Муминабад																+	
М. Дашти-Кози																+	
Федоровская культура																+	
К. Бустан						+	+			+					+		
К. Молали						+	+			+					+		
К. Кузали						+				+					+	+	
М. Чакка																+	
Тазабагъябская культура											+					+	
Алакульская культура			+		+									+		+	

Примечание. К – комплекс, М – могильник, П – поселение, У – усадьба. Номера типов инвентаря соответствуют номерам на рис. 1. Типы 11, 14, 18, 19 из-за отсутствия материала в таблице не представлены.

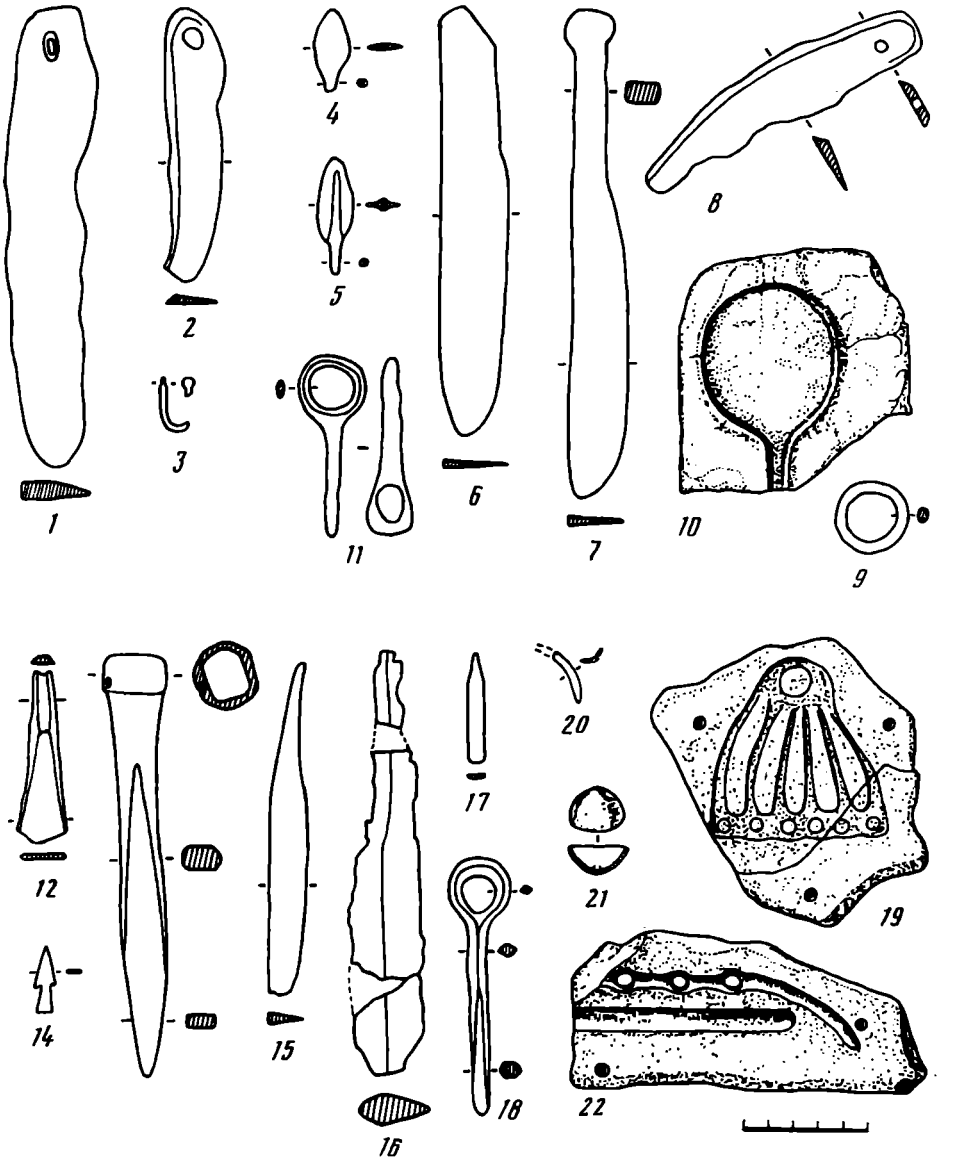


Рис. 1. Типы металлического инвентаря чустской культуры Ферганы: *1–3* – чустская группа типов; *4–11* – чустско-дальневерзинская группа типов; *12–22* – дальневерзинская группа типов. Изделия *1, 10, 14, 16, 17, 19, 22* публикуются по Е.Е. Кузьминой (1966, табл. VI, *32, 35; VII, 6; IX, 25; XIII, 8; XV, 30, 40*); *12, 20* – публикуются впервые

материалом является лишь однолезвийный нож-бритва с выделенным черенком и уступом-выступом при переходе от черенка к лезвию (рис. 1, *2*). Близкие по форме ножи встречаются в амирабадской и бургулюкской культурах. Амирабадский образец был обнаружен на поселении Якке-Парсан 2, которое датируется X–VIII или IX–VIII вв. до н.э. (Толстов С.П., 1962, с. 71; Итина М.А., 1963, с. 128; 1977, с. 160, 161). Вместе с тем Н.А. Аванесова удревняет дату яккепарсанского комплекса, датируя его XII–IX вв. до н.э. (Аванесова Н.А., 1975, с. 41, 56). Х. Дуке синхронизирует металлические материалы бургулюкской культуры с амирабадскими находками и датирует бургулюкские изделия X–VIII или IX–VII вв. до н.э. (Дуке Х., 1982, с. 63). На наш взгляд, хронологию культуры Бургулюк следует пересмотреть. К этой мысли приводят новые данные химических анализов, которые по иному характеризуют взаимосвязи между бургулюкскими племенами и известными ныне памятниками эпохи поздней бронзы. Мы не будем подробно рассматривать вопрос хронологии бургулюкской культуры, поскольку он выходит за рамки настоящей работы. Пока же укажем,

что нижняя ее дата может быть предварительно отнесена к XII–XII вв. до н.э. Итак, ориентируясь на хронологию восточных материалов, чустский нож-бритву можно датировать в весьма широких пределах: последние столетия II – первая треть I тыс. до н.э. При этом нижняя дата проявляется не столь отчетливо, как верхняя (VII в. до н.э.), и может быть отнесена к XIII–X в. до н.э. или даже IX в. до н.э.

Аналогии формам изделий второй (чустско-дальверзинской) группы типов мы встречаем в инвентаре многих памятников и культур. Большая их часть представлена в материалах Северной Киргизии и Южного Узбекистана. Среди кладов Северной Киргизии находят типологические соответствия черешковые наконечники стрел с ребром по листовидному перу (рис. 1, *5*), однолезвийные ножи с "монетовидным" навершием на рукояти (рис. 1, *7*), слабоизогнутые серпы без выделенного черенка с отверстием для крепления (рис. 1, *8*), проволочные кольцевидные подвески (рис. 1, *9*) и цельнолитные зеркала с боковой ручкой (рис. 1, *10*). Исследователи датируют северокиргизские комплексы XII–IX/VIII вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 96; Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980, с. 140–153).

Тем же самые формы находят аналогии в материалах культур Южного Узбекистана. Некоторые изделия этой серии известны в сапаллинской культуре, хронология которой детально разработана исследователями бронзового века юга Узбекистана (Аскаров А., 1977, с. 90–105; Абдуллаев Б.Н., 1980, с. 14–17; Рахманов У., 1987, с. 14–16; Ионесов В.И., 1990а с. 9, 10; Ширинов Т., 1993, с. 26). В частности цельнолитые зеркала с боковой ручкой (рис. 1, *10*) известны в кузалинском периоде (середина XIV – первая четверть XII вв. до н.э.). К этому же времени относится однолезвийный нож с выделенным черенком и выступом с прямыми, параллельными друг к другу, лезвием и спинкой (рис. 1, *6*). В следующем молалинском периоде (XII – середина XI в. до н.э.) появляются однолезвийные ножи с "монетовидным" навершием (рис. 1; *7*), а во время бустанского периода (середина XI – середина X в. до н.э. или середина XI–X в. до н.э.) – слабоизогнутые серпы с отверстием для крепления[4]. Аналогичные серпы и ножи встречаются также в комплексе Кучук II кучукской культуры, который датируется серединой VIII–VII вв. до н.э. (Аскаров А., Альбаум Л.И., 1979, с. 67). Такой же серп встречен в слоях VII–VI вв. до н.э. в усадьбе Казылча 6 (Сагдуллаев А.С., 1987, с. 36). Изделия сходных форм были найдены среди материалов бешкентской и вахшской культур, а также могильника Тандыр-йул, которые относятся к последней трети II тыс. до н.э. (Мандельштам А.М., 1968, с. 92, 93; Пьянкова Л.Т., 1989, с. 100; Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983, с. 61). К концу II – началу I тыс. до н.э. исследователи относят поселения Тоголок II, Анау (южный холм) и культуру архаического Дахистана (Сарианиди В.И., 1986, с. 84; Массон В.М., 1959, с. 96; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 31, 32), где были найдены черешковые наконечники стрел с ребром и без него по листовидному перу (рис. 1, *4, 5*).

В северных областях Сердней Азии, кроме названных амирабадского и бургулюкского комплексов, типологическая связь устанавливается с коллекцией кайраккумской культуры, изделия которой датируются серединой II – серединой I тыс. до н.э. (Литвинский Б.А. и др., 1962, с. 231). Далее на север однолезвийные ножи (рис. 1, *6*) и серпы (рис. 1, *8*) из Чуста и Дальверзина находят сходство среди орудий труда в культурах "валиковой" керамики (XII–IX вв. до н.э.), а наконечники стрел (рис. 1, *4*, *5*) – в комплексах алакульской культуры (XV–XIV вв. до н.э.) (Аванесова Н.А., 1991а, с. 94, рис. 40). По иранским и европейским аналогиям исследователи датируют двухчленные удила с однокольчатыми концами (рис. 1, *11*) первой четвертью I тыс. до н.э. или концом IX–VII вв. до н.э. (Литвинский Б.А. и др., 1962, с. 230; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 60; Заднепровский Ю.А., 1978, с. 32).

На основании северных и южных линий типологических параллелей металлический

---

[4] Серп был обнаружен на поселении Джаркутан в слое с расписной керамикой, которую А. Аскаров ориентировочно датирует XI–X вв. до н.э. (Аскаров А., 1976, с. 18).

комплекс из Чуста можно датировать в пределе XIII–VII вв. до н.э. – IX–VII вв. до н.э. На наш взгляд, наиболее верной датой является поздняя – IX–VII вв. до н.э. В какой-то степени предположение о более позднем времени нижнего рубежа чустского комплекса (не ранее IX в. до н.э.) подтверждают находки двухчленных удил, которые появляются на широкой территории не ранее IX в. до н.э. Однако больше оснований для подтверждения этой даты мы находим при сопоставлении данных химических анализов. Ранее уже было отмечено химическое различие продукции металлургических производств Чуста и Дальверзина, которое мы связываем с хронологической разницей памятников. В противном случае очень трудно объяснить отсутствие металла, характерного для Дальверзина, в коллекции Чуста и наоборот. Ссылаться на изоляцию между Чустом и Дальверзином мы не можем, поскольку имеются свидетельства типологической и химической связи их материалов. Правда, последние проявляются не столь ярко, как морфологические, но они есть. В то же время металл чустского и дальверзинского происхождения фиксируется за 200–800 км от ферганских памятников в культурах разного времени и порой с совершенно другими материальными характеристиками. При этом экспорт ферганского металла в другие культуры был значительным. Так, около 70% изделий проанализированного комплекса Кучук II кучукской культуры изготовлены из металла, характерного для Чуста. Это говорит о тесных металлургических связях между ними, а значит и о синхронности чустского комплекса с комплексом Кучук II, который датируется второй половиной VIII–VII вв. до н.э. (Аскаров А., Альбаум Л.И., 1979, с. 67).

Химические аналогии металлу с поселения Чуст фиксируются в материале кайраккумской культуры. Правда, там они установлены в комплексах раннего (вторая половина II – начало I тыс. до н.э.) и позднего (конец первой – вторая четверть I тыс. до н.э.) периодов, выделенных Б.А. Литвинским (Литвинский Б.А. и др., 1962, с. 258). Из такого же металла сделаны желобчатые браслеты с литыми рожками из погребения у с.Искандер, датированного серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 71) или XIII в. до н.э. (Аванесова Н.А., 1991а, с. 69). Однако более ранний возраст этих находок не противоречит выводу о синхронности чустского и кучукского комплексов, поскольку металлурги Чуста скорее всего заимствовали у фергано-ташкентских степных племен рудный источник и продолжали его разработку и производство металла с таким химическим составом вплоть до VII в. до н.э. включительно.

Как мы и полагали, большинство форм третьей (дальеврзинской) группы типов изделий являются ранними. В их числе – топор-тесло с уступом (рис. 1, *12*), втульчатые долота с прямым лезвием (рис. 1, *13*), желобчатый браслет (рис. 1, *20*), двулезвийный нож с ребром по листовидному клинку (рис. 1, *16*) и двулезвийный нож-кинжал с параллельными лезвиями и плоским в сечении клинком (рис. 1, *17*). Последняя находка, представляющая собой миниатюрную копию ножей-кинжалов указанного типа, скорее всего, является импортом из юго-восточных областей Средней Азии[5]. Миниатюрные копии изделий разных категорий – втульчатых долот, топоров-тешей, плоских тесел, ножей и кинжалов, зеркал и сосудов, именуемые в археологической литературе вотивными, являются характерной особенностью металлического погребального инвентаря сапаллинской культуры Южного Узбекистана (Аскаров А., Абдуллаев Б.Н., 1983, Ионесов В.И., 1990б, с. 9, рис. 1; Аванесова Н.А., 1991б, с. 76, рис. 3, *4–10*). Дальверзинская находка вотивного ножа-кинжала, очевидно, являвшаяся также элементом погребальной атрибутики у дальверзинских племен, позволяет синхронизировать дальверзинский комплекс с периодом Кузали сапаллинской культуры и удревнить нижнюю дату поселения Дальверзин до середины XIV в. до н.э. В целом все вышеуказанные формы относятся ко времени не позднее IX в. до н.э. и основные их аналогии укладываются в пределы XIII–IX в. до н.э. Раннюю дату подтверждают параллели

[5] Находка была опубликована Е.Е. Кузьминой, которая ошибочно отнесла ее к одному из подтипов плоских черешковых наконечников стрел (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 31, табл. VI, *35*).

булавке с кольцевидной головкой (рис. 1, *18*) из Дальверзина, известные в материалах ингуло-красномаяцкого очага, функционировавшего в XIII–XII вв. до н.э. на территории Украины (Черных Е.Н., 1976, с. 153, 154, табл. X, *26*).

Остальные формы третьей группы, скорее всего, характеризуют позднюю фазу развития металлообработки Дальверзина. В частности это двухперый черешковый наконечник стрелы с плоским в сечении треугольным пером и жальцами (рис. 1, *14*), имеющий параллели среди наконечников стрел периода Тилля-2 поселения Тилля-тепе, ориентировочно датируемого 1000–600 гг. до н.э. (Сарианиди В.И., 1972, с. 24, рис. 21, *4*). В памятниках XII–VII вв. до н.э. Средней Азии и Казахстана встречаются однолезвийные ножи с выделенным черенком и "горбатой" спинкой (рис. 1, *15*) и выпуклые, литые бляшки-пуговицы с ушком для привязывания (рис. 1, *21*) (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 47, табл. X, *25*; Массон В.М., 1959, с. 38, табл. XXXIII, *11*; Аванесова Н.А., 1991а, с. 69, рис. 49). Концом IX–VII вв. до н.э. датируются дугообразные псалии с конической головкой и отверстиями, отливавшиеся в литейной форме (рис. 1, *22*), найденной на поселении Дальверзин (Заднепровский Ю.А., 1978, с. 32; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 60). Исключение составляют литейные формы для отливки колокольчиковидных пластинчатых подвесок с отверстием (рис. 1, *19*), хронологическая позиция которых в периодизации Дальверзина остается неясной в связи с отсутствием сведений о стратиграфии этих находок и своеобразием их форм, не находящих аналогий в памятниках других культур.

Исходя из приведенных материалов верхней хронологической границей дальверзинского комплекса может быть конец IX – первая половина VIII в. до н.э. Не противоречат этой дате и материалы, полученные при спектральном исследовании металла. Они показывают, что металлургические связи дальверзинцев и чустцев были незначительными. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу кратковременного сосуществования металлургических производств Дальверзина и Чуста. Поэтому принять широкую хронологию (XIII–VII вв. до н.э.) сосуществования памятников, установленную типологическими соответствиями, мы не можем. Скорее всего этот отрезок времени был очень кратковременным и не выходил за пределы одного или половины столетия.

Наше заключение о середине XIV в. до н.э. как нижней дате дальверзинской коллекции подтверждается химическими аналогиями и в памятниках земледельческих и степных племен. На юге Узбекистана в закрытых комплексах кузалинского периода появляются изделия, изготовленные из дальверзинского металла. Сходный металл также содержит закрытый комплекс из могильника Чакка (Рузанов В.Д., 1990), датируемый XIV в. до н.э. (Аванесова Н.А., 1991а, с. 69). Металл такого же химического состава обнаружен в комплексах молалинского периода сапаллинской культуры и синхронных материалах, представленных вотивными изделиями, из могильника Тандыр-йул в Южном Таджикистане (Виноградова Н.М., 1980, с. 70, рис. 4; Аскаров А., Рузанов В.Д., 1990). Примерно к этому же времени (XIII–XI вв. до н.э.) относится могильник Дашти-Кози (Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989, с. 164), где нами установлен импорт дальверзинской меди. В свою очередь в коллекции из Дальверзина мы встречаем комплексные медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковистые сплавы, типичные для даштикозинской металлообработки (Рузанов В.Д., 1994, с. 84). На юге Узбекистана сапаллинские мастера продолжают использовать дальверзинский металл в бустанском периоде.

В качестве подтверждения предложенной нами абсолютной хронологии чустского и дальверзинского металлических комплексов следует также привести определения радиоуглеродных дат образцов с поселений Чуст и Дальверзин. Так, один анализ с поселения Чуст определил его возраст 2640 ± 50 (690 ± 50 гг. до н.э.), а два анализа из Дальверзина дали даты 3050 ± 120 (1100 ± 120 гг. до н.э.) и 2720 ± 120 (770 ± 120 гг. до н.э.) (Заднепровский Ю.А., 1978, с. 33).

Наблюдения за внутренним и внешним соотношением химических и типологических

показателей металлических коллекций Дальверзина и Чуста, импортом металла и готовой продукции, хронологией сопоставляемых комплексов эпохи бронзы позволяют датировать металлический комплекс чустской культуры серединой XIV–VII вв. до н.э. Типологические и химико-металлургические изменения, в развитии металлообработки у чустских племен, дают основание выделить два этапа.

I – ранний (дальверзинский) этап – середина XIV – конец IX – первая половина VIII вв. до н.э. – синхронизируется на юге с комплексами Кузали, Молали и Бустан сапаллинской культуры, бешкентской и вахшской культур, с материалами могильника Тандыр-йул и поселения Кангурттут, на севере – с комплексами поздней фазы алакульской культуры, федоровскими памятниками, культурами "валиковой" керамики и северокиргизскими комплексами эпохи поздней бронзы, материалами культуры Бургулюк и комплексами раннего периода кайраккумской культуры. Этап характеризуется наличием собственного металлургического производства, базирующегося на источнике металла фергано-ташкентского происхождения; использованием импортного сырья и готовой продукции из металлургических центров степных племен; заметным сходством производства с металлургической традицией оседлоземледельческих племен юго-восточных областей Средней Азии; сравнительно широким распространением металла фергано-ташкентского происхождения в среднем и верхнем бассейнах Зеравшана, на юге Узбекистана и Таджикистана; заимствованием южных форм изделий; усилением металлургических связей в XII–XI вв. до н.э. с населением андроновских памятников и земледельческими племенами Северной Бактрии.

II – поздний (чустский) этап – конец IX – первая половина VIII–VII вв. до н.э. – синхронизируется на юге с материалами Кучук II кучукской культуры и ранними комплексами Кызылча 6, на севере – с материалами позднего периода кайраккумской культуры. На этом этапе продолжает функционировать собственное металлургическое производство; происходит смена источников сырья, один из которых был заимствован у фергано-ташкентских степных племен; господствуют оловянистые бронзы; происходят значительные изменения в ассортименте продукции, указывающие на спад металлообрабатывающего производства; устанавливаются тесные связи с металлургами степных племен Ферганы (кайраккумская культура) и сохраняются активные контакты в южном направлении с литейщиками кучукской культуры; экспортируется сырье и изделия на юг Узбекистана[6].

Однако установленные абсолютные и относительные даты памятников чустской культуры нельзя считать окончательными. Без стратиграфических данных предложенная хронологическая схема несет условный и предварительный характер. Кроме того, сделанные выводы базируются на материалах лишь двух поселений из 76 памятников этой культуры, известных сегодня в Ферганской долине (Заднепровский Ю.А., 1981, с. 23), подавляющая часть которых не была обследована широкими археологическими раскопками. Поэтому новые исследования безусловно внесут коррективы в изложенные в настоящей статье хронологические определения памятников чустской культурно-исторической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев Б.Н., 1980. Культура древнеземледельческих племен эпохи поздней бронзы Северной Бактрии (по материалам могильника Джаркутан). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск.

[6] В связи с химической неизученностью металла изделий, морфологической бедностью некоторых коллекций или неясной стратиграфией ряда находок и другими причинами попытка хронологически расчленить и сопоставить продукцию производств некоторых вышеуказанных памятников и культур Средней Азии (амирабадская культура, комплексы Анау IVA, Яз-депе I и Кучук I, и другие) с этапами развития металлообработки чустской культуры будет выглядеть мало аргументированной. Для обоснованных заключений по этому вопросу необходимо провести накопление материала и спектральные исследования старых и новых серий находок металлических изделий.

Аванесова Н.А., 1975. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Тр. СамГУ. Новая серия. № 270. Самарканд.

Аванесова Н.А., 1991а. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.

Аванесова Н.А., 1991б. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан – 4BI // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд.

Аскаров А., 1976. Расписная керамика Джаркутана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.

Аскаров А., 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.

Аскаров А., Абдуллаев Б.Н., 1983. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент.

Аскаров А., Альбаум Л.И., 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.

Аскаров А., Рузанов В.Д., 1990. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4, 5 // ИМКУз. Вып. 23.

Виноградова Н.М., 1980. Отчет о раскопках могильника Тандыр-йул в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. Вып. XVII.

Воронец М.Э., 1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 гг. // ТМИТ УзССР. Вып. 2.

Дуке Х., 1982. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент.

Заднепровская Т.Н., Заднепровский Ю.А., 1984. Основная современная советская литература по археологии эпохи раннего железа Средней Азии и Казахстана (1959–1982 гг.) // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад.

Заднепровский Ю.А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118.

Заднепровский Ю.А., 1978. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. ЛОИА АН СССР.

Заднепровский Ю.А., 1981. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. Вып. 167.

Ионесов В.И., 1990а. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. Южного Узбекистана). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Ионесов В.И., 1990б. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // ИМКУз. Вып. 24.

Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. № 1.

Итина М.А., 1963. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958–1959 гг.) // МХЭ. Вып. 6.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тыс. до н.э.) // ТХАЭЭ. Вып. X.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. № 4.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. 4–9.

Литвиненко К.И., Радилиловский В.В., Якубов Ю.Я., 1994. Древнее горнорудное производство бассейна реки Зеравшан // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы. Худжанд.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе.

Мандельштам А.М., 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. № 145.

Массон В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73.

Матбабаев Б., 1985. Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Пьянкова Л.Т., 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы "Тигровая Балка"). Душанбе.

Рахманов У., 1987. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Рузанов В.Д., 1980. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры // СА. № 4.
Рузанов В.Д., 1982. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Рузанов В.Д., 1990. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУз. Вып. 24.
Рузанов В.Д., 1994. О металле памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Узбекистана и его источниках // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы. Худжанд.
Сагдуллаев А.С., 1987. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент.
Сарианиди В.И., 1972. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане // МАКСА. Вып. 1.
Сарианиди В.И., 1986. Бронзовый век Маргианы // КСИА. Вып. 188.
Спришевский В.И., 1957. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 года) // КСИИМК. Вып. 69.
Спришевский В.И., 1958. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.) // КСИИМК. Вып. 71.
Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966. М.; Л.
Тереножкин А.И., 1971. Дата мингечаурских удил // СА. № 4.
Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 72.
Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
Ширинов Т., 1993. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (по материалам городища Джаркутан). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Институт археологии АН РУз,
Самарканд

V.D. RUZANOV

ONCE MORE ON THE CHRONOLOGY OF CHUST CULTURE IN FERGHANA

Summary

The article is an attempt to solve a problem of the chronological position of the mettalurgical assemblages discovered at the settlements of Chust and Dalversin. The author proceeds from the observations over the correlation of artefacts' types and the alloys forming certain chemical and metallurgical groups. Chemical and typological peculiarities of the collections from both sites are established. They seem to be connected with different chronological positions of the sites, Chust settlement being dated to the later period than Dalverzin. The comparison of their chemical and morphological characteristics (Tables 1 and 2) has led the author to a conclusion that metallurgical production of Chust culture in Ferghana should be dated from the mid 14th–7th centuries B.C. Certain shifts in typology, chemical and metallurgical characteristics of metalworking in the Chust tribes' craftsmanship allow the author to outline two following stages of its development. The earlier Dalverzin stage is dated to the mid 14th – late 9th and early 8th centuries B.C., while the later Chust stage lasted from the late 9th to the first half of the 8th and 7th centuries B.C.

Н.А. ФРОЛОВА

К ВОПРОСУ О ЧЕКАНКЕ ТИРОЙ СТАТЕРОВ ЛИЗИМАХОВСКОГО ТИПА

Правитель Фракии Лизимах (323–281 гг. до н.э.) принял титул царя в 306/305 гг. до н.э. и начал чеканить свои монеты. До принятия Царского титула Лизимах выпускал мелкие серебряные монеты и медные монеты по типу монет Филиппа II, помещая на реверсе их только две начальные буквы своего имени ΛΥ – и изображение передней части льва (Müller L., 1858, S. 1, № 1–3, Taf. I, *1–3*). Кроме того, он чеканил золотые монеты по типу статеров Александра Великого. Л.с.: Голова Афины в шлеме. О.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ, Ника, стоящая влево, в правой вытянутой руке – венок; в различных частях поля монеты помещаются различные монограммы и дифферент в виде передней части льва (Thompson M., 1968, pl. 16, № 19, 20).

После 297 г. до н.э. Лизимах предпринял чекан своих статеров другого типа во многих центрах античного мира: Фракии, Македонии, Фессалии, западной части Малой Азии; на монетных дворах Лизимахии, Пеллы, в Сесте, в Лампсаке, Абидосе, Сардах, Магнезии, в Эфесе, в Гераклее, Александрии в Троаде, Смирне и в других, неизвестных до сих пор центрах (Thompson M., 1968, p. 168–182).

Л.с.: Голова Александра Великого, украшенная диадемой и бараньими рогами Аммона, вправо. О.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Сидящая на троне Афина влево, левая рука опирается на щит, прислоненный к трону, в правой руке держит Нику с венком, слева копье. В поле монет, над троном или под троном, слева или справа помещены различные монограммы и дифференты, обозначающие места чеканки и имена монетных магистратов, ответственных за эмиссии монет (Müller L., 1858, Taf. I, *7–15*). Известно, что после смерти Лизимаха в 281 г. до н.э. статеры с именем Лизимаха выпускались в различных городах античного мира, спустя даже более чем столетие. К числу городов, выпускавших статеры с именем Лизимаха, причисляют и Тиру. Первоначально в конце VI–V в. до н.э. Тира представляла собой поселение, основанное милетянами, расположенное в нижнем течении р. Днестр. Полагают, что античный город (Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 3; Самойлова Т.Л., 1988, с. 60–62) Тира находился на правом берегу Днестровского Лимана (территория ныне существующего Белгорода-Днестровского, бывшего Аккермана) (Зограф А.Н., 1957, с. 10; Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 3). Археологическими исследованиями доказано (Karyskowskij P.O., Kleiman I.B., 1994, p. 6–27, fig. 2) существование этого города с V–IV вв. до н.э. до второго десятилетия III в. н.э. (Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 41–66, 137–139).

По хронологии А.Н. Зографа в конце III – начале II в. до н.э. Тира выпускала статеры лизимахского типа (Зограф А.Н., 1957, с. 26, 71), известные ему в трех вариантах: 1) с буквами ΤΥ (таблица монограмм, № 1)[1] на троне и с трезубцем, украшенным дельфинами, расположенным под чертой (Зограф А.Н., 1957, с. 71, № 23); 2) с буквами ΤΥ (№ 1), монограммой (№ 2) в поле налево и с трезубцем, рукоять которого украшена дельфинами, помещенным под чертой – в экзарге (Зограф А.Н., 1957, с. 71, № 24); 3) с буквами ΤΥ и с монограммой из букв (№ 3), расположенной в поле монеты под правой рукой богини (Зограф А.Н., 1957, с. 72, № 25), а также с трезубцем, украшенным дельфинами, который помещен под чертой. Не вызывает

[1] Здесь и далее номера соответствуют номерам на таблице монограмм на рис. 3.

© Н.А. Фролова, 1999 г.

возражений тезис, что статеры Лизимаха и после его смерти длительное время играли роль торговой монеты для всего Причерноморья (Pick B., 1921, S. 30). Уже давно всеми признан факт чеканки статеров лизимаховского типа в городах Византии, Каллатисе, Томах, Истрии. Характерным для чеканки этими городами статеров лизимаховского типа является наличие на реверсах всех статеров изображения трезубца, рукоять которого украшена дельфинами, монограмм и сокращений из двух начальных букв имени города: например, для Византия – ГУ или ВУ и трезубца. Чекан Византия зафиксирован на продолжении III–II вв. до н.э. и, возможно, I в. до н.э. (Зограф А.Н., 1926, с. 3; Zograph A., 1925, p. 29; Müller L., 1858, S. 55, № 139 (–без букв BY) Anm. 44; Seyrig H., 1968, pl. 23, *4*) (рис. 1, *4*, *7*).

Б. Хэд считал, что Византий, исходя из коммерческих целей, возглавил союз городов Фракии и принял для своей чеканки тип статеров Лизимаха, где в типологию оборотных сторон входило изображение трезубца, украшенного дельфинами (Head B.V., 1887, p. 231). Кроме Византия, в союз могли входить Томы, чьи статеры имеют на оборотной стороне монограммы и сокращение из двух начальных букв имени города – ТО и трезубец под чертой (рис. 1, *5*, *6*) (Müller L., 1858, № 269–282; Pick B., Regling K., 1910, S. 606, № 247), и Каллатис, помещавший на своих статерах лизимаховского типа буквы КАΛ, монограммы и трезубец (Müller L., 1858, № 258–268), а также Истрия, имевшая на статерах, кроме монограмм, две начальные буквы имени города – IΣ и трезубец, украшенный дельфинами (Müller L., 1858, № 284, 285). Как показал еще Л. Мюллер в 1858 г., изображение трезубца на золотых статерах лизимаховского типа, выпущенных городами Причерноморья – Византием, Каллатисом, Томами, Истрией, проходят заметную эволюцию.

На реверсах монет указанных городов сначала помещался простой трезубец, не сопровождаемый в поле монет какими-либо сокращениями имени городов (Müller L., 1858, № 140, 141; Seyrig H., 1968, pl. 23, № 7–9). Позже выпускаются статеры с монограммами и сокращениями из букв имен городов, а под чертой – трезубца, уже украшенного дельфинами (Müller L., 1858, № 147–235 – Византий; № 258–268 – Каллатис; № 284, 285 – Истрия), что и позволило разработать относительную хронологию их эмиссий.

Вопрос датировки золотых монет с именем Лизимаха был освещен в 1968 г. А. Сейригом. Он привлек особое внимание к статерам Византия и Калхедона с изображением простого трезубца без украшений дельфинами. А. Сейриг датировал их 215–210 гг. до н.э. (рис. 1, *2*) (Seyrig H., 1968, p. 183–195, pl. 23, № 7–9). Статеры с буквами ГУ и трезубцем с дельфинами он предложил датировать 205 г. до н.э. (Seyrig H., 1968, p. 196, 199, pl. 23, № 10). Статеры с именем Лизимаха, буквами ВУ маленького размера и трезубцем, украшенным дельфинами, он отнес к 195–190 гг. до н.э. (Seyrig H., 1968, p. 195, 199, pl. 23, № 11) (рис. 1, *4*).

Статеры Византия с большими буквами под троном – ВУ, трезубцем с дельфинами он датировал 190–180 гг. до н.э. (рис. 1, *7*) (Seyrig H., 1968, p. 200, pl. 24, № 13), причем золотые монеты Византия того же типа, но варваризованного стиля он считал возможным датировать более поздним временем, относя их приблизительно к 150 г. до н.э. (Seyrig H., 1968, p. 200, pl. 24, № 16, 17). Проведенное А. Сейригом исследование статеров лизимаховского типа особенно важно для датировки статеров, приписываемых Тире, так как, кроме указанных А.Н. Зографом трех видов статеров (с монограммами № 2 и № 3 и сокращением из двух букв ТУ – № 1), были известны еще два типа статеров, где на месте трезубца под чертой изображен бодающий бык (Zograph A., 1925, p. 46, 47, note 29) (рис. 1, *8*, *8а*; рис. 2, *4–11*)[2]. Этот тип статеров был известен еще Л. Мюллеру (Müller L., 1858, № 358). Мюллер отмечал, что № 358

[2] А.Н. Зограф писал, что этот экземпляр, несомненно, происходит из Керчи: ср. Antiquites du Bosphore Cimmerien, pl. LXXXV, *10*; p. LXII – со ссылкой на то, что статер был издан Миннзом (цит. по Зограф А.Н., 1957), но Миннз только упомянул статер, не давая его описания (ср.: Minns E.H., 1913, p. 384, note 6).

имеет монограмму (№ 11) перед Афиной, а под чертой – изображение бодающего быка; Статер типа Müller L., 1858, № 359 имеет монограмму № 12 перед Афиной, а под чертой – бодающего быка. Но А.Н. Зограф полагал, что экземпляр, происходящий, по его мнению, из Керчи, похож штемпелем лицевой стороны на штемпели лицевых сторон статеров Лизимаха ранних выпусков чеканки Византия (Zograph A., 1925, p. 47, note 30, 31). Таким образом, статеры лизимаховского типа с изображением быка под чертой А.Н. Зограф датировал III в. до н.э., но не относил их к чекану Тиры. Тем не менее С.А. Булатович считает возможным включать статеры с именем Лизимаха и с изображением на реверсе быка под чертой в число статеров, выпущенных в Тире (Булатович С.А., 1983, с. 173–179). При этом она ссылается на мнение американского нумизмата Е.Т. Ньюелла о статерах с изображением быка, процитированное в одной из статей А. Сейрига (Seirig H., 1968, p. 196, note 1). В статье А. Сейриг замечает, что Е.Т. Ньюелл определил статер Лизимаха, изданный М. Томпсон (SNG, 1961, № 456), как отчеканенный в Тире, что расположена у устья Днестра. Но на статере Лизимаха из коллекции Берри № 456 нет изображения быка. На о.с. поставлена буква Ф слева, а под чертой – трезубец без украшений (рис. 2, *1*). Место чекана (на Евксине?) – поставлено под вопросом. В тексте описания отмечается, что штемпель аверса, использованный для чеканки статера № 456, по стилю близок штемпелю лицевой стороны другого статера Лизимаха из этой же коллекции (SNG, 1961, № 457), где на оборотной стороне буква М (рис. 2, *2*), присутствующая в штемпеле оборотной стороны статера с изображением быка, который Е.Т. Ньюелл отнес к Тире. Именно поэтому статеры Лизимаха из коллекции Берри – № 456, 457 были приписаны Тире (рис. 2, *1*, *2*). Но эти статеры не могут быть отнесены к Тире, поскольку на них нет каких-либо знаков или символов, позволяющих считать их чеканкой Тиры.

На статерах с изображением бодающего быка, приписываемых Тире, можно различить два варианта воспроизведения фигуры быка: бодающий бык (рис. 2, *3*); ГИМ 32, вес 8,38 г) (на монете – в поле слева под рукой Афины – монограмма № 7) и спокойно стоящий бык (рис. 2, *4*; Британский музей, 1987, вес 8,35 г), и в поле, слева под рукой Афины, буква монограммы (№ 10). Тип лизимаховских статеров с изображением быка под чертой известен более чем в 10 экземплярах, собранных А. Сейригом. Некоторые из них опубликованы в аукционных каталогах. А. Сейриг располагал сведениями об этих статерах в собраниях: 1) Ленинграда – СПб (рис. 2, *5*, *6*); 2) Лондона; 3) Нью-Йорка (Seyrig H., 1968, pl. 25, № 25) (рис. 2, *7*); 4) Парижа (Seyrig H., 1968, pl. 25, № 26) (рис. 2, *8*) и в каталогах: 5) Шульмана, 1935 г., где издан статер, на обороте

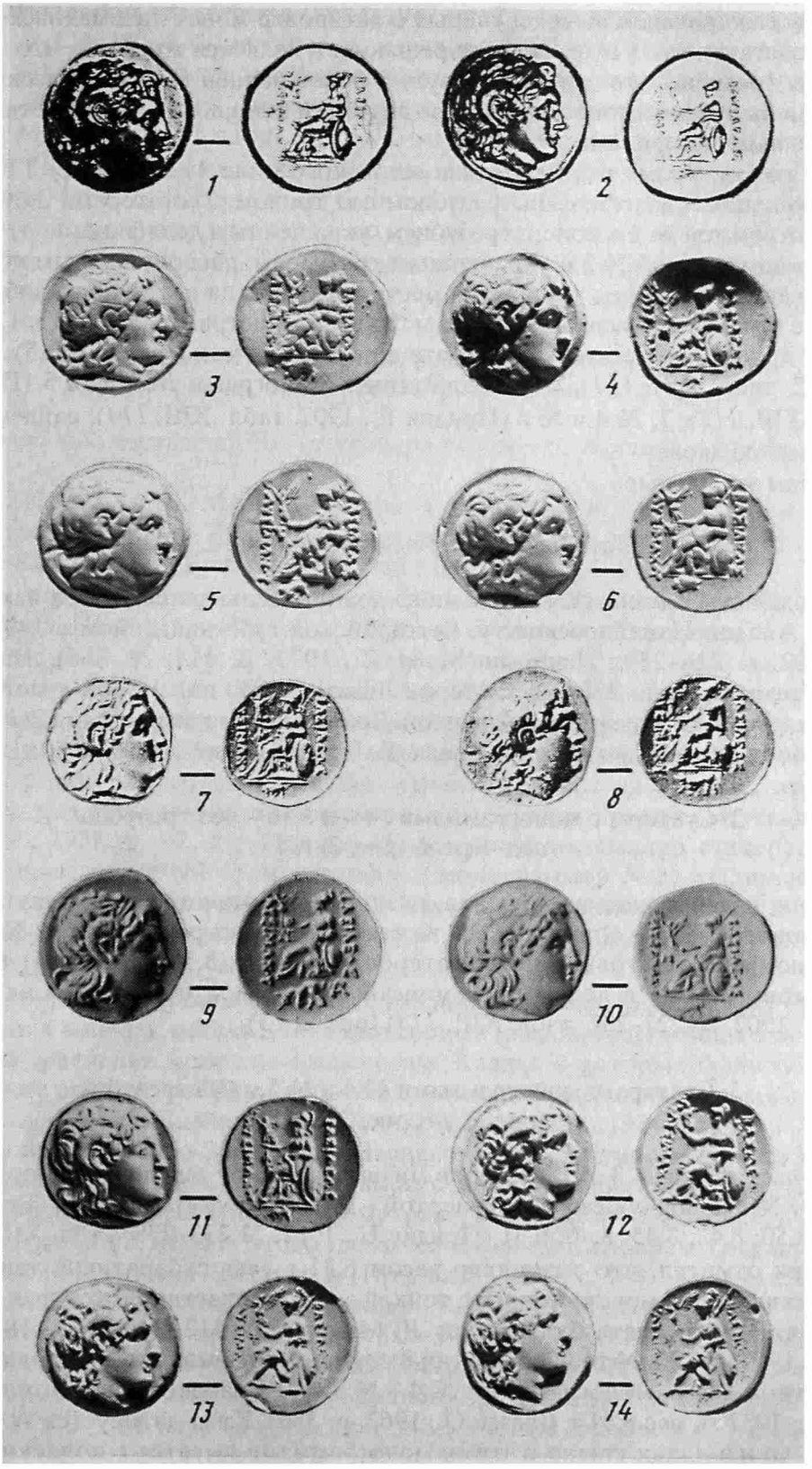
Рис. 1. *1а* – Двойной статер Лизимаха. Пергам. 287/286 гг. до н.э., л.с.: голова Лизимаха, украшенная рогами Аммона, вправо, о.с.: Афина Никефорос, восседающая на троне, влево. Надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ, слева – богиня Ма – матерь богов (ранее эта фигура трактовалась как статуя богини Артемиды Эфесской – Morkholm O., 1984, p. 187–192, pl. 28, fig. *D*, *a*, *b*). ГИМ 6273, вес 17,38 г, 21,5 мм (рис. 1, *1*), увеличена; *1* – то же. Натуральная величина; *2* – статер Лизимаха. Надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ; под чертой – трезубец. Византий? Конец III в. до н.э. ГИМ 28, вес 8,23 г, 19,5 мм; 3 – статер Лизимаха. Надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ, под чертой – трезубец, украшенный дельфинами; слева под рукой – монограмма № 18, под троном – буквы ΤΟ. Томи. 195–190 гг. до н.э. ГИМ 30, вес 8,20 г, 20 мм, увеличена; *4* – статер Лизимаха. Надпись: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ; слева под рукой богини – монограмма № 19, под чертой – трезубец, украшенный дельфинами, под троном – буквы ΒΥ маленького размера. Византий, 195–190 гг. до н.э. ГИМ 29, вес 8,21 г, 20 мм, увеличена; *5* – статер Лизимаха. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ; под рукой Афины – монограмма № 10, под троном – буквы ΤΟ; под чертой – трезубец с дельфинами. Город Томи. 195–190 гг. до н.э. ГИМ 6274, вес 8,48 г, 20 мм; *6* – статер Лизимаха, надпись та же; слева под рукой Афины – буквы θεο, под троном – буквы ΤΟ, под чертой – украшенный дельфинами трезубец. Томи. 190–180 гг. до н.э. ГИМ 31, вес 8,16 г, 20 мм; *7* – статер Лизимаха; под рукой Афины – монограмма № 21, под троном – буквы ΒΥ, под чертой – украшенный дельфинами трезубец. Византий 190–180 гг. до н.э. ГИМ 27, вес 8,48 г, 20 мм. Монета увеличена; *8* – статер Лизимаха. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ; под рукой Афины слева – монограмма № 7; под чертой – изображение бодающего быка влево. ГИМ 32, вес 8,48 г, 20–21 мм. Калхедон? Конец III в. до н.э. (фотография *8а* – увеличена)

1а
2
1
3
4
5
6
7
8а

которого под чертой представлен бодающий бык, слева под фигурой Ники – монограмма из двух букв ΛΕ (№ 7) и монограмма за быком внизу (№ 13), вес 8,30 г (Auction Catalogues. Schulman L. ..., 1935, № 12, pl. I, *20*) (рис. 2, *9*); 6) Статер без изображения трезубца, но с быком под чертой и монограммой М (№ 10) издан в 1948 г. (Auction Catalogues. Basel..., 1948, pl. XX, № 421) (рис. 2, *10*); 7) такого же типа статер, но с монограммой (№ 14) опубликован в 1951 г. (Auction Catalogues. Glendining..., 1951, p. 16, № 126) (рис. 2, *11*). Этот тип был известен С.А. Булатович (Булатович С.А., 1983, с. 179). При перечислении статеров с изображением быка А. Сейриг указал на экземпляр из коллекции Берри, но, как отмечено выше, на упомянутом им статере из коллекции Берри № 456 нет изображения быка (SNG, 1961, № 456) (рис. 2, *1*).

Итак, М. Томпсон отметила, что на реверсе монеты № 456 под чертой изображен трезубец, не украшенный дельфинами, а слева в поле буква Ф (монограмма № 11). Она поставила вопрос о происхождении этого типа статеров с именем Лизимаха из Понта Евксинского и сделала примечание, что стиль изображений лицевой стороны похож на тот, которым был отчеканен статер с изображением бодающего быка на реверсе, чекан которого Э.Т. Ньюелл приписал Тире, что расположена у устья Днестра. При этом Томпсон не ссылалась ни на статью, ни на книгу Е.Т. Ньюелла, в которой он высказал эту мысль. Статеры, происходящие из коллекции Берри – № 456 и № 457, не имеют под чертой изображения быка, поэтому мы исключаем ссылку, использованную А. Сейригом, при указании на существование экземпляра статера Лизимаха с быком под чертой, из коллекции Берри. О монетах Тиры с изображением быка писал и П. Никореску (Nicorescu P., 1928, p. 127, 128). При решении вопроса о принадлежности золотых монет Лизимаха с изображением быка под чертой к какому-либо городу, Л. Мюллер отнес тип статеров с изображением быка под чертой и буквой Ф (монограмма № 11) слева, в поле к чекану неопределенного города в Македонии (Müller L., 1858, № 358). А. Сейриг считал, что эти золотые монеты Лизимаха мог чеканить Калхедон, где имеются монеты с изображением быка с IV в. до н.э. (SNG, 1993, № 93–108; Seyrig H., 1968, p. 196, № 6). С.А. Булатович хотя и относит эмиссии монет лизимаховского типа с изображением быка в экзарге к чекану Тиры, однако отмечает, что этот сюжет встречается на монетах многих других причерноморских центров, а также на монетах Херсонеса и Гераклеи (Булатович С.А., 1983, с. 193, прим. 12, со ссылкой на Зографа А.Н., 1951, табл. XXXV, *4, 7–9* – Херсонес; Гераклея – Зограф А.Н., 1951, табл. XVIII, *24*). Монеты с изображением быка выпускались и другими античными центрами: с 411 г. до н.э. в Эвбее (Fietze W., 1913, S. 11–31), в Каристе, Еретрее, Гистиее (Fietze W., 1913, S. 23; Head B.V., 1887, p. 356, 361, 364), в Эвбейской колонии Коркире. Изображение бодающего быка встречаем в Фуриях, Лукании (Fietze W., 1913, S. 25; Head B.V., 1887, p. 188) и других городах. Так что, если исходить только из одного факта изображения быка на монетах Тиры, то на этом же основании статеры с именем Лизимаха рассматриваемого типа "с быком" могут быть отнесены к чекану любого из перечисленных выше античных городов. Но, как правильно и не без основания заметила С.А. Булатович, "как нет прямых доказательств для отнесения монет Лизимаха с изображением быка под чертой, к этим центрам, так нет доказательств для отнесения этих статеров с именем Лизимаха к чекану Тиры" (Булатович С.А., 1983, с. 173). Попытаемся разобраться в

Рис. 2. *1, 2* – Статеры из коллекции Берри (SNG, 1961, № 456, 457) (с трезубцем, не украшенным дельфинами, под чертой). Золотые статеры Лизимаха с изображением быка; *3* – статер Калхедона? ГИМ 32; *4* – Британский музей. Приобретен в 1987 г., вес 8,35 г; *5, 6* – Государственный Эрмитаж № 532, вес 8,33 г, 20 мм; № 533, вес 8,39 г, 20 мм; *7, 8* – Seyrig H., 1968, pl. 25, № 25, 26; *9* – Auction Katalog. Schulman L. ..., 1935, № 12; *10* – Auction Catalogues, Basel A.G., ..., 1948, № 421; *11* – Auction Catalogues. Glendining..., 1951, № 126. Статеры с монограммой № 4: *12* – Государственный Эрмитаж № 538, вес 8,46 г, 20 мм, монограмма на троне; *13* – ГЭ 568, вес 8,56 г, 20 мм, монограмма № 4, слева, под чертой – № 6; *14* – Копенгаген. Национальный музей, SNG Copenhagen, 1982, № 1084. Монограмма № 4, слева, под чертой – монограмма № 5


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

вопросах о возможности Тиры чеканить золотые статеры с именем Лизимаха и есть ли место эмиссиям этих золотых монет в монетном деле Тиры. Здесь следует обратить особое внимание на датировку чеканки Тирой серебряных драхм с изображением быка. Но прежде всего приведем выводы ученых о датировке монет лизимаховского типа с "быком". Полагают, что в этом вопросе, решающим является тот факт, что на них нет изображения трезубца, что свидетельствует о более ранней дате их эмиссии. Следом за ними были выпущены монеты просто с трезубцем и лишь потом – монеты с трезубцем, украшенным дельфинами.

Таким образом, кроме статеров лизимаховского типа 1) с буквами TY (№ 1) на троне и украшенным дельфинами трезубцем под троном; 2) статерами с буквами TY (№ 1) и монограммой № 2 в поле и трезубцем, украшенным дельфинами; 3) с буквами TY (№ 1) и монограммой № 3 и украшенным трезубцем, расположенным под чертой; 4) с изображением быка под троном, на месте трезубца (на статерах с изображением быка, в поле монеты слева зафиксированы буквы и монограммы; № 9, 11, 13), к эмиссиям Тиры причисляют статеры Лизимаха еще с тремя монограммами: 5) № 4 (Придик Е., 1902, табл. XIII, *161*); 6) и в сочетаниях монограмм № 4 и № 5 (Придик Е., 1902, табл. XIII, *112*); 7) № 4 и № 6 (Придик Е., 1902, табл. XIII, *114*), найденные в составе клада из Анадола.

Рассмотрим эти данные.

1. Статеры с монограммой № 4 (рис. 2, *12*)

Золотые монеты с монограммой № 4 без дополнительных символов находились в кладе из с. Анадол Измайловского у. Бессарабской губ., найденном в 1895 г. (Придик Е., 1902, с. 226–239; Thompson M. et al., 1973, p. 114, № 866). Из 979 экз. античных статеров было 250 экз. статеров Лизимаха. Из них 14 экз. с монограммой № 4 под троном, но без трезубца под чертой. Возможно, что экземпляр ГЭ № 538 (рис. 2, *12*; вес 8,46 г) происходит из этого клада. Е. Придик давал его вес 8,50 г.

2. Статеры с монограммами № 4 и № 6 – без трезубца под чертой (рис. 2, *13*)

Е. Придик, издавая клад из Анадола, различал две монограммы, сопутствующие основной монограмме № 4, имеющейся на статерах: монограммы № 5 и № 6. По его определению, имеются только пять статеров (вес их, г: 8,54; 8,53; 8,51; 8,50; 8,40), где стоят монограммы в левом поле монеты № 4, а под образом – в экзарге № 6 (Придик Е., 1902, № 227–232, табл. XIII, *114*) (рис. 2, *13*).

3. Статеры с монограммами № 4 и № 5 и без трезубца (рис. 2, *14*; рис. 3, *1–3*)

В Анадольском кладе 8 экз. статеров Лизимаха имеют в левом углу поля монеты монограмму № 4, а под обрезом – под чертой – вторую монограмму № 5. Вес монет, г: 8,59; 8,52; 8,50; 8,48; 8,45; 8,40; 6,31 (Придик Е., 1902, № 233–239, табл. XIII, *112*).

Е. Придик отметил, что экземпляр весом 6,31 г есть субэратный, так как ядро монеты из свинца. Вся монета покрыта тонкой золотой пластиной, которая отскочила в одном месте. Эта монета близка типу Л. Мюллер, № 512 (Müller L., 1858, № 512; Придик Е., 1903, с. 100, № 6). Кроме этих 8 статеров Лизимаха из Анадола, еще одна монета с этими двумя монограммами № 4 – № 5 была найдена в кладе у с. Даени, в Добрудже в 1957 г., вес 8,61 г (Iliescu O., 1963, p. 380). Клад датируется А. Сейригом 228–220 гг. до н.э. Один статер с этими монограммами имеется в коллекции Копенгагенского музея, вес 8,53 г (рис. 2, *14*), который поступил в музей в 1894 г. от Ламброса. Статер датирован 297–281 гг. до н.э., но место чекана неизвестно (SNG, 1982, pl. 21, № 1084; Придик Е., 1902, № 10 – монограмма № 5; № 11 – монограмма № 4).

В коллекции Копенгагенского музея имеется тетрадрахма Лизимаха с изображением на аверсе головы Александра Великого, а на реверсе – Афины Никефорос на троне; под чертой, внизу – монограмма № 5, слева – голова грифона. Место чекана определялось Л. Мюллером как Абдера (SNG, 1982, pl. 21, № 1103, вес 16,4 г; ср. Müller L., 1858, S. 54, № 126, 127) и была отнесена к эмиссиям 297–281 гг. до н.э. и позже.

На этой монете в монограмме совмещаются две интересующие нас монограммы – № 4 и № 5. Золотой статер Лизимаха с двумя этими монограммами имеется в коллекции ГЭ № 568, вес 8,51 г (рис. 2, *13*). Возможно, что он происходит из Анадольского клада. Подобный экземпляр из Британского музея (без веса) со ссылкой на книгу Л. Мюллера (Müller L., 1858, № 512) был издан С.А. Булатович (1983, с. 179). Статеры с этими монограммами проходят и по аукционным каталогам (рис. 3, *1–3*). Вполне возможно, что эмиссия статеров с монограммами № 4 – № 6 производилась на одном из монетных дворов Фракии.

4. Золотые монеты с именем Лизимаха и буквами TY (№ 1) под троном, под чертой – трезубец (рис. 3, *4–5а*)

Л.с.: Голова обожествленного Александра Великого, украшенная рогами Аммона, вправо.

О.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина Никефорос на троне с копьем и щитом влево, под троном буквы – TY (№ 1), под чертой – трезубец, украшенный дельфинами, вправо, вес 8,38 г, 21 мм. Британский музей (рис. 3, *4*).

Первым, кто опубликовал статер с именем Лизимаха и буквами TY (№ 1), был Миннз (Minns E.H., 1913, p. 448, fig. 329 bis). Он отнес его к Тире, опираясь на мнения Б. Хэда (Head B.V., 1911, p. 273) и Е. Хилла, считавших, что Тира могла чеканить статеры с именем Лизимаха (Hill G.E., 1923, p. 218, pl. XI, *11*). Точно так же П. Никореску приписал этот тип статеров с именем Лизимаха к Тире (Nicorescu P., 1933–1934, p. 128). П. Никореску опубликовал еще один статер с именем Лизимаха и буквами TY (№ 1) под троном, но со сложной монограммой № 2 и трезубцем, украшенным дельфинами, под троном. Монета находилась в собрании Румынской Академии наук (Nicorescu P., 1938, p. 97, fig. 2, вес 8,45 г). Третий экземпляр статера, с именем Лизимаха, буквами TY (№ 1) под троном и монограммой № 3, изданный в 1923 г. Г. Хиллом, происходит из коллекции О'Хагена (Британский музей) и учтен был А.Н. Зографом и С.А. Булатович (Зограф А.Н., 1957, табл. II, *25*; Булатович С.А., 1983, с. 179) (рис. 3, *5*, *5а* – увеличена).

Касаясь вопроса датировки статеров с именем Лизимаха, укажем, что ученые подходили к этому вопросу, исходя из анализа состава кладов, содержащих эти статеры, и результатов сравнения монет по штемпелям. Клады, в которых были обнаружены интересующие нас статеры Лизимаха – Анадольский, Туапсинский, и клады с территории Румынии – Борча, Даени и Мэрэшешты (Bordea G.R., 1974, p. 116, 117) – происходят с территории Северо-Западного и Западного Причерноморья. Самый большой из них Анадольский клад 1895 г., состоящий из статеров царей Филиппа II, Александра Великого, Филиппа III, Лизимаха, Деметрия Полиоркета и Селевка I Никатора, содержал около 1000 экз. Из этого клада монетным отделением Государственного Эрмитажа было куплено 979 статеров (Придик Е., 1902, с. 1–3). Клад статеров Лизимаха, открытый в 1908 г. под Туапсе (между Туапсе и Сочи), содержал 90–96 статеров лизимаховского типа. Из этого клада Археологическая комиссия получила 91 экз., позже часть разошлась по другим музеям России, часть вошла в коллекцию Государственного Эрмитажа, часть попала за границу на монетные аукционы (Zograph A., 1925, p. 30, 31). В этот клад входили статеры с именем Лизимаха и буквами BY, под троном, различными монограммами и трезубцем под чертой. Тип был хорошо известен (Müller L., 1858, S. 55–57, Anm. 44, № 139–235). Они принадлежали чекану Византия, но были выпущены уже после смерти Лизимаха. Исследование А.Н. Зографом статеров Лизимаха из Туапсинского клада по штемпелям и метрологическим данным дало

возможность заключить, что монетный двор в Византии функционировал непрерывно до первой четверти I в. до н.э. Начало эмиссий золота лизимаховского типа в Византии А.Н. Зограф относил ко времени не позже второй половины III в. до н.э. (Zograph A., 1925, p. 45). Отсутствие в Анадольском кладе монет лизимаховского типа, чеканенных в Византии с буквами BY и трезубцем, свидетельствует о том, что Анадольский клад был захоронен ранее, чем были выпущены статеры Византия с трезубцем. Клад из с. Анадол датируется А. Сейригом 228–220 гг. до н.э., так как в нем нет статеров Лизимаха с трезубцем, чеканенных в Калхедоне (Seyrig H., 1969, p. 40–44, fig. 5). В статье А. Сейрига представлена географическая карта с указанием места, где был найден клад из Анадола, чтобы показать насколько далеко с. Анадол отстоит от месторасположения древней Тиры.

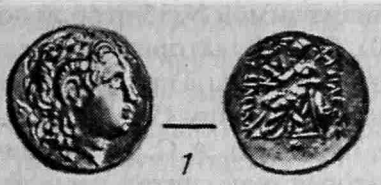
А.Н. Зограф разработал относительную хронологию эмиссий статеров Лизимаха с монограммами ⊻ – ⋈ (№ 4–5) и ⊻ – ⋈ (№ 4–6) и без трезубца. Относя их к 220 г. до н.э., А.Н. Зограф пришел к выводу, что присутствие в Анадольском кладе статеров Лизимаха только классического типа дает возможность утверждать, что на Северном побережье Черного моря обращались статеры с именем Лизимаха только посмертной чеканки (Zograph A., 1925, p. 48). Статеры лизимаховского типа последней группы, по классификации А.Н. Зографа, могут быть отнесены ко времени правления Митридата Великого, т.е. к I в. до н.э. (Zograph A., 1925, p. 51).

Третьим кладом со статерами Лизимаха может быть назван клад из с. Даени, найденный в 1957 г. В нем был обнаружен статер с монограммами № 4 и № 5 (Iliescu O., 1963, p. 328, № 308). Клад из Даени может быть датирован более поздним временем, чем Анадольский клад, где находился статер Лизимаха с единичной монограммой № 4. Это важно отметить, так как в статье С.А. Булатович высказано мнение, что один тип медных монет Тиры имеет на о.с. несколько схожую монограмму – № 15 (Бурачков П.О., 1884, табл. X, *18*; Зограф А.Н., 1957, с. 70, № 18, табл. II, *14*; Булатович С.А., 1983, с. 178), которая позволяет приписывать статеры Лизимаха из Анадольского клада с монограммами № 4 и № 5 и статер из клада Даени с монограммами № 4 и № 5 – к Тире.

Иными словами, бронзовые монеты Тиры с монограммой № 15 (рис. 3, *8*) рассматриваются как монеты, одновременные статерам лизимаховского типа с монограммами 1) – № 4; 2) – № 4, 5; 3) – № 4 и № 6 (Булатович С.А., 1983, с. 175). Единственный тип меди Тиры имеет на лицевой стороне изображение головы Деметры в венке из колосьев в фас, со спускающимися волосами по обе стороны головы. На оборотной стороне – надпись T.Y-PA. Между буквами – киста с конической крышкой, внизу – монограмма № 15 (Зограф А.Н., 1957, с. 70, № 18, табл. II, *4*).

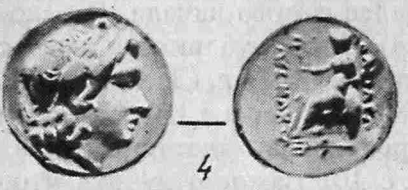
Следует отметить, что монограмма на бронзе Тиры имеет несколько иное начертание, чем монограммы на статерах Лизимаха. Но С.А. Булатович считает, что это совпадение монограмм, возможно, не является случайным, особенно если учесть, как замечает автор, что "это единственный случай помещения монограммы на автономных бронзовых монетах Тиры за всю историю ее чеканки" (Булатович С.А., 1983, с. 175). Аналогию бронзовым монетам Тиры С.А. Булатович находит среди заключительных серий серебряных монет Тиры деградированного стиля с изображением головы Деметры в фас, но без каких-либо монограмм на реверсе (Булатович С.А., 1983, с. 177). Тем

Рис. 3. Статеры Лизимаха с монограммой № 4 и буквами TY (№ 1). *1* – вес 8,49 г, Auction Catalogues. Hess..., 1931, Taf. 5, № 217; *2* – вес 8,55 г. Auction Catalogues. Naville..., 1923, № 1698; *3* – вес 8,40 г. Там же. № 1699. Слева в поле – монограмма № 4, под чертой – № 5; *4* – вес 8,39 г. Лондон. Британский музей. Монограмма TY – на троне; *5–5a* – вес 8,38 г, 20 мм. Лондон. Британский музей, 1923. Монограмма TY – на троне; *5a* – то же. Увеличена; *6* – серебряная монета Тиры. ГЭ 2/21897, вес 5,75 г. Конец IV в. до н.э.; *7* – медная монета Тиры. ГЭ 8/24903, вес 5,49 г, конец IV в. до н.э.; *8* – медная монета Тиры. ГЭ 11/24906, вес 4,71 г, III в. до н.э. Монограмма № 15; *9* – серебряная монета Калхедона. IV в. до н.э. Montagu Collection. Монограмма № 4 слева


1

2

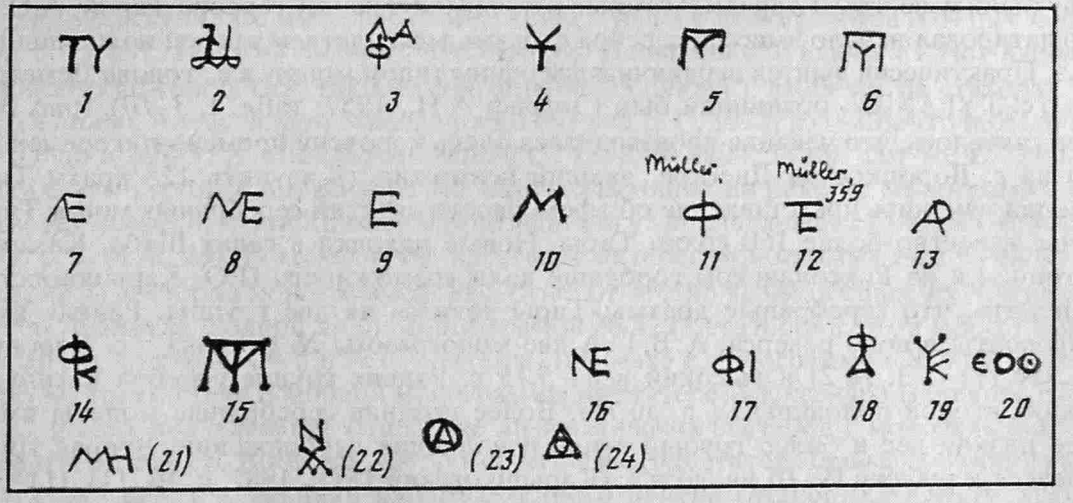
3


4

5

5a

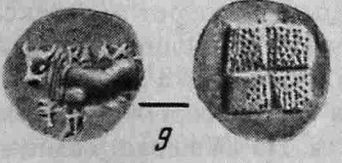
Таблица монограмм на золотых монетах Лизимаха N 124



6

7

8


9

не менее автор полагает, что есть стилистическая близость среди всех трех серий монет из серебра, бронзы и золота.

А.Н. Зограф датирует медные монеты Тиры с монограммой № 15 второй половиной IV – концом III в. до н.э. (Зограф А.Н., 1957, с. 70), С.А. Булатович справедливо отмечает, что серебряные драхмы Тиры, как и медные монеты Тиры, не имеют абсолютной датировки. Конец выпуска драхм относят как к концу IV в. до н.э., так и к началу III в. до н.э. (Булатович С.А., 1983, с. 117, прим. 33). А.С. Булатович ссылается на мнение А.Н. Зографа о чеканке драхм, которая, как считал ученый, едва ли заходила далее самого начала III в. до н.э. Об этом же писал П.О. Карышковский (1960, с. 134). После публикации клада серебряных монет из с. Дороцкое на Днестре, обнаруженного в 1971 г. (Загинайло А.Р., Нудельман А.Н., 1971, с. 126), в который входили 128 драхм Тиры и 150 драхм Истрии, П.О. Карышковский заключил, что Тира навсегда прекратила эмиссию серебра на рубеже IV–III вв. до н.э. (Карышковский П.О., 1987, с. 10). Важно отметить, что статеры с именем Лизимаха и монограммами № 4, 5, 6 (в монограмме № 4 видят сокращение имени Тиры) происходят из двух кладов, датировка которых гораздо позже единственной эмиссии медных монет Тиры с одной монограммой № 15, к тому же отличной от монограмм, имеющихся на статерах. Напомним, что Анадольский клад, в который входили 14 статеров с монограммами № 4, 5, 6, и клад из Даени, в котором найден один статер с монограммами № 4 и № 5, всеми датируются временем около 220 г. до н.э. Таким образом, получается, что выпуски медных монет Тиры были гораздо раньше, чем эмиссии лизимаховских статеров с монограммами № 4, 5, 6, в первой из которых склонны видеть имя Тиры. Что же касается второй и третьей монограмм на статерах – № 5, 6, то они отличны от монограммы на меди Тиры – № 15.

Следует остановиться на вопросе хронологии серебра Тиры особо. Итак, А.Н. Зографу были известны 17 драхм, которые открывали чеканку серебра Тирой. А.Н. Зограф датировал начало эмиссии серебра вторым десятилетием второй половины IV в. до н.э. Практически выпуск ограничивался одним типом монет, л.с.: голова Деметры в фас; о.с. ΤΥΡΑΝΩΝ, бодающий бык (Зограф А.Н., 1957, табл. I, *3–10*), (рис. 3, *6*). Ранее считалось, что чеканка производилась очень короткий промежуток времени, но клад из с. Дороцкое на Днестре, давший возможность изучить 128 драхм Тиры, позволил изменить представление об эфемерности эмиссии серебряных монет Тирой. Сейчас известно более 160 драхм Тиры. Новые находки в селах Шабо, Казацкое, Костошны и на Роксоланском городище дали возможность П.О. Карышковскому установить, что серебряные драхмы Тиры делятся на две группы. Ранняя имеет дифференты в поле реверса: А, В, Г, Δ две монограммы № 16 (клад у с. Дороцкое) и ΦІ (№ 17) (ГЭ. № 2) и высокий вес – 5,75 г. Ранняя группа серебра датируется началом второй половины IV в. до н.э. Более поздние серебряные монеты имеют более низкий вес и более грубый стиль исполнения изображений. Вторая группа относится к рубежу IV–III вв. до н.э. (Карышковский П.О., 1987, с. 10, 11). П.О. Карышковский пришел к выводу, что чеканка драхм эгинской системы в Тире началась накануне распространения в Балкано-Дунайском регионе серебряной и золотой монеты македонских царей, утверждение которой на рынках Северо-Западного Причерноморья сделало эмиссию собственного серебра в небольшом и лишенном собственных источников драгоценного металла полисе экономически невыгодной. Тира уменьшает вес своих драхм и на рубеже IV–III вв. до н.э. навсегда прекращает эмиссию серебра (Карышковский П.О., 1987, с. 11). Этот вывод важен, так как только в 297 г. до н.э. Лизимах меняет свой тип статеров с портретом Александра и Никой на обороте на новый тип – портрет Александра, украшенный рогами Аммона – Афиной на троне (Thompson M., 1968, p. 162, 163), т.е. чеканка Лизимахом статеров нового типа приходится на период, когда чеканка в Тире серебра и, возможно, медных монет с монограммой № 15 уже прекращается. Не вызывает сомнений, что современные серебру эмиссии меди в Тире первого периода были немногочисленны. А.Н. Зограф привел всего четыре типа медных монет: 1) голова Тираса – голова коня (Зограф Н.А., 1957,

табл. I, II); 2) голова Тираса – бык вправо (Зограф А.Н., 1957, табл. II, *1*); 3) голова Деметры – голова коня (Зограф А.Н., 1957, табл. II, *2*); 4) голова Деметры – киста, монограмма № 15 (Зограф А.Н., 1957, табл. II, *4*). А.Н. Зограф пришел к выводу, что монетный двор в Тире функционировал во второй половине IV и начале III в. до н.э. В последующее время эмиссии Тиры скудны, вплоть до I в. до н.э. На этом фоне весьма сложно себе представить, что Тира могла чеканить полноценные золотые статеры в течение почти двух столетий.

С.А. Булатович, говоря о чеканке Тирой золота, отмечает, что если признать монограмму № 4 на статерах с именем Лизимаха из Анадольского клада и клада из Даени как указание на место чекана, то остается только доказать принадлежность этих статеров именно Тире. К сожалению, указывает автор, никто не располагает такими доказательствами (Булатович С.А., 1983, с. 173), так как конкретные события политической истории и экономической жизни Тиры неизвестны. И, таким образом, невозможно указать в истории города Тиры момент, благоприятный для чеканки статеров. Это относится как к статерам с изображением быка в экзарге, так и к статерам с буквами TY и трезубцем под чертой (Булатович С.А., 1983, с. 174). Вышеприведенное замечание С.А. Булатович совершенно справедливо, хотя можно повторить еще раз, что многие исследователи считали, что Тира выпускала золотые статеры с именем Лизимаха: Б.В. Хед (Head B.V., 1911, p. 273), Миннз (Minns E.H., 1913, p. 384), Г. Хилл (Hill G.H., 1923, pl., IX, 11), А.Н. Зограф (1957, с. 71, 72), К. Реглинг (Regling K., 1928, S. 301), П. Никореску (Nicorescu P., 1938, p. 96), Т. Герасимов (1956, с. 70), А. Рогальский (1978, с. 9).

Между тем статеры Лизимаха, имеющие изображение быка под чертой, некоторыми исследователями не считались выпущенными в Тире. А. Сейриг высказал предположение, что они могут принадлежать Калхедону (Seyrig H., 1968, p. 196), так как в Калхедоне чеканились монеты с изображением быка и монограммой № 4 с IV в. до н.э. (рис. 3, *9*). Е.Т. Ньюелл полагал, что статеры Лизимаха с буквами TY мог выпускать финикийский город Тир, так как сокращение из букв TY имеются на статерах Тира, выпущенных Александром Македонским (Newell E.T., 1923, p. 1–22), что и было отмечено еще в 1855 г. Л. Мюллером (Müller L., 1858, № 1424, 1425). Тот же Е.Т. Ньюелл считал, что статеры Александра Великого, имеющие на реверсе монограмму № 4 и буквы ΣΙ впереди, а монограмму МН позади, могут принадлежать Синопе (Newell E.T., 1919, p. 2. pl. II, *28*). В этом случае вызывает интерес монограмма № 4 в сочетании с буквами ΣΙ и второй монограммой. Как было отмечено выше, в кладе из Анадола есть статер Лизимаха с одной лишь монограммой № 4, 13 статеров с этой монограммой и еще двумя другими – № 5 и № 6. Статеры Лизимаха с монограммой № 4 приписывали Тире, но присутствие подобной монограммы на статере Александра Великого с буквами ΣΙ ставит под сомнение отнесение лизимаховских статеров с монограммой № 4 к Тире на Днестре. Л. Мюллер, которому был известен статер Лизимаха с монограммой № 4, относил его к чеканке неопределенного центра (Müller L., 1858, № 512). Как отмечено выше, монограмма № 4 известна на тетрадрахмах Калхедона IV в. до н.э. типа: бык влево, слева № 4, вверху буквы ΚΑΛΧ (Auction Catalogues. Sotheby..., 1896).

Таким образом, получается, что Тира с конца III в. до н.э. чеканит статеры с именем Лизимаха следующих типов: 1) с изображением бодающего быка под чертой и монограммами слева – № 7, 8, 10, 11, 13 (рис. 2, *3–11*); 2) статеры с монограммой № 4 на троне (статер Лизимаха из клада у с. Анадол; Придик Е., 1902) (рис. 2, *12*); 3) статеры с монограммой № 4 в поле монеты слева (рис. 2, *13, 14*); 4) статеры с монограммой № 4 в левом поле и монограммой № 5 в обрезе (Анадол, № 233–239; Придик Е., 1902, монограмма № 112), (рис. 2, *14*); 5) статеры с монограммой № 4 в левом поле и монограммой № 6 в нижнем поле обреза (Придик Е., 1902, монограмма № 114; Анадол, № 227–232) (рис. 3, *1*); 6) считают, что в последнем десятилетии III в. до н.э. Тира выпустила статеры лизимаховского типа с буквами TY (№ 1) на троне и трезубцем под чертой (рис. 3, *4*); 7) с буквами TY (№ 1) на троне, трезубцем в экзарге

и монограммой № 3 (рис. 3, *5*, *5а*) (монета *5а* увеличена, Лондон); 8) с буквами ΤΥ (№ 1) на троне, трезубцем и монограммой (№ 2) (Румыния). А. Сейриг датировал статеры с буквами ΤΥ (№ 1) 205–195 гг. до н.э.

Следуя датировкам этих статеров, Тира чеканила золотые статеры почти два столетия. Но если не принимать во внимание монограммы, аналогии которым неизвестны, то можно выяснить, что нет такого символа или эмблемы города, которые могли бы служить характерным признаком для Тиры при определении места чеканки ее золотых статеров. Например, из таблиц, составленных Л. Мюллером для определения места чекана статеров Александра Великого и Лизимаха, видно, что ряд античных центров, расположенных на Западном побережье Черного моря, имеет свои специфические признаки. Например, символом города Одесса была амфора, потом монограмма, состоящая из начальных букв имени города ΟΔΗ. Позднее она писалась как монограмма № 23 (Pick B., Regling K., 1910, S. 521) или монограмма № 24, расшифровываясь в ΟΔΗ или ΟΔΗΣΙΤΩΝ. Статеры Калхедона сопровождали буквы ΚΑΛΧ, Каллатиса – буквы ΚΑΛ и колос.

Статеры, выпущенные в Эфесе, имели изображение пчелы и буквы ΕΦ и т.д. (Müller L., 1858, № 95, 239, 278–380, 451). В последней четверти II в. до н.э. и в первой трети I в. до н.э. выпускали статеры Каллатис, Истрия, Томы со своими символами (Pick B., Regling L., 1899–1910. S. 91, 92, 154, 606, 607).

Таким образом, в статерах, приписываемых Тире, нет ни одного общего знака или символа города. Три разных эмблемы – бык, монограмма № 4 и буквы ΤΥ – занимают в поле статеров Лизимаха разные места. Бык всегда помещается в экзарге, под чертой. Монограмма № 4 на троне или в поле монеты – слева; буквы ΤΥ всегда на троне, так как под чертой, обычно совместно с ними изображается трезубец. Трезубец, помещенный под троном и украшенный дельфинами, является признаком посмертных эмиссий статеров лизимаховского типа, приписываемых Тире. По определению Б. Пика, трезубец с двумя дельфинами, помещенный под обрезом на реверсе, может свидетельствовать о том, что эмиссии таких статеров могут относиться ко времени Митридата Евпатора – к I в. до н.э. (Pick B., 1921, S. 30). Но что характерно для этого типа лизимаховских статеров – это наличие монограмм. Статеры с быком, изображенным под чертой, имеют в поле монеты монограммы: 1) № 7, 13; 2) М (№ 10); 3) Φ (№ 11); 4) (№ 8). Статеры Лизимаха с монограммой № 4 имеют под чертой монограммы № 5 и № 6. Статеры с буквами ΤΥ на троне сопровождаются монограммами: 1) № 3; 2) № 2. Следовательно, города, выпускавшие эти статеры, имели развитую систему монетного дела и магистратов, следивших за чеканкой монет. Подобная развитая система чеканки, возможно, существовала в Тире лишь в очень короткий промежуток времени и нашла отражение в типологии серебряных монет Тиры. На реверсах серебряных монет Тиры известны лишь две монограммы № 16 и № 17, а также буквы А, В, Г, Δ, в которых видят нумерацию эмиссий серебра. На меди известна одна монограмма – № 15. Эти монеты выпускались лишь в конце IV в. до н.э. Эмиссии Тирой серебра закончились на рубеже IV и III вв. до н.э., т.е. когда чеканка статеров Лизимаха только набирала силу. Таким образом, можно поставить вопрос: имеются ли основания полагать, что Тира чеканила золото почти два столетия?

Следует учесть замечания Е. Придика о том, что Л. Мюллер каждый раз старался объяснить значение эмблем и монограмм, для того чтобы определить, где, в каких городах были отчеканены статеры. Л. Мюллер полагал, что эмблема-символ в большинстве случаев, или почти всегда, означает место чекана монет. Е. Придик считал, что это не всегда верно, ссылаясь на мнение А. фон Заллета (Sallet A. von, 1882, S. 153), Г. Геблера (Gaebler H., 1897, S. 171), Е. Бабелона и Ф. Имхоф-Блумера (Придик Е., 1902, с. 3, прим. 1). Мнение Е. Придика подтверждается исследованиями Е.Т. Ньюелла (Newell E.T., 1912, p. 5–62). Е.Т. Ньюеллом выявлено, что лицевые стороны некоторых тетрадрахм Александра Великого с различными знаками-символами и дифферентами на обороте имеют общие одинаковые штемпели лицевых сторон. Это дало возможность Е.Т. Ньюеллу говорить о едином царском монетном

дворе Александра Македонского (Newell E.T., 1912, p. 24). Объяснение подобного явления, обнаруженного при изучении статеров Лизимаха, требует дальнейшего их исследования и решения этой проблемы в отдельности, что выходит за пределы данной работы. Что же касается статеров, приписываемых Тире, то, как сказано выше, Л. Мюллер отнес их к неопределенным центрам. По всей видимости, он был прав, так как в самой Тире до сих пор не найдено ни одного статера Лизимаха или статера лизимаховского типа. Была составлена сводка находок золотых монет Лизимаха, обнаруженных в Северо-Западном Причерноморье (Зограф А.Н., 1957, с. 27; Сальников О.Г., 1960, с. 171; Булатович С.А., 1980, с. 70). Все исследователи отмечают, что сведения о находках статеров Лизимаха весьма скудны. В Аккерманской гавани в 1867 г. был найден статер Лизимаха (Зограф А.Н., 1957, с. 27, прим. 28; Карышковский П.О., 1977, с. 17, прим. 11–13). Статер поступил в собрание Одесского общества истории и древностей. В настоящее время его местонахождение неизвестно. А.Н. Зограф обращал внимание на имеющееся сообщение в 1892 г. Ф.И. Кнауэра о приобретении им в Белгород-Днестровском среди других греческих монет одной, якобы найденной там монеты Лизимаха (Зограф А.Н., 1957, с. 60, прим. 28). Сообщение это не проверно. В 1890 г. поступил один статер Лизимаха, отчеканенный в Византии во второй четверти I в. до н.э. (Сальникова О.Г., 1960, с. 177, рис. 1, 6). Но откуда происходит этот статер, неизвестно. Из шести кладов, в которых найдены лизимаховские статеры, три клада происходят с территории бывшего СССР.

Только два из них найдены в Одесской области: у с. Анадол и у с. Арциз. Один клад найден близ Ольвии, у с. Лубянка (Николаевская обл.). Три других происходят с территории Румынии: Борча, Мэрэшешты, Даени (Карышковский П.О., 1977, с. 17, 18). Для истории вопроса о чеканке Тирой золота с именем Лизимаха интерес представляют клады, происходящие из Одесской обл. Но из них изучен только клад из Анадола (Придик Е., 1902; 1903). Следовательно, на территории древней Тиры не найдено ни одного клада, не зафиксировано ни одной находки лизимаховских статеров при археологическом исследовании города Тиры. Но если считать статеры с именем Лизимаха буквами TY (№ 1) и трезубцем, статеры с изображением быка в экзарге, а также статеры с монограммой № 4, то получается, что Тира должна была чеканить статеры лизимаховского типа с конца III в. до н.э. до I в. до н.э.

В заключение укажем на мнение А. Сейрига, обратившего внимание исследователей на тот факт, что Тира находится далеко от того места, где был захоронен Анадольский клад (Seyrig H., 1969, p. 44). Села Рени и Анадол расположены на перекрестке торговых путей первостепенной значимости, в междуречье рек Прута и Дуная. А. Сейриг считал, что движение варварских племен бастарнов, которое ощущалось уже тогда (дата сокрытия Анадольского клада – после 220 г. до н.э.), могло послужить причиной зарытия кладов.

Все вышеизложенное дает право предполагать, что статеры с именем Лизимаха и с изображением быка в экзарге, статеры с монограммой № 4 и статеры с буквами TY и трезубцем в экзарге не были выпущены в Тире.

Итак, самыми ранними (III в. до н.э.) являются золотые статеры с именем Лизимаха и быком в экзарге, так как они не имеют на реверсе трезубца. Они могут быть отнесены к чекану Калхедона. По мнению А. Сейрига, стиль их изображений близок статерам Лизимаха, выпущенным в Калхедоне, который имел изображение быка на реверсах своих монет еще в IV в. до н.э. (Head B.V., 1911, p. 5124; Seyrig H., 1968, p. 196). К более поздним выпускам следует отнести статеры с именем Лизимаха и монограммой № 4, известной также в сочетании с двумя другими монограммами № 5 и № 6.

Эти статеры находились в Анадольском кладе, который датируется 228–220 гг. до н.э. (Seyrig H., 1969, p. 40–44). E.T. Ньюелл счел возможным приписать чекан статеров Лизимаха с монограммой № 4 Синопе, так как ему были известны статеры Александра Великого с такой же монограммой № 4, буквами ΣΙ перед троном и монограммой МН (Newell E.T., 1919, p. 2, pl. II, *28*).

Статеры Лизимаха с буквами ТҮ под троном и трезубцем, украшенным дельфинами, относят к концу II – началу I в. до н.э. Е.Т. Ньюелл полагал, что они могли выпускаться в финикийском городе Тире, так как сокращение из букв ТҮ имеется на статерах города Тир, выпущенных от имени Александра Великого (Newell E.T., 1923, p. 1–22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булатович С.А., 1980. Распространение золотых монет Филиппа II; Александра и Лизимаха в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев.

Булатович С.А., 1983. К вопросу о золотых статерах, чеканенных в Тире // МАСП. Вып. 9.

Бурачков П.О., 1884. Общий каталог монет. Ч. 1. Одесса.

Герасимов Г., 1956. Находки от Месемврийский Одесски тетрадрахма // ИВАИ. X. 1956.

Зиганайло А.Р., Нудельман А.Н., 1971. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н.э. // МАСП. Вып. 7.

Зограф А.Н., 1926. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюл. Керченской конф. археологов СССР. Вып. 3.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты. М.; Л.

Зограф А.Н., 1957. Монеты Тиры. М.; Л.

Карышковский П.О., 1960. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. № 3.

Карышковский П.О., 1977. К вопросу об обращении статеров лизимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сб. Тбилиси.

Карышковский П.О., 1987. Тирасские драхмы Эрмитажа и серебряные эмиссии Тиры // Кр. тез. докл. и сообщ. науч. конф. Новое в современной нумизматике и нумизматическом музееведении (К 200-летию ГЭ). 14–16 октября. Л.

Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.

Придик Е., 1902. Анадольский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. Вып. № 3.

Придик Е., 1903. Поправки к описанию Анадольского клада // ИАК. Вып. 7.

Рогальский А., 1978. Златни Статеры на Одесоси и Месемврия // Нумизматика. № 4. Год XII. Кн. 4.

Сальников О.Г., 1960. Монеты Лизимаха из собрания Одесского Археологического музея // СА. № 4.

Самойлова Т.Л., 1988. Тира в VI–I вв. до н.э. Киев.

Auction Catalogues. Basel A.G. Auction VII, 3–4. Dec. 1948.

Auction Catalogues. Glendining. London, 1951.

Auction Catalogues. Hess 208. Fr. a. M., 1931.

Auction Catalogues. Naville. V. Geneve, 1923.

Auction Catalogues. Schulman L. Amsterdam, 21 oct. 1935.

Auction Catalogues. Sotheby, Wielkinson, Honge. Montagu collection of coins Greek series. Catalogue. London, 1896.

Bordea G.P., 1974. Le tresor de Maragesti // Academie des sciencees Socialiste de Roumanie. Dacia. XVIII. Bucurest.

Fietze W., 1913. Redende Abzeichen auf antiken Munzen // J. Int. d'Archaeol. Numismat. T. XV. Paris; Athene.

Gaebler H., 1897. Zur Munzkunde Makedoniens // Zeitschrift für Numismatik. XX.

Head B.V., 1887. Historia Numorum. Oxford.

Head B.V., 1911. Historia Numorum. Oxford.

Hill G.H., 1923. Greek coins acquired by the British Museum in 1922 // NC. V ser. V. III.

Iliescu O., 1963. Tesaurue de Stateri de la Daeni // Caiet' Selective Hademiei. RPR. № 8.

Karyshkovskiy P.O., Kleiman I.B., 1994. The city of Tyras. A historical and Archaeological Essay. Odessa.

Minns E.H., 1913. Scythians and Greecs. Cambridge.

Morkholm O., 1991. Early Hellenistic Coinage from the accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–186 B.C.). Cambridge.

Morkholm O., 1984. Some Pergamene coins in Copenhagen // Festschrift für Studies in Honor of Leo Hildenberg Wetteren. Belgium.

Müller L., 1858. Die Munzen des thrakischer Konig Lysimachus. Copenhagen.

Newell E.T., 1912. Certain Tetradrachms Alexander the Great. New York.
Newell E.T., 1919. The Alexandrine coinage of Sinope. New York.
Newell E.T., 1923. Tirus Redeviva. New York.
Nicorescu P., 1928. The Bull on the money of Tyra // Bull. Soc. Historical Mounment et Bessarabia. Chinsinau.
Nicorescu P., 1933–1934. Monetele de aur ale orasului Tyras // Bull. Soc. Numismat. Romane. № 81, 82. Bucuresti.
Nicorescu P., 1938. Two gold coins of Tyras // Transactions of int. Numismat. Congress, 1936. London.
Pick B., 1921. Die Münzkunde in der Altertumswissenschaft. Stuttgart; Gotha.
Pick B., Regling K., 1899–1900. Die antiken Munzen Nord-Griechen lands. Bd. 2. Berlin.
Pick B., Regling K., 1910. Die antiken Munze von Dakien und Moesien. T. II. B. I. Berlin.
Regling K., 1928. Neue Konigstetradrachmen von Istros und Kalatis // Klio. XXII. Berlin.
Sallet A. von., 1882. Die Bezeichen auf Munzen Philipps II von Makedonien // Zeitschrift fur Numismatik. IX. Berlin.
Seyrig H., 1968. Monnaies Hellenistiques de Byzanse et Calcedone // Essay in Greek Coinage, persented to Stanley Robinson. Oxford.
Seyrig H., 1969. Date et circumstances du Tresor d'Anadol // Revue Numismatique. VI ser. T. XI. Paris.
SNG: Sylloge Numorum Graecorum. The Barton V. Berry Collection. Part I. Macedonia and Attica, 1961. New Jersey.
SNG: Sylloge Numorum Graecorum. Danish National Museum. Fhrace and Makedonia, 1982. New Jersey.
SNG: Sylloge Numorum Graecorum. IX. The British Museum. Part I: The Black Sea, 1993. London.
Thompson M., 1968. The mints of Lysimachus // Eassy in Greek coinage presented to Stanley Robinson. Oxford.
Thompson M., Morkholm O., Kraay C.M., 1973. An Inventary of Greek coin hoards. New York.
Zograph A., 1925. The Tooapse hoard // NC. V ser. V. V.

Государственный Исторический музей,
Москва

N.A. FROLOVA

ON THE COINAGE OF THE LYSIMACHAEAN-TYPE STATERS IN TYRA

Summary

It is a known fact that after the death of Lysimachus in 281 B.C., staters bearing his name were minted in numerous centres of ancient world even a century later. The city of Tyra on the Dniester river is usually included into the number of Greek cities which minted staters of the Lysimachaean type. According to A.N. Zograf's opinion, Tyra generally coined staters of the following types. 1. Coins with the name of Lysimachus and letters in the field under the image of the throne, and with a trident in the exergue (№ 1) devoid of any other symbols. 2. Coins with letters (№ 1), monogram (№ 3), and trident mark in the field with dolphins' images (London). 3. Staters with letters (№ 1), monogram (№ 2), and trident mark in the field (Romania). Tyra coinage also included: 1. staters bearing the name of Lysimachus and a monogram (№ 4), but with no additional symbols and trident mark (Anadol hoard). 2. Staters with a monogram (№ 4) in the field and a monogram (№ 5) in the exergue (Anadol hoard). 3. Staters with two monograms in the exergue (№ 4 and № 6) (Anadol hoard). Staters with an imge of a charging bull in the exergue and various monograms are also attributed by S.A. Bulatovich to the Lysimachaean-type series coined in Tyra. Having studied the Anadol hoard A. Seyrig suggested his chronology of the Lysimachaean-type staters. According to it, the staters with a monogram and without trident mark (№ 4) are dated to 228–220 B.C.; the staters with letters, trident mark and dolphins (№ 1) are dated to 205–195 B.C.; while those carrying a representation of a bull fall within the end of the 3rd century B.C. It appears that Tyra minted staters from the late 3rd century B.C. up to the lst century B.C.; yet this assumption has no proof in the history of the city coinage, since the emission of silver drahms seized in the end of the 4th – beginning of the 3rd century B.C., the same referres to the only type of copper coins bearing the monogram (№ 15). Later on there were no silver issues and copper ones were pretty scarce. Lysimachaeantype staters bearing letters (№ 1) are in fact not attributed to Tyra, neither those with the monogram (№ 4) are ascribed to this city, nor those representing a bull. Excavations in Tyra throughout the whole period of investigations (from the late 19th century up to 1996) have failed by far to discover yet a single stater of the type in question, while the Anadol hoard found in the ancient city had yielded some. Thus, all the facts displayed do not allow us to consider Tyra to be the centre of minting of the staters bearing the name of Lysimachus.

Г.А. КОШЕЛЕНКО, С.В. НОВИКОВ

О КОРОПЛАСТИКЕ МАРГИАНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Самым массовым видом произведений искусства в Мервском оазисе на протяжении античного и раннесредневекового периодов являлись небольшие терракотовые статуэтки, находки которых очень часты на многих памятниках этого региона. Науке они стали впервые известны благодаря собирательной деятельности генерал-лейтенанта А.В. Комарова (Комаров В.А., 1888), а затем исследованиям В.А. Жуковского в 1890 г. (Жуковский В.А., 1894, рис. 35, 38) и сотрудников экспедиции Р. Пампелли в 1904 г. (Schmidt H., 1908, p. 200, pl. 55, 56).

Однако, как справедливо указывалось в литературе (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 117), тогда они не стали объектом исследования и только воспроизводились в текстах отчетов о проведенных работах. И в дальнейшем они не привлекали внимания исследователей, хотя в фондах Музея краеведения в г. Ашхабаде постепенно была собрана достаточно значительная коллекция этих статуэток. Впервые специальный интерес к ним был проявлен во второй половине 1940-х годов, после начала работ ЮТАКЭ, когда Л.И. Ремпель в двух статьях опубликовал как эту коллекцию, так и те терракотовые статуэтки, которые были найдены сотрудниками ЮТАКЭ в первые годы работы экспедиции на мервских городищах Эрк-кала и Гяур-кала (Ремпель Л.И., 1949; 1951).

Дальнейший прогресс в изучении коропластики собственно Мерва и всего его района связан с именем Г.А. Пугаченковой, которая обработала находки ЮТАКЭ, сделанные до середины 1960-х годов, и создала впечатляющую схему развития этого вида искусства Мерва на протяжении древнего и раннесредневекового периодов (Пугаченкова Г.А., 1959; 1962; 1967). Эту концепцию, правда, довольно трудно передать как из-за некоторой переусложненности ее изложения самим автором, так и в силу того, что на протяжении времени она в определенной степени менялась. В изложении схемы, созданной Г.А. Пугаченковой, естественно, ориентируемся в основном на ее последний вариант (Пугаченкова Г.А., 1967), но обращаемся также и к предшествующим, поскольку в них присутствует аргументация, которой нет в последнем изложении концепции.

Г.А. Пугаченкова указывает, что все терракотовые статуэтки Мервского оазиса античной и раннесредневековой эпох делятся на три основные группы: 1 – это изображения женщин, 2 – изображения мужчин и 3 – изображения животных. Основную массу находок составляют статуэтки первой группы, численно превосходящие находки двух других групп в несколько раз, что свидетельствует об особой роли этого образа. Естественно предположить, что в данном случае фигурки этого типа являют нам изображение женского божества. Г.А. Пугаченкова считала, что культ этой богини восходит к глубокой древности, к эпохе матриархата. Он мог существовать и позднее, что, как она полагает, доказывается наличием терракотовых статуэток женского божества в течение IV–II тыс. до н.э. Затем в эпоху раннего железа наступает "странный", как считает Г.А. Пугаченкова, перерыв. Возможно, по ее мнению, почитание женского божества в это время было обращено "не к иконографическому образу, но к какому-либо символу". Возрождение искусства коропластики происходит в III–II вв. до н.э. Очень важен следующий тезис в анализируемой концепции: это возрождение связано с созданием развитых рабовладельческих империй, во главе которых стояли

© Г.А. Кошеленко, С.В. Новиков, 1999 г.

местные династии, поддерживавшие "широкие политические, экономические и культурные контакты с высокоразвитыми государствами эллинистического мира". В результате этих контактов местное жречество поняло, чего именно не достает местным народным культам: разработанной иконографии популярной богини.

В коропластике Южного Туркменистана, как считает Г.А. Пугаченкова, появляются две различные ипостаси верховных богинь: женщины и девы, претерпевавшие в ходе эволюции принципиальные изменения в своей иконографии. По мнению исследовательницы богиня-мать на раннеантичном этапе изображалась в двух вариантах. В первом из них богиня «представлена полуобнаженной, с тугими грудями... и выпуклым животом беременной женщины; правая рука прижата к груди, ноги сомкнуты, просвечивая под прозрачной, как бы соскальзывающей с бедер тканью, которую она придерживает у лона левой рукой... Головки этих богинь величавы, покойны, с правильными чертами и убраны прической "валиком", поверх которой наброшен платок. Для статуэток данной группы присуща статическая оцепенелость позы и бесстрастие не лишенного привлекательности лица». У второго варианта иная иконография: «характерна слегка склоненная головка, увенчанная высоким тиарообразным убором, из-под которого на плечи спадают две волны густых, горизонтально плоенных волос. Лицо – удлиненного овала, с прямым уплощенным носом и большими глазами в сильно рельефных веках. Торс почти обнажен – лишь шею охватывает ожерелье, да с бедер спускается просвечивающая ткань. Опора тела покоится на левой ноге, которая перекрещена правой, опирающейся на носок, левая рука покоится у груди, правая опущена к бедру, придерживая ткань. Формы стройны, поза изящна...». Доказательство того, что в данном случае изображена женщина, а не дева, Г.А. Пугаченкова видит в высоком головном уборе, который характерен для Сирийской богини и Атаргатис (а также для замужней женщины-туркменки). Данный вариант изображения, по ее мнению, отражает не "материнский", а "вакхический" аспект женского божества.

Наконец, помимо двух вариантов изображений богини-матери в раннеантичной коропластике Мерва присутствуют и изображения богинь-дев: «они одеты в тунику, перетянутую под грудью, и гиматий, ниспадающий у бедер; руки и шея обнажены, прическа убрана пышными прядями, валиком и собрана пучком на макушке. Для них присуща грациозность позы, миловидность лица, мягкость струящихся драпировок одежды. Эллинизированная основа этого художественного образа вполне очевидна...».

Что касается вопроса о том, какие именно женские божества были представлены в коропластике Мерва, то в последнем варианте изложения своей концепции Г.А. Пугаченкова предлагает следующее решение: вполне возможно, что в виде девы была представлена богиня Анахит, богиня-мать могла изображать как иные авестийские женские божества (например, Аши, Хванинда), так и немаздеистских богинь, популярных среди местного населения.

Поскольку цель данной работы – исследование проблем коропластики Маргианы только эллинистической эпохи, то и в изложении схемы Г.А. Пугаченковой мы ограничиваем себя исключительно этим первым этапом, не касаясь ее взглядов на дальнейшую эволюцию этого вида искусства. Эта концепция (точнее различные ее варианты) была принята (или по крайней мере открыто не оспаривалась) практически всеми исследователями, касавшимися проблем коропластики Маргианы античной эпохи (см., например: Кошеленко Г.А., 1966; 1977; Усманова З.И. и др., 1985). Только в самые последние годы она была подвергнута критике, правда, не в связи с анализом собственно терракотовой пластики, а при публикации иной категории произведений искусства Маргианы – парфянских булл из раскопок Гебеклы-депе (Кошеленко Г.А. и др., 1995).

Однако более внимательное исследование всего комплекса материалов по коропластике Мерва заставляет усомниться в справедливости концепции, созданной Г.А. Пугаченковой, в частности представлении об эллинистическом этапе ее эволюции. Отметим, что прежде всего вызывают сильные сомнения исходные позиции автора. Ее уверенность в том, что культ женского божества на территории Южного

Туркменистана в целом и Мервского оазиса в частности имеет единый исток, кроющийся в идеологических представлениях эпохи матриархата, и затем – единую линию развития, не вполне обоснованна. Согласно современным научным представлениям, матриархат представлял собой отнюдь не обязательную стадию в развитии общества, а скорее, очень редкое исключение, порожденное только особыми обстоятельствами (Першиц А.И., 1986, с. 82, 83). В случае с Южным Туркменистаном наличие матриархальной стадии в его истории пока еще никем не было доказано.

Однако гораздо важнее другое обстоятельство: Мервский оазис был заселен человеком только на рубеже III и II тыс. до н.э. Вопрос о том, откуда пришло его первоначальное население и какова была этническая ситуация в нем на протяжении II тыс. до н.э., остается объектом острых дискуссий, и отнюдь не исключено, что это население не имело генетической связи с населением предгорной полосы Копет-дага. Вследствие этого наличие единой линии развития не может считаться доказанным. Точно так же вполне вероятным представляется факт смены населения в оазисе на рубеже между эпохами бронзы и раннего железа, в связи с чем коропластика эпохи бронзы в этом регионе, яркий расцвет которой хорошо показан исследователями (Массон В.М., Сарианиди В.И., 1973), может и не иметь никакого отношения к коропластике античной эпохи. Наконец, вопреки утверждениям Г.А. Пугаченковой, отнюдь не представляется странным отсутствие терракоторых статуэток в оазисе в эпоху раннего железа[1]. Несомненно, что Маргиана была одной из тех областей, где именно в это время зороастризм получил широчайшее распространение (Кошеленко Г.А. и др., 1996, с. 134–147). В таких условиях отсутствие здесь произведений терракотовой пластики представляется вполне естественным, ибо для раннего зороастризма подчеркнутый аниконизм был одним из основополагающих принципов (Лелеков Л.А., 1985, с. 57). Совершенно неудовлетворительным является и тезис о причинах и времени появления в Маргиане искусства коропластики в античную эпоху. Прежде всего, необходимо указать на несколько внутренних противоречий в анализируемой концентрации. Хотя в общетеоретических построениях Г.А. Пугаченкова предполагает наличие терракотовой пластики уже в III в. до н.э., в наиболее развернутом изложении ее концепции (Пугаченкова Г.А., 1962) ни один из конкретных экземпляров статуэток этим временем ею не датируется. Самые ранние датировки для них – II в. до н.э. Только в последнем варианте схемы появляется один экземпляр, датируемый III в. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1967, с. 75, рис. 53), хотя никакой аргументации в пользу этой даты не приводится. Второе внутреннее противоречие концепции Г.А. Пугаченковой состоит в том, что, считая причиной появления этого вида искусства широкие контакты с передовыми эллинистическими государствами (судя по контексту, имеются в виду переднеазиатские эллинистические государства) в условиях существования уже местной государственности (естественно, что под это определение может подпасть только государство Аршакидов), она тем самым опрокидывает собственные хронологические построения, ибо Маргиана на протяжении всего III и большей части II в. до н.э. не входила в состав Аршакидской державы (которая сама возникла только в середине III в. до н.э.), а была сначала частью царства Селевкидов, а затем – Греко-Бактрии (Koshelenko G. et al., 1997, S. 121–145). Совершенно непонятно, почему Г.А. Пугаченкова отвергает самое простое и самое рациональное объяснение для причин "возрождения" коропластики в эллинистическую эпоху. Именно тогда на территории Маргианы возникает новый город – Антиохия Маргианская, в составе населения которого греки-переселенцы составляли значительный процент. Учитывая высокую популярность в Элладе коропластики, естественно предположить, что именно это стало причиной вторичного появления в Мервском оазисе этого вида искусства.

---

[1] Утверждение о том, что терракотовые статуэтки в Мервском оазисе встречаются начиная с ахеменидской эпохи (Simpson St. J., Herrmann G., 1995. p. 141), основано на недоразумении. Ни на одном из памятников этого времени, включая раскопанное в значительных масштабах Яз-депе, не было встречено ни одной подобной фигурки.

Необходимо особо остановиться на созданной Г.А. Пугаченковой типологии и методах ее обоснования. С нашей точки зрения, она не выдерживает критики. В сущности, автор создает совершенно произвольные типы, различие между которыми никак не обосновывается. Чрезвычайно показательно в этом отношении то обстоятельство, что в качестве иллюстрации для характеристики обоих вариантов богини-женщины используется одна и та же терракотовая статуэтка (Пугаченкова Г.А., 1967, с. 75, ил. 53). Отличие богини-девы от женщин-богинь постулируется на основании предполагаемой разницы в головных уборах. В этом отношении также показательно, что в последнем варианте своей концепции Г.А. Пугаченкова подробно описывает тип богини-девы, но в подтверждение своих положений ссылается на те статуэтки, от которых сохранились только головки (Пугаченкова Г.А., 1967, с. 76, ил. 60, 61). Один и тот же прием в передаче характера одежды в одном случае служит основой для утверждения, что перед нами – обнаженная женщина, в другом – женщина в прозрачных одеждах. Утверждение, что один из вариантов изображения богини представляет собой воспроизведение беременной женщины, совершенно ни на чем не основано, ибо Г.А. Пугаченкова забывает о ряде особенностей в производстве терракотовых статуэток, которые делают возможными различные легкие дефекты. Наконец, она анализирует объекты коропластики так, как будто они являются произведениями "большого искусства", что, естественно, абсолютно неверно. Археологическая типология и попытки искусствоведческого анализа безнадежно перепутаны и не дают возможности воспринять результаты этого исследования. Все утверждения о "тугих грудях", "пластических выгибах бедра", "миловидном лице", "влекущей красоте", "чувственном облике" и "сладострастных культах" – результат только личного эмоционального впечатления автора и не могут быть использованы в качестве аргумента при серьезном анализе конкретного явления.

Еще одно обстоятельство, которое также необходимо особо подчеркнуть, – это, в сущности, совершенно произвольные построения относительно динамики развития иконографии. Все выделенные Г.А. Пугаченковой этапы практически не подкреплены надежными стратиграфическими наблюдениями и являются результатом приложения к имеющемуся материалу чисто умозрительной схемы.

Для подтверждения этого тезиса обратимся к результатам раскопок на городищах Эрк-кала и Гяур-кала – единственных памятников оазиса, где (хотя бы на ограниченной площади) были вскрыты слои эллинистического времени. При раскопках "Замка" на Эрк-кале не были вскрыты слои раннего времени, и те терракотовые статуэтки, которые руководитель работ на раскопе (следуя схеме Г.А. Пугаченковой) относила к числу ранних, получены из забутовки (Усманова З.И., 1963а, с. 74). Тем самым они ничего не могут дать для понимания хронологической эволюции произведений мелкой терракотовой пластики. Бесспорно ранние слои на Эрк-кале выявлены в шурфе, вскрытом в 1961–1962 гг. и расположенном между центральным бугром и южными воротами (Усманова З.И., 1969). Над материком располагался слой, который З.И. Усманова определила как слой времени Яз-III, возможно, имевший свое начало даже во время Яз-II. Следующий слой, датируемый ею концом IV–III в. до н.э., не дал ни одной находки терракотовых статуэток. Та же самая картина характерна и для следующего слоя, относимого ко II–I вв. до н.э. При раскопках укреплений Эрк-калы в слоях, датируемых эллинистическим и раннепарфянским временем, также не было встречено ни одной терракотовой фигурки (Усманова З.И., 1989).

Материалы из значительного числа раскопов и шурфов Гяур-калы были обобщены М.И. Филанович (1974). Здесь, благодаря большим объемам работ, картина не столь удручающая, как на Эрк-кале. В шурфе-раскопе № 2 во втором (снизу) слое была обнаружена нижняя часть терракотовой статуэтки (Филанович М.И., 1974, с. 50), которую Г.А. Пугаченкова отнесла к числу произведений I в. до н.э. – I в. н.э. (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 126). Именно эта статуэтка (наряду с фигуркой из раскопа № 6) представляет собой отправную точку для хронологической схемы Г.А. Пугаченковой. Однако ситуация с датировкой данного слоя не столь однозначна, как это ей

представляется, хотя иногда и утверждается, что именно этот шурф послужил одной из главных основ для разработки стратиграфии Мерва (Филанович М.И., 1974, с. 27). Над материком находился слой (толщиной 2,5 м), который определен автором как слой, содержащий наряду с керамикой типа Яз-III также и керамику последующего времени (без точного хронологического определения). Следующий слой мощностью 3 м (Филанович М.И., 1974, с. 28) или 2,5 м (Филанович М.И., 1974, с. 50), по мнению автора, не содержит никакой примеси керамики типа Яз и датируется на основании находок монет II–I вв. до н.э. (Филанович М.И., 1974, с. 28).

Данное утверждение автора, однако противоречит наблюдениям Л.М. Рутковской над материалом из того же самого шурфа (Рутковская Л.М., 1962, с. 44). Критикующая Л.М. Рутковскую (именно по поводу этого самого шурфа) М.И. Филанович отмечает, что "выделенный в статье комплекс керамики III–II вв. до н.э., как выяснило последующее исследование стратиграфии Гяур-калы и Эрк-калы, включает керамику IV–III и II–I вв. до н.э." (Филанович М.И., 1974, с. 136, прим. 135). Тем самым М.И. Филанович сама себя опровергает, признавая, что материал из этого слоя может относиться даже к концу IV в. до н.э. В целом же картина с интерпретацией данного слоя выглядит совершенно безотрадно: весьма мощный, толщиной в 2,5–3 м, он внутренне не расчленен; керамика представленная в нем, включает в себя формы как конца IV–III в. до н.э., так и II–I вв. до н.э., причем неясно, различаются ли эти формы стратиграфически или же они смешаны. Вдобавок в слое найдены монеты II–I вв. до н.э. (но ни описания, ни иллюстраций этих монет в тексте не содержится, и проверить их определения нет ни малейшей возможности). К тому же точная стратиграфическая позиция монет не указана и их соотношение с керамикой совершенно не определено. На основании всего этого материала делается окончательный вывод о том, что найденная в этом контексте (также без указания точной стратиграфической позиции) терракотовая статуэтка должна быть датирована I в. до н.э. – I в. н.э.

Весь приведенный выше материал, как нам представляется, совершенно бесспорно доказывает, что никаких выводов о точной дате терракоты быть не может. Она может быть датирована в очень широких пределах: от конца IV вплоть до I в. до н.э. – и в результате этого не может служить "базой" для создания хронологической шкалы терракотовой пластики Мерва. Чуть лучше ситуация с другим экземпляром, который Г.А. Пугаченкова считает "опорным" для своей стратиграфической шкалы – терракотой из раскопа № 6 (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 126). Статуэтка была найдена в слое, который начинается в середине XXIII яруса и заканчивается в XIV ярусе (т.е. мощность слоя составляет примерно 4 м). Этот слой представляет собой пространство между двумя стенами коридора (высотой 4 м) с двумя уровнями полов. Нижний уровень датируется медной монетой "чеканки старших Аршакидов", верхний – "серебряной монетой Артабана II (129/8–124 гг. до н.э.)" (Филанович М.И., 1974, с. 57, 58; Кацурис К., Буряков Ю., 1963, с. 124–127). К сожалению, во всех работах, где рассматривается материал из этого шурфа, нет ни определения того, что авторы считают "старшими Аршакидами", ни описания этих двух монет, отсутствуют и их воспроизведения. В этих условиях суммарное определение даты всего слоя, имеющего мощность около 4 м, как периода II–I вв. до н.э. (Кацурис К., Буряков Ю., 1963, с. 127), не выглядит бесспорным. Соответственно не кажется бесспорной и дата статуэтки – II–I вв. до н.э.

Таковы статуэтки, полученные из стратиграфически определенных слоев, ставшие основой для схемы развития иконографии "великой Маргианской богини".

Еще менее определима дата других статуэток, которые Г.А. Пугаченкова использует для создания своей схемы. Одна из них, датируемая II–I вв. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 120, рис. 1), происходит из отвала парфянского керамического производства в южной части Гяур-калы (Р-4). Однако в сводной публикации, обобщившей материал раскопов и шурфов Гяур-калы, в описании данного раскопа статуэтки не упоминается, весь же отвал суммарно датируется "античным временем" и отмечается

сходство керамики, обнаруженной там, с керамикой I–II вв. н.э. из других раскопов Гяур-калы (Филанович М.И., 1974, с. 90).

Примерно такая же ситуация с терракотовыми фигурками (датируемыми этим же временем) из раскопа № 2 (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 120, 121, рис. 2 левый; с. 122, 123, рис. 3). Однако автор публикации данного комплекса указывает, что терракоты, найденные там, относятся к различному времени и одна из тех статуэток, на которые ссылается Г.А. Пугаченкова, автором публикации раскопа вообще не упоминается (Усманова З.И., 1963б, с. 177, 178).

Лишены точной стратиграфической "привязки" и остальные фигурки, относимые Г.А. Пугаченковой к ранним вариантам, датируемым ею II–I вв. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 122, рис. 2 правый; с. 124; рис. 4; с. 125, 126, рис. 6). Таким образом, мы можем сделать вывод, что концепция, созданная Г.А. Пугаченковой, не может быть принята, во всяком случае для раннего этапа развития античной коропластики Мерва. Наоборот, она настолько запутала ситуацию, что, с нашей точки зрения, необходимо полностью отказаться от всех выводов ее автора и совершенно заново рассмотреть проблему. При этом и методы ее решения должны быть иными, так как из всего сказанного выше явствует, что собственно стратиграфические наблюдения не могут быть основой новой схемы в силу их чрезвычайной ограниченности. В этих условиях, как нам представляется, единственную возможность поставить и решить данную проблему дает сравнительный метод.

Мы имеем в виду следующее обстоятельство. В пределах Центральноазиатского региона имеется единственный центр, где в действительно серьезных масштабах вскрыты слои эллинистического времени. Это городище Ай-Ханум в Северном Афганистане. Именно терракотовые статуэтки, найденные при его исследовании, могут быть использованы как своего рода эталон для понимания того, какие именно из среднеазиатских (в том числе и маргианских) терракотовых фигурок действительно могут быть датированы эллинистическим временем. Использование указанного метода облегчается тем обстоятельством, что недавно К. Абдуллаев издал все терракотовые статуэтки, найденные при раскопках Ай-ханум, проведя детальное исследование всего этого материала (Абдуллаев К., 1996)[2]. В этой же статье, опираясь именно на материалы Ай-ханум, он выявил группу эллинистических статуэток из других центров Бактрии.

Для коропластики Ай-ханум (насколько она сейчас известна) характерны три типа статуэток (мы не касаемся вопроса о налепах на керамике, которые занимают важное место в публикации К. Абдуллаева, но полностью отсутствуют в материалах Мерва). Все терракотовые фигурки выполнены в односторонних матрицах с подрезкой контура и тыльной стороны специальным инструментом. Думается, что для проработки некоторых деталей нельзя исключать использование стеки. К. Абдуллаев, с нашей точки зрения, справедливо подчеркивает то обстоятельство, что при раскопках Ай-ханум не было найдено каких-либо следов специализированных мастерских по производству терракот, что заставляет думать об их производстве в обычных гончарных мастерских. Можно предполагать, что самые первые матрицы для производства терракот поступили из более западных районов эллинистического мира (Малой Азии, Сирии, Египта) (Francfort H.-P., 1984, p. 119), затем они многократно копировались, следуя обычной практике этого вида искусства. Упрощения и варианты, присутствующие в терракотах – результат именно этого многократного копирования первоначальных образцов.

Судя по материалам, приведенным К. Абдуллаевым, наиболее распространен среди терракотовых статуэток Ай-Ханум тот тип, который он описывает следующим образом: стоящая женская фигура с чуть выдвинутой правой ногой, облаченная в длинное

---

[2] До публикации К. Абдуллаева часть терракотовых статуэток была опубликована А.-П. Франкфором (Francfort H.-P., 1984, p. 39–41, tab. 14; XVI) и О. Гийомом (Guillaume O., Rouguelle A., 1987, p. 60–62; tab. 19, *1–8*; XVI, *1–13*; XVII, *7–18*).

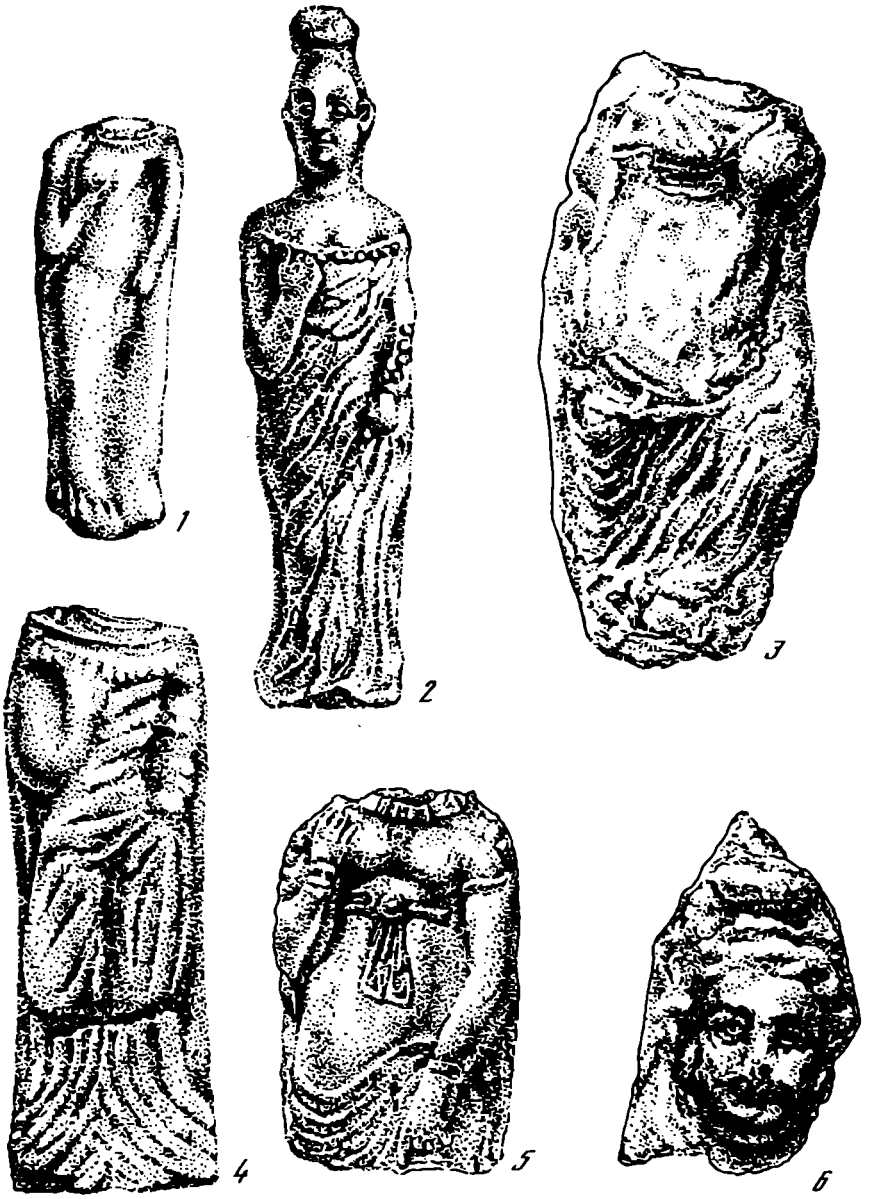


Рис. 1. Тип. I. *1* – из раскопа № 2 на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 120, 121, рис. 2 левая); *2* – из раскопа № 2 на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 133, рис. 11 левая); *3* – из раскопа № 6 на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, рис. 5 левая); *4* – из раскопа № 6 на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 127, рис. 7 внизу правая); *5* – из раскопа № 4 на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, рис. 5 правая); *6* – случайная находка на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 124, рис. 4)

платье, форма которого явно напоминает греческий костюм (хитон, пеплос). На одном из фрагментов этого типа, представляющем собой верхнюю часть фигурки, различим округлый вырез горловины, прическа из коротко остриженных волос обрамляет овальное лицо, голову венчает полукруглый головной убор цилиндрической формы. Автор вместе с тем подчеркивает некоторое упрощение образа по сравнению с собственно греческой пластикой. Во-первых, он указывает на то, что складки одежды передаются прямыми вертикальными линиями, следующими от горловины до низа платья, и лишь рельефно выступающая на общем фоне линия показывает край верхней одежды, напоминающей колпос. Во-вторых, он подчеркивает, что лента, повязанная под грудью, передана обычно в виде массивного налепа (Абдуллаев К., 1996, с. 56, 57, рис. 1, *1–8*). В дополнение к тем особенностям этого типа, кото-

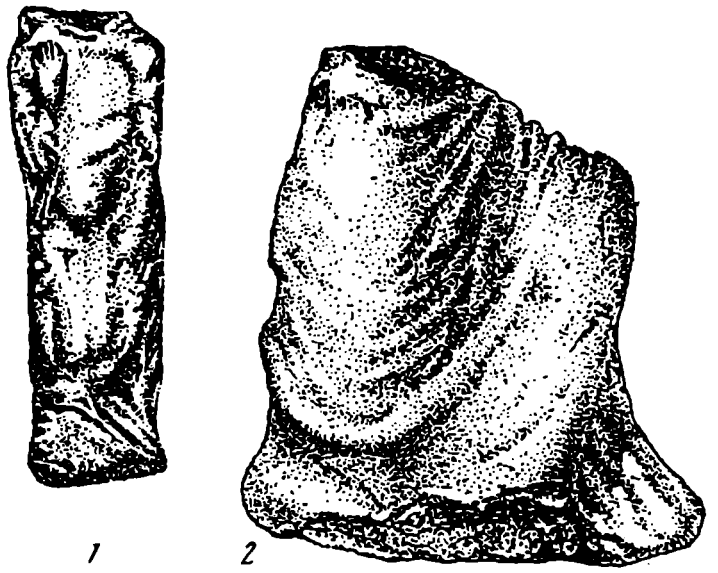


Рис. 2. Тип I. *1* – случайная находка на Гяур-кале (Ремпель Л.И., 1951, № 5, с. 180, рис. 11). Тип II. *2* – случайная находка на Эрк-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, 126, рис. 6)

рые были выделены К. Абдуллаевым, необходимо добавить еще следующее: у всех статуэток этого типа одно и то же расположение рук – одна рука поднята вверх и располагается у груди или плеча, а вторая опущена на бедро. Как нам представляется, К. Абдуллаев абсолютно прав, не принимая во внимание мнение А.-П. Франкфора, который датировал некоторые из терракот данного типа кушанским временем (Francfort H.-P., 1984, p. 40). Эта датировка, противоречащая стратиграфическим выводам, порождена некритическим отношением к схеме развития согдийской терракоты, предложенной некогда В.А. Мешкерис (1978, с. 243–250) и основанной, как стало ясно после раскопок последних лет в Самарканде (Bernard P., 1996, p. 331–365), на недостаточно точных выводах о стратиграфии этого центра.

Данный тип помимо Ай-ханум присутствует также среди находок, происходящих из других центров Бактрии (Шор-тепа и Зар-тепа) (Абдуллаев К., 1996, с. 57, 58).

Этот тип встречается и в коропластике Маргианы. Явно относятся к нему несколько ранее опубликованных статуэток из различных раскопов на Гяур-кале: две фигурки из раскопа № 2 (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 120, 121, рис. 2 левая; с. 132, рис. 11 левая) (рис. 1, *1*, *2*); две фигурки из раскопа № 6 (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, рис. 5, левая; с. 127, рис. 7 внизу правая) (рис. 1, *3*, *4*); фигурка из раскопа № 4 (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, рис. 5 правая) (рис. 1, *5*). Видимо, к этому типу можно отнести и головку терракотовой фигурки, являющуюся случайной находкой, сделанной также на Гяур-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 124, рис. 4) (рис. 1, *6*), а также статуэтку, найденную на Гяур-кале Л.И. Ремпелем (1951, № 5, с. 180, рис. 11) (рис. 2, *1*).

Второй тип, который также можно считать чисто эллинистическим, – женская фигура, сидящая на троне (Абдуллаев К., 1996, с. 60, 61, рис. 3, *1*). Этот тип, однако, встречается гораздо реже, чем первый. Среди терракотовых статуэток Ай-Ханум имеется единственный экземпляр, к сожалению, фрагментированный – отсутствует головка. К. Абдуллаев указывает, что верхняя часть одеяния персонажа плохо различима, видны длинные рукава с поперечными складками, левая рука опирается на колено и держит в руках предмет ромбических очертаний, правая рука, согнутая в локте, прижата к груди и задрапирована, показана лишь кисть, держащая бокал (?) треугольных очертаний. Широкая рельефная линия на груди передает, по всей видимости, округлый вырез платья. По обе стороны от сидящей фигуры имеются вертикальные рельефные полосы, передающие детали трона. К. Абдуллаев считает дан-

ную терракотовую статуэтку чисто светской на том основании, что она держит в руках веер (таково его определение ромбического предмета в левой руке), а среди танагрских статуэток один из излюбленных сюжетов – девушка с веером в руках – явно светского содержания. Однако думается, что автор неправильно расставляет акценты. Девушка с веером в руке – этот тип представлен только стоящими фигурками. В данном случае определяющая особенность типа не веер, а то обстоятельство, что женская фигура представлена сидящей. Этот тип принадлежит к числу древнейших в греческой коропластике, и именно так обычно изображался ряд женских образов в греческом пантеоне, например Деметра, Кибела и т.д. (Кобылина М.М., 1961, с. 7; Денисов В.И., 1981, с. 36, табл. VI *в*). На основании этого можно предполагать, что и статуэтка из Ай-Ханум, вероятнее всего, воспроизводит какой-то из образов женских божеств Эллады. В Бактрии подобный тип зафиксирован еще на двух памятниках: Шахри-Бану (Афганистан) и Кей-Кобад-Шах (Абдуллаев К., 1996, с. 60, 61).

В коропластике Мервского оазиса этот тип представлен, кажется, одним экземпляром – нижней частью терракотовой фигурки, найденной М.Е. Массоном на Эрк-кале (Пугаченкова Г.А., 1962, с. 125, 126, рис. 6) (рис. 2, *2*).

Наконец, среди эллинистических терракот Ай-Ханум К. Абдуллаев выделяет третий тип – образ Ники с венком с лентами в руке (Абдуллаев К., 1996, с. 58, 59, рис. 1, *11*). Этот тип, кажется, достаточно широко был представлен среди находок на других памятниках Бактрии (Абдуллаев К., 1996, с. 58), но, насколько нам известно, не представлен в коропластике Маргианы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Находки терракотовых статуэток в Ай-Ханум дают три различных варианта изображения женского персонажа. Первый – это стоящая женская фигура в греческих одеяниях с одной рукой, поднятой к груди или плечу, и второй, опущенной на бедро. Второй – сидящая на троне женская фигура. Третий вариант – это, вероятно, Ника, держащая в руках венок. Два из этих типов представлены среди терракот Маргианы; это заставляет думать, что наши предположения об их эллинистической дате вполне справедливы. Необходимо указать в связи с этим еще на одно обстоятельство: терракотовые статуэтки тех типов, которые мы считаем эллинистическими, встречены только на территории Эрк-калы и Гяур-калы, в то время как все остальные типы широко представлены на многих других памятниках оазиса. Это наблюдение хорошо согласуется с выводом о том, что в эллинистическое время в оазисе жизнь концентрировалась только на этих двух городищах и в непосредственной близости от них (Bader A.N. et al., 1996, p. 23–38).

Предположение об отнесении именно двух данных типов фигурок к эллинистической эпохе подкрепляется, как нам кажется, еще одним наблюдением. Среди достаточно надежно стратифицированных находок терракотовых фигурок из раскопок Самарканда именно эти два типа встречены в раннеэллинистическом слое (Shishkina G.V., 1996, p. 87, fig. 5, крайняя правая статуэтка – первый тип; p. 87, fig. 5, крайняя левая внизу статуэтка – второй тип)[3]. Возможно, к первому типу можно отнести и фигурку с Мирзабек-калы (Средняя Амударья) (Пилипко В.Н., 1977, с. 183, 184, рис. 2, *1*; 3, *1*; 1985, с. 78, с. 204, № 49). Характерно, что именно этот памятник является единственным в регионе, где, бесспорно, имеются слои эллинистического времени.

Можно высказать предположение, что среди терракотовых статуэток Маргианы имеются и некоторые другие, которые могут быть отнесены к числу чисто эллинистических, но выделить их среди общей массы достаточно трудно, не имея надежных критериев, похожих на те, что мы имеем для отмеченных выше типов. Можно только высказать предположение, что терракотовая головка, происходящая из Мерва и датируемая Г.А. Пугаченковой II–I вв. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1967, с. 76, ил. 61), в действительности относится к несколько более раннему времени и должна датироваться, вероятнее всего, III–II вв. до н.э. Основание для этого – не столько общий

[3] Данный тип зафиксирован и среди случайных находок на Афрасиабе (Мешкерис В.А., 1989, с. 106, 107, рис. 17, *1*).

облик головки, явно восходящий к хорошим эллинистическим образцам, сколько наличие на голове очень своеобразного головного убора, напоминающего перевернутый усеченный конус. Такие головные уборы типичны для греческих божеств, связанных с идеей плодородия (Кобылина М.М., 1961, табл. VIII, *3*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К., 1996. Терракотовая пластика Ай-ханум // РА. № 1.

Денисова В.И., 1981. Коропластика Боспора. Л.

Жуковский В.А., 1894. Развалины Старого Мерва. СПб.

Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Тр. ЮТАКЭ. Т. XII.

Кобылина М.М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.

Комаров В.А., 1888. Закаспийская область в археологическом отношении // Туркестанские ведомости. № 25, 26.

Кошеленко Г.А., 1996. Культура Парфии. М.

Кошеленко Г.А., 1977. Родина парфян. М.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н., 1995. Две богини? // ВДИ. № 2.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н., 1996. Авестийские данные о Маргиане // Проблема истории, филологии, культуры. Вып. 3. Ч. 1. М.: Магнитогорск.

Лелеков Л.А., 1985. Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистической эпохи // СА. № 1.

Массон В.М., Сарианиди В.И., 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.

Мешкерис В.А., 1978. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М.

Мешкерис В.А., 1989. Согдийская терракота. Душанбе.

Першиц А.И., 1986. Матриархат // Социально-экономические отношения и соционормативная культура (Свод этнографических понятий и терминов). М.

Пилипко В.Н., 1977. Женские терракотовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. № 1.

Пилипко В.Н., 1985. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад.

Пугаченкова Г.А., 1959. Маргианская богиня // СА. Т. XXIX/XXX.

Пугаченкова Г.А., 1962. Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI.

Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.

Ремпель Л.И., 1949. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. I.

Ремпель Л.И., 1951. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. Т. II.

Рутковская Л.М., 1962. Античная керамика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI.

Усманова З.И., 1963а. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.) // Тр. ЮТАКЭ. Т. XII.

Усманова З.И., 1963б. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. XII.

Усманова З.И., 1969. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIV.

Усманова З.И., 1989. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Тр. ЮТАКЭ. Т. XIX.

Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А., 1985. Маргиана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.

Филанович М.И., 1974. Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. XV.

Bader A.N., Gaibov V.A., Koshelenko G.A., 1996. Walls of Margiana // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archeology in antiquity. Firenze.

Bernard P., 1996. Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roms.

Francfort H.-P., 1984. Le sanctuaie de temple à niches identées // Fouilles d'Aï Khanoum. III. MDAFA. T. XXVII. Paris.

Guillaume O., Rouguelle A., 1987. Les petites objects // Fouilles d'Aï Khanoum. VII. MDAFA. T. XXXI. Paris.

Koshelenko G., Bader A., Gaibov V., 1997. Die Margiana in hellenistischer Zeit // Hellenismus. Baitrage zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in der Staaten des hellenistischer Zeitalter. Tübingen.

Schmidt H., 1908. The Excavations in Chiaur-Kala (Old Merv) // Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Ed. by R. Pumpelly. Washington.

Shishkina G.V., 1996. Ancient Samarkand: Capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute. New Ser. V. 8 (1994). Bloomfield Hills.

Simpson St.J., Herrmann G., 1995. Through the glass darkly. Reflections on some ladies from Merv // Iranica Antiqua. V. XXV.

Институт археологии РАН, Москва
Московской государственный университет

G.A. KOSHELENKO, S.V. NOVIKOV

ON THE COROPLASTICS OF MARGIANA IN HELLENISTIC PERIOD

Summary

The problems of coroplastics originating from Margiana (or Merv oasis) and dated within Hellenistic period are regarded in the paper. The authors criticize the chronological and typological systems worked out by G.A. Pugachenkova for the terracotta figurines produced there. The authors consider comparisons with the collection from Ai Khanum (Bactria) to be the only reliable procedure to define clearly Hellenistic terracottas. Basing on this comparison they have outlined two types of undisputably Hellenistic terracota figurines.

С.М. ПЕРЕВАЛОВ

САРМАТСКИЙ КОНТОС И САРМАТСКАЯ ПОСАДКА

Главным оригинальным достижением сарматских племен по праву может считаться введенный ими в первые века нашей эры военный строй тяжелой кавалерии, оказавший впоследствии – через римское и германское посредничество – заметное влияние на формирование средневекового рыцарства (Cardini F., 1981, рус. пер.: Кардини Ф., 1987). Кавалерия эта в современной науке получила название катафрактариев (греч. – "панцирники"). Термин заимствован из античной традиции; в общем он отражает тот факт, что вопросы защитного вооружения сарматов разработаны в современной литературе лучше других. В настоящей статье рассматриваются менее исследованные элементы сарматского военного дела: способ использования главного наступательного оружия катафрактариев – пики-контоса и посадка всадника в бою. Использованы две, наиболее информативные для данной проблемы, группы источников: письменные и изобразительные. Хронологические рамки статьи – I–II вв. н.э.

Чтобы определить направление поиска, необходимо выяснить, какое из сарматских племен и когда впервые применило кавалерию нового типа с контосом в качестве главного оружия. Поскольку сведения об этом событии дошли до нас извне, от греческих и римских писателей, стоит сделать оговорку, что речь пойдет о времени, когда нововведение стало известно в античном мире.

Радикальный сдвиг в военном деле сарматов лучше всего прослеживается у роксолан. Два источника – Страбон и Тацит – со столетним приблизительно промежутком оставили примечательные свидетельства о вооружении и тактике этого племени[1]. Страбон (VII.3.17, p. 306) в описании войны роксолан с полководцем Митридата Евпатора Диофантом ок. 110 до н.э., характеризует их как легковооруженное войско, по-видимому, кавалерию, поскольку речь идет о кочевниках. Их защитное вооружение составляли панцири из сыромятной кожи и плетеные щиты, наступательное – короткое копье (λόγχη), лук, меч; тактически они были слабы, "как всякое варварское племя", и оказались наголову разбиты меньшей по численности (6 тысяч против 50) греческой фалангой. Ничего отличительного в вооружении роксоланов в сравнении со скифами и другими варварами Страбон не находит ("подобным же образом вооружено и большинство других варваров").

Совсем иную картину дает Тацит (Hist. I. 79) в рассказе о набеге 9-тысячного отряда роксолан на римскую Мезию в 69 г. н.э. Мы видим у них подлинную революцию в вооружении, средствах защиты тела и тактике. Основным оружием роксолан становятся длинный контос (contus) и тяжелый длинный меч (gladius), луки не упоминаются вовсе; защитой им служат прочные, непроницаемые для стрел, чешуйчатые панцири из металла или дубленой кожи, щиты отсутствуют; наконец, они используют новую эффективную тактику лобовой атаки: "когда они атакуют эскадронами (turmas), вряд ли какой строй (acies) выдержит их удар". Неудача в столкновении с римлянами зимой 69 г. была вызвана начавшейся распутицей, помешавшей сарматам пользоваться

[1] Для целей статьи не столь существенно, были ли роксоланы Страбона (названные "ревксиналами" в херсонесском декрете в честь Диофанта – IOSPE. II, № 352) и роксоланы Тацита одним и тем же народом, как и то, следует ли относить их к сарматам в строгом смысле слова (Страбон об этом не говорит, для Тацита роксоланы – безусловно сарматы). Важнее то, что оба автора считали роксолан типичными представителями военной культуры народов того круга земель, который у писателей рубежа нашей эры получил название Сарматии, прежней Скифии.

© С.М. Перевалов, 1999 г.

своим грозным при сохранении боевого порядка оружием. Предыдущей зимой те же сарматы уничтожили две римские когорты.

Таким образом, переворот в военном деле у сарматов следует помещать в период между "Географией" Страбона (первая четверть I в. н.э.), и "Историей" Тацита (первое десятилетие II в. н.э.). Уточнить дату попытался в свое время Р. Сайм. Опираясь на первые упоминания об отличительном сарматском оружии, контосе (sarmaticus contus), у римских эпических поэтов конца флавианской эпохи: Стация (Achill. II. 132–133), Силия (Pun. XV. 684), но прежде всего – у Валерия Флакка (Argon. VI. 162; 231–238), он отнес появление первых точных сведений у римлян об особой сарматской тактике ко времени дунайских войн Домициана (89–92 гг. н.э.), а создание шестой песни "Аргонавтики" Флакка датировал 92 г. (Syme R., 1929, p. 136).

Хронологические выкладки Сайма, основанные на привязке первого упоминания о сарматской тактике к ближайшему по времени столкновению римлян с сарматами, небесспорны и могут быть скорректированы. Датировки поэмы и ее отдельных частей у разных специалистов колеблются в пределах 70-х–90-х гг. (Halfmann H., 1986, p. 50; Taylor P.R., 1994, p. 214 f.; новейший разбор мнений: Valerius Flaccus, 1997, p. XVIII–XXIV). Ничто не мешает отнести информацию Валерия Флакка о сарматах к более раннему, чем предполагал Сайм, времени, хотя я не принимаю аргументацию (Valerius Flaccus, 1997, p. XXIII), связанную с упоминанием у Овидия (Ibis. 135) копья (hasta) как типичного оружия сарматов-языгов: слишком краток контекст, чтобы делать серьезные выводы. Зато заслуживает внимания другое наблюдение. Шестая книга "Аргонавтики" повествует о вымышленной битве между прибывшими с севера через землю Иберии (Грузии) скифо-сарматскими войсками, союзниками Персия, и коалицией Ясона и Ээта. Ситуация напоминает известный из того же Тацита (Ann. VI. 33–35) эпизод иберо-парфянской войны 35 г. н.э. за армянский престол с участием северокавказских сарматов, союзников иберов. Вероятность того, что детали битвы сарматов с аргонавтами восходят к реальной информации о кавказском походе сарматов 35 г., весьма велика (ср.: Halfmann H., 1986, S. 49, 50, где сведения Валерия Флакка сопоставляются с набегом аланов начала 70-х годов, но тогда аланы двигались не через Кавказ, а южным берегом Каспия).

Военные приемы сарматов в битве против парфян в 35 г. практически те же, что у роксолан в Tac. Hist. I. 79. В момент решающей схватки сарматы "убеждают друг друга не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашною схваткой. Отсюда – несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой ловкостью наскакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными контосами и мечами (contis gladissque), и враги то сшибаются и откатываются назад, как это обычно в конном бою, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором тел и оружия" (Tac. Ann. VI. 35, пер. А.С. Бобовича). Сарматы 35 г. имеют одинаковое с роксоланами 69 г. оружие (контос и меч, лук отсутствует или мало используется), тактику (лобовая атака и рукопашный бой), и, возможно, одно и то же защитное вооружение, о котором не говорится, но предполагается (судя по тактике) в Ann. VI. 35.

Тацит не уточняет племенной принадлежности сарматов 35 года, но, согласно Иосифу Флавию (Ant. Jud. 18.97), то были аланы – племя, возможно, родственное роксоланам ("светлым аланам", по одной из этимологий). Аланы, как явствует из сопоставления сообщений Иосифа и Тацита, применили новый ряд оружия и новую тактику при первом же своем выступлении на исторической арене (у флавианских эпиков эпизоды с сарматской тактикой включены в мифологический или псевдоисторический контекст) и могут считаться изобретателями сарматской тяжелой кавалерии нового типа. За это говорят и другие, более поздние источники. Арриан в своей "Тактике" (137 г.) называет способ атаки с контосами алано-сарматским (τὸν τρόπον τὸν Ἀλανικὸν καὶ τῶν Σαυροματῶν – Tact. 4.7; 4.3). Что аланы были носителями какого-

то нового рода оружия, можно заключить из сообщения Аммиана Марцеллина (XXXI. 2.17) о том, как они передали другим племенам (видимо, сарматским), объединенным под их властью, свое имя, обычаи, образ жизни и "общее для всех вооружение (eandemque armaturam)". Описание этого вооружения, очень напоминающего катафрактариев Тацита (Hist. I. 79), дается Аммианом при этнографической характеристике дунайских сарматов (Amm. Marc. XVII. 12.2) вне связи с аланами: видимо, автор не смог согласовать разные традиции. У поздних латинских писателей IV–VI вв. аланские конники считались типичными катафрактариями. Вегеций (Veg. I.20) отмечал влияние аланов (а также готов и гуннов) на улучшение защитного снаряжения римских всадников; в "Житии св. Германа" (Const. V. Germ. XXVIII) аланская орда Эохара (Гоара) 445 г. названа "железной конницей" (eques ferratus); Иордан (Jord. Get. 50) отличительной чертой аланов считал их тяжелое вооружение (Alanum gravi... armatura aciem strui).

Таким образом, тяжелая сарматская (сармато-аланская) конница известна как минимум с 35 г. Как уже сказано, в литературе ее обозначают термином "катафрактарии" (панцирные всадники). Термин устоялся, но он, хотя и вполне приемлем grosso modo (в общих чертах), не отражает в достаточной мере специфику сарматской кавалерии в первый век ее существования. Дело в том, что катафрактарии появились задолго до I в. н.э. Даже оставляя в стороне таких слишком далеких предтечей тяжелой конницы сарматского типа, как ассирийских и персидских эпохи Кира Младшего панцирников, катафрактарии под своим именем были известны греческим и римским писателям с эллинистического периода (Rattenbury P.M., 1942; Rubin B., 1955; Eadie J.W., 1967; Хазанов А.М., 1968, с. 181). Римляне неоднократно сталкивались с ними в восточных войнах: в 189 г. до н.э. в битве с Антиохом III при Магнезии (Liv. XXXV.3), в сражениях Лукулла с Тиграном Великим при Тигранокерте 6 октября 69 г. до н.э. (Plut. Luc. 26–28) и Красса с Суреной под Каррами в 53 г. до н.э. (Plut. Crass. 18–19; 21; 24–25). На рубеже нашей эры катафрактарии с защитным вооружением для коней считались национальным родом войск у армян, албанов и мидян (Strab. XI. 4.4–5, p. 502; XI.14.9, p. 530). Но в общем эти конные латники показали низкую маневренность и тактическую слабость в бою не только против сплоченных легионов, но даже против легкой конницы (Plut. Luc. 28).

Иное дело – сарматы I в., которые были сильны именно тактически. Тацит (Hist. I. 79) отмечает: "Удивительно сказать, но вся доблесть сарматов как бы находится вне их", – и дальше разъясняет: сарматы наиболее опасны, когда, находясь в строю и верхом, могут пускать в ход свои длинные контосы. Однако длинные пики у конницы появились много раньше I в. н.э. Пики были известны, хотя и не получили широкого распространения, предшественникам сарматов – скифам (Черненко Е.В., 1984). Конные сариссофоры имелись в армии македонцев (См.: Markle III. Minor M., 1977). Военные теоретики задолго до появления аланов указывали, что длинные пики – лучшее оружие для всадников, атакующих противника вблизи (Ascl. Tact. I. 3, автор середины I в. до н.э.), т.е. в той манере, в какой позднее действовали аланы и сарматы (Arr. Tact. 4.3). В чем же особенность контоса в сравнении с предшественниками?

Гомеровским словом κοντός (первоначально – шест у моряков) к началу нашей эры стали обозначать большую кавалерийскую пику (Liddel H., Scott R., 1968, p. 978; Sophocles E.A., 1957, p. 680; Cagnat R., 1887, p. 1495). Как любое древковое оружие, контос мог использоваться и для метания, и для удара. "Назначение копий (δοράτων) двоякое – для рукопашного боя и для метания; также двойное назначение, для ближнего и дальнего боя, имеет контос (κοντός)[2], равно как сарисса и дротик" (Strab. X. I. 12, p. 448). Из-за длинного древка контос применялся в основном как колющее оружие. У сарматов он стал как бы национальным оружием; в первые века нашей эры выражение sarmaticus contus сделалось техническим термином (Bosworth A.B., 1977,

[2] Г.А. Стратановский (Страбон, 1994, с. 425) дает неверный перевод слова κοντός: "древко копья".

р. 240). Особенности владения длинным, доходящим – судя по изображениям – до 4–4,5 м (Петерс Б.Г., 1984, с. 189), контосом, вкупе с манерой держаться на лошади, неоднократно рассматривались и получали различные объяснения. Наиболее распространенной и обоснованной можно считать концепцию особой "сарматской посадки".

Античность не знала стремян (см.: White L., 1962, p. 14; Вайнштейн С.И., 1991, с. 214–227), а потому всаднику в бою приходилось решать трудную задачу: как, не имея опоры ногам в стременах, действовать копьем и удержаться при этом верхом. Обычная посадка конных воинов, известная по многим изображениям и некоторым текстам, такова: ноги параллельно движению коня, повод в левой руке, копье – в правой поднятой, или в свободно опущенной руке, как у Александра в битве с Дарием на известной помпеянской мозаике. Иную картину дают изображения всадников I–II вв., предположительно сарматских или сарматизированных боспорских, на пантикапейских фресках и рельефе Трифона из Танаиса: воин, как правило, развернут лицом к зрителю, лошадь в профиль, пика в обеих руках по одну сторону корпуса, поводья брошены на шею коня (рис. 1). М.И. Ростовцев (1914, с. 340) писал относительно всадников анфас ("более чем вероятно" сарматов): "Я склонен был бы видеть в этой фронтальности во время боя новое указание на этнографический реализм изображения, т.е. на фиксирование положения всадника в бою, положения, если не вызванного данным моментом, то вообще типичного". Позднее В.Д. Блаватский, также используя иконографический материал, уточнил основные составляющие сарматской посадки, при которой всадник "скачет на лошади, бросив повод; торс всадника повернут в три четверти левым плечом вперед, что позволяет ему держать пику обеими руками. Такое положение всадника вполне реально и полностью отвечает сарматской посадке" (Блаватский В.Д., 1968, с. 44; см. также Блаватский В.Д., 1949, с. 96–100). Подобное или близкое тому представление об особой сарматской посадке, обычно выраженное в описательной форме, встречается достаточно часто в русскоязычной и западной литературе (Виноградов В.Б., 1963, с. 57; Хазанов А.М., 1971, с. 49; Кардини Ф., 1987, с. 47, 48; Cardini F., 1981, p. 17, 18; White L., 1962, p. 8, 9; Boss R., 1994, p. 18).

С критикой теории сарматской посадки в последнее время выступают В.А. Горончаровский и В.П. Никоноров. По их мнению, фронтальность всадников на боспорских памятниках есть результат героической стилизации, неизбежно влекущей за собой показ двуручного хвата копья и даже так называемой "женской посадки" на некоторых сюжетах (Горончаровский В.А., 1993, с. 80). "Сарматская" посадка, как считают ее критики, физически невозможна: "Не имея стремян, да к тому же еще бросив поводья на шею лошади, воин в тяжелых доспехах, с пикой в обеих руках, каким бы искусным в верховной езде он ни был, неминуемо должен был оказаться на земле, по крайней мере в момент встречи с неприятелем" (Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987, с. 210). Но единственный приведенный за это аргумент – ссылка на результаты опыта М. Макла III с моделью македонской сариссы – некорректен: опыт ставился только для проверки действий македонский конницы и переносить его выводы на сарматов нельзя. Сам М. Макл признавал возможность хвата пики в бою двумя руками и называл такой способ "национальным приемом" сарматов (Markle III. Minor M., 1977, p. 337).

В.Н. Каминский (1993, с. 98) предлагал следующую реконструкцию сарматской посадки: "Всадник в седле фиксировался при помощи петли повода, которая охватывала всадника в области пояса. Таким образом, повод оказывался постоянно натянутым, лошадь полностью находилась в подчинении всадника, а его руки освобождались, и он мог свободно держать тяжелое копье". Столь экстравагантное объяснение (вспоминается цицероново: "Кто привязал моего зятя к мечу?") не подкреплено ссылкой на какие-либо источники, а потому обсуждению не подлежит.

Задолго до Горончаровского и Никанорова против возможности всаднику действовать двуручной пикой высказывались П. Раттенбери (Rattenbury P.M., 1943), и Г. Чилвер (Chilver G.E.F., 1972, p. 144, 145). Поскольку вопрос считается дискус-

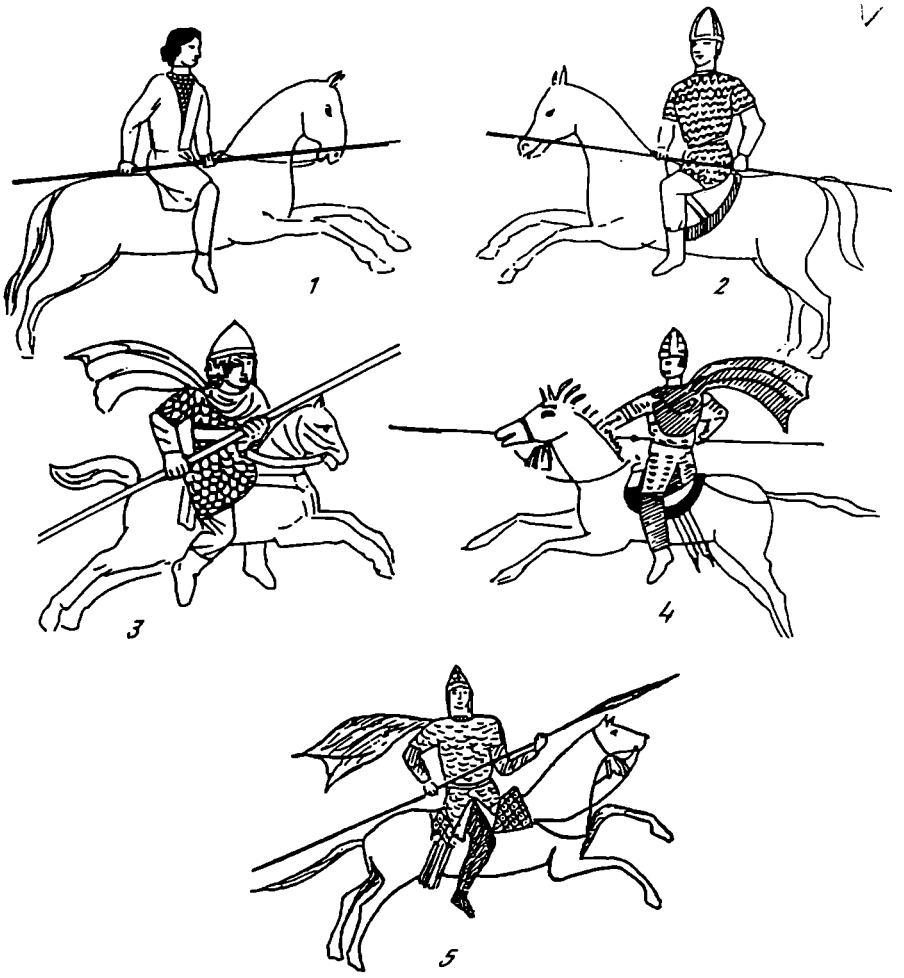


Рис. 1. Изображения контофоров сарматского типа из Северного Причерноморья: *1, 2, 4, 5* – пантикапейские фрески; *3* – рельеф Трифона из Танаиса (По: Boss R., 1994)

сионным, есть смысл заново пересмотреть материал о "сарматской" посадке, обращая особое внимание на хват пики обеими руками в бою.

В уже известном нам месте "Истории" Тацита (Hist. I, 79) есть следующее описание действий сарматских (роксоланских) катафрактариев, вооруженных длинными пиками (conti) и мечами (gladii): sed tum umido die et soluto gelu neque conti neque gladii, quos praelongos utraque manu regunt, usui, lapsantibus equis et catafractarum pondere. Г.С. Кнабе переводит это место так: "В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и сарматы не могли пользоваться ни пиками, ни длиннейшими своими мечами, которые они держат двумя руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири мешали драться" (Тацит Корнелий, 1993, с. 418). В оригинале есть спорное для понимания место, а именно; относить ли quos praelongos и к пикам и к мечам, или только к мечам, как и сделал Кнабе. В свое время П. Раттенбери (Rattenbury P.M., 1943) подробно разобрал весь пассаж и пришел к выводу, что в предложении использован типичный для Тацита период с двумя двойными фразами ("двойная зевгма"), в котором каждый член первой фразы соотнесен с таким же членом другой фразы по формуле: 1 (a + b) и 2 (a + b) (См.: Brink K.O., 1944, p. 43). Конструкция интересующей нас части предложения: umido die et soluto gelu neque conti usui, lapsantibus equis, – neque gladii, quos praelongos utraque manu regunt, usui, catafractarum pondere, т.е. (сарматы) не могли пользоваться ни контосами из-за того, что скользили лошади, – ни мечами (которыми, как слишком длинными, они управляют обеими руками) из-за тяжести доспехов" (Rattenbury P.M., 1943, p. 69). "Длиннейшими" двуручными в такой интерпретации оказываются только мечи.

Такое разъяснение, весьма интересное с чисто филологической точки зрения, мало что дает для решения исторической (военно-технической) проблемы. Сам Раттенбери признает, что нормы латинского языка допускают и иное толкование текста, где слово "длиннейшее" (praelongos) может относиться как к контосам, так и к мечам (Rattenbury P.M., 1943, p. 68: *praelongos* could refer to *conti* and to *gladii*), поэтому он привлекает дополнительно свидетельства извне, а решающим среди них считает описание Гелиодором (Aeth. IX. 15) катафрактария, который удерживает прикрепленный к шее и корпусу коня контос в одной правой руке, имея в левой поводья. Использование подобного доказательства "по аналогии" (то же: Rattenbury P.M., 1942, p. 113–115; Chilver G.E.F., 1972, p. 144, 145; Хазанов А.М., 1968, с. 182; Горончаровский В.А., 1993, с. 81) методически уязвимо, поскольку нет никакой уверенности в том, что у персидских (в описании Гелиодора) и сарматских катафрактариев была одинаковая манера сражаться (что признает, как ни странно, и Раттенбери). Что касается текста Tac. Hist. I.79, то его толкование Раттенбери основано на допущении, что "длиннейший" меч, в отличие от контоса, предназначался для боя исключительно в пешем строю (когда всадник сброшен на землю): без этого предположения теряется смысл противопоставления, использованного в тацитовой фигуре речи. Допущение натянуто – мы видели, как в другом описании той же тактики (Tac. Ann. VI. 35) сарматы действуют пиками и мечами (contis gladiisque) в конном бою. По всем источникам (в том числе по Гелиодору) контос был действительно очень большим – с этой точки зрения отнесение к нему эпитета praelongus правомерно. Наконец, отсутствие щитов у тацитовых роксолан может объясняться именно необходимостью освободить обе руки для управления контосом (Syme R., 1929, p. 130). Логика ситуации (при возможности двоякого толкования синтаксиса фразы) – за двуручный хват пики у сарматов Тацита.

Перейдем к другим источникам о сарматском контосе. В уже упоминавшейся битве сторонников и противников аргонавтов, изображенной поэтом I в. н.э. Валерием Флакком, дается важное для нас описание действий конных пикейщиков сарматов против кавалерии дротикометателей. Ниже приводим интересующий нас текст. В примечаниях: рукопись IX в. Vaticanus 3277 – V, издатели "Аргонавтики" – N. Heinsius (Leiden, 1724), E. Baehrens (Teubner, 1875).

Valer. Flac. Argonaut. VI. 231–238:
cum saevior ecce iuventus
Sarmaticae coiere manus fremitusque virorum
semiferi; riget his molli lorica catena;
id quoque tegmen equis; at equi porrecta per armos
et caput ingentam campis hostilibus umbram
fert abies obnixa genu vaditque virum vi,
vadit equum, docilis relegi docilisque reponi[1]
atque iterum medios non altior[2] ire per hostes.

[1] reponi Baehrens; relinqui V; [2] altior V; tardior Hensius.

Перевод. «И вот примчался с диким ревом ужасный отряд сарматских молодцов; крепки у них панцири из скрепленных гибких частиц, и такое же покрытие у коней; простертая за плечи и голову коня еловая пика ("ель" – abies) отбрасывает длинную тень на поле неприятеля и, прижатая крепко к колену, устремляется вперед со всей совокупной силой мужа и коня, приученная выйти (из тела) и вернуться в прежнее положение, чтобы вновь рваться сквозь толщу врагов, находясь на той же высоте (вар. – non tardior, "столь же быстро")».

Текст нельзя назвать простым для толкования, и некоторые спорные детали восстановлены на основе анализа, проведенного Р. Саймом (Syme R., 1929, p. 132, 133). У сарматов всадник и конь покрыты броней, щита, видимо, нет, что позволяет всаднику ловко орудовать большой, далеко выступающей вперед пикой, вонзая ее в

противников и выдергивая затем для дальнейшего использования в бою. Конник действует при этих операциях, надо думать, обеими руками, о чем говорит положение пики. Она крепко прижата к колену, поднята невысоко (non altior), на уровень груди или живота противника. Удар наносится всей массой всадника и коня на скорости. О креплении пики к корпусу коня, в манере гелиодорова катафрактария, речи нет.

Сведения "Аргонавтики" подтверждают и дополняют два других флавианских поэта – Силий и Стаций. Один из героев "Пуники" Силия (нумидиец) так атакует своего противника (Sil. Pun. XV. 683–685):

necnon, cornipedis tergo de more repostus,
sustentata genu per campum pondera conti
Sarmatici prona adversos urgebat in hostes

("Также, восседая как должно, верхом на коне, поддерживая коленом наклоненный вперед тяжелый сарматский контос, направил его на врагов").

Свободно, без какого-либо крепления к корпусу коня, управляются с контосом в "Ахиллеиде" Стация: "я узнал, ...как, крутя, всаживает контос сармат" – didici, ...quo turbine contum Sauromates... tenderet (Stat. Achill. II. 131–133).

Наконец, еще в одном месте "Аргонавтики" Флакка (VI. 162) упоминается "управляющий при помощи ремня огромным контосом сармат" (ingentis frenator Sarmata conti)[3]. По Сайму (Syme R., 1929, p. 132), под контосом, управляемым ремнем (frenum), надо понимать не метательный дротик (hasta amemtata), а пику, снабженную особым ремнем, при помощи которого контос выдергивают после удачного удара из тела врага.

В последнем случае мы, кажется, можем опереться на археологический материал для подтверждения такого способа действий. В 1901 г. при раскопках кургана I–II вв. у станицы Казанской было найдено несколько наконечников сарматских пик длиной от 0,314 до 0,44 м. Наконечники имеют листовидное острие и длинную втулку, заканчивающуюся большой розеткообразной закраиной. По мнению В.Д. Блаватского, такая розетка "должна была препятствовать слишком глубокому (более 0,3–0,4 м) проникновению пики в тело поверженного противника, чтобы облегчить несущемуся карьером всаднику успешное и быстрое ее извлечение" (Блаватский В.Д., 1954, с. 117, 118, рис. 58, *2*; см. также: Хазанов А.М., 1971, с. 47)[4].

Очень близки описанию Валерия Флакка и его современников сцены с изображением всадников на серебряном кубке из косикского клада – одного из самых значительных археологических открытий последнего десятилетия (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 149, 150; Трейстер М.Ю., 1994, с. 180, 181). Два всадника-контофора – один охотник, другой воин – в верхнем и нижнем фризах скачут вправо, оба развернуты левым плечом вперед, руки перенесены на одну (правую) сторону корпуса коня. Левой рукой, хватом снизу, воины удерживают древко контоса в задней его части, а правой, под прямым углом и хватом сверху, фиксируют его у самого конца. Пика при таком положении далеко – примерно на две трети – выдвинута вперед (ср.: Val. Flac. Argon. VI. 234–236), и клонится под тяжестью передней части оружия как у Силия: pondera conti... prona (Pun. XV. 684). Удар наносится всем весом коня и всадника. Наконечники копий на косикском кубке весьма схожи с вышеупомянутыми наконечниками кургана № 17 у ст. Казанской (Трейстер М.Ю., 1994, с. 184), позволяющими быстро вынимать пику из раны противника. Сцена боя в нижнем ярусе контофора и лучника (рис. 2) настолько напоминает описание битвы сарма-

---

[3] Перевод В.В. Латышева (ВДИ. 1949. № 2, с. 349): "мечущий огромное копье сармат" неточен. Другие варианты перевода: "управляющий огромной пикой сармат" (Б.Н. Граков, цит. по: Виноградов В.Б., 1963, с. 57); Sarmatian who puts a rein upon his huge lance (Valerius Flaccus C., 1972, p. 313).

[4] Еще одна разновидность сарматских пик представлена наконечником из Альдинского кургана в Чечено-Ингушетии – массивного, листовидного, с короткой втулкой (Виноградов В.Б., 1963, с. 57). Вообще находок сарматских копий очень мало, что затрудняет их типологию (Хазанов А.М. 1971, с. 45), положение ненамного изменилось за последние четверть века.

Рис. 2. Сцены с всадниками на косикском сосуде (По В.К. Гугуеву)

тов и парфян в 35 г. (Tac. Ann. VI. 35), что выглядит иллюстрацией к Тациту (об этом: Виноградов Ю.Г., 1994, с. 163; более поздняя датировка косикского кубка II–III в.: фон Галль Х., 1997, с. 179).

Сопоставление сведений трех флавианских поэтов и изображений на косикском сосуде позволяет внести коррективы в ту реконструкцию способа держания пики, которую предлагает А.М. Хазанов: "Вытянутая левая рука поддерживает древко, а правая направляет удар" (Хазанов А.М., 1971, с. 49; ср.: Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987, с. 209, рис. на с. 203). Хотя такой прием возможен, он малоэффективен, поскольку пика остается на весу и удар наносится только силой (правой) руки или обеих рук. В нашем случае всадник не "поддерживает", но крепко прижимает древко к колену (бедру), вкладывая в удар всю силу и массу коня и всадника на скорости.

Что касается названия, я бы предложил для сарматских конников I–II вв. термин "контофоры", как лучше отвечающий сути новшеств, внесенных сарматами в искусство конного боя. Этот термин, кстати, использовал впервые еще Арриан (κοντοφόροι, Tact. 4.3; 44.1; Ekt. 22) применительно к коннице, атакующей противников в лоб "по алано-савроматскому способу". Первые регулярные формирования в римской кавалерии, обученные сарматским приемам, также именовались не катафрактариями, а contarii, контариями, т.е. контофорами (об этом ниже).

При всех преимуществах в ведении рукопашного боя сарматская посадка вызывала естественные трудности управления конем без узды, которые преодолевались длительной тренировкой воина и коня, начинавшейся у аланов с малых лет (См. Amm. Marc. XXXI. 2.20). Впрочем, наши источники говорят, что у многих народов древности конники в момент атаки отпускали поводья и давали лошадям волю (Liv. XXXV. 11.8–10; XL. 40. 5–6; Verg. Aen. IV. 41), так что эти трудности, возможно, были не так велики. Более существенным было затруднение в пользовании щитом в то время, как левая рука была занята контосом. Первое время сарматы, видимо, совсем не носили щитов и оказывались легкой добычей для врага при потере боевого порядка (Tac. Hist. I. 79). Впоследствии, по крайней мере в некоторых случаях, аланские и сарматские контофоры имели щиты (Arr. Ekt. 17) – надо думать, небольшие, прикрепленные к предплечью левой руки. К недостаткам сарматской посадки следует отнести уязви-

Рис. 3. Терракота из Британского музея со сценой охоты на льва

мость с боков в ближнем бою, так как коннику было сложно развернуть свой грозный спереди, но слишком длинный, контос: противники контофоров часто применяли против них удар с фланга (Plut. Luc. 28; Ant. Ekt. 31). Свои слабости сарматы могли компенсировать тактикой, ставя конницу вперемежку с пехотой, как в удачном для них столкновении с парфянами в 35 г. (Tac. Ann. VI. 35).

Двуручный хват пики и посадка, получившая название "сарматской", были достаточно широко распространены в иранском, а отчасти и в околоиранском мире. Первые пробы новой тактики наверняка древнее того времени, когда о ней узнали античные авторы. В хорезмийских находках встречаются изображения конных воинов с посадкой, аналогичной сарматской, на несколько столетий раньше появления аланов в европейских степях (Толстов С.П., 1948, табл. 82, *I;* Хазанов А.М., 1971, с. 50): Средняя Азия не случайно считается родиной сарматских катафрактариев (Rubin B., 1955) и предков алан. В Парфии катафрактарии с двуручной пикой были известны, возможно, уже до нашей эры, если источники Плутарха восходят ко времени битвы при Каррах в 53 г. до н.э. (Plut. Crass. 18, 19; 21; 24, 25); известны изображения парфянских катафрактариев, сидящих "по-сарматски" и с контосом в обеих руках (рис. 3). Но именно сарматы дали свое имя новому вооружению и тактике, что, видимо, отражает их реальный вклад в создание и совершенствование кавалерии контофоров.

Новую сарматскую тактику скоро оценили и стали перенимать соседние народы. Весьма деятельно ее начали осваивать римляне, вообще внимательно следившие за военными новшествами у врагов или союзников (об этом: Kiechle F., 1965, S. 108 ff.; Eadie J.W., 1967, p. 161). Всадники, вооруженные длинным контосом (κοντός ἐπιμήκης), были уже в армии Веспасиана под Иерусалимом (Jos. Bell. Jud. III. 5.5): какова была их организация, неизвестно. Первая регулярная часть контариев (контофоров), ala I Ulpia contariorum miliaria civium Romanorum (CIL. III. 4183), появилась при Траяне около 108 г. (Cichorius, 1894, Sp. 1239 ff.). Видимо, они еще не имели защитного вооружения, как явствует из описания Иосифа Флавия и изображений контариев на стелах (рис. 4). Первая кавалерийская часть катафрактов, снабженных панцирями

Рис. 4. Рельефы с римскими контариями: *1* – всадник I алы канинафатов (Ala I Caninafatium); *2* – куратор I Ульпиевой милиарной алы контариев (Ala I Ulpia Contariorum Miliaria) (По: Kiechle F., 1965, S. 104, Taf. 10, *2*)

всадников, появляется при Адриане (117–138 гг.) – ala I Gallorum et Pannoniorum catafracta (Kiechle F., 1965, S. 195): по аналогии с вооружением других катафрактариев можно предположить, что всадники галло-паннонской алы были также контариями, хотя прямых данных об этом нет. В правление Адриана римляне уже умели пользоваться контосом как сарматы. "У римлян одни всадники носят пики (κοντούς)[5] и атакуют по аланскому и савроматскому способу, другие имеют копья (λόγχας)", – писал Арриан (Ars. Tact. 4.7).

По всей видимости, римские всадники с сарматским оружием применяли тот же двуручный хват пики и посадку верхом "по-сарматски". Во второй части "Тактики", перечисляя нововведения Адриана в кавалерии, Арриан пишет, что римские всадники обучались "ходить в атаку поочередно, то отступая, то наступая, как это делают савроматские и кельтские контофоры" (Tact. 44.1): М.И. Ростовцев сопоставлял это описание с изображениями всадников на керченских фресках (Ростовцев М.И., 1914,

[5] Перевод П.И. Прозорова "дротики" (SC. T. I, с. 521) неверен, но принят в отечественной литературе, в которой "алано-сарматская" тактика Арриана воспринимается как тактика дротикометателей (Блаватский В.Д., 1954, с. 118; Каминский В.Н., 1993, с. 98 и др.). Попутно отмечу еще две дежурные ошибки, допускаемые по отношению к "Тактике" Арриана: 1) клинообразный строй скифов IV в. до н.э. (Tact. 16.6) относят к аланам или сарматам; 2) змеевидные скифского происхождения значки римской конницы на параде (Tact. 35.3) принимают за значки аланских отрядов в бою (Блаватский В.Д., 1954, с. 120, 122; Хазанов А.М., 1971, с. 74, 89; Кузнецов В.А., 1992, с. 257, 258; Горончаровский В.А., 1993, с. 79, 81; Каминский В.Н., с. 95, 97).

с. 340). Далее в своем трактате Арриан сообщает о новом для римской конницы способе атаки, связанном с использованием сарматского оружия – контоса, и носящем кельтское название "толутегон", τολούτεγον. Всадники при этом не метают копья, но "атакуют, держа контосы прямо (наперевес?) для удара" (κοντούς... ὀρθους ὡς εἰς προβολὴν φέροντες ἐπελαύνουσιν) (Tact. 43.2; ср. 4.7). Подробностей посадки Арриан не приводит, но мы можем привлечь сюжеты с изображениями римских контариев на стелах II в. н.э. (рис. 4). Большинство исследователей, изучающих рельефы, считают, что всадники держат контос в обеих руках (Cagnat R., 1887, p. 1495, 1496; Syme R., 1929, p. 131; Markle III. Minor M., 1977, p. 337; сомнение выражает: Eadie J.W., 1967, p. 172). Судя по положению правой руки, ухватившей древко в задней части, всадник левой рукой – неясно видимой на фотографии – снизу удерживает контос посередине древка в той манере, которая воспроизведена на пантикапейских фресках и на фризах косикского сосуда. Но цивилизованным народам сложно было добиться такой выучки, которой достигали кочевники. Видимо, это послужило причиной того, что в 175 г. Марк Аврелий взял на службу 8 000 сарматов-языгов (Dio Cass. 71.16), надо полагать – катафрактариев, часть которых несла службу в Британии (Richmond I.A., 1945). В поздней империи насчитывалось уже несколько подразделений катафрактариев (а также схожих с ними по вооружению клибанариев), некоторые из них имели сарматское происхождение.

Рис. 5. Всадник с двуручным контосом: гравировка на блюде VI века из Изола Риццы (По: Boss R., 1993)

В целом попытка адаптации на римской почве тяжелой восточной кавалерии была не слишком удачной (Eadie J.W., 1967, p. 173). Тем не менее сведения о двуручном хвате пики и о сарматской посадке у народов Западной Европы доходят до раннего средневековья (Boss R., 1993, p. 68). Выделяется четкое изображение на блюде VI в. панцирного всадника (лангобард? гот? византиец?), с двуручным контосом наперевес атакующего врагов (рис. 5) – почти копия всадника с косикского кубка. Затем наступает эпоха стремян и сарматская посадка сменяется рыцарской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д., 1949. О боспорской коннице // КСИИМК. Вып. XXIX.

Блаватский В.Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Блаватский В.Д., 1968. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.

Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Виноградов Ю.Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 2.

фон Галль Х., 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. № 2.

Горончаровский В.А., 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. ПАВ. № 6.

Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987. Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. № 1.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Каминский В.Н., 1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. I. Понтийско-Кавказские исследования. Краснодар.

Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.

Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.

Петерс Б.Г., 1984. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М.
Ростовцев М.И., 1914. Античная декоративная живопись на юге России. Текст. Т. I. Описание и исследование памятников. СПб.
Страбон, 1994. География. М.
Тацит Корнелий, 1993. Сочинения. СПб.
Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.
Трейстер М.Ю., 1994. Сарматская школа художественной торевтики // ВДИ. № 1.
Хазанов А.М., 1968. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. № 1.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Черненко Е.В., 1984. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Boss R., 1993. Justinian's Wars: Belisarius, Narses and the Reconquest of the West. Stockport.
Boss R., 1994. The Sarmatians and the development of Early German Mounted Warfare // Ancient Warrior. V. 1. Stockport.
Bosworth A.B., 1977. Arrian and the Alani // HSCP. № 81.
Brink K.O., 1944. A forgotten Figure of Style in Tacitus // CR. LVIII.
Cagnat R., 1887. Contus (kovtós) // Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines. D'apres les textes et les Monuments. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. T. I. P. 2(C). Paris.
Cardini F., 1981. Alle radici della cavalleria medievale. Firenze.
Chilver G.E.F., 1972. A Historical Commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxford.
Cichorius, 1894. Ala. Militärisch // RE. I.
Eadie J.W., 1967. The Development of Roman Mailed Cavalry // JRS. V. 57.
Halfmann H., 1986. Die Alanen und die Römische Ostpolitik unter Vespasian // EA. 8.
Kiechle F., 1965. Die "Taktik" des Flavius Arrianus // 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1964. Berlin.
Liddel H., Scott R., 1968. A Greek-English Lexicon. V. I. Oxford.
Markle III. *Minor M., 1977.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA. V. 81. № 3.
Rattenbury P.M., 1942. An Ancient Armoured Force // CR. LVI.
Rattenbury P.M., 1943. Tacitus, Hist. I. 79 // CR. LVII.
Richmond I.A., 1945. The Sarmatae Bremetennacum veteranorum and the Regio Bremetennacensis // JRS. 35.
Rubin B., 1955. Die Entstehung der kataphraktenreiterei im Lichte der Choresmischen Ausgrabungen // Historia. Bd. IV. Heft 2/3.
Sophocles E.A., 1957. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. From B.C. 146 to A.D. 1100. V. II. New York.
Syme R., 1929. The Argonautica of Valerius Flaccus // CQ. V. XXIII. № 3/4.
Taylor P.R., 1994. Valerius' Flavian Argonautica // CR. V. XLIV. № 1.
Valerius Flaccus C., 1972. Argonautica / With an Engl. transl. by J.H. Mozley.
Valerius Flaccus, 1997. Argonautiques. T. I. Chants I–IV. Texte établi et traduit par G. Liberman. Paris.
White L., 1962. Medieval technology and social change. Oxford.

Северо-Осетинский государственный университет,
Владикавказ

S.M. PEREVALOV

THE SARMATIAN *CONTUS* AND THE SARMATIAN MODE OF SEAT

Summary

The article deals with the weapons and tactics of the mounted Sarmatians during the 1st and 2nd centuries A.D. In the author's opinion the main feature of the Sarmatian equipment was not massive plate armour (*cataphract*), but long (up to 4–4,5 m) cavalry lance – *contus* – which was held with both hands and had a special stop beside warrior's knee. When charge, the Sarmatians left the reins on their horses' necks and stroke a blow with all might of both warrior and his steed. The lack of the stirrups caused the

rider's specific mode of seat – half-turned on a saddle in order to remain of horseback after attack. That mode of seat required high skill: the nomads trained in it from their childhood. Sarmatian military techniques and tactics were spread among the ancient peoples by the Alans, who appeared at northern and eastern boundaries of the Roman Empire in the 1st century A.D. The Romans adopted Sarmatian *contoforoses'* tactics in the 2nd century A.D. There are some literary evidences on the Sarmatian *contus* and Sarmatian mode of seat, such as writings by the poets of the Flavian epoch Valerius Flaccus, Silius, Statius, the historians Tacitus and Flavius Arrianus. There are some pieces of art reflecting Sarmatian *contoforoses:* Bosporan tomb paintins of the lst and 2nd centuries A.D., Parthian terracotas, Roman grave reliefs of the 2nd century A.D., hunting and battle scenes on the vessel from Kosika. The Sarmatian mode of seat was adopted by some West European peoples and was practiced by them as late as the 6th – 7th centuries A.D.

Н.С. АБАШИНА, А.М. ОБЛОМСКИЙ, Р.В. ТЕРПИЛОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О РАННЕСЛАВЯНСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ КУЛЬТУРЫ НА ЧЕРНЯХОВСКИХ ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Как известно, изучение черняховской культуры началось с раскопок В.В. Хвойко в с. Черняхове 100 лет тому назад. На протяжении 1930–1950-х годов этническая принадлежность населения, оставившего черняховские памятники, практически единодушно определялась как славянская. Позднее, после выделения культур раннеисторических славян V–VII вв., мнения разделились: одни исследователи остались на прежних позициях (Е.В. Махно, М.Ю. Брайчевский, с некоторыми оговорками Э.А. Сымонович, И.С. Винокур); большинство же славянскую линию развития позднеримского времени стали связывать с открытой В.Н. Даниленко в северной части Среднего Проднепровья киевской культурой (П.Н. Третьяков, В.Д. Баран, Е.В. Максимов, К. Годловский и др.), в то время как черняховскую признали полиэтничным образованием, в котором доминировали германские и скифо-сарматские элементы (М.А. Тиханова, М.И. Артамонов, М.Б. Щукин и др.).

В 1970–1980-х годах поиски "раннеславянских" элементов в среднеднепровском регионе черняховской культуры практически прекратились. Исключение составили лишь исследования Н.М. Кравченко и А.Н. Некрасовой, обусловленные раскопками конкретных памятников, а также работы И.П. Русановой и В.В. Седова, направленные на поиски прототипов пеньковского археологического комплекса в черняховской среде.

Впрочем, аналогичные проблемы в это время встали перед исследователями нового региона позднеримских древностей – востока Днепровского Левобережья. Степень интеграции киевских и черняховских элементов здесь в ряде случаев оказалась значительно выше, что и вызвало появление двух направлений в интерпретации "смешанных" памятников – как черняховских с лепной "раннеславянской" керамикой (Сымонович Э.А., 1983) и как киевских с многочисленными черняховскими элементами (Кропоткін А.В., Обломський А.М., 1991). После накопления определенного опыта изучения "маргинальных" памятников Днепровского Левобережья стало возможным вновь вернуться к вопросу об этнической принадлежности населения, оставившего памятники Среднего Поднепровья.

Целью предлагаемой вниманию читателей статьи является, таким образом, попытка вычленения "раннеславянских" элементов культуры в среднеднепровской черняховской археологической общности и определение их происхождения.

Исследования черняховской культуры Среднего Поднепровья позволили накопить достаточно обширный материал для реконструкции этнической истории региона в позднеримское время. К сожалению, результаты раскопок большинства памятников до сих пор не опубликованы. Ниже мы приводим краткую характеристику черняховских памятников с "раннеславянскими" традициями материальной культуры, а также ряда поселений и могильников, которые были отнесены к этому типу в историографии (рис. 1).

Большая Бугаевка (могильник). Раскопки О.В. Петраускаса 1995–1996 гг. Отчеты хранятся в архиве Института археологии НАН Украины, материалы обрабатываются. Исследовано 22 погребения с кремациями и 4 детских трупоположения. В культурном слое и четырех трупосожжениях найдены отдельные фрагменты лепных сосудов,

© Н.С. Абашина, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский, 1999 г.

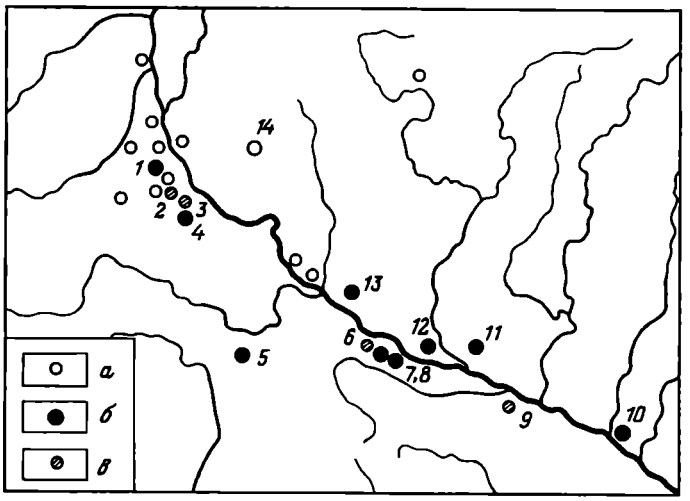


Рис. 1. Карта некоторых памятников Среднего Поднепровья позднеримского периода.
1 – Большая Бугаевка; *2* – Обухов-1; *3* – Жуковцы; *4* – Черняхов; *5* – Журавка Ольшанская; *6* – Леськи; *7, 8* – Ломоватое-1 и -2; *9* – Стецовка-2; *10* – Компанийцы; *11* – Радуцковка; *12* – Максимовка; *13* – Новолиповское; *14* – Хлопков.
а – ранние (дочерняховские) памятники киевской культуры; *б* – памятники черняховской культуры с "раннеславянскими" элементами; *в* – памятники черняховской культуры, на которых присутствие "раннеславянских" элементов нуждается в уточнении

близких киевским. Так, в погребении 1 вместе с гончарным горшком-урной находился фрагмент диска-сковородки, в погребении 16 в качестве урны использована лепная миска-плошка, рядом с которой находился гончарный кувшин. Из слоя происходят фрагменты горшка с налепным валиком под венчиком и диска. В целом, количество лепной керамики составляет свыше 10%. На основании находок фибул, пряжек, фрагментов стеклянных кубков и др. исследованные комплексы датируются второй половиной IV – началом V в. (Петраускас О.В., 1996, с. 48–50).

Жуковцы (поселение). Раскопки М.Л. Макаревича 1940 г. и Е.В. Махно 1946 г. Коллекции находок хранятся в фондах Национального музея истории Украины и в Институте археологии НАН Украины в г. Киеве.

Кроме черняховской гончарной посуды, на памятнике обнаружена лепная керамика как вельбарского происхождения, так и близкая киевской, и, вероятно, третьей четверти I тыс. н.э. По сохранившейся документации не удалось выделить закрытые комплексы, поэтому принадлежность лепной керамики черняховской культуре доказать невозможно.

Журавка Ольшанская (поселение). Раскопки Э.А. Сымоновича 1959–1963 гг. Вскрыто 6624 м^2, исследовано 33 углубленных в материк постройки (по данным Э.А. Сымоновича, на самом деле – не менее 39), 329 хозяйственных ям, более 20 выносных очагов, 2 гончарные печи. Отчеты Э.А. Сымоновича хранятся в архивах Институтов археологии РАН в Москве и НАН Украины в Киеве. Коллекция находок хранится в фондах Государственного Исторического музея в Москве. Этнокультурному анализу материалов поселения посвящена специальная статья А.М. Обломского (1998). Ниже приводится краткое изложение полученных результатов.

Пять построек и несколько хозяйственных ям, исследованных на памятнике, относятся к периоду раннего средневековья (этапу Сахновки или начальной стадии культуры Луки Райковецкой). Поселение позднеримского времени в Журавке функционировало достаточно долго (судя по датирующим вещам – в течение всего периода существования черняховской культуры – от первой до пятой фазы Е.Л. Гороховского, т.е. от второй четверти III до начала V в. н.э. по максимально допустимым хронологическим пределам). Сооружения позднеримского времени относятся к трем периодам или горизонтам. Наиболее ранние постройки (их 10) содержат от 5 до 24% гончарной

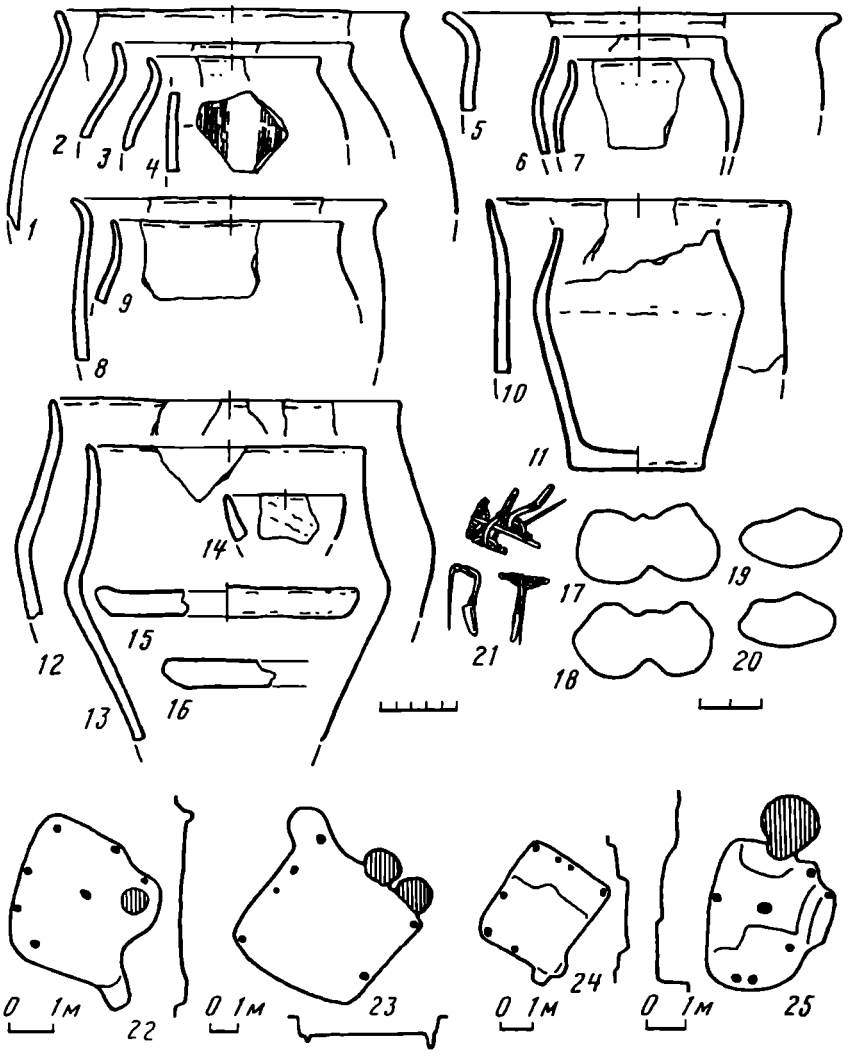


Рис. 2. Некоторые материалы поселения Журавка Ольшанская.
1–16 – лепная керамика; *17, 18* – сечения ручек красноглиняных амфор; *19, 20* – сечение ручек светлоглиняных амфор; *21* – бронзовые фибулы; *22–25* – планы построек.
1 – постройка 15, 2-й слой заполнения; *2* – постройка 19, яма-погреб; *3, 4* – постройка 17, заполнение; *5, 8, 15* – скопление керамики у очага в западине на кв. 76Н; *6* – постройка 1, верхняя часть заполнения; *7* – постройка 6, 2-й слой заполнения, *9, 16* – культурный слой; *10* – постройка 19, печь; *11, 13* – постройка 7, вымостка пода печи; *12* – постройка 7, пол; *14, 19* – постройка 1, 2-й слой заполнения; *17* – постройка 15, пол; *18* – постройка 9, 3-й слой заполнения; *20* – постройка 19, заполнение; *21* – древняя поверхность, перекрывающая постройку 7; *22* – постройка 16; *23* – постройка 29; *24* – постройка 15; *25* – постройка 7. Типологическое определение сосудов: *1–3* – I, 1, а, а; *5* – I, 1, а, б; *6, 7* – I, 1, б; *8, 10* – I, 3, б; *9* – I, 3, а; *11, 12* – II, 2, а; *13* – II, 1; *14* – коническая миска класса II; *15–16* – диски

керамики в заполнении, более поздние (8 построек) – от 25 до приблизительно 75%. В объектах третьего периода (11 построек) гончарная посуда резко преобладает (ее больше 75%), либо встречена исключительно она. Сооружения первого горизонта относятся к первой фазе черняховской культуры, по Е.Л. Гороховскому, второго – к первой и второй фазам, третьего – ко второй фазе и более позднему времени.

Лепная керамика из объектов Журавки делится на две различные по происхождению группы. В пяти постройках и двух хозяйственных ямах встречена посуда вельбарского типа, а в двенадцати постройках (в том числе в семи жилищах) и первой яме – та, которую обычно считают "раннеславянской" или "протопеньковской" (рис. 2, *1–16*). Жилища и хозяйственные сооружения с материалами обеих групп на протяжении первой и второй фаз в Журавке сосуществуют. Области концентрации объек-

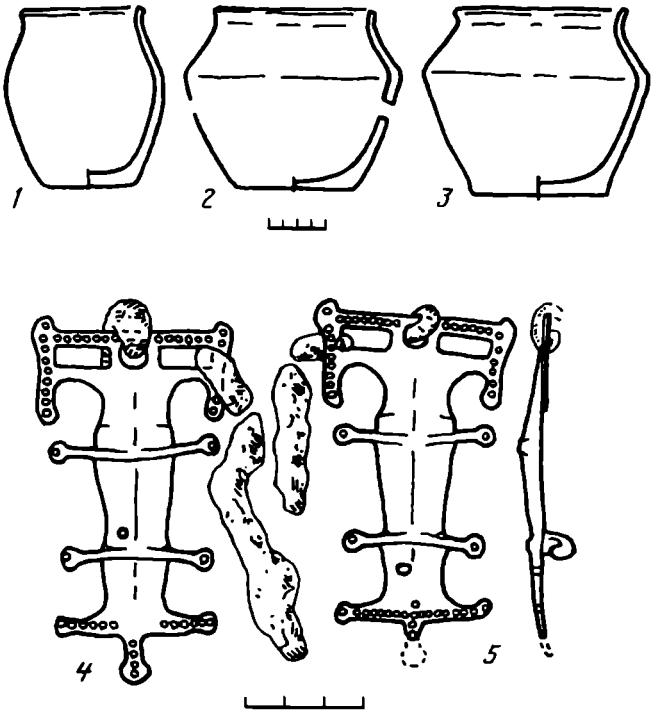


Рис. 3. Некоторые материалы могильника Компанийцы.
1–3 – груболепные сосуды; *4, 5* – Т-образные фибулы; *1* – погребение 58; *2* – погребение 95; *3* – погребение 60; *4, 5* – погребение 2.
Типологическое определение сосудов: *1* – I, 3, а; *2, 3* – II, 2, а

тов разных традиций отделены на селище друг от друга планиграфически, т.е. они находятся на разных участках вскрытых площадей.

Компанийцы (могильник). В 1960–1965 гг. раскопки памятника проводила Е.В. Махно. За это время была вскрыта площадь около 5200 м^2 и обнаружено 485 погребений. Из них трупосожжений в урнах насчитывается 27, трупосожжений в небольших ямках с разбитыми сосудами – 60, т.н. погребений в больших овальных или круглых ямах с рассеянными косточками и отдельными обломками сосудов – 203, трупоположений – 41 (Махно Э.В., 1971). Материалы могильника пока не опубликованы. Мы пользовались сведениями из архива А.Н. Некрасовой и А.В. Кропоткина. За любезное разрешение использовать эти материалы мы приносим обоим коллегам глубокую благодарность. Коллекция находок хранится в фондах Института археологии НАН Украины.

Результаты исследования этнического состава погребенных изложены в статье А.М. Обломского (Обломский А.М., в печати). По лепной керамике и некоторым деталям обряда захоронения делятся на четыре этнокультурных типа. Первые три из них относятся к вельбарской (17 погребений с характерной лепной посудой и еще 19 захоронений с гончарной керамикой или с лепной, подражающей гончарной, выделенных по специфическим деталям погребального ритуала), к пшеворской (одно погребение) и скифо-сарматской традициям (девять погребений). Из трех захоронений (№ 58, 60, 95) происходят лепные горшки (два биконических и один слабопрофилированный округлобокий), подобные сосудам "раннеславянского" набора Журавки Ольшанской (рис. 3, *1–3*). Не исключено, что к этому же этнокультурному типу погребений относится и захоронение 2 с двумя Т-образными фибулами круга восточноевропейских изделий с выемчатыми эмалями (рис. 3, *4, 5*) и деформированной рамкой железной пряжки. Украшения круга эмалей в Поднепровье и на Днепровском Левобережье в основном встречаются на позднезарубинецких и киевских памятниках (Гороховский Е.Л., 1982, с. 127–130; Обломский А.М., 1991, с. 20–23; Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 68, 69). Находка в Компанийцах – единственный

достоверный случай связи этих изделий с погребением, имеющим черняховские черты ритуала (ингумация с ориентировкой в северном секторе, с подогнутыми коленями и со следами ритуального разрушения скелета).

Все четыре погребения расположены на одном и том же участке, который находится в центре могильника с некоторым смещением к юго-западу. Планиграфия, таким образом, свидетельствует в пользу выделения на памятнике захоронений особого, условно "раннеславянского" этнокультурного типа.

Сравнительно небольшое количество датирующих вещей, происходящих из погребений, для которых возможна этническая идентификация, не позволяет с точностью определить время существования на могильнике комплексов каждой из выделенных традиций. Можно лишь сделать вывод, что в течение какого-то периода в рамках IV и, возможно, начало V в. они полностью или частично сосуществовали. Для погребения 2 допустима и более ранняя дата, поскольку изделия круга эмалей в лесостепи в основном выходят из употребления не позднее конца III в.

Леськи (поселение). Раскопки М.Ю. Брайчевского и А.Т. Смиленко 1956 г., Э.А. Сымоновича 1958 г. Отчеты хранятся в архивах Институтов археологии в Москве и Киеве, коллекция находок (только материалов 1956 г.) – в фондах Института археологии НАН Украины. Информация о раскопках М.Ю. Брайчевского и А.Т. Смиленко опубликована.

В публикации лепная керамика памятника описана в общем виде, а не по комплексам, но даже такая характеристика материала заставляет сомневаться в том, что поселение было однослойным. Наряду с баночными горшками вельбарской традиции с искусственно ошершавленным туловом, на селище встречены биконические сосуды (в том числе и с налепными валиками под венчиками), слабопрофилированные, близкие к тюльпановидным горшки, а также сковорода со слабо выраженными бортиками. Ребристые сосуды, обломки "тюльпанов" и фрагмент сковороды из Лесек многие авторы относят к "раннеславянскому" керамическому комплексу в черняхове. Тем не менее кроме черняховской гончарной керамики, авторы публикации упоминают находки обломков пастырских сосудов, изготовленных на круге, "гончарную кухонную посуду, по своему характеру напоминающую раннесредневековую гончарную посуду (горшки с линейным и волнистым орнаментом, покрывающим значительную часть туловища)", фрагменты красноглиняных амфор, "напоминающих раннесредневековые", обломок лепного сосуда типа котла с внутренним ушком (Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю., 1967, с. 50–60). Все это заставляет предположить наличие на поселении пеньковского и, вероятно, даже более позднего горизонта.

В коллекции материалов найти лепную керамику, которую можно было бы идентифицировать с объектами селища, не удалось.

Э.А. Сымонович исследовал в Леськах остатки наземной постройки, шесть ям черняховской культуры и позднекочевнический могильник (Сымонович Э.А., 1958, с. 14–17). Лепная керамика римского времени представлена немногочисленными обломками округлобоких сильнопрофилированных горшков, один из которых имеет характерный раструбообразный венчик, типичный для сосудов скифо-сарматской традиции в черняхове (Магомедов Б.В., 1987, с. 58; Гей О.А., 1985, с. 11, 12). В верхней части культурного слоя обнаружен обломок сковородки со слабо отогнутым краем, но нет уверенности в том, что эта находка не связана с пеньковским горизонтом памятника.

Имеющиеся данные, таким образом, не позволяют утверждать, что "раннеславянская" керамика селища относится к черняховскому периоду его существования.

Ломоватое-1 (поселение). Раскопки Э.А. Сымоновича 1957 г. При анализе материалов мы пользовались полевыми отчетами из архивов ИА РАН и ИА НАН Украины, а также сведениями из личного архива Э.А. Сымоновича, любезно предоставленными нам О.А. Гей и И.А. Бажаном. Место хранения коллекций Ломоватого-1 и -2 не известно.

На поселении вскрыто 456 м^2. Исследованы жилище-полуземлянка, 26 ям, 4 очага вне сооружений (Сымонович Э.А., 1957, с. 12–32). В отчете памятник трактуется, как

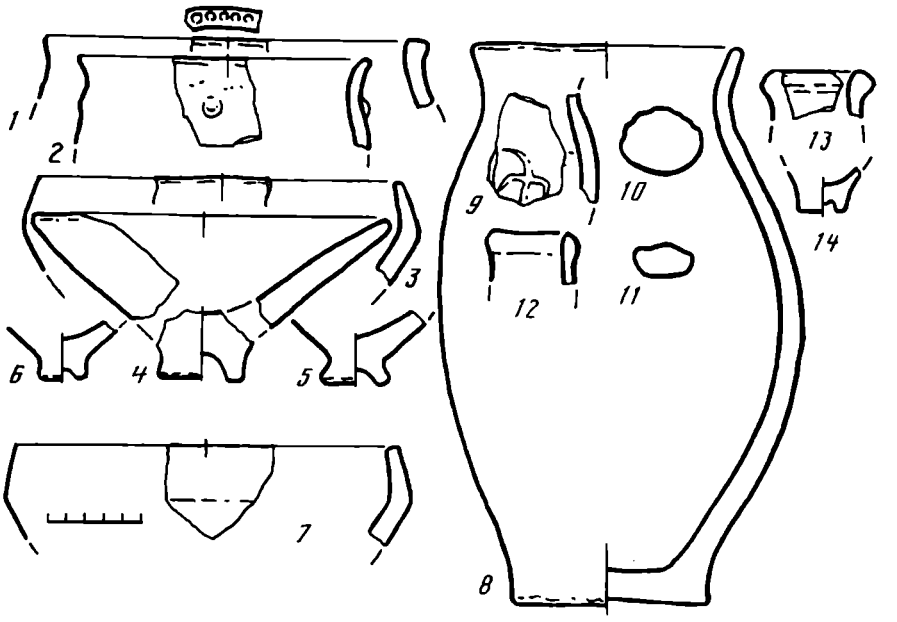


Рис. 4. Материалы позднескифской традиции на поселении Ломоватое-1.
1–7 – раннеримского времени (культурный слой); *8–14* – позднеримского периода (*8, 10–12* – землянка 1; *9* – яма XIX; *13, 14* – культурный слой); *1, 2, 4–6, 8, 9* – груболепная керамика: *3, 7* – лощеные миски; *10* – сечение ручки красноглиняной амфоры; *11–14* – фрагменты светлоглиняных амфор

однослойное раннечерняховское селище. Однако из культурного слоя происходят обломки лощеных лепных мисок с прямым верхним краем и ребристым переломом бочка. Вместе с фрагментами груболепных горшков с вдавлениями по венчику, округлобокого сосуда с налепной шишечкой и обломками крышек с полыми ручками (рис. 4, *1–7*) они составляют набор, характерный для слоев I–II вв. н.э. нижнеднепровских позднескифских городищ (Погребова Н.Н., 1958).

Полуземлянка явно относится к позднеримскому горизонту памятника: черняховской гончарной керамики в ее заполнении – сравнительно много (26%), но этот объект не содержит "раннеславянской" лепной посуды. Из очага жилища происходит типичный "скифоидный" округлобокий горшок с раструбообразным венчиком (рис. 4, *8*).

Фрагменты лепных "раннеславянских" сосудов найдены в двух ямах (XXI, XXVI), на поверхности очага в шурфе 22 и в культурном слое (рис. 5, 6). Являются ли материалы из ям закрытыми комплексами, по отчетной документации установить невозможно, но на раскопе 5 интересующие нас обломки лепных горшков входили в состав двух скоплений керамики (рис. 6, *4, 5, 8*). Последние, по наблюдению Э.А. Сымоновича, диагностируют уровень древней поверхности (0,4–0,65 м от дерна), причем тот же, что и находящиеся вне сооружений очаги. Один из них связан с ямой XI. Его край как бы "сполз" в нее, т.е. яма, таким образом, являлась предочажным углублением. Из него происходит девять фрагментов гончарных сосудов (Сымонович Э.А., 1957, с. 18). Скопления керамики, таким образом, по стратиграфии относятся к тому же горизонту, что и черняховские очаги.

Каких-либо материалов, позволяющих продатировать керамику "раннеславянской" традиции в Ломоватом-1 более узко, чем всем черняховским периодом, нет. Определимые фрагменты относительно ранних амфор (светлоглиняных типа D и красноглиняных, вероятно, типа "с желобком под венчиком" – рис. 4, *10–14*) (см.: Абрамов А.П., 1993, с. 48, табл. 55) происходят из культурного слоя и из заполнения полуземлянки, монеты Марка Аврелия (151–152 гг.) и Люцилы (164–169 гг.) – из слоя.

В культурном слое поселения найдены два обломка лепных горшков с валиками под венчиками (рис. 6, *7, 12*). По аналогиям с материалами Хлопкова и Большой Бугаевки

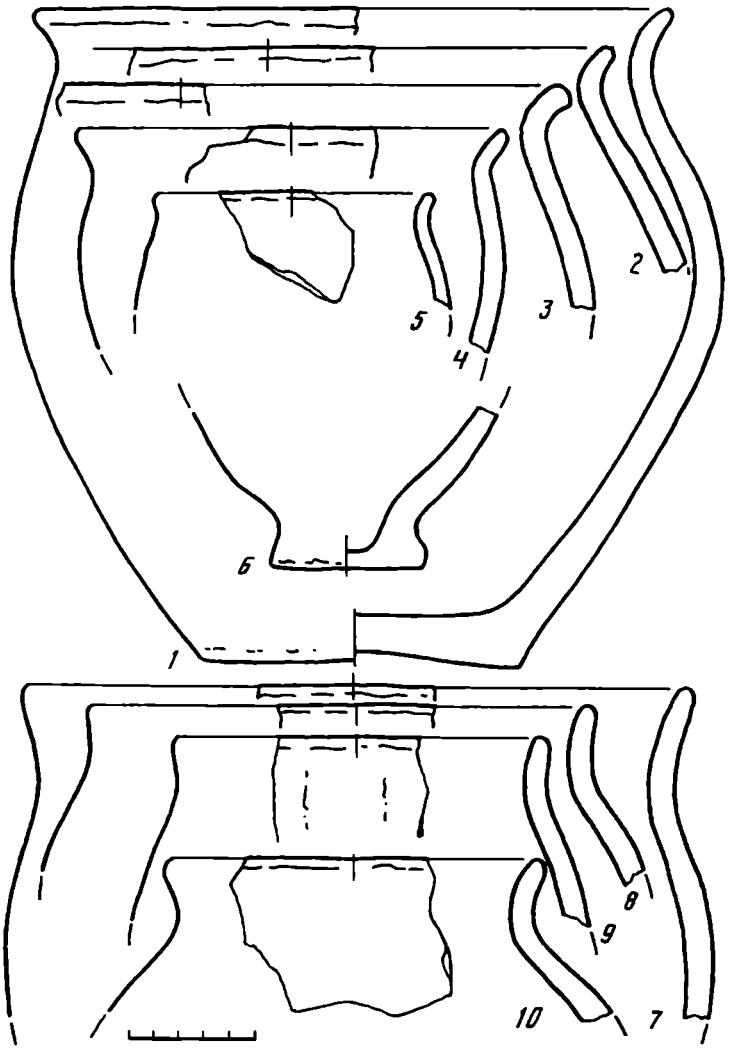


Рис. 5. Груболепная керамика "раннеславянской" традиции поселения Ломоватое-1.
1–6, 8, 9 – культурный слой; *7, 10* – яма XXVI. Типологическое определение сосудов: *1–3, 5, 7, 10* – I, 1, а, а; *4* – I, 1, а, б; *6* – коническая миска класса II; *8, 9* – I, 1, б

их также можно было бы отнести к римскому времени. Тем не менее нельзя исключить и их принадлежность к раннесредневековой пеньковской культуре.

Ломоватое-2 (поселение). Раскопки М.Ю. Брайчевского 1956 г. и Э.А. Сымоновича 1957 г. Вскрыто около 200 м^2. Коллекция находок 1956 г. хранится в фондах ИА НАН Украины. Место хранения материалов 1957 г. не известно.

Поселение – многослойное. Кроме черняховских, на памятнике имеются отложения эпохи бронзы, позднесредневековые и, вероятно, скифские (о чем свидетельствуют некоторые обломки сосудов), а также пеньковские (судя по находке бронзового браслета с утолщенными концами, орнаментированными "елочкой") (Сымонович Э.А., 1960, с. 21–25). Материалы "раннеславянской" традиции происходят из ямы 2, где наряду с черняховской гончарной керамикой, верхней частью светлоглиняной амфоры типа F и коническим глиняным грузилом найдены крупные фрагменты слабопрофилированного лепного горшка (рис. 7, *1*).

Максимовка (поселение). Раскопки Е.В. Махно и И.П. Костюченко 1959 г. Вскрыто около 2000 м^2 (тремя раскопами). В архиве Института археологии НАН Украины сохранился лишь отчет И.П. Костюченко по раскопам 2 и 3 (968 м^2), а в фондах –

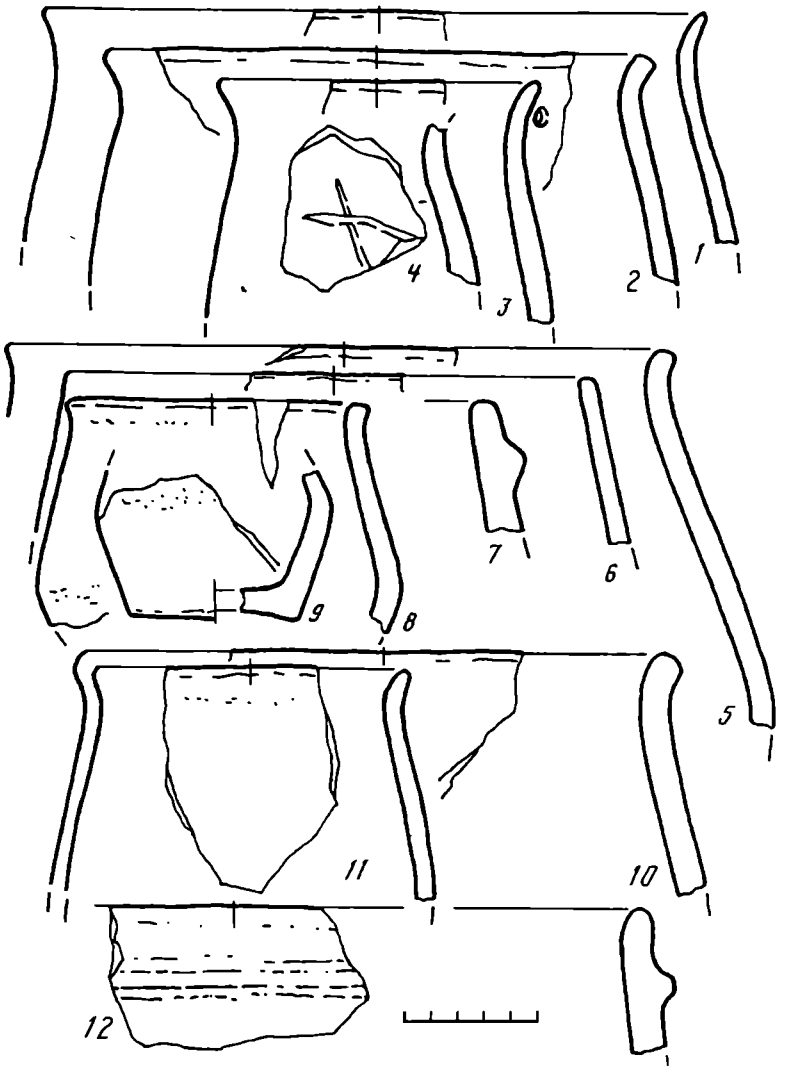


Рис. 6. Груболепная керамика "раннеславянской" традиции поселения Ломоватое-1.
1–3, 6, 7, 9, 11, 12 – культурный слой; *4, 8* – раскоп V, кв. 3-Н, скопление керамики на глубине 0,4 м; *5* – раскоп V, кв. 3-Н, скопление керамики на глубине 0,55 м: *10* – шурф 22, над очагом. Типологическое определение сосудов: *1–3, 5, 11* – I, 3, а; *8* – II, 2, а; *9* – горшок класса II

коллекция находок (к сожалению, частично). К черняховскому периоду относятся глинобитный очаг, две хозяйственные ямы и остатки трех наземных построек (Костюченко И.П., 1959).

В субструкцию очага, который представлял собой глинобитную площадку размерами 1,25 × 0,95 м, наряду с камнями входило около 70 фрагментов от шести гончарных и двух лепных сосудов. Один из них, сохранившийся в коллекции, имел сглаженное ребро в средней части высоты (рис. 8, *15*). Сосуд имеет аналогии в "раннеславянских" комплексах Журавки. Выразительный комплекс керамики происходит из нижней части заполнения ямы 1 (точнее – из золисто-углистого его слоя). Гончарная шероховатая посуда составляет 49%, гончарная лощеная – 53%, лепная – 10%. Последняя представлена мелкими обломками горшка и крупными фрагментами миски с ушком (рис. 8, *16*), которая, судя по форме, имеет вельбарское происхождение. Здесь же обнаружена ручка светлоглиняной амфоры типа F второй половины III–IV вв. (Абрамов А.П., 1993, с. 49, 50).

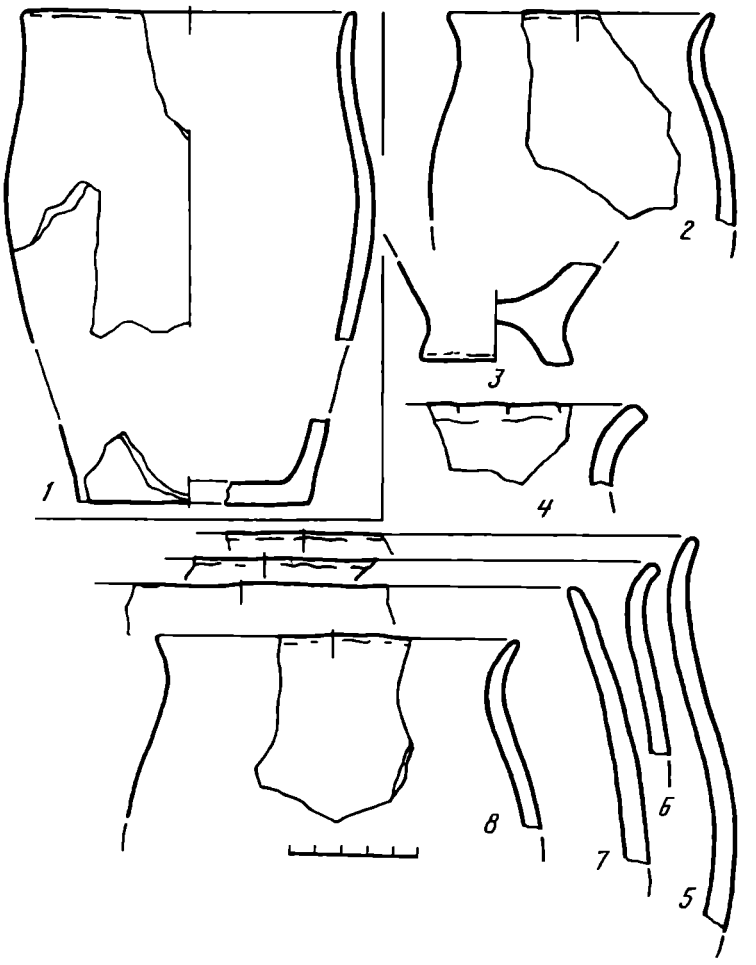


Рис. 7. Груболепная керамика "раннеславянской" традиции некоторых поселений Среднего Поднепровья.
1 – Ломоватое-2, яма 2; *2–8* – Стецовка-2, культурный слой. Типологическое определение сосудов: *1, 5, 6, 8* – I, 3, а; *2* – I, 1, а, а; *3* – фрагмент днища конической миски; *7* – I, 4, а

Новолиповское (поселение). Раскопки Е.В. Махно 1957–1958 гг. В архиве Института археологии НАН Украины имеется отчет только о раскопках 1957 г. Коллекция находок за оба года исследований хранится в фондах Института.

В 1957 г. заложено два раскопа общей площадью 900 м^2. В культурном слое раскопа 1 обнаружено около 20 обломков лепных сосудов, отнесенных автором раскопок к позднеримскому времени, в том числе фрагмент сковородки со слабо выраженным бортиком. На раскопе 2 "этнически определимые" материалы происходят из двух объектов.

Сооружение 1 представляло собой наземную постройку, остатки которой находились на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности в культурном слое. Сохранились завалы обмазки от стен, развалы стоявших на полу сосудов, под очага. Общие размеры постройки – 8,45 × 5,9 – 6,0 м.

С пола объекта происходит серия гончарных сосудов (не менее пяти форм) и обломки трех лепных горшков. Субструкция пода очага состояла из фрагментов днища и венчика лепного округлобокого горшка (по мнению Е.В. Махно – одного сосуда, но, скорее всего, двух) (рис. 9, *1, 3–7*) и двух гончарных мисок. Лепная керамика сооружения 1 имеет аналогии в позднеримских объектах Журавки Ольшанской с материалами "раннеславянской" традиции.

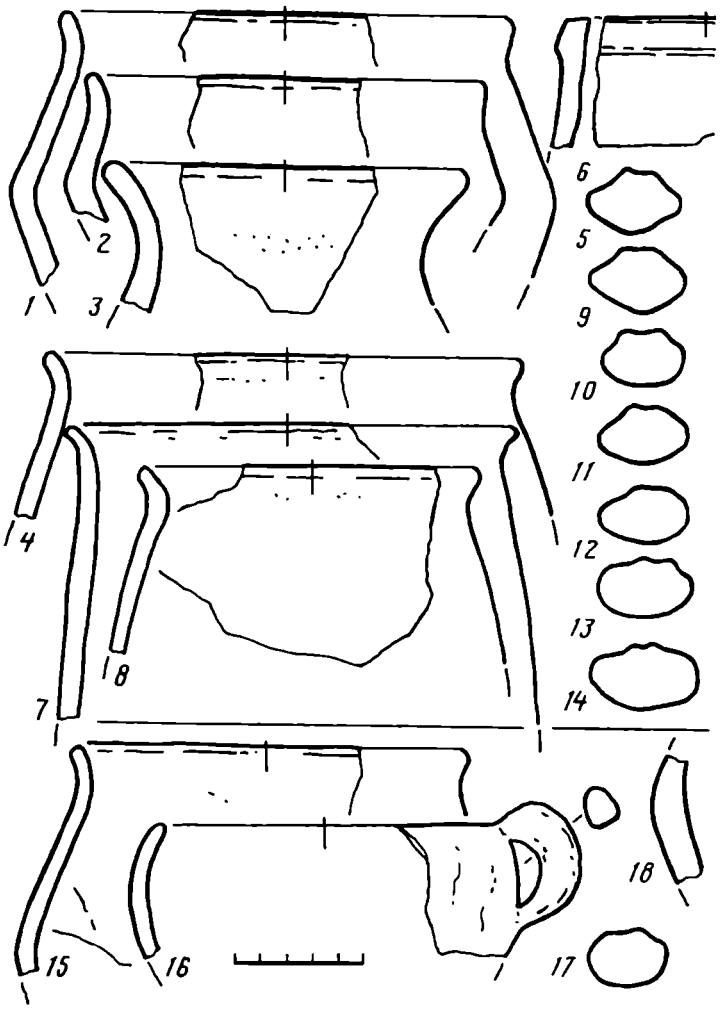


Рис. 8. Керамика "раннеславянской" традиции некоторых поселений Среднего Поднепровья.
1–6 – Радуцковка (раскопки Е.В. Махно); *7–14* – Радуцковка (раскопки В.П. Петрова); *15–18* – Максимовка. *1–4, 7, 8, 15, 16, 18* – лепная керамика; *5, 9–14, 17* – фрагменты светлоглиняных амфор (сечения ручек); *6* – фрагмент венчика красноглиняной амфоры. Условия находки *1* – скопление 1, пол 1; *2–14, 18* – культурный слой; *15* – раскоп II, "под печи", *16, 17* – яма 1; *18* – культурный слой. Типологическое определение сосудов "раннеславянской" традиции: *1, 2, 14* – II, 2, а; *7* – I, 3, а; *18* – фрагмент горшка класса II

Сооружение 2 также было наземной постройкой с глинобитным очагом. Контуры ее восстановлены по завалу обожженной глиняной обмазки и расположению находок. Около очага обнаружены лепной вельбарский баночный сосуд (рис. 9, *2, 9*) и биконический гончарный горшок с шероховатой поверхностью. С пола сооружения происходят: гончарной шероховатой керамики – 10 фрагментов (39%), гончарной лощеной – 7 фрагментов (27%), гончарной лепной – 8 фрагментов (34%), 2 целых лепешковидных грузила для ткацкого станка, 1 фрагмент и 1 обломок пирамидального грузила. Лепная керамика невыразительна за исключением полого поддона конической миски (рис. 9, *8*) (Махно Е.В., 1957, с. 36–43).

В коллекции находок раскопок 1958 г. имеется фрагмент подлощенного вельбарского баночного сосуда (рис. 9, *11*), невыразительная лепная кермика и диск из субструкции очажного пода на кв. 7Б раскопа III (рис. 9, *10*). Судя по шифрам, вместе с диском в субструкцию очага входила черняховская гончарная кермика.

Обухов-1 (поселение). С 1972 по 1991 г. на памятнике проводила раскопки экспедиция Киевского Государственного педагогического института (ныне – Педагогического университета) под руководством Н.М. Кравченко. Вскрыто более 5000 м^2.

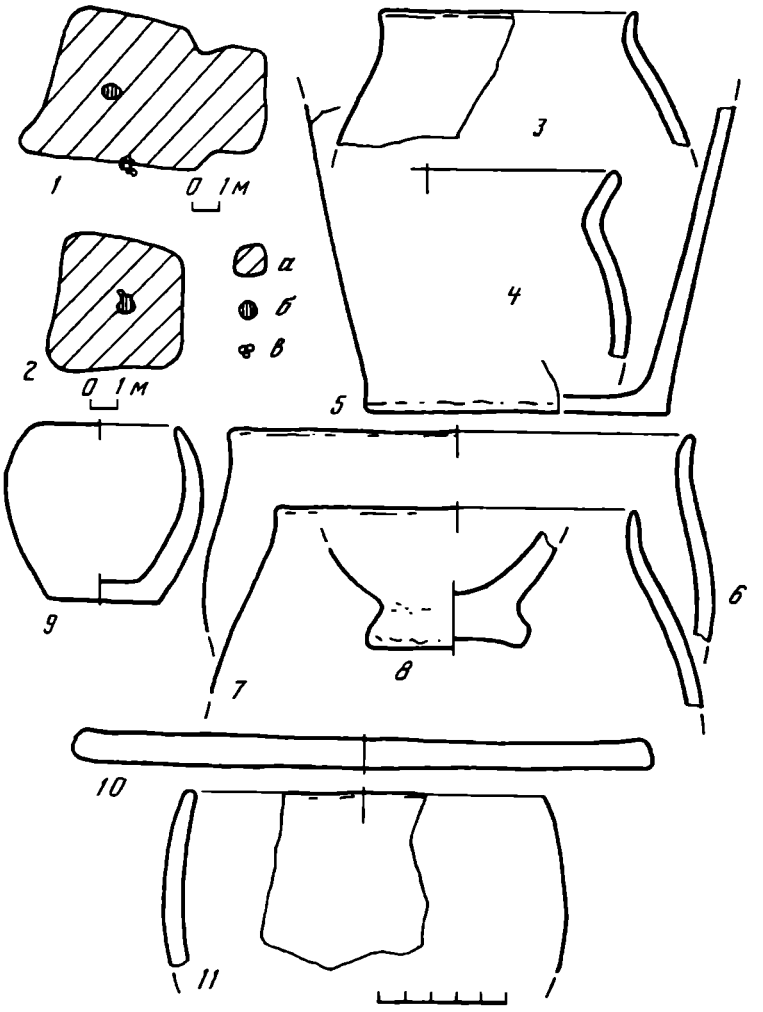


Рис. 9. Материалы поселения Новолиповское.
а – границы пятна обмазки, *б* – очаг, *в* – скопление обмазки; *1, 2* – планы построек; *3–10* – груболепная керамика; *11* – фрагмент сосуда с подлощенной поверхностью. Условия находки: *3, 5* – субструкция очага сооружения 1; *4, 6–7* – сооружение 1, пол; *8, 9* – сооружение 2, пол; *10* – раскоп III, кв. 7-Б, пол; *11* – раскоп III, культурный слой. Типологическое определение сосудов "раннеславянской" традиции: *3, 4, 7* – I, 1, а, а; *6* – I, 3, а; *8* – коническая миска класса II; *10* – диск

Коллекция находок и полная полевая документация хранятся в Университете. Опубликованы краткие сведения о памятнике.

По мнению Н.М. Кравченко, на поселении наблюдается сосуществование гончарной черняховской керамики и лепной посуды, по происхождению связанной с традициями киевской культуры. Об этом свидетельствуют материалы пространственно обособленной группы объектов, условно называемых "усадьбой". На памятнике имеется, кроме того, сооружение гуннского времени (объект 12), которое датируется по железной пряжке. Отсюда также происходит лепная керамика, близкая киевской (Кравченко Н.М., 1994, с. 40–43).

Мы совершенно согласны с Н.М. Кравченко, что на территории Среднего Поднепровья необходимо выделять черняховские комплексы особой киевской традиции, но материалы поселения Обухов-1 в этом отношении неоднозначны. Лепная керамика "усадьбы" (Кравченко Н.М., 1994, рис. 1–4) происходит из локального скопления обломков сосудов и глиняной обмазки в культурном слое (из т.н. "объекта 9") без четко различимых контуров. Достаточно крупные черепки лепных горшков концентрируются в западной части скопления. Здесь же обнаружены обломки лепной лощеной миски со специфическим орнаментом (Кравченко Н.М., 1994, с. 2) и не менее десятка фрагмен-

тов других лощеных сосудов, в том числе и с ребрами на месте перелома бочка. В "объекте 9" имеется и черняховская гончарная керамика, но, судя по плану, она найдена в основном севернее и восточнее области концентрации лепной посуды. В отличие от последней гончарная керамика представлена мелкими обломками различных сосудов. Венчики некоторых кухонных лепных горшков "объекта 9" орнаментированы насечками, что на территории Среднего Поднепровья характерно в основном для позднезарубинецких комплексов или для раннего (дочерняховского) этапа киевской культуры. Ребристые миски с орнаментацией, восходящей к пшеворским прототипам, в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье тоже встречаются, как правило, на позднезарубинецких или на сравнительно ранних киевских памятниках (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991, с. 69, 88, 89; 1994, с. 163, 164). Относительно большое количество лепной лощеной керамики в комплексе является скорее признаком раннеримского времени, а для киевской культуры – дочерняховского периода (Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 57, 58). Опубликованная Н.М. Кравченко черняховская подвязная фибула со скоплением лепной керамики непосредственно не связана: она происходит из другого объекта (постройка 4) (Кравченко Н.М., Томашевский А.П., 1983, с. 5, 6).

Показательно, что венчики груболепных сосудов из "объекта 12" (по отчету – сооружение на раскопе Д) также орнаментированы насечками, как и керамика из "объекта 9", т.е. в той же архаичной для культур зарубинецкой линии развития манере. Эта деталь не может не поставить под сомнение правильность датирования "объекта 12". Как и "объект 9", он представляет собой скопление керамики и обмазки в культурном слое. Пряжка, которая и является основанием для определения даты комплекса, судя по отчету, найдена в той части объекта, где он был нарушен поздним перекопом (Кравченко Н.М. и др., 1988, с. 3). Синхронность пряжки и керамики, таким образом, не достоверна.

Прочие сооружения поселения Обухов-1 содержат в заполнении преимущественно черняховскую гончарную керамику. Обломки лепных сосудов, происходящие из них, либо невыразительны, либо принадлежат сильнопрофилированным округлобоким горшкам с изогнутым, отогнутым наружу венчиком, т.е. типу, который распространен по всей территории черняховской культуры и лишен этнической специфики.

Учитывая изложенные наблюдения, наиболее вероятно, что "объекты 9 и 12" Обухова-1 относятся к предчерняховскому времени.

Радуцковка (поселение). В 1958 г. Е.В. Махно и В.П. Петровым на памятнике вскрыто около 1000 м^2. Документация раскопок хранится в архиве, а коллекция находок – в фондах Института археологии НАН Украины. Последняя сохранилась частично. Более или менее полно представлены лишь материалы раскопа Е.В. Махно. Из находок, происходящих с площадей, исследованных В.П. Петровым, удалось обнаружить лишь отдельные образцы лепной и гончарной посуды и обломки амфор.

Судя по отчету Е.В. Махно, культурные остатки на ее раскопе составляли пять локальных скоплений, в каждом из которых резко преобладала черняховская гончарная керамика (не менее 80%). Вся лепная посуда, которая сохранилась в фондах (как из коллекции Е.В. Махно, так и В.П. Петрова) (рис. 8, *1–4, 15, 16, 18*) имеет прямые аналогии в объектах "раннеславянской" традиции Журавки. Один из биконических сосудов (рис. 8, *1*) найден на "полу 1 скопления культурных остатков 1". Этот объект представлял собой линзу разрушения наземной постройки, размеры которой по завалам обожженной глиняной обмазки составляли 7,5–7,6 × 4,9 – 5,0 м. На полу 1 обнаружено 80% гончарной шероховатой посуды, 16% – гончарной лощеной, 2% – лепной, 2% – фрагментов амфор, кости животных, глиняное пряслице, римская монета (Махно Е.В., 1958, с. 15).

Подавляющее большинство амфор, фрагменты которых сохранились, относятся к группе светлоглиняных с сильнопрофилированными ручками, типу D ("танаисским") (рис. 8, *5, 9–14, 17*). На черняховских памятниках они входят в состав наиболее раннего массива амфорной тары и датируются не позже первой фазы черняховской

культуры, выделенной Е.Л. Гороховским (Обломский А.М., 1997). На селище, таким образом, имеются довольно ранние для черняхова отложения. Памятник тем не менее существовал и позже. В пользу этого свидетельствует венчик красноглиняной амфоры типа Делакеу (вторая половина III–IV в. н.э. в основном IV в.) (Абрамов А.П., 1993, с. 49) (рис. 8, *б*) и относительно высокий процент гончарной посуды в объектах.

Стецовка-2 (поселение). Раскопки Н.М. Кравченко 1958 г., вскрыто 96 м^2. Отчет хранится в архиве, а коллекция находок – в фондах Института археологии НАН Украины.

Раскоп заложен в месте выхода печины на поверхность. На разных глубинах обнаружено три небольших скопления обожженной глиняной обмазки и угля. Достоверные следы сооружений не зафиксированы (Петров В.П., 1957–1958, рукописное приложение Н.М. Кравченко).

В культурном слое раскопа обнаружено 640 фрагментов сосудов. Из них 7,5% составляет лепная керамика, 3% – амфорная, прочее – черняховская гончарная. Лепная керамика представлена различными вариантами округлобоких сосудов, имеющих аналогии в "раннеславянских" комплексах Журавки (рис. 7, *2–8*).

Хлопков-1 (поселение). Разведывательные раскопки Ю.В. Костенко, стационарные – В.Д. Барана и А.Н. Некрасовой 1981–1984 гг. Вскрыто около 2000 м^2. Материалы опубликованы. Документация хранится в архиве Института археологии НАН Украины, коллекция находок – в Музее истории Киева.

Хлопков-1 является своеобразным памятником по набору лепной посуды. А.Н. Некрасова в публикации материалов поселения отнесла ее к черняховскому периоду (Некрасова Г.М., 1988, с. 76). Выводы А.Н. Некрасовой подверг сомнению О.М. Приходнюк. По его мнению лепная керамика памятника представлена "развитыми пеньковскими формами". В культурном слое поселения обнаружено костяное изделие, имеющее аварские аналогии. Совместная встречаемость лепной, пеньковской по О.М. Приходнюку, и гончарной черняховской посуды в заполнениях объектов объясняется "сильной перемешанностью песчаного культурного слоя" (Приходнюк О.М., 1991, с. 114–116).

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности лепной посуды поселения, таким образом, является дискуссионным. Для решения этой проблемы проанализируем имеющуюся информацию о характере залегания лепной керамики в объектах поселения.

В яме 8 обломки лепного ребристого горшка, полный профиль которого удалось реконструировать, составляли единое скопление с фрагментами двух гончарных сосудов, в том числе и с лощеным горшком, который склеился почти полностью. В одной из ям (13 по полевой нумерации), входившей в состав сооружения 5, выразительный набор лепной и гончарной посуды происходит из углистой прослойки на дне. Жилище 4, в заполнении которого обнаружена как лепная, так и гончарная керамика, перекрыто сверху скоплениями глиняной обмазки, т.е. объект отделен от лежащих выше напластований культурного слоя стратиграфически. Из топки гончарного горна и связанной с ним предпечной ямы происходит 398 фрагментов сосудов, 11,5% которых составляли лепные черепки. Среди них выделяется крупный фрагмент ребристого горшка с пальцевыми расчесами на поверхности. Таким образом, по крайней мере четыре закрытых комплекса Хлопкова-1 свидетельствуют об одновременности лепной и гончарной керамики, причем в состав материалов их углистой прослойки постройки 5 входят обломки верхней части биконического лепного горшка с налепным валиком под венчиком, орнаментированным насечками, а материалы горна и предпечной ямы свидетельствуют, что гончарную керамику на селище изготавливало население, которое использовало в быту груболепную ребристую посуду (Костенко Ю.В., 1978, с. 101, 102, рис. 4, *2*; Некрасова Г.М., 1988, с. 77, 79, рис. 5, *7*). Именно эти комплексы и являются основой для реконструкции позднеримского набора лепной посуды Хлопкова-1.

Лепная керамика, по формам аналогичная происходящей из закрытых комплексов, обнаружена в заполнении жилищ 1–3, ям 14, 15, 20, 33. Обломки лепных сосудов из прочих объектов римского времени – невыразительны.

Дату позднеримского горизонта Хлопкова А.Н. Некрасова определила в рамках IV (скорее второй половины столетия) – начала V в. (Некрасова Г.М., 1988, с. 75, 76). Большинство датирующих вещей, опубликованных ею, действительно, относится к этому периоду, хотя некоторые находки из сборов Ю.В. Костенко, например, многочастный гребень с полукруглой спинкой типа I варианта 1а (Никитина Г.Ф., 1969, с. 148, 149; Костенко Ю.В., 1978, рис. 6, 9) свидетельствуют о том, что селище возникло раньше.

Черняхов (поселение). В 1961 г. Э.А. Сымонович заложил на памятнике восемь шурфов размерами 2 × 1 м. Шурф 3 был расширен в небольшой раскоп. Материалы поселения опубликованы, коллекция хранится в фондах Государственного Исторического музея в Москве, отчеты об исследованиях – в архивах Институтов археологии в Москве и Киеве.

На раскопе на глубине 0,4 м прослежен завал обмазки от наземной постройки. Ее остатки перекрывают хозяйственную яму, еще одна яма обнаружена в северо-восточном углу вскрытой площади. К черняховскому периоду достоверно относится верхняя часть биконического горшка из этой ямы, среди обломков которого найдены фрагменты гончарных сосудов, в т.ч. лощеной ребристой миски (Сымонович Э.А., 1961, с. 70, табл. XXII, *11*; 1967, с. 7, рис. 3, *10*). На памятнике встречены, кроме того, обломки слабопрофилированных округлобоких и баночных сосудов, весьма близких "раннеславянской" лепной керамике Журавки (Сымонович, Э.А., 1967, рис. 4, *1, 4, 5*), правда, синхронность их черняховскому горизонту не документирована. Фрагменты этих сосудов составляют локальное скопление в слое (Сымонович Э.А., 1961, с. 70).

Итак, комплексы с "раннеславянской" лепной керамикой зафиксированы по крайней мере на девяти памятниках Среднего Поднепровья, которые традиционно считаются черняховскими (в Большой Бугаевке, Журавке Ольшанской, Компанийцах, Черняхове, Радуцковке, Максимовке, Ломоватом-2, Хлопкове-1, Новолиповском). Весьма вероятно, что лепная керамика из Стецовки-2 и Ломоватого-1 также относится к черняховскому периоду. Как следует из приведенной выше краткой характеристики этих памятников, "раннеславянская" керамика в Журавке датируется относительно ранним временем. К первой фазе черняхова относится также большинство фрагментов амфор из Радуцковки. По всей видимости, временем не позже конца III в. датируется погребение 2 Компанийцев. Сравнительно поздним является исследованный участок поселения Хлопков-1: большинство датирующих вещей, происходящих отсюда, относится ко второй половине IV – первой половине V в. (хотя поселение возникает раньше). Создается впечатление, что объекты с "раннеславянской" керамикой на черняховских памятниках Среднего Поднепровья появляются в период формирования этой культуры. Наиболее поздние материалы относятся к финалу черняховской общности, хотя, строго говоря, это предположение требует подтверждения узко датируемыми комплексами, которых пока нет. Само собой разумеется, что термин "раннеславянская керамика" является чрезвычайно расплывчатым. Этому явлению требуется дать конкретную археологическую характеристику, а для этого необходимо реконструировать набор "раннеславянской" лепной посуды.

По формам лепные горшки этого круга вполне укладываются в предложенную А.М. Обломским типологию керамики позднезарубинецкого этапа, киевской и колочинской культур (Обломский А.М., 1991, с. 35, 36; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с. 101).

А. Горшки.

Класс I, тип 1, вариант а, разновидность а (округлобокие с выпуклой дугой профиля между шейкой и бочком, с изогнутым отогнутым наружу венчиком, закрытые) – 33 экз. (Журавка Ольшанская – 16 экз.; Ломоватое-1 – 2 экз; Хлопков-1 – 11 экз.; Новолиповское – 3 экз.; Стецовка-2 – 1 экз.). Эти горшки широко распространены по всей территории черняховской культуры. Кроме того, они встречаются в средневековых пеньковских комплексах. По этой причине в приведенную выше выборку включены только те из сосудов, которые обнаружены в объектах вместе с другими формами "раннеславянского" набора или происходит из таких, однослойных, по всей видимости, памятников, как Стецовка-2 (рис. 2, *1–3*; 3, *1*; 5, *1–3, 5, 7, 10*; 7, *2*; 9, *3, 4, 7*).

Класс I, тип 1, вариант а, разновидность б (те же признаки, только горшки этого таксона – открытые) – 3 экз. (Журавка Ольшанская – 2 экз., Ломоватое-1 – I экз.) (рис. 2, *5*; 5, *4*).

Класс I, тип 1, вариант б (те же признаки, что и у предыдущих, отличия – в форме венчика: он – прямой, вертикальный) – 4 экз. (Журавка – 2 экз; Ломоватое-1 – 2 экз.) (рис. 2, *6,7*; 5, *8, 9*).

Класс I, тип 3, разновидность а (округлобокие с отогнутым наружу изогнутым венчиком, неопределенной формы дугой между шейкой и плечом – слегка выпуклой или слегка вогнутой, закрытые) – 14 экз. (Журавка – 4 экз.; Ломоватое-2 – 1 экз.; Ломоватое-1 – 4 экз.; Стецовка-2 – 3 экз.; Новолиповское – 1 экз.; Радуцковка – 1 экз.; Компанийцы – 1 экз.; Хлопков – 1 экз.) (рис. 2, *9*; 3, *1*; 6, *1–3, 5, 11*; 7, *1, 5, 6, 8*).

Класс I, тип 3, разновидность б (округлобокие "тюльпановидные", признаки те же, что и у предыдущего таксона, но формы – открытые) – 2 экз. (оба – из Журавки) (рис. 2, *8, 10*).

Класс I, тип 4, вариант а (округлобокие баночные с загнутым внутрь венчиком) – 4 экз. (Стецовка-2 – 1 экз.; Хлопков – 3 экз.) (рис. 7, *7*).

Класс I, тип. 4, вариант б (округлобокие баночные сосуды с небольшой закраиной на венчике) – 6 экз. (Журавка – 4 экз.; Хлопков – 2 экз.).

Класс II, тип 1 (ребристые с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и с вогнутой дугой на отрезке профиля от шейки до плеча) – 3 экз. (все – из Журавки) (рис. 2, *13*).

Класс II, тип 2, вариант а (имеют признаки предыдущего таксона за исключением формы отрезка профиля от шейки до плеча; он – прямой) – 19 экз. (Журавка – 3 экз.; Ломоватое-1 – 3 экз.; Хлопков – 7 экз.; Максимовка – 1 экз.; Радуцковка – 2 экз.; Черняхов – 1 экз.; Компанийцы – 2 экз.) (рис. 2, *11, 12*; 3, *2, 3*; 6, *8*; 8, *1, 2, 15*). Из культурного слоя Ломоватого-1 происходит еще несколько фрагментов подобных сосудов, но связь их с горизонтом позднеримского времени недостоверна.

Б. Конические миски.

Класс I (с прямыми раструбообразными стенками) – 1 экз. (Хлопков-1).

Класс II (с усеченно-сферической верхней частью) – Журавка – 1 экз. Из Стецовки-2 и Ломоватого-1 происходят обломки полых поддонов (рис. 2, *14;* 5, *6*; 7, *3*).

В. Диски.

Все имеют слегка выделенные края – (Журавка – 6 экз.; Большая Бугаевка – 1 экз. Новолиповское – 2 экз.) (рис. 2, *15, 16*; 9, *10*).

"Раннеславянских" лепных сосудов на черняховских памятниках Среднего Поднепровья сравнительно немного, поэтому любые расчеты процентного соотношения форм были бы весьма субъективны. Тем не менее, очевидно, что наиболее широко распространены сильнопрофилированные округлобокие и биконические горшки с прямой линией профиля от шейки до ребра, причем в Журавке доля последних – несколько меньше, чем в Хлопкове. Сравнительно часто встречаются слабопрофилированные закрытые округлобокие сосуды, несколько реже – баночные. Прочие формы – еди-

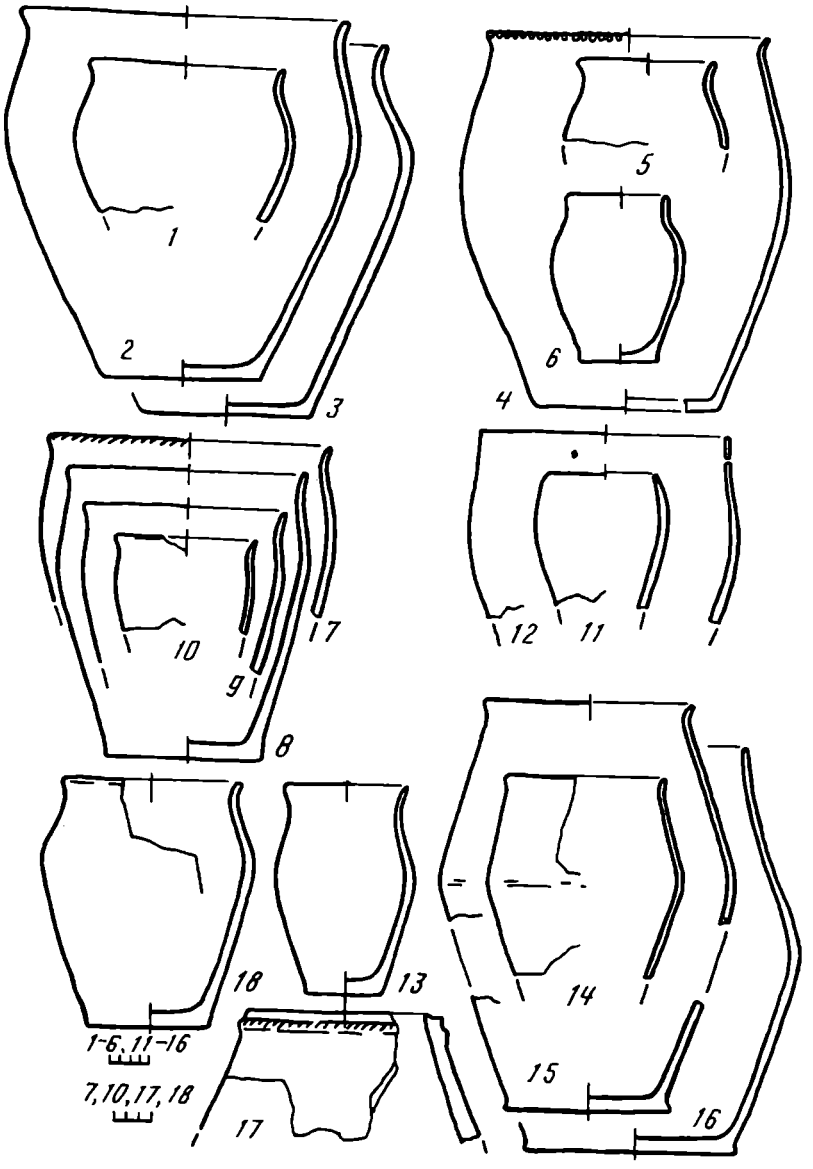


Рис. 10. Прототипы сосудов черняховского "раннеславянского" набора на ранних киевских памятниках Среднего Поднепровья.
1–3, 5, 6, 13–16 – Обухов-3, под 1; *4, 12* – Обухов 3, под 2; *7–10, 17, 18* – Казаровичи; *11* – Обухов-2, жилище 2

ничны, а достоверно относящиеся к позднеримскому времени диски обнаружены только на трех памятниках (в Журавке, Большой Бугаевке и Новолиповском).

Наиболее территориально и хронологически близкие аналогии подобный набор форм имеет на эталонных для Среднего Поднепровья памятниках киевской культуры дочерняховского периода, а именно, в Сушках-2, Обухове-2 и -3, Казаровичах (рис. 10), причем и соотношение форм сосудов здесь, примерно, такое же, как и в "раннеславянском" черняховском наборе (Абашина Н.С., Гороховський Е.Л., 1975, с. 66–71, рис. 3–5; Приходнюк О.М., 1991, рис. 6; Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 47–49, рис. 23–28).

Лепная керамика середины III–IV вв., как правило, неорнаментирована. Исключением являются некоторые биконические сосуды из Хлопкова, украшенные треугольными в сечении налепными валиками под венчиками. Обломки горшков с подобной орнаментацией известны, кроме того, в Большой Бугаевке и Ломоватом, но принадлежность

их к черняховскому периоду на последнем не доказана. Горшки, украшенные валиками, встречаются на киевских памятниках Среднего Поднепровья, причем начиная с дочерняховского этапа (Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 54) (рис. 10, *17*).

"Раннеславянский" керамический комплекс среднеднепровских черняховских памятников, таким образом, связан по происхождению с киевской культурой. С наибольшей полнотой этот набор сосудов представлен на поселениях, что не случайно. В погребения, как правило, клали предметы, имевшие престижное значение для всего черняховского социума: гончарную керамику, украшения. По этой причине инвентарь большинства захоронений на могильниках лишен этнической специфики.

В связи с выделением на черняховских памятниках комплексов с киевской по происхождению лепной керамикой возникает вопрос о разграничении понятий "киевская" и "черняховская" культуры. Четкого критерия этого не существует, а в определении культурной принадлежности того или иного памятника исследователи руководствуются, как правило, традицией. Применительно к поселениям господствует "арифметический принцип" учета состава комплеков. Иными словами, объекты, где гончарная керамика численно преобладает над лепной, обычно считаются черняховскими, а комплексы, в составе которых гончарной посуды сравнительно немного – киевскими с черняховским импортом. А как в этом случае быть с объектами, где лепной и гончарной керамики приблизительно поровну? Куда отнести сооружения Журавки Ольшанской с гончарной керамикой в количестве от 5 до 17,5% в заполнении? А ведь это поселение для Среднего Поднепровья традиционно считается эталонным черняховским. Ранний горизонт Глевахи – вроде бы, киевский, но в некоторых объектах, относящихся к нему, доля гончарной посуды составляет 48%. В результате одни и те же памятники разными исследователями интерпретируются по-разному, публикуются противоречащие друг другу карты и т.д.

Справедливости ради необходимо отметить, что в такой же точно степени запутан вопрос о соотношении черняховской и вельбарской культур. К последней часто причисляют "черняховские комплексы с вельбарской традицией" (термин М.Б. Щукина). По этой причине не ясна ни юго-восточная граница вельбарской культуры, ни северо-западная – черняховской. Могильник Масломенч, например, в публикациях разного времени совершил трансформацию от черняховского до однозначно вельбарского.

В специальном исследовании, результаты которого опубликованы недавно, Р.Г. Шишкин предложил ландшафтный критерий отличия киевских поселений от черняховских (ШишкІн Р.Г., 1996, с. 9–19). К сожалению, закономерности, прослеженные Р.Г. Шишкиным, не пригодны для работы с единичными памятниками: они имеют статистический характер. Черняховские поселения с материалами киевской традиции расположены как на склонах обводненных оврагов (Журавка, Черняхов, Новолиповское, Стецовка-2), так и на первых надпойменных террасах речной долины (Ломоватое-1 и -2, Хлопков-1), а также на склоне коренного берега Днепра (Радуцковка) и на останце в днепровской пойме (Максимовка), т.е. в ландшафтных условиях, которые характерны и для черняховской, и для киевской культур.

Тем не менее киевские по происхождению материалы на черняховских памятниках все же имеют серию отличий от материалов, относящихся, собственно, к киевской культуре. Так, тесто черняховских лепных сосудов – плотное, с примесью дресвы или песка. Типичный для киевской культуры южных регионов ее распространения шамот употребляется редко. Вероятно, при изготовлении лепной посуды сказалось влияние гончарной традиции.

Отличия имеются и в домостроительстве. Из семи жилищ Журавки с "раннеславянской" лепной керамикой к традиционному для среднеднепровских киевских памятников дочерняховского периода типу прямоугольных полуземлянок с открытыми очагами относятся всего три (постройки 16, 17 и "западина на кв. 76Н"). Еще одна полуземлянка ("6 – сени") следов отопительного сооружения не имеет. Четыре жилища (1 "жилая часть", 29, 30, 31) снабжены так называемыми печами-каминами (термин Э.А. Сымоновича), т.е. очагами или печами в нишах, которые выкопаны в мате-

риковой глине борта котлована и выходят за его пределы. Котлованы прочих построек с керамикой киевской традиции (6 – "жилая часть", 15,7 и 19) имели различные очертания (прямоугольные или близкие к овалу), но объединяет их сложный рельеф дна, в котором вырезаны материковые полки и различные углубления. В двух последних из перечисленных объектов также имеются печи или очаги в нишах. Углубленные постройки с различными вырезами в полу исследованы также в Хлопкове (Некрасова Г.М., 1988, рис. 5, *1, 2, 5*). Сооружения с печами-каминами и постройки со сложным рельефом пола на ранних киевских поселениях Среднего Поднепровья не встречены ни разу.

В Новолиповском и Радуцковке лепная "раннеславянская" керамика найдена на полах двух наземных построек с завалами стен каркасно-плетневой конструкции, обмазанных глиной. Сооружения подобной конструкции и площади (около 40–50 м^2) характерны не для киевского, а для черняховского домостроительства (Баран В.Д., Вакуленко Л.В., 1990, с. 120; Сымонович Э.А., 1993, с. 132).

На могильнике Компанийцы из четырех захоронений с элементами киевской традиции в инвентаре три (2, 58, 60) являются ингумациями с ориентировкой двух первых в северном секторе, а третьего – в западном, т.е. они совершены по абсолютно чуждому для киевской культуры обряду, но зато совершенно типичному для черняховских некрополей. Лишь четвертое захоронение (95) представляет собой безурновое трупосожжение.

Таким образом, жители черняховских поселков, изготавливавшие киевские по формам лепные сосуды, находились в постоянном контакте с населением, обладавшим другими этническими (или по крайней мере этнографическими) традициями. Киевские по происхождению семьи активно перенимали не типичные для них приемы домостроительства и даже иную идеологию. В результате появились трупоположения с киевскими элементами инвентаря (Компанийцы) или трупосожжения с черняховскими деталями ритуала (Большая Бугаевка). Именно эти контакты, видимо, способствовали широкому распространению гончарной посуды, изменениям в технологии производства лепной керамики, изменению моды на украшения (по всему ареалу киевской культуры характерные для предыдущей эпохи массивные изделия с выемчатой эмалью сменяются относительно небольшими по размерам фибулами и пряжками) и т.д. Не исключено, что киевское по происхождению население освоило производство гончарной посуды, о чем свидетельствуют материалы Хлопкова.

В этой связи обращает на себя внимание то, что на всех черняховских памятниках с "раннеславянскими" элементами, раскопанных достаточно широкой площадью, за исключением, пожалуй, Хлопкова, кроме киевских, встречены и материалы других традиций. В Компанийцах зафиксированы еще три этнокультурных типа погребений. В Новолиповском, Максимовке и Журавке, помимо киевских обнаружены комплексы с вельбарской лепной посудой, причем в Журавке они синхронны "раннеславянским" постройкам. Вельбарская керамика, наряду с киевской, происходит из Жуковцев. В Ломоватом-1 известна полуземлянка с лепным горшком "скифо-сарматского типа". Киевское население, следы которого присутствуют на черняховских памятниках Среднего Поднепровья, было, таким образом, включено в полиэтничный общественный организм, в рамках которого активно протекали процессы синтеза различных по происхождению традиций культуры.

Отличие собственно киевских памятников от черняховских с киевскими элементами заключается, следовательно, в том, что последние находятся в иной этнополитической среде и под ее воздействием претерпевают различные изменения. Черняховская общность возникает в результате взаимодействия различных по происхождению этнических группировок. На территории Среднего Поднепровья наиболее отчетливо прослеживаются следы вельбарского и скифо-сарматского населения, но кроме них в состав черняховской культуры входили и носители киевских традиций.

Обратимся к карте (рис. 1). В дочерняховский период киевские памятники на юге достигают устья Роси и Супоя, что в общих чертах совпадает с южным пределом зоны

концентрации украшений круга восточноевропейских эмалей. Черняховские памятники с киевскими элементами известны и ниже по Днепру: самые южные из них (Стецовка-2, Ломоватое, Компанийцы) расположены на широте Тясмина и устья Ворсклы. При этом памятники с очень ранними для черняхова "раннеславянскими" материалами (Журавка, Радуцковка) также находятся южнее границы киевской культуры. Таким образом, в период формирования черняховской археологической общности на территории Среднего Поднепровья сталкивается несколько миграционных потоков: идущее с запада на восток расселение вельбарских племен, вероятно, сопровождавшееся параллельным движением каких-то групп носителей культуры типа ранних комплексов Черепина; направленное с юга на север продвижение племен скифо-сарматской традиции и миграция с севера на юг населения киевской культуры. Последнее в рамках "державы Германариха" или других, возглавлявшихся, по всей видимости, германцами, политических формирований колонизирует южную часть днепровской лесостепи. Разумеется, в предложенной схеме не хватает многих деталей, которые по мере накопления нового материала будут уточняться, но в качестве рабочей гипотезы она может быть принята.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашина Н.С., Гороховський Є.Л., 1975. Керамiка пiзньозарубинецького поселення Обухiв III // Археологiя. № 18.

Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Баран В.Д., Вакуленко Л.В., 1990. Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории Восточной Европы. Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гей О.А., 1985. Черняховская культура и скифо-сарматский мир // Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Гороховский Е.Л., 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.

Костенко Ю.В., 1978. Пам'ятки I тис.н.е. в порiччi р. Трубежа // Археологiя. № 28.

Костюченко И.П., 1959. Отчет Максимовского отряда Древнерусской Кременчугской экспедиции 1959 г. (раскопы 2 и 3) // Архив ИА НАН Украины. 1959/1в.

Кравченко Н.М., 1994. Черняхiвське поселення Обухiв та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язкiв мiж черняхiвською та "традицiйними" культурами римської доби) // Старожитностi Русi–Украiни. Київ.

Кравченко Н.М., Томашевский А.П., 1983. Отчет о раскопках поселения и могильника черняховской культуры Обухов-1 и Обухов-1а в 1983 г. // Архив ИА НАН Украины. 1983/121.

Кравченко Н.М., Шишкин Р.Г., Петраускас О.В., 1988. Краткий отчет о полевых работах археологической экспедиции КГПИ в 1988 г. вблизи Обухова // Архив ИА НАН Украины, 1988/112.

Кропоткiн А.В., Обломський А.М., 1991. Про етнокультурну ситуацiю у районi вододiлу Днiпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологiя. № 1.

Магомедов Б.В., 1987. Черняховская культура Северо-западного Причерноморья. Киев.

Махно Е.В., 1957. Отчет о раскопках поселения у с. Ново-Липовское в 1957 г. // Архив ИА НАН Украины. 1957/2.

Махно Е.В., 1958. Отчет о работе Левобережного отряда Кременчугской раннеславянской экспедиции (раскопки на поселении черняховского типа у с. Радуцковка, ур. Вырвихвист) // Архив Раннеславянского отдела ИА НАН Украины.

Махно Є.В., 1971. Типи поховань та планування КомпанiЇвського могильника // Середнi вiки на Украiнi. Вип. 1. Київ.

Некрасова Г.М., 1988. Поселення черняхiвської культури Хлопкiв-1 на Київщинi // Археологiя. № 62.

Никитина Г.Ф., 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы.

Обломский А.М., 1998. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск.

Обломский А.М., (в печати). Типы погребений на черняховском могильнике Компанийцы (этнокультурная интерпретация) // Сборник статей, посвященный памяти В.В. Хвойки. Киев.

Обломский А.М.,Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. T. 1. Lublin.

Петраускас О.В., 1996. Могильники черняхівської культури Середнього Подніпров'я // Тези доповідей української делегації на VI МІ жнародному конгресі словя'нської археології. Київ.

Петров В.П., 1957–1958. Отчет о работах Стецовского отряда Кременчугской древнерусской экспедиции ИА в 1957–1958 гг. // Архив ИА НАН Украины. 1957–1958/2б.

Погребова Н.Н., 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64.

Приходнюк О.М., 1991. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности Юго-запада СССР. Кишинев.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю., 1967. Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкассы // МИА. № 139.

Сымонович Э.А., 1957. Отчет о раскопках в с. Ломоватое Черкасского р-на // Архив ИА РАН. Р–1. № 1546.

Сымонович Э.А., 1958. Отчет о работах Черкасского отряда Кременчугской Древнерусской эксп. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1698.

Сымонович Э.А., 1960. Раскопки поселения Ломоватое-2 // КСИИМК. Вып. 79.

Сымонович Э.А., 1961. Отчет о раскопках Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2606.

Сымонович Э.А., 1967. Новые работы в с. Черняхове // МИА. № 139.

Сымонович Э.А., 1983. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. № 1.

Сымонович Э.А., 1993. Черняховская культура. Поселения и жилища // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Археология СССР. М.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Шишкін Р.Г., 1996. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I–V ст. н.е. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Київ.

Институт археологии НАН Украины, Киев
Институт археологии РАН, Москва

N.S. ABASHINA, A.M. OBLOMSKY, R.V. TERPILOVSKY

EARLY SLAVIC ELEMENTS AT THE SITES OF CHERNYAKHOVO CULTURE IN THE MIDDLE DNIEPER REGION

Summary

In the paper an attemt is made to identify "Early Slavic" elements (in accordance with the term used in numerous publications) observed at the sites of Chernyakhovo culture in the Middle Dnieper region. To reach this aim, the authors have conducted the analysis of the preserved collections and field records referring to a number of settlements and cemeteries located in that region. As a result, it became clear that Chernyakhovo assemblages originating from ten of those sites yielded specific molded vessels

(Bolshaya Bugaevka, Zhuravka Olshanskaya, Kompaniytsy, Chernyakhovo, Radutskovka, Maksimovka, Lomovatoye 1 and 2, Khlopkov 1, Novolipovskoye). They represent a series of rounded and ribbed pots, conical bowls and discs. Similar vessels are known from the cultural deposit of the settlement of Stetsovka 2. The prototypes for the vessels' series in question can be pointed out at the early sites of Kiev culture located in the Middle Dnieper region. The authors also suggest a criterium for distinguishing Chernyakhovo sites displaying Kiev traditions from Kiev sites proper. The Kiev elements at Chernyakhovo sites are either transformed or are observed in the conditions not typical of the Kiev context. Those innovations were connected with the impact of some alien culture and alien ethnic environment on the Kiev culture population that formed a part of Chernyakhovo groups. That observation is confirmed by the fact of presence of Velbark culture elements at almost all the sites listed above in addition to Kiev elements, and even Scythian and Sarmatian components also present at some sites. Thus, the Kiev culture population, as well as Velbark, Scythian and Sarmatian tribes were involved into the process of inhabitance of the southern part of the Middle Dnieper region by the Chernyakhovo people.

И.Л. КЫЗЛАСОВ

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ. IV. ОБРАЗОВАННОСТЬ В ЭПОХУ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Расхожее понятие "древнетюркское время", как и многое в тюркологии, порождено языкознанием и оттуда проникло в исторические дисциплины. Но если в филологии понятие "древнетюркское" имеет вполне определенный смысл, поскольку более древних памятников тюркской речи, чем VIII в., действительно не известно, то, попав на иную почву, будучи перенесенным в исторические дисциплины, понятие "древнетюркское время" во многом принадлежит к разряду научной мифологии. Обозначаемую так эпоху начинают с VI в., увязывая с появлением на исторической арене народа türk и возникновением Первого Тюркского каганата. Между тем науке хорошо известны значительно более ранние как письменные свидетельства о тюркоязычных народах, например о древних кыргызах (китайское гяньгунь – с III в. до н.э.), так и археологические культуры, носители которых были тюркоязычными (таштыкская на Среднем и шурмакская на Верхнем Енисее, существовавшие соответственно в I в. до н.э. – V в.н.э. и во II в. до н.э. – V в.н.э.). Они действительно принадлежат древности, а не средневековью. В угоду традиционным взглядам восемь веков истории тюркских народов остаются за нижними пределами "древнетюркского времени".

Цель четвертой статьи цикла[1] – развеять устойчивые представления о том, что памятники рунической письменности, воспринимаемые как единое целое, представляют собою древние, едва ли не изначальные явления культуры тюркских народов. Воспринимать таким образом средневековые, а не древние памятники тюрков ошибочно. Бытование среди тюркоязычных народов рунического письма, по моему мнению, намного превосходит хронологические рамки ныне известных памятников (Кызласов И.Л., 1998а). Не следует забывать, что уже в VIII в. это письмо фиксирует различные самостоятельные алфавиты и устоявшуюся литературную речь, лишенную не только го́ворных, но и диалектных разли́чий, – перед нами сложившееся за неведомый по длительности предшествующий период общетюркское койне, литературный международный язык раннего средневековья, общий как для енисейских, так и для орхонских надписей VIII–XIII–XV вв. (Тенишев Э.Р., 1976; 1979; 1983; 1988; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994). В его памятниках, за неимением более древних, конечно же, следует искать отзвуки предшествующего состояния и письма, и речи, и культуры, но черпать прямо из них изначальное неверно.

Моя задача состоит в том, чтобы показать на конкретных примерах тот уровень далеко зашедшей образованности (а через неё и высокий уровень общественного развития), который на деле демонстрируют памятники азиатской рунической письменности. Утверждения об относительно широкой грамотности ее носителей в общей форме высказывали многие авторы. В большинстве случаев они основывались на широкой направленности жанра эпитафий, нередко только орхонских (Козьмин Н.Н., 1934, с. 266, 267; Малов С.Е., 1951, с. 13), поскольку енисейские воспринимались как окраинное, подражательное и неразвитое явление, а также на многочисленности наскальных надписей, "непрофессиональных по исполнению" (взятых без палеографического и хронологического членения лишь из Монголии) (Кляшторный С.Г., 1973,

[1] Предыдущие статьи и общую цель публикаций см.: РА за 1996 год, № 3; 1998, № 1, 2.

© И.Л. Кызласов, 1999 г.

с. 262; 1978, с. 151) или на всей степной рунической письменности, рассматриваемой излишне обобщенно и поверхностно (при привлечении многочисленных ошибочных прочтений) (Васильев Д.Д., 1980). Реальные данные и о грамотности, и об образованности носителей азиатского рунического письма убеждают в существовании особого профессионального сословия, видевшего свое предназначение в умственной деятельности и образованности. Эти-то сферы культуры действительно объединяют многовековую историю рунической письменности в одну самобытную эпоху.

1. Грамотность аристократии и простонародья

Начать следует с прямых свидетельств грамотности аристократии тюркоязычных народов в VIII–X вв. Таковы собственноручно нанесенные на скалы *енисейские надписи* Хакасии, Тувы и Монголии, подписанные громкими титулованными именами феодалов IX–X вв.[2]: E 24/7 – in(a)nču : külüg : čigši : b(e)g : (e)r (e)rd(ä)m(i)m üčün (i)li : (a)ltï b(a)γ k(e)šd(i)mdä : b(e)n : j(e)g (e)rdük(ü)m ol (e)r(i)nč q(a)ra s(e)ŋ(i)r(i)g : j(e)rl(e)d(i)m : udur : č(i)gši: "(Я –) Ынанчу Кюлюг-чигши-бег. По моей геройской доблести я спустился (с гор) [речь идет о походе через Саяны – И.К.]. Благим, из того, что я сделал в шестиудельном Кешдиме [очевидно, древнее название Тувы – И.К.] было, пожалуй, то, (что) я, удур-чигши, освоил (местность) Кара-Сенгир"; E 24/5 (рис. 1) – jig (ï)š jig(ä)n s(a)ŋun b(i)t(i)d(i)m ... [q(a)d(ï)r ?] [b(i)l]gä : tutuq : b(e)g: ar(ï)qï j(e)ri "(Вот) благое дело – я, Йиген-сангун, написал: (это –) арык (и) земля [Кадыр?] [Биль]ге-тутук-бега"; Тэс II – tü(~ö)p(e)k : (a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(ï)m "Я, Тюпек (~Тёпек) Алп Сол, написал: благополучным я (здесь) поселился"; E 144 – (a)lp sol in (a)lγ(ï)p ... jeg (a)šï (a)γ(ï) qïlur biz (a)t j(i)r b(i)z b(a)r (e)t(t)(i)m "(Я –) Алп Сол. Когда уничтожается греховное ..., мы (все), приумножая благое, создаем (истинную) драгоценность (и) пользуемся чинами. (Так) (и) я стал богат"; Лисичья I – öz (a)d (a)pa: (a)dγ(a)č m(e)n : (a)zuq (a)lp b(e)r(i)md(i)nqï "Я – Оз Ат-апа Атгач, грешный (букв. заблудший) витязь, пребывающий в долгу (перед Всевышним (?)) (Кызласов И.Л., 1998б); Шарбулак I (надписи Шарбулака см.: Шинехуу М., 1971, тал. 135–147) – (a)j čur b(i)t(i)(d)(i)m (начертано дважды) "(Это) я, Ай-чур, написал" (третий раз его надпись нанесена на скалу в орфографии алтайского варианта енисейской письменности – Шарбулак III: (a)j čur b(i)t(i)d(i)m-ä); Шарбулак II – köl(ü)k (a)t (a)pa bit[(i)d(i)m] "(Это) я, Кёлюк Ат-апа, написал" (Кызласов И.Л., 1998б, с. 143). Алтайским вариантом енисейского письма, которым пользовалось население Алтая и Монголии, сделана сопровождающая тамгу Хэнтейская надпись (Шинехуу М., 1976, тал. 97–112; Кляшторный С.Г., 1978, с. 156–158): (1) ičі öz (ï)n(a)nču : qïr(ï)γm[a] (2) küsgü jïlqa : qont(ï)m "(1) Я, Ичи Оз-инанчу, вырезавший (это), (2) поселился (здесь) в год Мыши".

Известны и особенно краткие надписи, содержащие имена или состоящие из одних лишь имен, обычно дополненных титулами: E 118/1 – t(e)m(i)r čur(ï)ŋ : j(a)γ čur : (i)k(i)gü : "(Мы –) твой Темир-чур (и) Яг-чур, оба (здесь были ~ молились)"; E 37/1 – (1) q(a)raq örgi b(e)n (2) bö[gä] t(?)(a)št(ï)n[2]q(?)ï b(e)n (3) ti(~ü?)rg(i ~ e)iš(?) b(e)n č(á)ŋšï b(e)n "(1) Я – Карак-ёрги, (2) я – Бёге-таштынкы(?), (3) я – Тиргеш (Тергеш ~ Тюргеш) (и) я – чангши (здесь были ~ вершили обряд)"; E 24/13 – jul (a)pa "(Я –) Юл-апа"; E 24/4 – q(a)d(ï)r bilgä t(u)tuq b[(e)g] "(Я –) Кадыр Бильге-тутук-б[ег]"; Тэс I – (a)lp so; "(Я –) Алп Сол" (Кызласов И.Л., 1994, с. 191–196). Правомерно считать, что надписи на предметах также нанесены вельможами собственноручно: E 76 (обломок зеркала) – küd (a)ruq b(e)g : küzküsi: "Зеркало Кюд Арук-бега" (Radloff W., 1895, S. 346); кубок из Катанды – (e)l(i)g c(a)ŋ "Правитель (в чине) чанг"; E 80 (наконечник ремня) – čur[2] "(титул) чур" (Кызласов И.Л., 1994, с. 201, 202).

---

[2] Памятники енисейской письменности обозначаются сокращенно: E, порядковый номер по сводным изданиям (Малов С.Е., 1952; Древнетюркский словарь, 1969; Васильев Д.Д., 1983), номер строки (через запятую или в круглых скобках). В транскрипциях надписей подчеркнутая пара букв передает один знак оригинала, в круглых скобках помещены буквы, пропущенные на письме, в квадратных – несохранившиеся, домысливаемые знаки.

Рис. 1. Тува. Вертикальная резная надпись Хая-Бажи V (E 24/5). В облике знаков сохраняется привычка писать калямом. Прорисовка автора

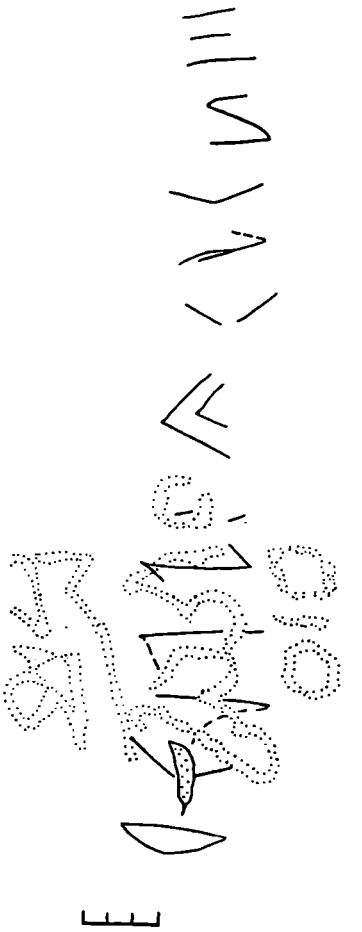


Рис. 2. Тува. Надпись Хая-Бажи VIII (E 24/8). Часть текста попорчена поздними тибетскими буквами. Прорисовка автора

Ряд енисейских наскальных надписей служит косвенным свидетельством грамотности аристократии. Вместо словесных подписей некоторые строки сопровождают личные гербовые знаки (E 126, E 137), встречены надписи, если не нанесенные, то рассчитанные на восприятие знатью: E 24/14 – alp (a)γ(ï)š(ï)n(ï)z... "Ваше возвышение витязя..."; E 24/9 – ji oŋ-oq j(ü)tü t(a)j(a)ŋu "Пользуйся долей сей, неся заботы опоры правителя (таянгу)". Особого внимания заслуживает краткий текст E 24/8 (рис. 2), вырезанный богобоязненной родовитой женщиной или адресованный ей: jul (a)pa : tulu (a)q (a)γ "Вдова Юл-апы, презренная, возвысься!" (Кызласов И.Л., 1994, с. 188, 191, 192).

На горных обнажениях Южной Сибири сохранились енисейские надписи, подписанные и нетитулованными именами: E 136 – (1) b(i)ŋ bük(ä)dä (a)n(ï)da kü ud(ï)m(ï)z kem ög(ü)z (2) kul(u)n b(i)t(i)di "(1) У тысячи героев на (реке) Ане славу мы сумели (перенять? уничтожить?). (Вот) река Кем (Енисей). (Это) написал Кулун"; E 24/11 – (a)nï b(i)t(i)gli (ï)n(a)ŋ in "Пишущий эту (надпись) Ынанг греховен". Простое имя мы уже видели и в третьей строке E 37/1. Сюда следует добавить енисейское начертание из пещеры в Яр-Хото, если воспринимать его первое слово как личное имя: (e)s(ä)n b(i)tid(i)m "Я, Эсен (букв. невредимый, здоровый), написал (это)" (Кызласов И.Л., 1994, с. 191, 194, 197). Нередко на скалах начертано только (e)r "Эр (свободный, полноправный мужчина)" (Тепсей, Майдаши, Перевозная в Хакасии, Хая-Бажи XIV в

Туве, Ялбак-Таш XVI на Алтае). Все эти тексты, вероятно, оставили простолюдины. Нет оснований думать, что родовитая знать, даже воспринявшая внушавшие смирение религии (отражением чего служит E 24/11), пренебрегала своими титулами и званиями, опуская их на письме. Правда, ревностные сторонники манихейства, как показывают молитвенные тексты енисейского письма, вообще не указывали своих имен, заменяя их самоуничижительными религиозными формулами (täŋri qulï "раб божий", isiz qul "недостойный раб (божий)", qop čoq "презреннейший"[3] и т.п.) (Кызласов И.Л., 1994, с. 188–191). Но, возможно, это были монахи, священнослужители и миссионеры, вышедшие из нетитулованных слоев общества. Знать же поступала иначе.

В подтверждение сказанного обратимся к памятникам двух аскетических религий Востока – подписям у портретных изображений молящихся, сохранившихся на стенах восточнотуркестанских манихейских и буддийских храмов "эпохи руни́ческого письма" (VIII–XII вв.). Выполненные уйгурским письмом надписи у фигур этих благоговеющих персон таковы: buγra s(a)li tutuq(?) "(Это –) Бугра Сали-тутук"; bu men tapqu (?) turmïš bilgä beg (?) erür (?) "Это я – Тапку (?) Турмыш Бильге-бег (?); bu barčuq tarqan kürki ol "Это изображение Барчук-тархана" (Le Coq A. von, 1913, Taf. 30, 38, c; 1924, Taf. 14, S. 43). Некоторые указанные здесь титулы по пышности не имеют равных даже на каганских рунических стелах тюрок и уйгуров VIII в. Так, у изображения держащего цветущую ветвь сановника из храма 19 в Безеклике читаем: t(ä)ngrikän il tutmïš alp arslan toqul (?) to[nga?] tigin ügä tekän (t(e)rkän ~ t(a)rqan) tigin il toγrïl beg (?) [-ning ?] t(ä)ngridäm körki bu erür "Это божественный образ божественного Иль Тутмыш Алп Арслан Токул (?) То[нга?]-тигин Текен-тигин Иль Тогрыл-бега". Парному изображению князей в храме 10 сопутствуют надписи: ...qutluq arslan bilgä t(ä)ngri ilig qutï jop tutm[ï]š-nïng [tängridä]m körki bu erür "Это [божествен]ный образ... Кутлуг Арслан Бильге Тенгри Илиг Куты Юп Тутмыша"; t(ä)ngrikän oγul qurt-qa tigin t(ä)ngrim-ning t(ä)ngridäm körki bu erür "Это божественный образ божественного повелителя Огул Курт-ка-тигина" (Le Coq A. von, 1924, Taf. 15, 18, S. 44, 46). Особенно показательны подписи, сопровождающие подчеркнуто скромно одетые (но затянутые наборными поясами) фигуры, застывшие в ритуально-покорных позах: serinč buqa ïnal körki ol "Это изображение Серинч (букв. смирение) Бука-ынала"; möngü k (??) ïnal-nïng körki bu erür "Это изображение Мёнгю-к(е?)-ынала" (Le Coq A. von, 1913, Taf. 38, *b*). Даже над бритыми головами трех монахов, изображенных в храме 9 в Безеклике, по-китайски и по-уйгурски сделаны следующие надписи: vapgui tutung beg-ning ïduq körki bu erür "Это священный образ Вапгуи-тутунг-бега"; singui tutung beg-ning ïduq körki bu erür "Это священный образ Сингуи-тутунг-бега" и čitung (?) tutung beg-ning ïduq körki bu erür "Это священный образ Читунг(?)-тутунг-бега" (Le Coq A. von, 1913, Taf. 16).

Та же традиция распространялась на изображения знатных дам: il k(e)lmiš t(ä)ngrim körki ol "Это изображение госпожи (~княгини) Иль Кельмиш"; bosuš t(ä)ngrim körki ol "Это изображение госпожи Босуш"; b[u?] t(ä)ngrikän sevinč tigin-ketin terim (?) "Э[то] божественная Севинч Тигин Кетин-терим". У фигуры маленькой девочки также видим надпись со звучным именем: il tigin qïz tarim "(Это –) девица Иль Тигин-тарим (терим)" (Le Coq A. von, 1913, Taf. 3, 38, *c*; 1924, Taf. 16, *a*, *b*, S. 44, 45). Титулованные имена сопутствуют каждому персонажу и в сценах семейных молений (Le Coq A. von, 1926, Taf. 22, *a*, *b*, S. 21–23). Титулованным выступает Спаситель в христианских текстах уйгурского письма из Восточного Туркестана: ilig qan Msiχa t(ä)ŋri "Илиг хан бог Мессия (господь бог Миссия)" (Малов С.Е., 1951, с. 135, 137, стк. 20, 21, 23, 27, 33; Стеблева И.В., 1989, с. 54, 55). Следует заключить, что осознание аристократизма являлось характерной чертой раннесредневековых тюркских народов и принадлежность к знати обозначалась обязательно.

Приведенные сравнительные материалы убеждают, что лишенные титулов имена енисейских наскальных надписей Южной Сибири принадлежали грамотным просто-

---

[3] Начало надписи Лисичья II может читаться не только как q(o)p čoq, но и как q(a)pčuq "Капчук" – простонародное личное имя (букв. мешочек) (Кызласов И.Л., 1998б).

людинам. В определенной мере на это указывает и различие в этимологии личных имен. Автора Е 136, звали Кулун, что означает "жеребенок". Аристократические имена связаны с образами других животных – сильных, опасных, хищных: барс (bars – Е 14, Е 17, Е 52, Е 68/1, Е 98), лев (arslan – Е 44), волк (böri – Е 12), верблюд-самец (buγta – Е 22)[4]. Сказанное не означает, что нетитулованные авторы принадлежали к угнетенным слоям общества. Именослов енисейских эпитафий показывает, что привилегированным правом на вечную память обладали и не носившие титулов лица. Хотя таких эпитафий очень мало (Е 2, Е 41, Е 42), этот факт показателен. На довольно широкое бытование письма вне сферы аристократического быта указывают и магические надписи на предметах, связанные традиционными общенародными охранительными обрядами, языческими по происхождению (Кызласов И.Л., 1994, с. 197–199).

Орхонская эпиграфика изучена и собрана значительно хуже енисейской. Среди кратких надписей о грамотности знати свидетельствуют посетительские расписки на вторично использованном изваянии из Чойрена, содержащие, среди прочего, ряд разрозненных аристократических имен и личных тамг: (1) (e)l(i)g taš (?) b(e)n... "Я – Элиг Таш (?)..."; (3) tun b(i)lgä "(Я –) Тун Бильге"; (4) tun j(e)g(e)n (i)rkin "(Я –) Тун Йегениркин", (5) j(e)g(?)in(?)-ä "(Я –) Йегин (?)" (ср.: Кляшторный С.Г., 1971), а также одна из строк скалы Хангыта-хат: b(e)g (e)r t(ä)ŋr(i)k(ä)n b(i)t(i)di "Князь написал: "Божественный (Владыка ?)" (т.е. молился у скалы) или "(Это) князь божественный написал" (ср.: Кляшторный С.Г., 1978, с. 156). Можно встретить и нетитулованные имена писавших: Ихе-Асхете – (3) (a)zγ(a)n(a)z (e)r : (a)γ(ï)r : b(e)d(i)sm(i)s "(Это) муж Азганаз хорошо вырезал" (ср.: Малов С.Е., 1959, с. 44, 45). Среди рукописей, найденных в Восточном Туркестане, есть свидетельства знания орхонской письменности в воинской среде (Thomsen V., 1912, p. 182–189, pl. I; Кляшторный С.Г., 1992, с. 347). В связи с проблемой социальной принадлежности нетитулованных авторов, особенно важен орхонский манускрипт (Thomsen V., 1912, p. 218–220, pl. III, *b*), сообщающий об отряде, запрашивающем продовольствие по одной овце и два кувшина браги в день. Несмотря на полную самоуничижения подпись, его завершает громкое титулованное имя (стк. 10–12): bitgäči : isiz j(a)bïz qul b(i)tidim atïm b(a)γatur čigši: "(это) я написал – писарь, ничтожный скверный раб (божий ?) по имени Багатур-чигши".

Памятники орхонского письма имеют несравненно большее значение при рассмотрении вопроса не столько о грамотности, сколько об образованности знати.

2. Образованность знати

Bu bit(i)g : bit(i)gmä : (a)tïsï jol(l)(ï)γ t[ig(i)n]... "Эту надпись написавший (есть) его внук (~ племянник) Йоллыг-тигин..." – звучит подпись под так называемой малой надписью в честь Кюль-тегина (строка 13). Имя автора (букв. удачливый принц) точнее выписано на стесанной угловой грани стелы (К I, как полагают, юго-западной): ... bit(i)d(i)m : joll(ï)γ : tig(i)[n] "...я написал, Йоллыг-тигин" (Радлов В.В., 1892, табл. XIX). На другой грани есть более пространная приписка: bun̲č̲a : bit(i)g : bit(i)gmä : kül tig(i)n : (a)tïsï : jol(l)(ï)γ tig(i)n : bitid(i)m : jig(i)rmi : kün : ol(u)r(ï)p : bu t(a)šqa : bu tampa : q̲o̲o̲p : jol(l)(ï)γ tig(i)n bitid(i)m "Столь (большую) надпись написавший (это) я, внук (~племянник) Кюль-тигина Йоллыг-тигин, написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень, на эту стену (храма) я, Йоллыг-тигин, все написал" (Мелиоранский П.М., 1899, с. 78, К II). Имя этого аристократа связано и с памятной стелой Бильге-кагана, на стесанном ребре которой есть приписка" ...[bilgä] : q(a)γ(a)n : b[it(i)gin] jol(l)(ï)γ tig(i)n : bit(i)d(i)m : bun̲č̲a : b(a)rq(ï)γ : b(e)d(i)z(i)g : uz(ï)γ ... [bilgä] q(a)γ(a)n : (a)tïsï : jol(l)(ï)γ tig(i)n : m(e)n : a(j) (a)rtu̲q̲ï : tört kün : ol(u)r(ï)p : bitid(i)m : b(e)d(i)zt(i)m "...н[адпись] [Бильге]-кагана я, Йоллыг-тигин, написал; столь много: здание, резьбу и украсы ... я, внук (~племянник) [Бильге]-кагана Йоллыг-тигин, месяц

[4] Ср., правда, Шарбулак III: kölük at ara, где буквальное значение титулованного имени "вьючная лошадь" (Кызласов И.Л., 1998б, с. 143).

и четыре дня просидев (за работой), написал и вырезал" (Малов С.Е., 1959, XI). Так перед нами предстает один из высокообразованных раннесредневековых тюрков – человек, для длительной (по крайней мере с 732 по 735 гг.) и продолжительной (по 20–32 дня) весьма своеобразной деятельности которого было явно недостаточно одной лишь грамотности. Создание огромных текстов (более 4,5 тысячи знаков каждый) требовало как сугубо филологических, так и (исходя из содержания) исторических знаний, а разработанность их языка и стиля, композиционного и художественного построения, ритмизованная системность (Стеблева И.В., 1963; 1965; 1976, с. 8–114) выявляют не только личный дар, но и владение самобытной литературной традицией, отличающей, к слову сказать, и другие крупные орхонские тексты. Йоллыг-тегин, "более чем грамотный человек" (Козьмин Н.Н., 1934, с. 266), – лишь один из многих образованных деятелей Второго Восточнотюркского каганата, имена которых не сохранила история[5].

Нередко рунические тексты, повествующие от первого лица, на деле оказываются составлены другими людьми – на той же стеле Бильге-кагана, автор которой известен, встречаем прямые слова умершего: b(e)ŋgü : t(a)š toqïtd(ï)m ... toqïtd(ï)m : bitid(i)m ..."Я приказал воздвигнуть (этот) памятник... я приказал воздвигнуть и написал..." (X*b*, стк. 15), и здесь же:...t(a)bγ(a)č q(a)γ(a)nta : b(e)d(i)zči[g] : qoop k(e)lürt(i)m : m(e)n(i)ŋ s(a)b(ï)m(ï)n : sïm(a)dï... "Многих резчиков от китайского императора я доставил... моих слов они не исказили" (X*b*, стк. 14). То же самое от имени Бильге-кагана утверждается и в отношении памятника Кюль-тегину (малая надпись, стк. 10–13): ...n(e)ŋ n(e)ŋ : s(a)b(ï)m : (e)rs(ä)r : b(e)ŋgŭ : t(a)šqa : urt(ï)m "Все, что у меня было сказать, я вырезал на вечном камне", [t(a)bγ(a)]č : q(a)γ(a)nta : b(e)d(i)zči: k(e)lürt(i)m : b(e)d(i)zt(i)m : m(e)n(i)ŋ : s(a)b(ï)m(ï)n : sïm(a)dï: ... :b(e)ŋgü t(a)š : toqïtd(ï)m "От китайского императора я привел резчика и я вырезал (эту надпись), моих слов он не исказил... я приказал воздвигнуть памятник". Сопоставление текстов в интересующей нас части (а на стелах Кюль-тегина и Бильге-кагана местами совпадает от 10 до 20–30 строк) не только не оставляет сомнений в едином авторстве Йоллыг-тегина, но и выявляет несомненную специализацию составителя подобных памятных, обращенных в вечность текстов историко-эпического и героико-биографического характера. За этим стоит осознаваемая необходимость прижизненного сбора сведений о деяниях будущих персонажей камнеписных произведений. Хотя, судя по надписям, родственники умершего (прежде всего братья и сыновья) считали своим долгом установить ему памятник, сбор необходимых сведений велся не ими (ср. прочтение стк. 27–28 стелы Кюли-чура (Clauson sir G., Tryjarski E., 1971, p. 21, 22, 30) : b(e)nt(i)r b(e)n(i)m bilm(ä)z : b(i)l(i)g(i)n : b(i)ltük(i)m(i)n : ödük(i)m(i)n : bunča : b(i)tig : bitid(i)m "Я, Бентир[6], написал столь большую надпись, (содержащую) сведения, мне самому не известные, и то, что я сам знал и помнил"). Автоэпитафий не составляли на будущее даже образованнейшие тюрки – распространенному мнению о заранее написанном самим Тоньюкуком памятном тексте противоречит содержание стк. 58 его стелы, где применен тот же побудительный залог, что и у Бильге-кагана: ...bititd(i)m : b(e)n bilgä tonjuquq "...я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это)". В других случаях следует усматривать

---

[5] Ограничиваясь данными рунических надписей, я не привлекаю здесь косвенные свидетельства, предоставляемые памятниками Кюль-тегина и Бильге-кагана, указывающие на профессиональных архитекторов, строителей, скульпторов, декораторов и прочих подобных специалистов (наверняка нередко совмещавших разные ремесла). Эти памятники содержат правильно ориентированные монументальные ограждения, поминальные храмы, стелы с надписями, многочисленную скульптуру, тщательно вытесанные каменные жертвенники, многокилометровые (в три и четыре с половиной версты) ряды вертикально вкопанных камней-балбалов и иные компоненты. Не приходится думать, что вся эта работа проведена мастерами, прибывшими от китайского двора. Против этого яснее ясного говорит построение и содержание рунических надписей, совершенно независимые от китайских текстов, хотя облик орхонских эпитафий испытал на себе заметное китайское влияние (Кызласов И.Л., 1998а, III).

[6] Если это имя собственное, как полагали Дж. Клосон и Эд. Трыярский, то перед нами единственное неаристократическое имя автора орхонских эпитафий. Однако, по-моему, такое понимание вступает в противоречие и со смыслом стк. 29 этого текста.

совпадение имен писавшего и умершего – подпись на стеле Кюли-чура, стк. 29: [k]üli čur b(i)ti[g] b(i)[t](i)d(i)m "Я, Кюли-чур, написал (эту) надпись"; принять другое истолкование (Clauson sir G., Tryjarski E., 1971, p. 22, 30) мешает отсутствие изафета.

Та же картина возникает при обращении к монументам Уйгурского каганата. Подпись создателя Терхинской стелы (50-е гг. VIII в.) поставлена сзади на постаменте (Кляшторный С.Г., 1980, с. 84, 92, 94, рис. 1, 2, табл. 1, *б*). Судя по имени и вырезанной под ним тамге, этот человек был аристократом: bunï j(a)r(a)t(ï)γma : bökä tut(a)m "Тот, кому выпало соорудить это – Бёке Тутам". Вельможа, названный в основной надписи, напрасно принят издателем текста за его автора (Кляшторный С.Г., 1980, с. 85, 89, 91, 93, стк. 14: ...(a)nta t(e)gdi : bunï j(a)r(a)t(ï)γma : bilgä qutl(u)γ : t(a)rq(a)n s(e)ŋun bunča bod(u)n(ï)γ (a)tïn jolïn : "...он тогда напал. Тот, кто это соорудил, Бильге Кутлуг-таркан-сёнгун, столь многие народы со славой (победил)"). Против этого говорит не только не подходящий к случаю контекст, но и выявляемая текстами Йоллыг-тегина подобная ситуация, позволяющая видеть здесь имя заказчика работ. На двух других уйгурских стелах, содержащих хорошо сохранившиеся многострочные надписи, нет подписей их создателей, но (кроме вырезанных у вершин тамг увековеченных сановников) у основания памятников стоят личные гербовые знаки авторов, свидетельствующие об их знатном происхождении (Кляшторный С.Г., 1980, табл. 2, с. 95; 1987, с. 21–23, табл. 2). Сходство облика таких тамг Терхинского памятника и стелы Моюн-чура (Могон-Шине-Усу, 759/760 гг.) указывает на то, что их создатели были родственниками. Вероятно, здесь следует говорить о фамильном сохранении профессиональных знаний.

Сказанное об авторах и создателях орхонских эпитафий подкрепляется и расширяется наблюдениями над енисейскими надгробными надписями. В них всегда отсутствуют имена создателей, что, вероятно, объясняется сохранением в южносибирском обряде наиболее архаичных черт (Кызласов И.Л., 1998а, разд. 3, 4). В этих поэтических текстах узнаются многие древние особенности погребальных плачей (Малов С.Е., 1952, с. 8; Стеблева И.В., 1965, с. 11, 61–63, 65, 97–105, 136–143). Но, несмотря на внешнюю непритязательность, енисейские эпитафии наносились на стелы только профессиональными каменотесами – судя по оставшимся следам, каждый раз использовался набор специального инструмента: зубила и резцы с остриями разной формы, применявшиеся по мере создания надписи. Имеющиеся в литературе наблюдения (Кызласов, И.Л., 1992; Е 19, Е 27, Е 31) могут быть дополнены. Например, при нанесении Е 11 применялись одно грубое и несколько более тонких зубил – овальные (сечением 5 2 мм и 8 × 2 мм, при глубине следа 1 мм), прямоугольное (4 × 1 мм), мелкий керн (диаметром 1 мм, при глубине 5 мм) и некий инструмент для заглаживания вырубленных борозд; Е 25 – сначала конический керн (до 4 мм диаметром) и резец, а затем прямое зубило (12×1 мм); Е 29 – тонкий резец, более толстый инструмент для скобления, овальное (3×1,5 мм) и прямоугольное (9–10×1 мм) зубило, керн (до 4 мм), тупоконечный цилиндрический инструмент. Подтверждением того, что создатель эпитафии не принадлежал к родственникам умершего, служат древнехакасские (по канону, тамге и обряду) надгробные памятники ТувыIX–X вв., в ряде случаев выполненные местными (вероятно, чикскими) грамотеями. Об этом свидетельствуют палеографические и языковые признаки (Кызласов И.Л., 1994, с. 93–98, 117–122; 1998а, разд. 2).

Итак, показанные черты орхонских и енисейских памятных стел одинаково свидетельствуют, что их авторами и исполнителями были профессионалы. На примере Йоллыг-тегина видно, что составитель текста поручал его высечь другом лицу и до конца руководил работой мастера. Общественное положение последнего остается неясным, первый же, исходя из тюркских и уйгурских эпитафий, принадлежал к аристократии. Нет сомнения, что здесь мы встречаемся с совершенно особой фигурой, давно знакомой по лучше изученной индоевропейской традиции. И у ариев эпохи сложения ведических гимнов, и у древних греков времен Гомера, и у раннесредневековых кельтов или германцев равно "лишь поэт мог дать своему покровителю то,

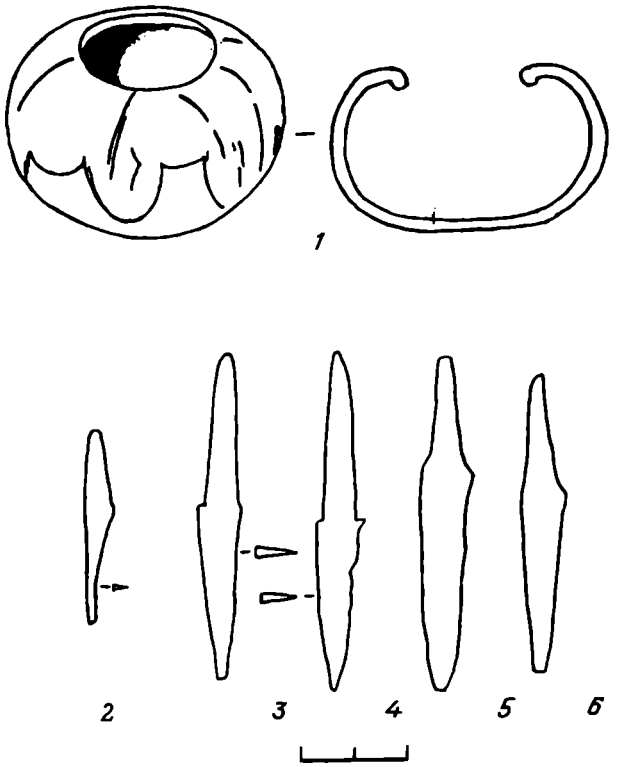


Рис. 3. Писчие принадлежности, найденные в древнехакасских курганах: *1* – белая фарфоровая чернильница, вверху покрытая зеленовато-коричневатой глазурью с темно-коричневыми вертикальными полосами (IX–X в., Тува, Уюк-Тарлык, курган 56); *2* – стальной перочинный ножик (XI – начало XII в., Хакасия, Самохвал II, курган 11); *3–6* – перочинные ножики, случайно найденные в Хакасско-Минусинской котловине (Минусинский музей, инв. № 365, 380, 369, 368)

что в культурной среде ценилось выше, чем сама жизнь, а именно то, что выражается формулой "вечная слава" (Уоткинс К., 1988, с. 452–454). "Слава богатыря зависит от песни певца" – такова мудрость, известная и всем тюркским обществам (Жирмунский В.М., 1960, с. 192). Индоевропейское понятие "вечная слава" не только соотносится с общим орхоно-енисейским наименованием эпитафийной стелы beŋgü taš "вечный камень", но и во всем отвечает мировоззренческой сути обряда создания памятных надписей. Сама фигура поэта – профессионала, наделенного особым даром действенного слова, предназначение которого и состояло в хранении и умножении этой божественной и магической силы, – вполне точно соотносима с образом автора эпитафийных текстов, который воссоздает анализ памятников азиатской рунической письменности. Восстанавливая жизнь ставки раннесредневекового тюркоязычного владыки, осознаем, что там, как и в индоевропейском обществе,"поэзия не была украшением, она была жизненной необходимостью" (Уоткинс К., 1988, с. 453). В эпоху рунического письма придворными поэтами, наблюдавшими жизнь своего героя, были люди, мастерски владевшие уже не только устным, но и письменным словом. В отличие от поздних народных акынов это были аристократы, получившие специальное образование, овладевшие литературным языком, литературно-художественной традицией, изучившие самобытную руническую письменность.

Однако сфера применения специальных знаний, как и круг самих грамотеев, была шире очерченного. В орхонских эпитафиях VIII в. мы встречаем не только авторов камнеписных текстов, но и советника (ajγučï) Тоньюкука, а в енисейских надписях IX–X вв. – целую плеяду аристократов-интеллектуалов: mar (вероучитель – E 47, 7), baqšï (наставник – монета из Монголии), tajaŋu (тайянгу, "опора правителя" – E 24/9, jalavač (посол – E 29, 8, E 30, 5), jarγan (судья – E 47, 2), čaŋšï (летописец – E 31,1; E 37/1, 3),

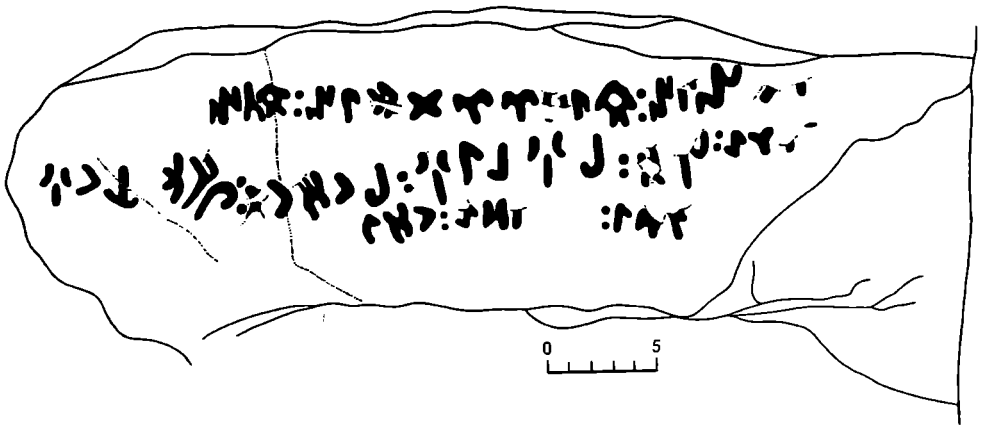


Рис. 4. Хакасия. Надпись на скале Кек хая, нанесенная калямом и красной тушью. Прорисовка автора

bitigči (писарь – E 32, 3, Мендур-Соккон II). Этот список не исчерпывает былого многообразия – в эпоху рунического письма существовал уже особый образованный слой. Курсивные начертания, связанные с постоянным занятием письмом, нашли отражения даже в камнеписных орхонских и енисейских памятниках (рис. 1), на скалах уцелели надписи черной и красной туши (рис. 4), указывающие на применение специальных писчих приборов, кисти и тростникового пера (Кызласов И.Л., 1994, с. 147–152; 1999)[7]. В древнехакасском кургане IX–X вв. найдена чернильница (рис. 3, *1*) (Кызласов Л.Р., 1969, с. 99, табл. III, *8*; 1983, с. 153, 165, рис. 1, *3*). Миниатюрные ножи (с лезвиями по 8–10 см) обычны в тюхтятских и аскизских курганах IX–XII вв., но даже среди них назначение экземпляра общим размером в 3,6 см с лезвием в 1,5 см (первоначально 1,7 см) (Кызласов Л.Р., 1969, с. 105; Кызласов И.Л., 1980, рис. 12, *11*; 1983, с. 39, табл. XVIII, *11*) трудно объяснить, если не считать ножичек перочинным (рис. 3, *2*). В коллекциях музеев (например, Минусинского) можно указать много древнехакасских ножиков с лезвием в 3–5 см длиною (инв. № 245, 270, 271, 277, 279, 281, 284, 288, 290, 294, 333, 347, 348, 365, 366, 368, 369, 380, 8272) (рис. 3, *3–6*).

О высокой образованности свидетельствуют уцелевшие в Восточном Туркестане рукописи, выполненные младшим орхонским письмом (см. перечень и обзор: Древнетюркский словарь, 1969, с. XXXIII, XXXV; Кляшторный С.Г., 1992, с. 340–348). Среди них больше всего манихейских церковных гимнов, легенд, свидетельств распространения манихейства среди аристократов. Есть памятники религиозно-философской и "естественно-научной" литературы (о волшебных свойствах драгоценных камней), гадательная книжка (переписанная для аристократа Исиг-сангуна Ит Ачука), учебные, обыденные и регистрационные записи, письма. Для обсуждаемой темы особенно значимы части рунических текстов, написанных на двух языках – по-тюркски и по-среднеперсидски (T.M. 327), а также фрагменты манихейских гимнов, выполненных рунами, но на среднеперсидском языке (T.M.330, T.M.339). О знании нескольких языков и письменностей свидетельствуют и учебный орхонский алфавит, значения (или названия) букв которого указаны манихейским письмом (T.II.T.20), и записи текста рунами и уйгурскими письменами (T.M.340) (Le Coq A. von, 1909). Обнаружены рунические пометки на буддийских рукописях согдийского и уйгурского письма (причем на сутре Sekiz jükmäk проставлено нетитулованное имя (Bang W., et al., 1934, S. 97): körüg b^{l}itid(i)m "Я, Кёрюк, написал". В сборнике пословиц из Дуньхуана, записанных рунами, нередки высказывания о грамотности, писцах и письменных документах (Кляшторный С.Г., 1992, с. 346).

[7] Изданный перечень дополняет надпись (e)r, выполненная черной тушью на горе Перевозной, ниже устья р. Коксы в Хакасии. Высота рунического знака 5 см (Адрианов А.В. Писаницы. Отчет за 1904 год // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета, д. 55, № XXIX пункт IV, табл. XII).

Образованность, присущая носителям енисейского письма, из-за гибели самих рукописей прослеживается, кроме курсивности начертаний, по разнообразным заимствованным словам, связанным с книжностью: китайским (baqšï "учитель, наставник", čaŋšï "летописец"), иранским и согдийским (abad "благоустроенность", azun "бренный мир", baγ "удел", титул baγa), санскритским (arzï "святой, отшельник", asur "асурий", jevig "качества бодисатвы, необходимые для просветления", šaqjamüni "Шакьямуни"), сирийским (mar "вероучитель"), арабским (ämin "надежный"), а в позднее время и монгольским (bačig "надпись"). Нередки применения устойчивых словосочетаний, присущих религиозной литературе. Так, в выписанных калямом и красной тушью сильно пострадавших строках на скале Кёк хая (рис. 4) разбираем характерную манихейскую формулу: (1)... (e)r (e)rd(ä)min : b(i)t(i)n (2)...*(a)l (e)s(i)z : b(a)γl(ï)γ : bu (a)zun*... "(1)... по причине моей мужской добродетели (~ геройской доблести) будь написан! (2) ... *этот земной мир – из разряда обмана и зла (~ скверны)*...".

Подтверждают картину редкие сведения сторонних письменных источников. "Есть у них храм для богомолений и тростник, которым пишут. Народ рассудительный и осмотрительный... В молитвах употребляют особую, мерную речь", – писал побывавший на Енисее в 942 г. араб Абу Дулаф (Кызласов Л.Р., 1969, с. 127, 128). Счастливо сохранился в остатках замурованной в 1002 г. дуньхуаньской буддийской библиотеки листок, на котором некий Хасето Абгаден, "рожденный в Кыргызской стране ... в самом царствующем доме" сделал тибетскими знаками на китайском языке стихотворную запись (Thomas F.W., Clauson G.L.M., 1927). "Ради того, чтобы, завершив в этой жизни все цели обета, он смог сначала достичь своей страны, и в будущих жизнях, где бы ни был рожден, был свободен от страданий и смог не упасть в ад, а мог быть рожденным в царстве богов", этот древнехакасский аристократ переписал по обету по главе из восьми буддийских сочинений, два сочинения, вероятно, полностью "и так далее" (причем из названных шесть имеют китайские названия, а четыре – тибетские). Такой уровень образованности унес на свою южносибирскую родину побывавший на чужбине раннесредневековый интеллектуал. В "эпоху рунического письма" подобный случай не был единичным, из китайских сообщений известно, например, что в 931 г. в киданьском государстве Ляо "юго-западная граница руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягясы" (Кызласов Л.Р., 1984, с. 78).

Образованные люди составляли в раннесредневековых тюркоязычных обществах Южной Сибири и Центральной Азии особое профессиональное сословие, которому независимо от вероисповедания было присуще общее и главное убеждение: в знаниях, в стремлении познать истину, в книжной премудрости и образованности видели эти люди свое призвание. И тому тоже есть письменные свидетельства.

3. Самосознание образованного сословия: надпись Ялбак-Таш II

В 1994 г. мною были изучены подлинники многих рунических надписей Горного Алтая. Исследовалась и правобережная скала Ялбак-Таш в низовьях Чуи. На ее плоскости нанесено 30 строк енисейского письма. Ни одна скала в России не имеет такого большого числа рунических текстов[8]. Надписи были замечены здесь в 1980 г. Е.А. Окладниковой и тогда же изучены на месте тюркологом В.М. Наделяевым.

---

[8] Историю изучения и публикацию памятника см.: (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 7, 8, 13–15; Kubarev V.D., Jacobson E., 1996). Нельзя согласиться с авторами в том, что памятник следует по-прежнему ошибочно именовать Калбак-Таш. Проникшую в литературу неточность надо не закреплять сознательными натяжками, а незамедлительно исправить. Алтайское название Jалбак-Таш (русское Дьолбак- или Ялбак-Таш) означает "Плоская гора" и точно характеризует ее вид. Имя же Калбак-Таш не только принадлежит другой горе, стоящей много выше по течению реки, но и рисует человеку, знакомому с тюркскими языками, совершенно другую форму горы: по-алтайски *калбак* означает "ложка". Напомню, что в науку памятник был в свое время введен под правильным наименованием – Ялбак-Таш (Хороших П.П., 1949).

На следующий год им были изданы одиннадцать из двенадцати найденных кратких текстов (Наделяев В.М., 1981, с. 72–81; 1984). В 1987 г. В.Д. Кубареву удалось обнаружить надписи и на другой плоскости утеса: сначала к известным добавилось четыре-пять новых строк (Кубарев В.Д., 1990, с. 156), затем их число достигло восьми[9].

Сегодня речь пойдет только об одной надписи – двух обособленно расположенных строчках, некогда вырезанных одною рукою на второй из трех покрытых надписями плоскостей. Одна строка (та, что длиннее и расположена слева) в публикации В.М. Наделяева получила № 2, о другой сказано: "На фотографиях второй надписи неясно просматривается короткая строчка (2–3 неопределенных знака справа от надписи), не замеченная мною при прорисовке; эта дополнительная строчка оставлена пока без расшифровки" (Наделяев В.М., 1981, с. 73). На таблицах В.Д. Кубарева зафиксированы обе строки, однако прорисовки отразили не относящиеся к надписи черты и не передали ряда различимых в подлиннике деталей (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, section I, fig. 6). Следуя за предложенной В.М. Наделяевым нумерацией и за размещением надписей на скале, новую строчку нужно отметить № 15. Поскольку она составляет единый текст со строкою 2, целесообразно сохранить за двухстрочной надписью единое обозначение Ялбак-Таш II, а строки рассматривать в той последовательности, как они писались (первоначально правая, затем левая).

Надпись размещена вертикально у самой подошвы скалы (стк. I в 16,5 см, а стк. II в 18 см от грунта – рис. 5). Нет сомнения в том, что писавший опустился на колени и склонил голову. Общая длина стк. I достигает 9,7 см (первоначально, вероятно, 10,2 см), а стк. II – 21,4 см. Первая насчитывает шесть букв (высотой от 2,4 до 1,6 см), вторая составлена из 14 (высотою от 2,4–2,6 до 1,3–0,9 см) (рис. 6–8).

Попытка прочтение стк. II, предпринятая В.М. Наделяевым, не дает связного текста: Ben bitidim: Beš ača (~ Beš el). Al Jegin «Я написал: пять родственников (~ пять элей). Ал Егин (имя собственное, букв. "Рыжий племянник")». Коль скоро в эпиграфике прочтение полностью зависит от восприятия подлинника, следует сказать, что тюрколог не был уверен в точности изданной им прорисовки – буквы 12 и 14 на ней дополнены домысливаемыми линиями, возможности различного понимания одних и тех же начертаний оговорены в тексте. Так, для буквы 12 допускались значения g и r^2, для 13 – i/ï и s^2, для 14 – n^2 и ö/ü. В интересах прочтения руна 9 транслитерировались как č, хотя допускалось и восприятие ее как l^2. Предполагалось, что знаки 13 и 14 не сохранились полностью (Наделяев В.М., 1981, с. 76). Прорисовка надписи, изданная В.Д. Кубаревым, значительно точнее. В ней наделены лишними чертами руны 13 и 14 стк. II (не относящаяся к тексту борозда показана и перед первой буквой), не замечены левые нижние отводки знаков 2 и 6. В передаче стк. I огрехов больше – относительно точно воспроизведены лишь три руны (1, 3 и 5) из шести. В действительности надпись вырезана уверенной рукою, хотя и тонкими, но твердыми и ясными резами. Сохранилась она хорошо – частичные повреждения имеют только три знака (I, 6, II, 8, 12), что не мешает их точному определению. Текст читается следующим образом (рис. 5, 6):

Транслитерация: (I) $b^2n^2t^1$mčï(~i) (II) $b^2n^2b^2t^2d^2mb^2š^2l^2$ä(~a)$kr^2$gü(~ö)

Транскрипция: (I) ben atamačï (II) ben bitidim beš ilä kirgü

Перевод: (I) (Поскольку) я не должен произносить имя (божие?), (II) я написал (это) пятью (пальцами), (для того ~ для письма) предназначенными.

Разбор. I, 1–2. Личное местоимение 1 лица ед. числа ben. Между второй и третьей рунами на затертой в этом месте скале существует просвет, где можно усматривать словоразделительный знак в виде вертикального двоеточия (как это было мною сделано в полевых условиях, что отражено в дневнике и на издаваемых прорисовках – рис. 5, 6; ср. фото: рис. 7). Ныне, при учете синтаксиса этого текста, присутствие

[9] Эта поверхность была осмотрена мною благодаря указанию В.Д. Кубарева, за что я ему сердечно признателен. Надписей же на скале оказалось еще больше.

Рис. 5. Алтай. Общий вид скальной плоскости с надписью Ялбак-Таш II. Прорисовка автора

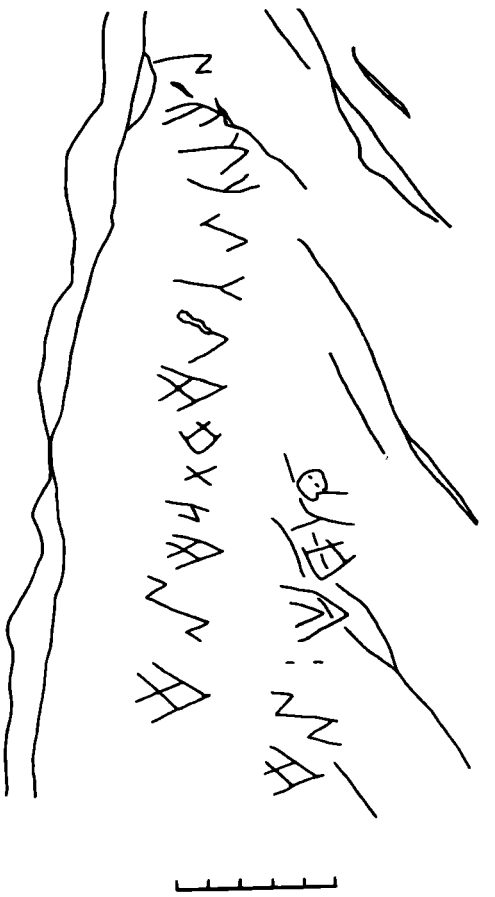


Рис. 6. Надпись Ялбак-Таш II. Прорисовка автора

здесь словоразделительной отметки не кажется необходимым. Показательно, что более нигде в надписи такой знак не применяется.

I, 3–6. Причастие будущего времени со значением долженствования, образованное от глагольной основы ata- "называть, упоминать, произносить имя" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 66) при помощи аффикса -čï, и имеющее отрицание -ma-. Поскольку формы изъявительного наклонения состоят из причастия и личного показателя, можно думать, что последующее слово текста, начинающее стк. II, и есть такой аффикс, а вся фраза, разделенная переносом заключающей части во вторую строку, имеет полный вид: ben atamačï ben. Тогда перед нами довольно редкое для раннесредневековых письменных памятников употребление так называемого будущего категорического (или абсолютного будущего) времени со значением долженствования, обычно образуемого именно от отрицательной формы глаголов (Древнетюркский словарь, 1969, с. 650; Кононов А.Н., 1980, с. 190, § 342, 343). Размещение надписи в две строки, вероятно, вызвано близко начинающимися за шестой руной (стк. I), трещинами – естественными разломами горной породы (рис. 5).

II, 1–2. В связи со сказанным можно заключить, что этими рунами здесь записано не личное местоимение 1 лица ед. числа, а личный аффикс полного вида. Следует все же указать на аналогично построенные формулы, в которых ben без сомнения является местоимением. B(e)n b(i)t(i)d(i)m-ä – читается, например, верхняя из трех наскальных надписей с р. Чарыш, изданных Г.И. Спасским (1818, с. 77, 78, табл. II, *4*) (ср.: Тенишев Э.Р., 1958, с. 63, 64).

Рис. 7. Надпись Ялбак-Таш II. Знаки первой строки (увеличено): *1* – b(e)n (a)t(a)...; *2* – ...(a)t(a)m(a)čï. Фото автора

II, 3–6. Стандартная для наскальных надписей формула "я написал" – вероятно, своего рода представление божеству свершившего ритуал лица. Только на этой скале она встречена еще четырежды (Ялбак-Таш XVIII, XIX, XXIII, XXVIII), известна и для надписей Чарыша, Мендур-Соккона и Бичикту-Бома. Обычно эти слова сопровождаются мужскими личными именами, но содержащие их строки бывают и безымянными (Ялбак-Таш XXVIII, Чарыш) или имеющими анонимные указания на принадлежность писавшего к греховному и бренному человечеству (Кызласов И.Л., 1994, с. 189, 191, 192, 194, 197, рис. 21, 29; 1997, с. 180, 181, рис. 8). Последние черты, свойственные и разбираемому тексту, указывают на резчиков как на приверженцев мировой религии. В Южной Сибири это было манихейство.

II, 7–10. Числительное beš "пять" и послелог ilä "с". В сочетании с именем послелог соответствует русскому творительному падежу (Древнетюркский словарь, 1969, с. 207). Существительное во фразе не обозначено. И хотя в религиозной си-

1

2

3

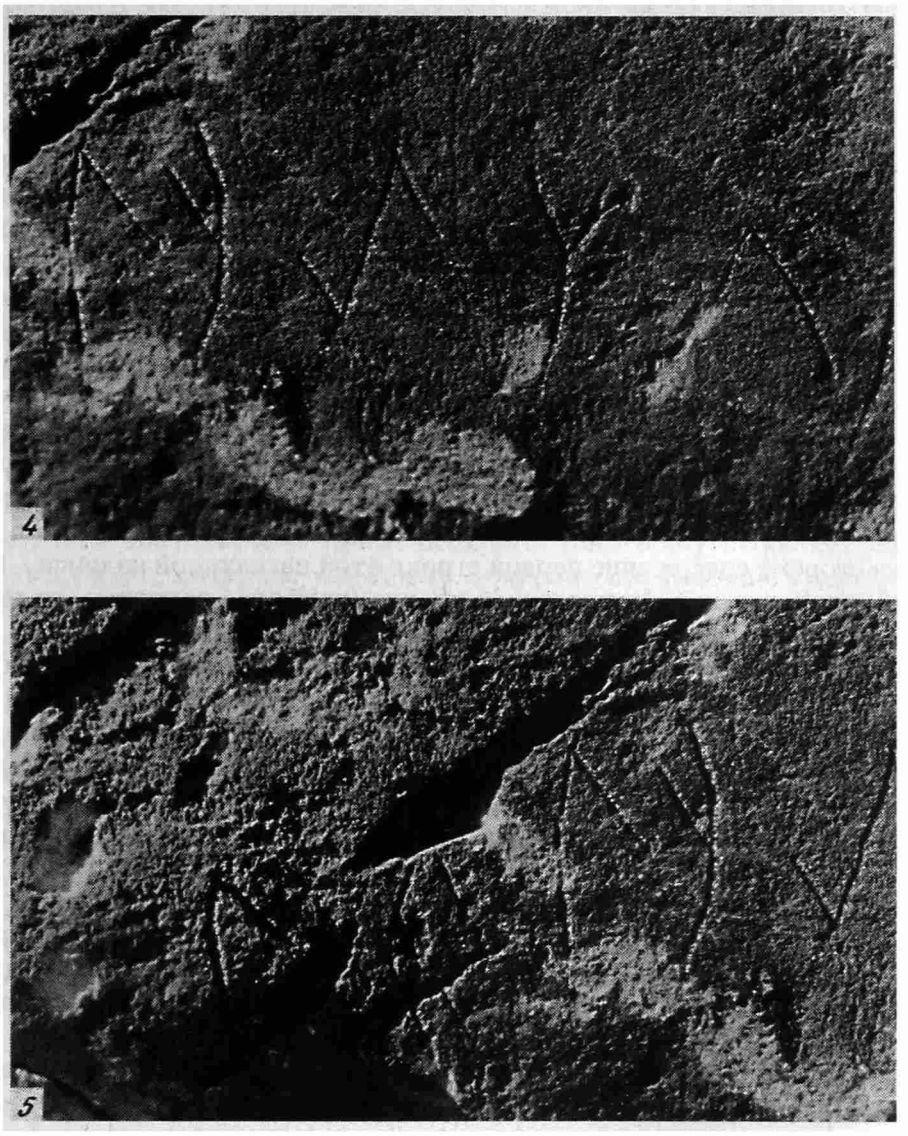


Рис. 8. Надпись Ялбак-Таш II. Знаки второй строки (увеличено): *1* – b(e)n b...; *2* – ...n b(i)t(i)d(i)m; *3* – ...d(i)m b(e)š(i)l...; *4* – ...š (i)lä k(i)r...; *5* – ...ä k(i)rgü. Фото автора

стематике восточного манихейства, как и буддизма, число пять обычно для обозначения различных мировоззренческих категорий (пять миров, пять богов, пять родов живых существ, пять сортов трав и деревьев и т.п.) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 96; Малов С.Е., 1951, с. 120, 123, 125: Chuastuanift, стк. 32–40, 103, 148, 149), из контекста нашей надписи ясно, что речь здесь идет о пальцах руки.

П. 11–14. Несмотря на повреждение правой части знака 12 облик слова ясен. Существует несколько вариантов его транскрипции (kergü, kerägü), но, исходя из контекста надписи и смысла обряда писания на скалах, единственно подходящим является причастие kirgü, образованное от многозначного глагола kir- "входить". Причастие абсолютного будущего времени на -gü, обычно передающее долженствование или возможность, здесь означает "имеющий отношение, предназначенный". Ср. в "Древнетюркском словаре" (1969, с. 308, 654) перевод фразы из буддийского текста уйгурского письма: bursoŋ quvraγlarnï aγzïŋa kirgü jem ičim "пища и напитки, предназначенные для (монашеской) общины". В нашей надписи kirgü относится к числительному beš, подразумевающему пальцы писавшего.

Орфографическое своеобразие публикуемой надписи состоит в отсутствии словоразделительных отметок и прежде всего столь характерного в этой роли для алтайской эпиграфики знака для a/ä. Единственный случай применения здесь руны a/ä (II, 10) имеет звуковое значение. Палеографическая характеристика полностью согласуется с орфографической. Перед нами типичное енисейское письмо. В этом убеждает форма букв b^2 (I, 1; II, 1, 3, 7) и t^1 (I, 3), применение буквы $ŝ^2$ (II, 8) и облик руны m (I, 4; II, 6). Особенностью надписи служит буква t^1 (I, 3), образованная углами разной величины. Начертания знаков убеждают, что обе строки вырезаны одной рукою: ср. b^2 с длинными чертами верхнего угла (из которых левая длиннее правой, а начало правой выходит за вершину угла – I, 1; II, 1, 3, 7) и малым нижним углом (особенно I, 1; II, 3); n^2 в правом повороте (I, 2; II, 2), с примыканием отводков к окончаниям ствола; m с крупным центральным ромбом и короткими выходами за его пределы черт левой стороны (I, 4; II, 6). Из 30 вырезанных на скале Ялбак-Таш строк только эти две выполнены правильным енисейским алфавитом в классических орфографических нормах; остальные нанесены алтайским вариантом енисейского письма с характерным местным правописанием. Вполне вероятно, что изучаемая надпись оставлена пришлым древним хакасом.

Оставим в стороне содержание первой строки этой наскальной надписи – без знаний морали отраженного в ней религиозного учения (наиболее вероятно, манихейского) остается только гадать, почему автор был лишен возможности произнести некое, по-видимому, священное, божественное имя. Причины появления на скале самой надписи при учете прочих подобных материалов (Кызласов И.Л., 1994, с. 186–191, 195–197) видят более определенно – это личная отметка о совершенном здесь молении.

Наибольшее значение для нас имеет вторая строка камнеписного текста: "Я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)". Эти 14 рунических знаков выражают целую этическую доктрину. По представлению писавшего, человеческой руке дано различное предназначение. Такой взгляд явно соотносится с материалами прочих рунических памятников: у одних правящая длань (каганские орхонские эпитафии), у других – послушная воле сюзерена десница, управляющаяся с копьем и мечом (надпись Кюль-тегина, енисейские эпитафии), у третьих – персты, знакомые с церемониальными жестами посла (енисейские эпитафии), и несуетными движениями советника (надпись Тоньюкука), на руки четвертых возложена забота о семье (женская доля, отраженная в эпитафиях). Следуя надписям, расчленяющим общество на бегов – князей и бодун – народ, осознаем стоящее за этим деление занятий на благородные и низменные – значит, были руки, предназначенные ходить за скотом, держать плуг или серп, орудовать молотом и напильником. В этом перечне ничто не удивит нас, пойди речь о всяком раннесредневековом обществе Евразии. Естествен он и для тюркоязычных народов эпохи рунического письма. Однако надпись Ялбак-Таш II выявляет и другое, не отмеченное в иных местах предназначение человеческих рук, известное этому обществу. Перед нами нравственность человека, видевшего свое предназначение в овладении знанием и письменностью, т.е. мораль профессионала.

Литература древности на этапе, непосредственно предшествующем раннему средневековью, уже соединяла в себе элементы словесности многих стран и народов, прежде всего восточных. Связь разноплеменных идей и образов отличает и все позднейшие ступени развития литературы, вплоть до возникновения мировой литературы в XVIII–XIX вв. (Брагинский И., 1973, с. 16–19). Литературный синтез присущ и памятникам древнетюркской рунической письменности, в особенности, как выясняется, наскальным. Глубину этих связей, восходящих еще к эпохе появления письма на земле, весьма ярко демонстрирует публикуемая енисейская надпись. Она содержит архаичную формулу характеристики профессионального писца, известную еще древневосточной литературе. Сравним текст второй строки Ялбак-Таш II с колофоном египетской "Сказки потерпевшего кораблекрушение", папируса времен XII–XIII династий Среднего царства (XX–XVII вв. до н.э.): "Доведено сие от начала // до конца – как было найдено написанным // в писании писца, искусного пальцами своими, сына

Амени, // да будет он жив, невредим и здрав!". В литературе Древнего Египта эта формула прожила века – ее же встречаем в частично сохранившемся колофоне повествования "Взятие Юпы" (Новое царство, XIX династия, XIII в. до н.э.): "Доведено сие до конца // ради души искусного своими пальцами войскового писца..." (Поэзия..., 1973, с. 37, 38, 68).

Этот случай поражает осознанием единства и устойчивой преемственности передневосточной литературной традиции. Сохраненная на протяжении двух с половиной тысячелетий, она, невзирая на смену языков, народов и царств, стала достижением воистину вселенской культуры и вместе с вавилонскими писаниями Мани достигла Южной Сибири. Особенно важно, что текстуальное сходство трех наших разновременных письменных памятников питается одними и теми же общественными соками: сословным самосознанием людей, профессиональной сферой деятельности которых была образованность.

Существование особого, живущего умственным трудом сословия выявляется уже самыми ранними письменными памятниками VIII в. и в дальнейшем прослеживается на протяжении всей эпохи рунического письма. Распространение грамотности и образованности среди знати весьма примечательно, поскольку выявляет высокий социальный авторитет, которым устойчиво обладала письменная культура в раннесредневековых тюркоязычных обществах (недаром автор строк на скале Кёк хая (рис. 4) возводит письмо в ряд мужских доблестей). Надписи, оставленные простолюдинами, указывают на другую существенную социальную особенность – письменность не была отгорожена от общества какими-либо формальными ограничениями, узкой корпоративной организацией образованной феодальной верхушки и духовенства. Факты показывают, что дело далеко не ограничивалось теми "бродячими грамотеями", о которых обмолвился С.Е. Малов (1952, с. 7) и с экзотической деятельностью которых многие тюркологи с готовностью связывают большинство рунических надписей Сибири и Центральной Азии. Науке недостает данных, чтобы понять организацию рунического образования, но необходимо признать, что она обеспечивала довольно широкую грамотность. С 60-х гг. VIII в. это, наиболее вероятно, обусловливалось распространением в Уйгурском каганате и Древнехакасском государстве манихейства – одной из наиболее энциклопедических и книжных религий Востока. За изучением и использованием рун манихеями стоит признание бывшей задолго до их появления сильной, вероятно, общетюркской традиции рунической письменности: на каком бы языке ни был написан рунический текст, он предназначался для тюрков (подобные ситуации известны в истории культуры, см., например: Лебедев В.В., 1987, с. 302).

Однако воссозданная здесь картина относится лишь к известному периоду эпохи рунического письма, начинающемуся с VIII в. Она не может быть ныне распространена на пока скрытый в истории предшествующий этап существования этой письменности. Два обстоятельства – сохранение в известных рунических памятниках глубоко архаичных черт письменности (Кызласов И.Л., 1998а) и отсутствие надписей, созданных ранее VIII в., очевидно, указывают на замкнутость и косность того общественного круга, который веками владел руническим письмом в то "темное" время. Речь вновь идет о неком (вероятно, жреческом) профессиональном сословии, корни которого из раннего средневековья уходят в неведомое по глубине истинно древнетюркское время. Понять специфику и статус этого общественного слоя – значит понять условия появления и раннего развития рунической письменности в тюркоязычном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брагинский И., 1973. У истоков художественного слова // Библиотека всемирной литературы. Поэзия и проза Древнего Востока. М.

Васильев Д.Д., 1980. О распространении грамотности у древних тюрков // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М.

Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.

Древнетюркский словарь, 1969. Л.
Жирмунский В.М., 1960. Легенда о призвании певца // Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л.
Кляшторный С.Г., 1971. Руническая надпись из Восточного Гоби // Studia Turcica. Budapest.
Кляшторный С.Г., 1973. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии. По материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг. // Тюркологический сборник. 1972. М.
Кляшторный С.Г., 1978. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М.
Кляшторный С.Г., 1980. Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. № 3.
Кляшторный С.Г., 1987. Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
Кляшторный С.Г., 1992. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. М.
Козьмин Н.Н., 1934. Классовое лицо "атасы" Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л.
Кононов А.Н., 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.
Кубарев В.Д., 1990. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск.
Кызласов И.Л., 1980. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М.
Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18.
Кызласов И.Л., 1992. О профессиональных писцах-каменотесах Древнехакасского государства // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. II. Омск.
Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
Кызласов И.Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. L. Budapest.
Кызласов И.Л., 1998а. Материалы к ранней истории тюрков. II, III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 1, 2.
Кызласов И.Л., 1998б. Две древнехакасских надписи на горе Лисичьей // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. II. Абакан.
Кызласов И.Л., 1999. Калям на Енисее // Татарская археология. № 3.
Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.
Кызласов Л.Р., 1983. Курганы тюхтятской культуры в Туве. По материалам раскопок 1915–1929 гг. // СА. № 3.
Кызласов Л.Р., 1984. История Южной Сибири в средние века. М.
Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994. Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII – начало XV вв. // РА. № 1.
Лебедев В.В., 1987. Еврейская средневековая рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. I. М.
Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.
Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.
Мелиоранский П.М., 1899. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. Т. XII. Вып. II–III.
Наделяев В.М., 1981. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук. № 11. Вып. 3.
Наделяев В.М., 1984. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск.
Поэзия и проза Древнего Востока, 1973 // Библиотека всемирной литературы. М.
Радлов В.В., 1892. Атлас древностей Монголии. СПб.
Спасский Г.И., 1818. Записки о сибирских древностях // Сибирский вестник. Ч. 1. СПб.
Стеблева И.В., 1963. Поэзия орхоно-енисейских тюрок // НАА. № 1.

Стеблева И.В., 1965. Поэзия тюрков VI–VIII вв. М.
Стеблева И.В., 1976. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.
Стеблева И.В., 1989. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // НАА. № 4.
Тенишев Э.Р., 1958. Руническая надпись на утесе р. Чарыш (Алтай) // Эпиграфика Востока. Вып. XII.
Тенишев Э.Р., 1976. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. № 1.
Тенишев Э.Р., 1979. Язык древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. № 2.
Тенишев Э.Р., 1983. Огузские элементы в древнеуйгурском языке // Восточная филология. Вып. 5. Тбилиси.
Тенишев Э.Р., 1958. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Советская тюркология. № 1.
Уоткинс К., 1988. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике. М.
Хороших П.П., 1949. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. Вып. XXV.
Шинехуу М., 1971. Даривын эртний турэг бичээс // Монголын эртний туухсоёлын зарим асуудал (Studia Archaeologica. T. V, fasc. 10). Улаан-баатар.
Шинехуу М., 1976. Цэнхэрмандалын эртний турэг бичээсийг дахин уншсан нь // Монголын эртний туухийн асуудал (Studia Archaeologica. T. VII, fasc. 8). Улаан-баатар.
Bang W., Gabain A. von, Rachmati G.R., 1934. Türkische Turfantexte. VI // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil-hist. Klasse. B. VIII–X. Berlin.
Clauson sir G., Tryjarski E., 1971. The Inscription at Ikhe Khushotu // Rocznik Orientalistyczny. T. XXXIV. Z. 1.
Kubarev V.D., Jacobson E., 1996. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 3 (Mémoires de la Mision Archéologique Francaise en Asie Centrale. T. V, 3). Paris.
Le Coq A. von, 1909. Köktürkisches aus Turfan. Manuscriptfragmente in köktürkischen "Runen" aus Toyoq und Idiqut-Schähri (Oase von Turfan) // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. B. XLI. Berlin.
Le Coq A. von, 1913. Chotscho. Facsimile-Wiedergaben der Wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expidition nach Turfan. Berlin.
Le Coq A. von, 1924. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Teil III. Die Wandmalereien. Berlin.
Le Coq A. von, 1926. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Teil V. Neu Bildwerke. Berlin.
Radloff W., 1895. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. St.-Pbg.
Thomas F.W., Clausin G.L.M., 1927. A Second Chihese Buddhist Text in Tibetan Characters // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. April. London.
Thomsen V., 1912. Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. January. London.

Институт археологии РАН,
Москва

I.L. KYZLASOV

THE MATERIAL CONCERNING EARLY HISTORY OF THE TURKS. IV. EDUCATION DURING THE RUNIC WRITING PERIOD

Summary

Asiatic runic inscriptions reviewed in the paper give evidences of literacy and high educational standards of the aristocracy, and literacy among the common perople in the early Medieval-Turk-speaking societies of Soutch Siberia and Mongolia, since they not incommonly comprise the author's signatures (E 24/4, E 24/5 (see Fig. 1), E 24/7. E 24/8 (see Fig. 2), E 24/9, E 24/11, E 24/13, E 24/14,

E 37/1, E 118/1, E 136, E 144, Lisich'ya I, Sharbulak I-III, Tes I-II, Yar-Khoto, E 76, E 80, Katanda bowl; Choiren, Khangyta-Khat, Ikhe-Askhete, ThS IV, stelae of Kul-Tegin, Bilga-gagan, Kuli-cur, Shine-Usu, Terkhinskaya, Tesskoy). Professional skill of the authors and creators of epitaph-type inscriptions is obvious. In Yenisey inscriptions this fact in each case displays itself by application of a set of specific stone-carving tools, as well as in the rock inscriptions made with red and black Indian ink (Togus ass, Kok qaja (see Fig. 4), Khoito-Tamir). Writing sets have been found, such as ink-pots and pen-knives for sharpening styloses (Fig. 3). Of special significance are the following inscriptions: some parts of the two Orkhon bilinguas written in Turkish and Middle Persian (T.M. 327), in Middle Persian (T.M. 330, T.M. 339), an educational Orkhon alphabet rewritten in Manichean writing (T.P.T. 20), the text written in runs and Uigurian signs (T.M. 340), runic marginalia in Budhist manuscripts written in Sogdian and Uigurian writings (Sekiz Jukmek). The Yenisey inscription from Yalbak-Tash II in High Altai (Figs. 5–8) characterizes ancient Turk educated stratum as a special social estate of certain self-identification, since it displays an elaborate ethic doctrine and the morality of a scribe who considered his predestiny as mastering knowledge and writing. i.e. as professional merit.

Дискуссии

М.М. КАЗАНСКИЙ, А.В. МАСТЫКОВА

АЛАНЫ НА ДНЕПРЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: СВИДЕТЕЛЬСТВО МАРКИАНА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

По свидетельству греческого географа Маркиана (или псевдо-Маркиана) из Гераклеи Понтийской (около 400 г.), "... река Рудон вытекает из горы Алан; около этой горы и вообще в этой стране на большом пространстве обитает народ аланы-сарматы, в их землях находятся истоки Борисфена, который течет к Понту. Земли по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские гунны..." (Маркиан, П. 39, цитируется по: Латышев В.В., 1890). Общеизвестно, что Борисфен в античных источниках – это Днепр, в то время как Рудон – одна из рек Балтийского бассейна (Неман или Западная Двина, см.: Kazanski M., 1992a, p. 82). Эти два географических репера позволили Д.А. Мачинскому локализовать алан-сармат Маркиана на Днепре, где-то между южной границей лесной зоны и территорией гуннов, которые занимали около 400 г. степи Нижнего Днепра (Мачинский Д.А., 1976, рис. 4). В данной работе мы попытаемся выявить археологические памятники алан-сармат, упомянутых Маркианом. Говоря об алано-сарматах, мы имеем в виду все ираноязычные (и не только) племена степи и сопредельных регионов, потомков античных сармат и алан. В Причерноморье к началу эпохи переселения народов бóльшая их часть уже носит имя алан. Видимо, стоит воздержаться от более точных этнических привязок, особенно для эпохи переселения народов, когда возникают новые этнополитические объединения варваров, в которых ориентация на конкретного вождя (династию) часто имела гораздо более важное значение, чем реальное происхождение индивидуума (см. подробнее: Wolfram H., 1998). В настоящее время на Левобережье Днепра известны три памятника начала эпохи Великого переселения народов, сармато-аланская атрибуция которых бесспорна. Это курганные могильники Кантемировка в бассейне Ворсклы, Ново-Подкряж на Орели и Дмухайловка (рис. 1, *8*, *9*, *42*). Как видим, памятников немного, но мы учитываем здесь лишь закрытые комплексы с надежными датами. Небольшой могильник Кантемировка находится рядом с поселением и некрополем черняховской культуры, но ничто не свидетельствует об их одновременности. Три кургана были раскопаны М. Рудинским в 1924 г. (Рудинський М., 1931).

Кург. № 1 диаметром 22 м и высотой 0,6 м перекрывал подбойную могилу (рис. 2, *1*). Могильная яма была ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. В ней были обнаружены следы дерева. Подбой находился в юго-западной части ямы. Могила содержала одно погребение. Погребенный возраста 40 лет (по М. Рудинскому) был найден, если верить автору раскопок, в сидячем положении около юго-западной стенки лицом на восток. Скелет был разрушен при обвале свода подбоя, на месте остались лишь кости ног. Кроме того, в этой могиле были найдены кости курицы у северо-восточной стенки и кости барана у ног погребенного. Погре-

Работа выполнена при поддержке международного фонда the Research Support Scheme (RSS) of the Open Society Institute / Higher Education Support Programme (OSI/HESP), грант RSS № 650/1997.

© М.М. Казанский, А.В. Мастыкова, 1999 г.

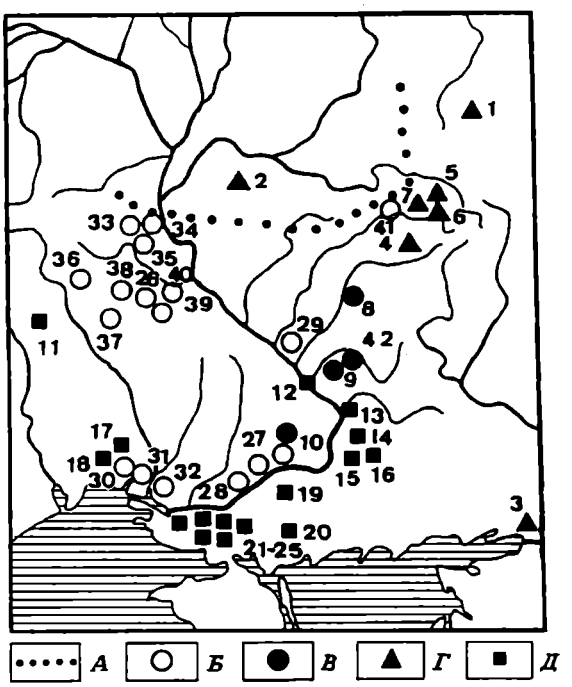


Рис. 1. Карта археологических памятников Поднепровья гуннского времени (периода D1–D2). *А* – южная граница киевской культуры; *Б* – позднечерняховские памятники; *В* – алано-сарматские и "северокавказские" памятники; *Г* – "княжеские" находки восточногерманского облика; *Д* – кочевнические (гуннские) памятники
1 – Круглица (Поршнино); *2* – Нежин; *3* – Синявка; *4* – Жигайлово; *5, 6* – Большой Каменец; *7* – район Обояни; *8* – Кантемировка; *9* – Ново-Подкряж; *10* – Капуловка; *11* – Рубани; *12* – Переволочная; *13* – Старая Игрень; *14* – Ново-Григорьевка; *15* – Ново-Ивановка; *16* – Макартет; *17* – Тилигул; *18* – Антоновка; *19* – Ново-Филиповка; *20* – Саги; *21* – Новая Маячка; *22* – Раденск; *23* – Алешки; *24* – Алешки-Кучугуры; *25* – Пролетарская; *26* – Журовка; *27* – Гавриловка; *28* – Бизюков монастырь; *29* – Компанейцы; *30* – Ранжевое; *31* – Луговое; *32* – Каменка-Анчекрак; *33* – Борохтянская Ольшанка; *34* – Киев; *35* – Черняхов; *36* – Косаново; *37* – Данилова Балка; *38* – Маслово; *39* – Турия; *40* – Завадовка; *41* – Сумы-Сад; *42* – Дмухайловка

бальный инвентарь включает десяток серогончарных сосудов черняховского типа (рис. 2, *17–26*), костяной гребень типа Томас Ш (рис. 2, *2*), стеклянные жетоны (рис. 2, *8*), игральную кость (рис. 2, *9*), золотое кольцо (рис. 2, *3*), серебряные предметы с остатками дерева (детали шкатулки?) (рис. 2, *13–16*), три металлических накладки в форме полумесяца на ногах (рис. 2, *10–12*), овальную пряжку с рамкой, расширенной в передней части (рис. 2, *6*), и металлические элементы обувной гарнитуры (наконечник ремня и пряжка) (рис. 2, *4*, *5*).

Кург. № 2 был разрушен. В насыпи встречены кости барана, фрагменты керамики, куски оплавленного стекла. Под насыпью обнаружена узкая яма (2,8 × 1,95 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Она имела две ступеньки вдоль северо-восточной и юго-западной стенок, на ступеньках замечены следы деревянного перекрытия. Глубина ямы 2 м, в западной стенке устроен подбой (2,95 × 1,15 м), в котором и находилось погребение. Скелет был разрушен грызунами. В могиле найдены два серогончарных сосуда черняховского типа (рис. 3, *1*, *2*), бронзовая пряжка, небольшой стеклянный сосуд, обломки четырех трапециевидных железных пластин и кости барана.

Кург. № 3 (высота 0,15–0,45 м, диаметр 19 м) перекрывал катакомбу (рис. 3, *3*). Погребенный был положен на деревянную платформу, скелет был разрушен, но автор раскопок считает, что погребенный находился в сидячем положении. Во входной яме на ступеньке были положены конские удила (рис. 3, *16*, *17* и, возможно, *14*, *15*). Во входной яме также были найдены кости животных, железное кольцо и какие-то бронзовые предметы. В погребальной камере были найдены керамические сосуды, две

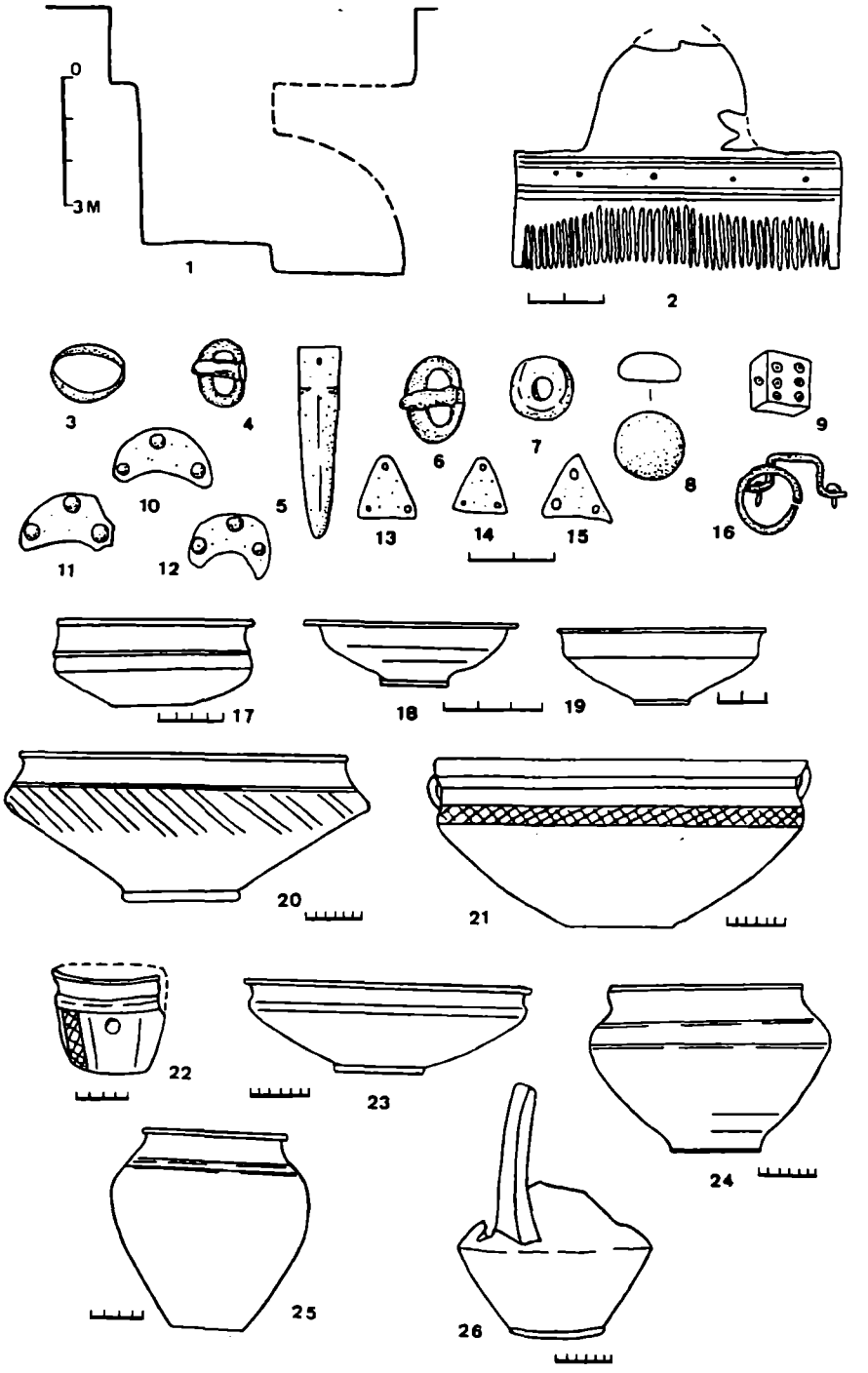


Рис. 2. Кантемировка, кург. № 1 (по Рудинський М., 1931)

большие и две малые бронзовые пряжки, пряжка из белого металла (рис. 3, *5*, *6*, *8–10*), два обломка костяного гребня, золотое кольцо (рис. 3, *4*), ромбические пластинки, украшенные гранатами (рис. 3, *7*), а также металлические пластинки в форме полумесяца (рис. 3, *11–13*).

Кантемировские курганы датируются последней четвертью IV – первой третью V в. (Гороховский Е.Л., 1988, с. 46; Kazanski M., Legoux R., 1988, tabl. II; Магомедов Б.В., 1997). В самом деле пряжки с длинным хоботковидным язычком (рис. 3, *5*, *6*) типичны для периодов D1 (360/370–400/410 гг.) и D2 (380/400–440/450 гг.) хронологии "варварской" Европы (ср.: Tejral J. 1997, Abb. 9, *1*; 10, *1*, *2*; *17*, *6*, *7*). Наконечники

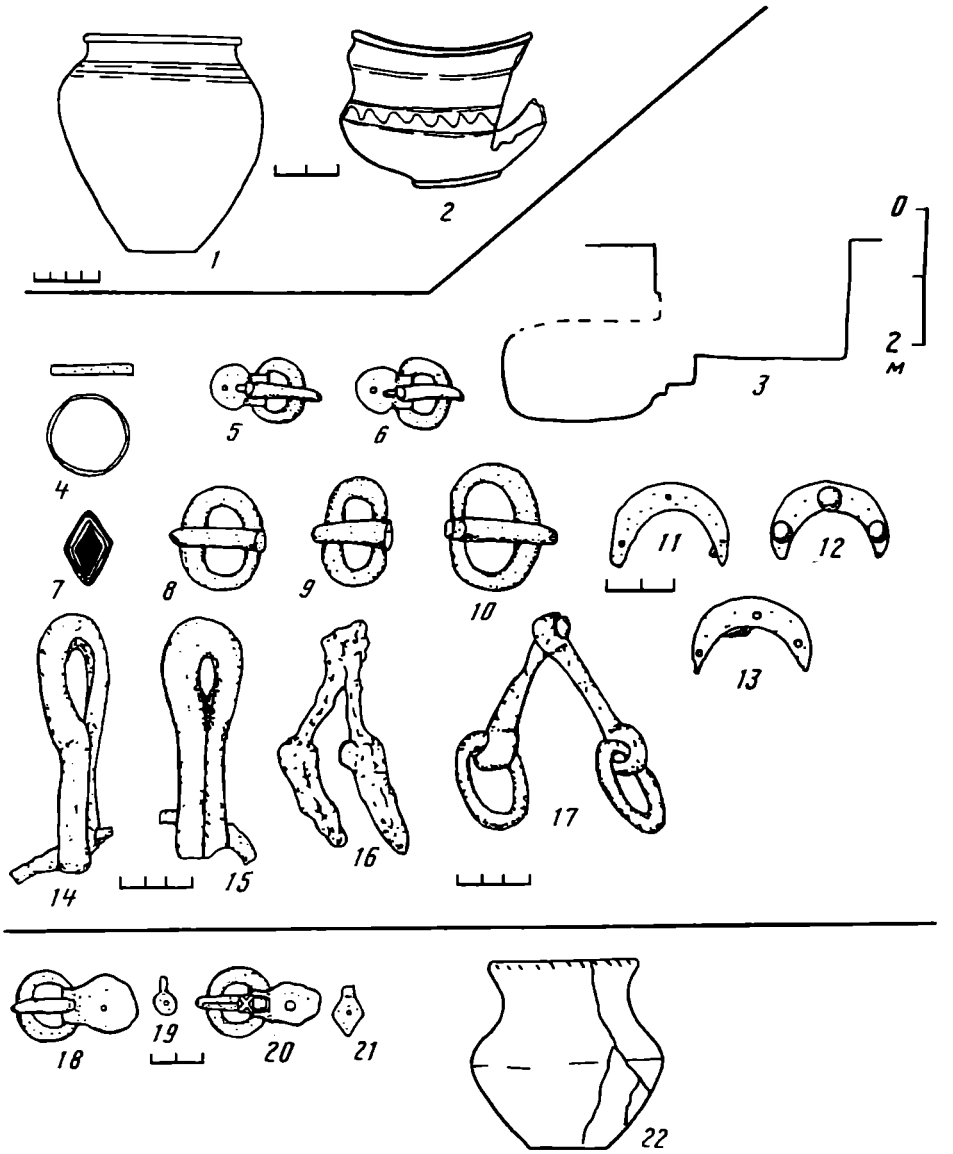


Рис. 3. Находки алано-сарматского происхождения в Поднепровье *1*, *2* – Кантемировка, кург. № 2; *3–17* – Кантемировка, кург. № 3; *18–22* – Ново-Подкряж (*1–17* – по Рудинський М., 1931; *18–22* – по Костенко В.И., 1977)

ремней типа найденного в Кантемировке (рис. 2, *5*) также обычны для периодов D1 и D2; назовем в качестве примеров находки из Мундолсхайма, Ленделтоть, Алешек, Беляуса, Керчи, Гиляча (Kazanski M., 1990, p. 60), а также недавно опубликованную находку из Танаиса (Безуглов С.И., 1993, рис. 1, *16*). Наконец, пластинки в форме полумесяца (рис. 2, *10–12*; 3, *11–13*) хорошо известны для того же периода (например: Werner J., 1956, Taf. 16, *14*; 59, *29*; Абрамова М.П., 1997, рис. 12, *24*; 41, *6*, 7). Впрочем, в алано-сарматском контексте такие пластинки известны и ранее, еще в период С3 (320–375 гг.) (Безуглов С.И., 1990, рис. 1, *5*). Присутствие в могилах черняховской керамики и германского гребня типа Томас III не противоречит предложенной дате, поскольку сейчас большинство исследователей разделяет точку зрения М.Б. Щукина (Щукин М.Б., 1979), согласно которой черняховская культура продолжает существовать в период D1 (Гороховский Е.Л., 1988; Ioniţă I., 1992; Kazanski M., Legoux R., 1988; Kazanski M., 1992b; Магомедов Б.В., 1997; Tejral J., 1997).

На Днепровском Левобережье, в непосредственной близости от черняховской территории известны и другие подобные погребения гуннского времени. Могила конца

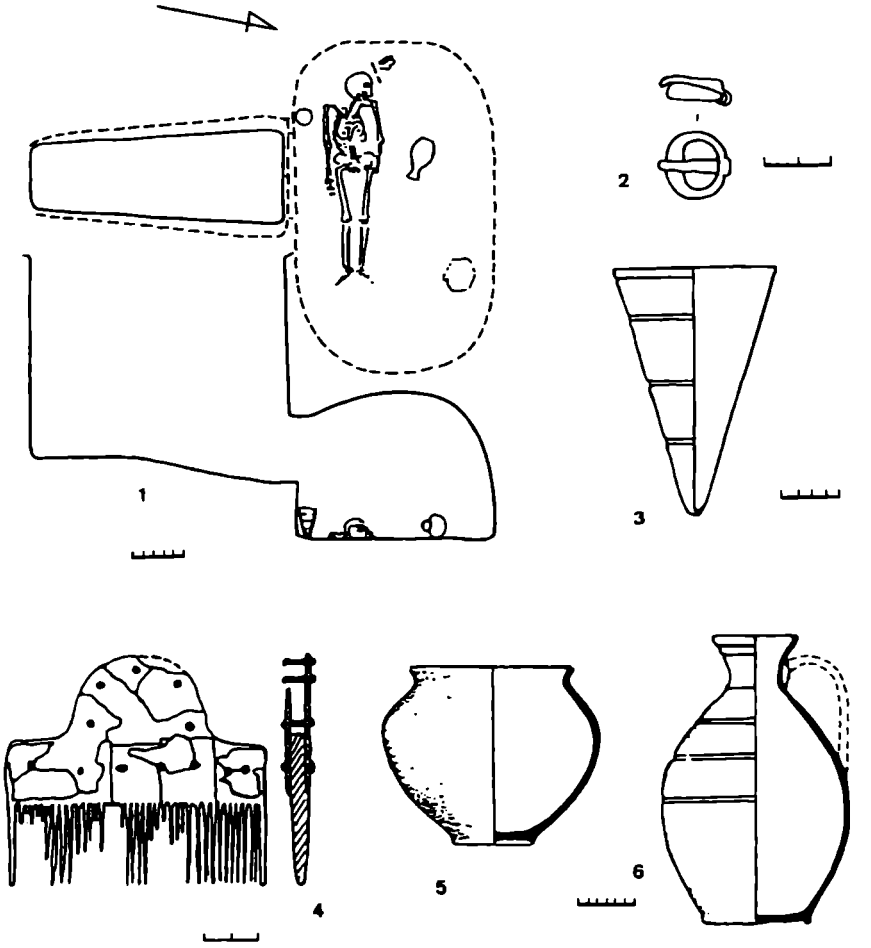


Рис. 4. Дмухайловка, кург. № 13 (по Simonenko A.V., 1995)

римского времени или начала эпохи Великого переселения народов была найдена в некрополе Ново-Подкряж (кург. № 13, погр. № 3) на Орели (рис. 1, *9*). Погребенный был положен головой на северо-восток, у головы находился лепной сосуд (рис. 3, *22*), а на ногах – элементы обувной гарнитуры (рис. 3, *18–21*). Форма погребальной ямы в публикации не уточнена (Костенко В.И., 1977, с. 121). Одна из пряжек обувной гарнитуры с фасетированным хоботковидным язычком, крестовидным декором на основании язычка, массивным круглым кольцом (рис. 3, *20*) позволяет отнести это погребение к концу периода С3 (320–375 гг.) или к началу периода D1 (360/370–400/410 гг.). Погребальный обряд данной могилы свидетельствует о ее принадлежности к алано-сарматским древностям. Действительно, подкурганные трупоположения в римское время в Поднепровье надежно отмечены лишь для алано-сармат. Обувная гарнитура также достаточно хорошо известна в мужских степных комплексах римского времени. В качестве примера назовем находки пряжек у ступней погребенных в Порогах, Новом, Новоалександровке (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 25, 26, рис. 14, *3*, *4*; Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, с. 131, рис. 32, *21*; Беспалый Е.И., 1990, с. 220, рис. 5, *8–9*). Известна обувная гарнитура и у сармат Венгрии (подробнее см.: Вадаи А., Кульчар В., 1984).

Кург. № 13 некрополя Дмухайловка (рис. 1, *42*) принадлежит к той же группе погребений (Simonenko A.V., 1995, p. 347). Это трупоположение головой на юго-запад в катакомбе Т-образной формы (2,7 × 1,7 м) со входом и дромосом, типичной для алан (рис. 4). Погребальный инвентарь включает кувшин у правой руки погребенного (рис. 4, *6*), горшок у северной стенки камеры (рис. 4, *5*), нож около головы, серебряную пряжку около правой руки (рис. 4, *2*), гребень типа Томас III (рис. 4, *4*) у головы и

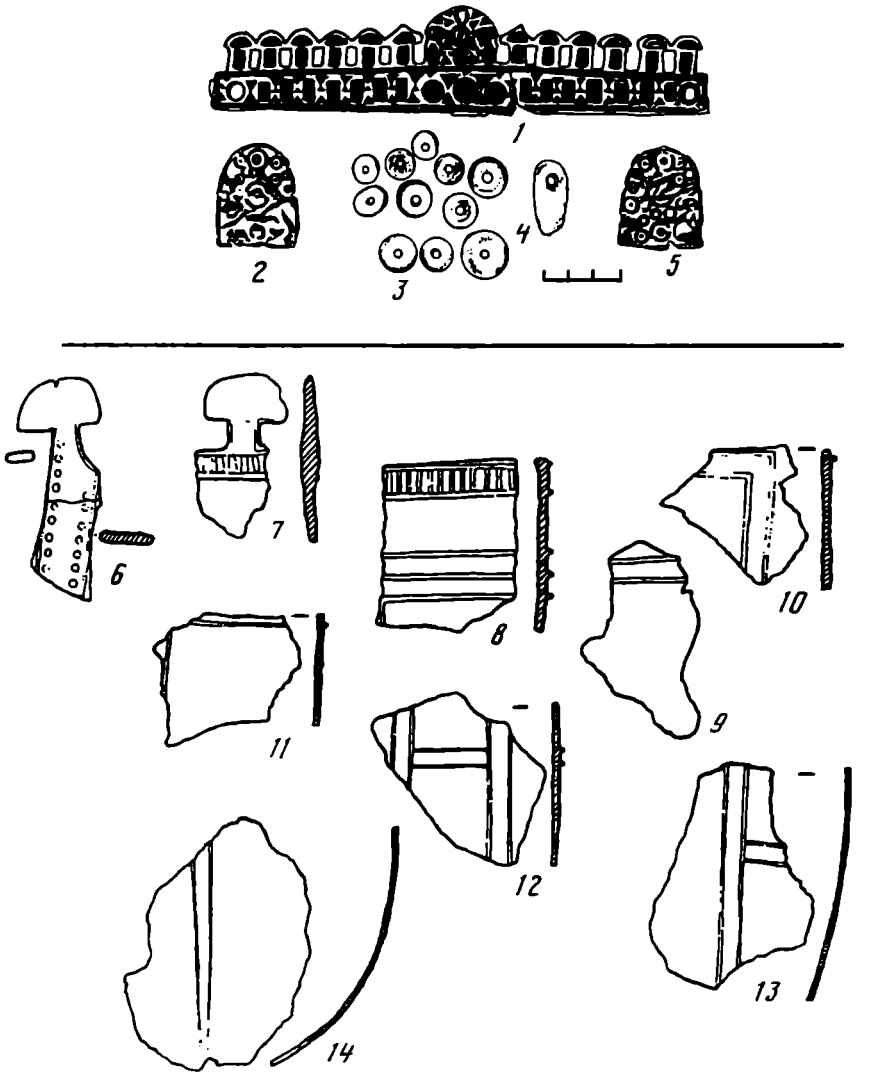


Рис. 5. Кочевнические находки гуннского времени на Днепре *1–5* – Старая Игрень; *6–14* – Переволочная (*1–5* – по Засецкая И.П., 1994; *6–14* – по Левченко Д.Н., Супруненко А.Б., 1994)

конический кубок из стекла с горизонтальными каннелюрами у входа в камеру (рис. 4, *3*). Кубки такой формы хорошо известны в паннонских погребениях 360–400 гг. (Tejral J., 1997, S. 331, Abb. 2, *19*), поэтому данную могилу можно датировать периодом D1 (360/370–400/410 гг.). На могильнике Дмухайловка известны и другие погребения сармато-аланского облика (Simonenko A.V., 1995), но их датировка остается неясной ввиду отсутствия в погребальном инвентаре хорошо датированных вещей.

Алано-сарматская принадлежность описанных выше могил очевидна. Общеизвестно, что подкурганные ингумации, особенно в подбоях и катакомбах, в степях Восточной Европы принадлежат алано-сарматскому ираноязычному населению, по крайней мере в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов (см. например: Абрамова М.П., 1997). Другие степные кочевники того времени, гунны, совершали погребения по обряду трупосожжения, а при обряде трупоположения клали в могилу шкуру лошади (Засецкая И.П., 1994, с. 19–22). Редкие для гуннского времени степные ингумации в подбоях И.П. Засецкая обоснованно связывает с алано-сарматами (Засецкая И.П., 1971, с. 70). Подкурганные погребения в подбоях и катакомбах совершенно неизвестны у оседлого населения, в частности в черняховской культуре.

В качестве аналогий кантемировским могилам для гуннского времени можно назвать подбойное погр. № 2 в кург. № 8 сармато-аланского могильника Кубей в

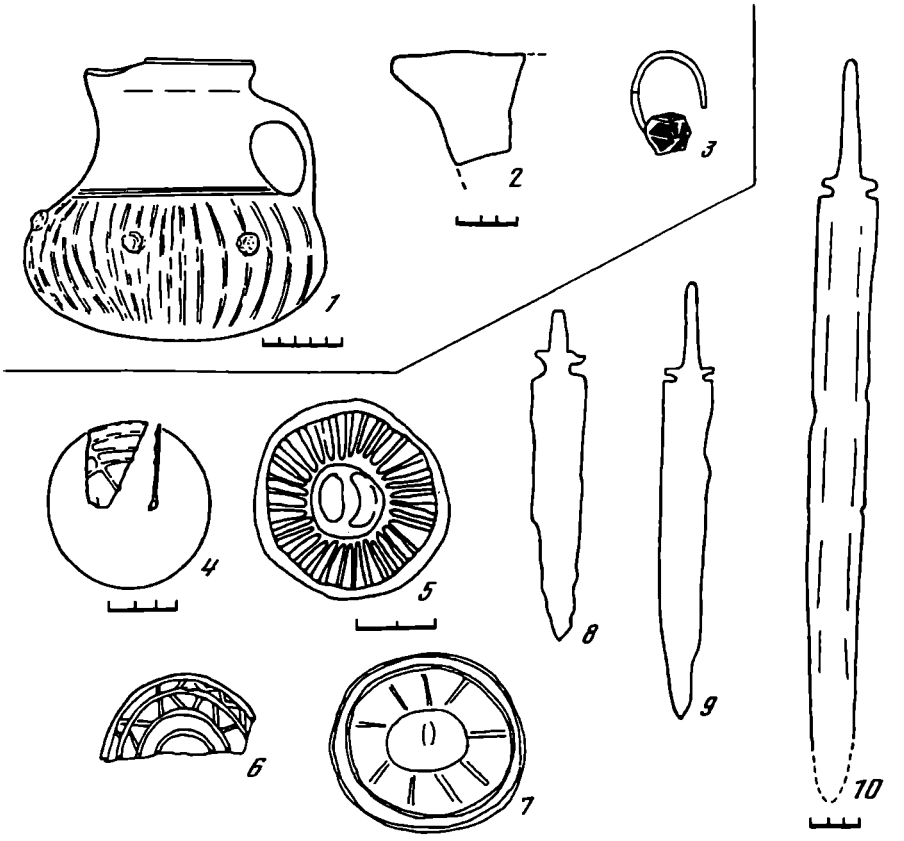


Рис. 6. Находки северокавказского (*1, 2, 8–10*) и алано-сарматского (*4–7*) происхождения в Поднепровье
1–3 – Капуловка; *4* – Ульяновка; *5* – Бизюков монастырь; *6* – Каневский уезд; *7* – Лихачевка; *8, 9* – Флерковка; *10* – Пастырское (*1–3* – по Рутківська Л.М., 1970; *4* – по Терпиловский Р.В., 1984; *5* – по Kazanski M., 1992в; *6, 8–10* – по Ханенко В.И. и Б.И., 1899 и 1902; *7* – по Спицын А.А., архивы, д. № 334, л. 126)

Молдавии и катакомбное погребение в кург. № 20 того же могильника (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис. 16, *2*; 22, *3*). Напомним, что в Молдавии в IV в. Аммиан Марцеллин локализует алан (Аммиан Марцеллин, История, XXII, 42). Подкурганные катакомбные погребения алан известны также для гуннской эпохи и на Северном Кавказе, в частности на могильнике Брут в Северной Осетии (Абрамова М.П., 1997, рис. 12, *1–4*; I tresori..., 1990, kat. № 277–286).

Этническая атрибуция других кочевнических древностей гуннского времени в Среднем Поднепровье затруднена. Например, неизвестно, кому (аланам или гуннам) принадлежит погребение в Старой Игрени с диадемой (рис. 1, *13*; 5, *1–5*) (Засецкая И.П., 1994, с. 167). Действительно, находка гуннского металлического котла у Переволочной в устье Ворсклы (рис. 1, *12*; 5, *6–14*) (Левченко Д.Н., Супруненко А.Б., 1994, с. 74–80) свидетельствует о проживании здесь не только алан, но и гуннов. Данный тип котла появляется в Восточной Европе только с приходом гуннов (Засецкая И.П., 1994, с. 104–109). Типично гуннские памятники – такие, как могильник Ново-Григорьевка с трупосожжениями, находятся в днепровской степи в непосредственной близости от перечисленных выше алано-сарматских памятников (рис. 1, *14*) (Засецкая И.П., 1994, с. 162–165).

Создается впечатление, что алано-сарматы расселяются на Днепре лишь в финальной фазе черняховской культуры, после того как в 375 г. остроготский союз Германариха был разгромлен гуннами и аланами. В предыдущую эпоху в III–IV вв. аланы на Днепре письменными источниками не упоминаются.

Алано-сарматские погребения периодов С2 (250/270–320/325 гг.) и периода С3 (320–375 гг.) находятся на восточной границе черняховской культуры. Назовем такие погребения, как Гочево I (Тихомиров Н.А., Щеглова О.А., 1986), Лихачевка (кург. № 6) (Зарецкой И.А., 1888, с. 242), Моспинская (Simonenko A.V., 1995).

Алано-сарматское погребение в Новых Санжарах около Полтавы является исключением (Гороховский Е.Л., 1987). Однако в этой могиле была найдена пряжка с округлым щитком и одной заклепкой, имеющая короткий язычок, который не выходит за кольцо (Рудинський М., 1928, рис. 53, *26*). Эту пряжку не надо путать с пряжками типа Келлер А и их дериватами, встречающимися в степных могилах конца периода С2 и С3 (см.: Казанский М.М., 1994/1995). Пряжка из Новых Санжар более древняя (ср.: Абрамова М.П., 1998, рис. 1, *31–34*) и, видимо, принадлежит III в. С другой стороны, В.Ю. Малашев обратил наше внимание на присутствие в новосанжарском погребении стреловидного ременного наконечника, который он справедливо относит ко времени около 300 г. (ср. например, Кишпек: Казанский М.М., 1994/1995, рис. 7, *9*). Таким образом, вопрос о дате Новых Санжар остается открытым.

Присутствие черняховских вещей в сармато-аланских курганах в Поднепровье свидетельствует о контактах кочевников с оседлым населением. Черняховские вещи встречаются в алано-сарматских погребениях и далее к востоку. Назовем в качестве примера находку гребня Томас III в кургане Кривенская-Заплавская на Дону (Мелентьева Г.М., 1972, рис. 54), фибулы с подвязной ножкой в кургане Пирожок также на Дону (Безуглов С.И., 1990, рис. 1, *3*) или янтарные грибовидные бусы-подвески в погребениях Арпачин, Кривая Лука, Барановка, Дружное (Кропоткин В.В., 1978, с. 151; Khrapounov I., 1996, fig. 6, *1*).

Некоторые находки северокавказского или степного происхождения, известные в Поднепровье для гуннского времени, также, возможно, связаны с приходом какой-то алано-сарматской группы с востока. К сожалению, невозможно точно датировать северокавказские мечи и кинжалы IV–VII вв. с двумя вырезами у рукояти (рис. 6, *8–10*), найденные на Днепре (см.: Soupault V., 1996; Магомедов Б.В., Левада М.Е., 1996, с. 305, 306). Металлические зеркала с центральной петлей, известные на Днепре (рис. 6, *4–7*), несомненно алано-сарматские по происхождению. Но они также имеют широкую дату: самые ранние экземпляры могут быть датированы III в., когда производство этих зеркал отмечено в Танаисе (Арсеньева Т.М., 1984). Однако одно такое зеркало было найдено в черняховской могиле Борохтянская Ольшанка около Киева (рис. 7, *3*), в контексте периодов D1–D2, как об этом свидетельствует пряжка из данной могилы (рис. 6, *5*) (см., например: Kazanski M., 1992b, fig. 2, *31–38*).

Северокавказская керамика, открытая на поселении Капуловка в бассейне нижнего Днепра (речка Пидпильна) около г. Никополя, принадлежит гуннскому времени (РуткІвська Л.М., 1970). На этом поселении было найдено большое количество черняховской керамики (мы смогли ее изучить в Институте археологии Украинской академии наук в Киеве), известны и вещи гуннского времени – такие, как серьга с 14-гранной подвеской полихромного стиля (рис. 6, *3*). Такие серьги с декором в стиле "клуазонне" появляются в период D2 в "княжеских" погребениях, принадлежавших горизонту Унтерзибенбрунн (Вельц в Трансильвании см.: Harhoiu R., 1994, p. 163).

Среди северокавказских сосудов с поселения Капуловка выделяется обломок серогончарного кувшина с носиком для слива (рис. 6, *2*). Такие кувшины нехарактерны для черняховской культуры, зато они многочисленны на Северном Кавказе, в частности в V в. (например: Афанасьев Г.Е., 1980, с. 60; Арамова М.П., 1997, рис. 18, *11*, *15*; 19, *25*, *26*; 21, *16*, *21* и т.д.). Назовем также северокавказский серогончарный кувшинчик, украшенный горизонтальными каннелюрами под горлом, шишечками и вертикальными лощеными линиями на тулове (рис. 6, *1*). Такие сосуды типичны для Северного Кавказа (Афанасьев Г.Е., 1980, рис. 2, *9–17*). Близкие аналоги известны в закрытых комплексах V в. (например: Абрамова М.П., 1997, рис. 19, *24*; 23, *2*; 24, *10*, *23* и т.д.; Малашев В.Ю., 1996, рис. 84, *10*). Присутствие этой керамики показывает,

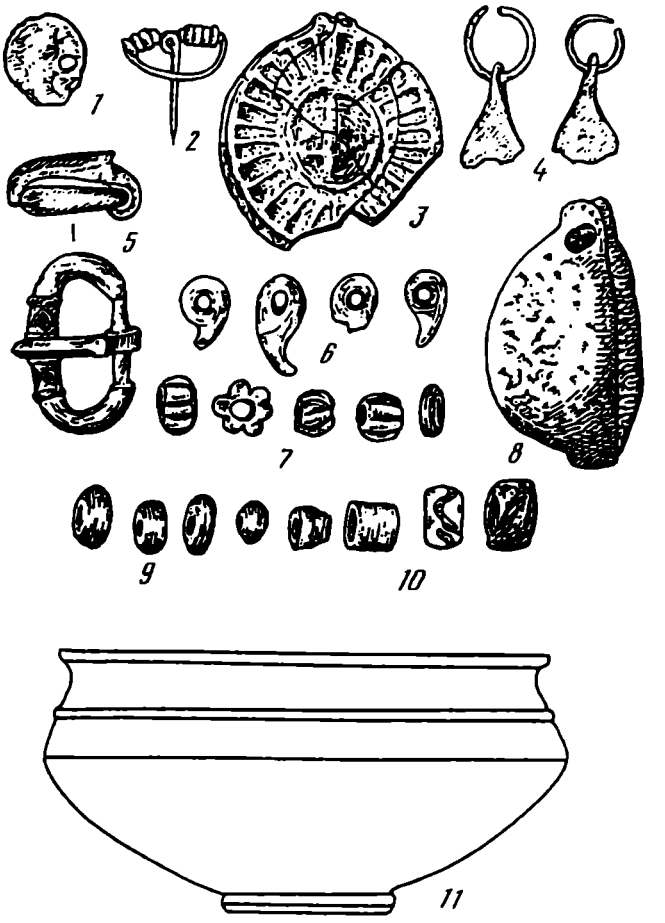


Рис. 7. Борохтянская Ольшанка (*1–10* – по Кравченко Н.М., 1971; *11*– по Кропоткин В.В., 1961)

что в составе черняховского населения Капуловки были выходцы с Северного Кавказа.

Таким образом, новые группы алано-сармат могли придти на Днепр издалека. Их перемещение, вне всякого сомнения, было вызвано гуннами и, возможно, непосредственно связано с гуннской политикой на недавно завоеванных территориях. Стоит напомнить, что остроготы остались на своей территории, на Украине, под руководством короля Винитария, хотя и под гуннским господством. Они попытались освободиться от гуннов и напали на гуннских союзников антов, народ славянского происхождения (славянство антов подчеркивается Иорданом, их этноним в алтайских языках означает "союзники", см.: Попов А.И., 1973, с. 34–37). Восстание остроготов было подавлено гуннами не без помощи другой группы готов, подчиненных Гезимунду (Иордан, Гетика, XLVIII, 246–248) (подробнее см.: Казанский М.М., 1997). В этом политическом контексте, видимо, и происходит расселение алан-сармат на Днепре.

По нашему мнению, позднечерняховские памятники периода D1 – начала периода D2 (соответственно 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.), известные в лесостепи (Сумы-Сад, Борохтянская Ольшанка, Киев, Черняхов, Завадовка, Косаново, Маслов, Журавка, Данилова Балка и т.д.), а также "княжеские" клады с восточногерманскими украшениями (рис. 1, *2*, *4–7*, *26*, *29*, *33–41*), горизонта Унтерзибенбрунн (D2, 380/400–440/450 гг.) принадлежат остроготам Винитария. Действительно, те и другие пересекаются во времени именно в эпоху Винитария, в 380–410 гг. (Tejral J., 1997; Kazanski M., 1993). Эти находки соседствуют с зоной славянских памятников киевской культуры. Черняховские памятники периода D1 в черноморской степи (Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Гавриловка, Бизюков монастырь, Луговое) (рис. 1, *10*, *27*, *28*, *30–32*)

принадлежат, видимо, готам Гезимунда, союзникам гуннов (см.: Kazanski M., 1992b; Казанский М.М., 1997). Возможно, им же принадлежат некоторые "княжеские" вещи полихромного стиля V в. из Ольвии (например: Kazanski M., 1996, fig. 2, *18*). Памятники алано-сармат (Кантемировка, Ново-Подкряж, Дмухайловка) и памятники с северокавказской керамикой (Капуловка) вклиниваются между этими двумя группами готов (рис. 1, *8–10*, *42*). Алано-сарматы занимают, таким образом, важную стратегическую позицию: они разделяют готское население гуннской "империи".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.

Абрамова М.П., 1998. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI.

Арсеньева Т.М., 1984. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Афанасьев Г.Е., 1980. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. М.

Безуглов С.И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реализации // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов.

Безуглов С.И., 1993. О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого 1975 г.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Днепре в 1991 г. Азов.

Беспалый Е.И., 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1.

Вадаи А., Кульчар В., 1984. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Arhaeologica Hungarica. 36.

Гороховский Е.Л., 1987. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (о позднесарматских древностях второй половины III в. н.э. в междуречье Дона и Дуная) // Областная науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Полтава.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских памятников Украины // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев.

Зарецкой И.А., 1888. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. Вып. 2.

Засецкая И.П., 1971. Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. № 13.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.

Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Казанский М.М., 1994/1995. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV.

Казанский М.М., 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский Археологический Вестник. С.-Пб.; Кишинев.

Костенко В.И., 1977. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс до н.э. Днепропетровск.

Кравченко Н.М., 1991. Поховання V ст. н.е. у с. Вильшанки на Київщини // Середни вїки на Україні. 1.

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.

Кропоткин В.В., 1978. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М.

Латышев В.В., 1890. Scythica et Caucasica. V. 1. СПб.

Левченко Д.Н., Супруненко А.Б., 1994. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы // Супруненко А.Б. Курганы нижнего Поворсклья. Полтава.

Магомедов Б.В., 1997. До історії финального етапу черняхівської культуры // Проблемы історії та археології України. Харьков.

Магомедов Б.В., Левада М.Е., 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V.

Малашев В.Ю., 1996. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка //

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Мачинский Д.А., 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ. № 17.

Мелентьева Г.М., 1972. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 133.

Попов А.И., 1973. Названия народов СССР. Л.

Рудинський М., 1928. Археологічни збирки Полтавського музею // Збірник Полтавського музею. 1.

Рудинський М., 1931. Кантемірівськи могіли римської доби // Записки Всеукраинского Ученого Археологічного Комітету. 1.

Рутківська Л.М., 1970. Поселення IV–V ст. н.э. в с. Капулівка на Нижньому Дніпри // Археологія. № 24.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев.

Спицын А.А. Архив А.А. Спицына в Институте истории материальной культуры РАН. Ф. № 5. СПб.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские памятники Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев.

Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.

Тихомиров Н.А., Щеглова О.А., 1986. Раскопки и разведки у с. Гочево // АО-1986.

Ханенко В.И. и Б.И., 1899. Древности Поднепровья. Т. II. Киев.

Ханенко В.И. и Б.И., 1902. Древности Поднепровья. Т. IV. Киев.

Щукин М.Б., 1979. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. № 158.

Harhoiu R., 1994. La Romania all'epoca degli Ostrogoti // I Goti. Milan.

Ioniţă I., 1992. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in der Sïntana- de-Mureş-Černjahov-Kultur // Peregrinatio Gothica, III. Oslo.

I tresori del Kurgani del Caucaso settentrionale, 1990. Locarno.

Kazanski M., 1990. La tombe de cavalier de Mundolsheim (Bas-Rhin) // Attila. Les influences danubiennes dans L'Ouest de L'Europe au Ve siècle. Caen.

Kazanski M., 1992a. Les arctoi gentes et "L'empire" d'Hermanaric // Germania. 70/1.

Kazanski M., 1992b. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médievale, XXII.

Kazanski M., 1993. The Sedentery Elite in the "Empire" of the Huns and its Impact on Material Civilisation in southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Chapman J., Dolukhanov P. (ed.). Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe. Aldershot.

Kazanski M., 1996. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la séconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. Вып. V.

Kazanski M., Legoux R., 1988. Contribution a l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale a l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjahov recente // Archéologie. Médiévale. XVIII.

Khrapounov I., 1996. Population des montagnes et piemonts de Crimée a l'époque romaine tardive (d'apres le matériel de la nécropole de Droujnoe) // L'identite des populations archéologiques Sofhia Antipolis.

Simonenko A.V., 1995. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Mora Ferenz Museum Evkonve-Stud. Arch. 1.

Soupault V., 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe. s) // МАИЭТ. Вып. V.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der spätantiken Donauraum. Brno.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reihes. München.

Wolfram H., 1998. La typologie des ethnogeneses: un essai // Antiquites Nationales. 29.

Национальный Центр Научных Исследований Франции / Центр по изучению Истории и Цивилизации Византии, Париж

Институт археологии РАН, Москва

M.M. KAZANSKY, A.V. MASTYKOVA

THE ALANS ON THE DNIEPER IN GREAT MIGRATION PERIOD: MARCIANUS' EVIDENCE AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Summary

According to Marcianus' evidence, around 400 A.D. the Middle Dnieper basin was inhabited by the Alans-Sarmatians. The paper is devoted to revealing antiquities referring to them. Three sites ascribed to the Sarmatians-Alans and dated from the early Great migration period have been located recently on the left bank of the Dnieper: Kantemirovka, Novo-Podkryazh, and Dmukhailovka. They are related to the Sarmatians mentioned by Marcianus. In the preceeding period of the 3rd–4rd centuries A.D. the territory in question was occupied by the tribes of Chernyakhovo culture that belonged to the Goths' alliance. Evidently, the Alans-Sarmatians of Marcianus' writings appeared at the Dnieper during the period of Hunnic invasion and the downfall of the Gorhs' alliance. Certain finds of North Caucasian origin known from the Dnieper basin and dated to the Hunnic period seem to be connected with the appearance there of some Alano-Sarmatian group from the east. Their migration was undoubtedly caused by the Huns and, apparently, linked with their policy aimed at establishing control over the Goths who had settled territories recently conquered by the Huns.

Публикации

С.С. БЕРЕЗАНСКАЯ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРДЕЕВКА НА ЮЖНОМ БУГЕ

Могильник Гордеевка был открыт в 1986 г. мелиораторами и первый год раскапывался сотрудниками Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И. Лобая. Дальнейшие три года раскопки проводились объединенной экспедицией Института археологии НАН Украины и Винницкого музея под руководством С.С. Березанской (Березанская С.С., Лобай Б.И., 1994, с. 148–156).

Могильник находится на левом берегу реки Южный Буг, вблизи с. Гордеевка Тростянецкого района Винницкой области. Он располагался на водораздельной возвышенности между двумя притоками Южного Буга: Битюг и Тростянчик, и глубокой древней балкой, проходящей параллельно Бугу. Он занимал довольно ровную возвышенность прямоугольной формы, вытянутую с востока на запад на 2 км, шириной около 1,5 км. Возвышенность значительно доминирует над окружающей местностью, с нее хорошо видны оба притока, балка и противоположный, значительно более низкий берег Буга. Участок долгие годы распахивался и курганы к моменту раскопок были уже едва заметны.

Есть основания предполагать, что полностью распаханными, неучтенными и нераскопанными оказалось немного курганов. В целом, невысокие всхолмления сохранились и были хорошо видны почти над всеми захоронениями. Насколько возможно, могильник исследован полностью. Установлены его размеры, прослежена планировка, раскопаны все сохранившиеся курганы – 41. В результате раскопок установлены все бытовавшие погребальные сооружения; изучен погребальный обряд; обнаружен очень богатый и разнообразный инвентарь из золота, серебра, бронзы, железа, янтаря, керамики; сделаны химические анализы металла, дерева, янтаря; получены радиокарбонные даты.

Можно предполагать, что в период функционирования могильник имел достаточно четкую планировку. В частности, об этом говорит тот факт, что не обнаружено ни одного случая, когда бы одна курганная насыпь нарушала или перекрывала другую. От существовавшей некогда планировки могильника сохранились несколько элементов: так, по центру площадки, занятой могильником, образуя довольно ровную линию, вытянутую с СВ на ЮЗ, располагались три самых больших кургана: один в центре (кург. 5) и два – по краям (кург. 37 и 41). По обе стороны от центральной линии прослеживается тенденция к планировке рядами, параллельно осевой линии.

Еще одним элементом планировки, который удалось проследить, является разделение могильника на две части: восточную, состоящую из большого количества курганов и, как позже выяснилось, относящуюся к более раннему времени, и западную, состоящую из меньшего числа курганов, датируемых более поздним временем. Западная и восточная группы были разделены небольшим свободным пространством, на котором курганов не было. На первых порах возникали сомнения в том, образуют ли два участка один могильник. Однако, после раскопок, установивших абсолютно одинаковый обряд погребения и сходный инвентарь, эти сомнения отпали.

© С.С. Березанская, 1999 г.

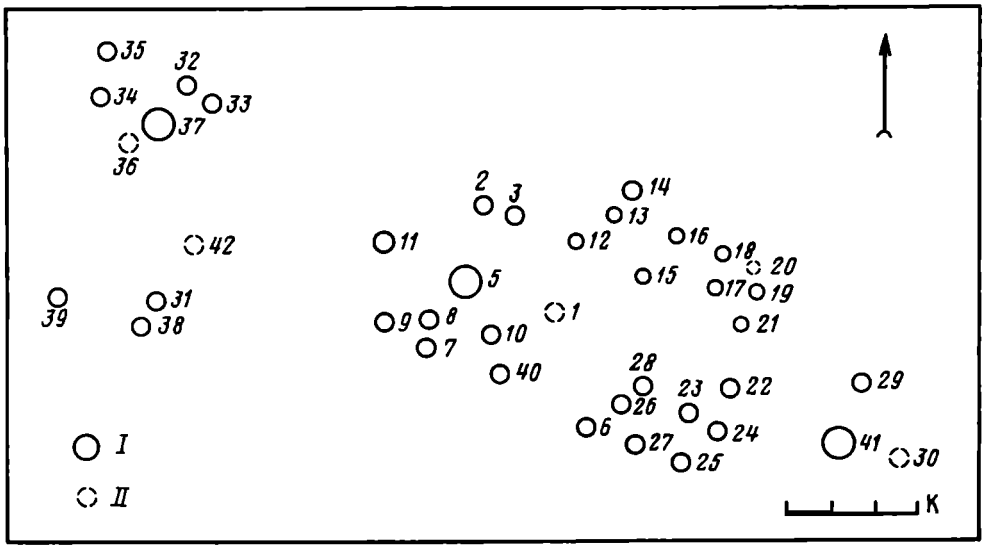


Рис. 1. План могильника. *I* – курганы; *II* – естественные возвышения без захоронений

Наконец, еще один элемент планировки заключается в возможности выделения на могильнике нескольких (четыре-пять) групп курганов, в которых насыпи более сконцентрированы и близки по размерам. В принципе нельзя исключить возможности существования участков и групп курганов, принадлежащих близко-родственным коллективам. Однако этот вопрос остался открытым, так как в особенностях и своеобразии инвентаря он не нашел для себя подтверждения (рис. 1).

Единственным типом наземных погребальных сооружений на могильнике был курган, насыпанный из чернозема, иногда чернозема, перемешанного с подстилающим его светло-желтым суглинком. Размеры курганов, едва заметных во время раскопок, легко было реконструировать. Они делятся на три группы: большие, их было три, высотой от 3 до 5 м, диаметром от 25 до 50 м; средние, высотой от 1,5 до 2 м, диаметром от 25 до 30 м и маленькие, высотой от 0,5 до 1 м, диаметром от 10 до 15 м.

Особенностью могильника следует считать тот факт, что под насыпью всегда находилось только одно захоронение. Исключение составляли курганы 5 и 32. В кургане 5 было две ямы, одну из которых, может быть, и не следует считать погребальной, так как она имела поперечную материковую перегородку. В кургане 32 в насыпь было впущено погребение двух маленьких детей, положенных валетом, погибших, возможно, одновременно со взрослым.

Форма большинства курганов в момент раскопок была не круглой, а овальной. Сначала казалось, что причиной этого являлось направление пахоты. Позже стало очевидным, что направление запад–восток (с отклонениями) для людей, хоронивших на могильнике, имело особое значение. Такое направление имела вся площадка, на которой располагался могильник, таким было направление по длинной оси большинства курганов. Таким же было направление погребальных ям и сохранившихся костяков. Лишь небольшое число курганов, ям и костяков было ориентировано (по-видимому, совершенно сознательно) в противоположном направлении (север–юг).

Покойников хоронили в грунтовых ямах, имевших различную глубину и размеры. Ямы выкапывались очень тщательно, стенки вертикальные или чуть сужающиеся ко дну были ровными и хорошо зачищенными. Выкид из ям выбрасывался полукольцом на западный или северо-западный борт. Иногда он образовывал кольцо вокруг всей ямы. Площадка вокруг ямы специально обрабатывалась: зачищалась, посыпалась песком, иногда обмазывалась глиной. На этой площадке встречаются остатки костров, угли, зола, пережженная земля. По-видимому, здесь в момент захоронения или после него проводились какие-то ритуальные действия, в которых значительную роль играл культ огня.

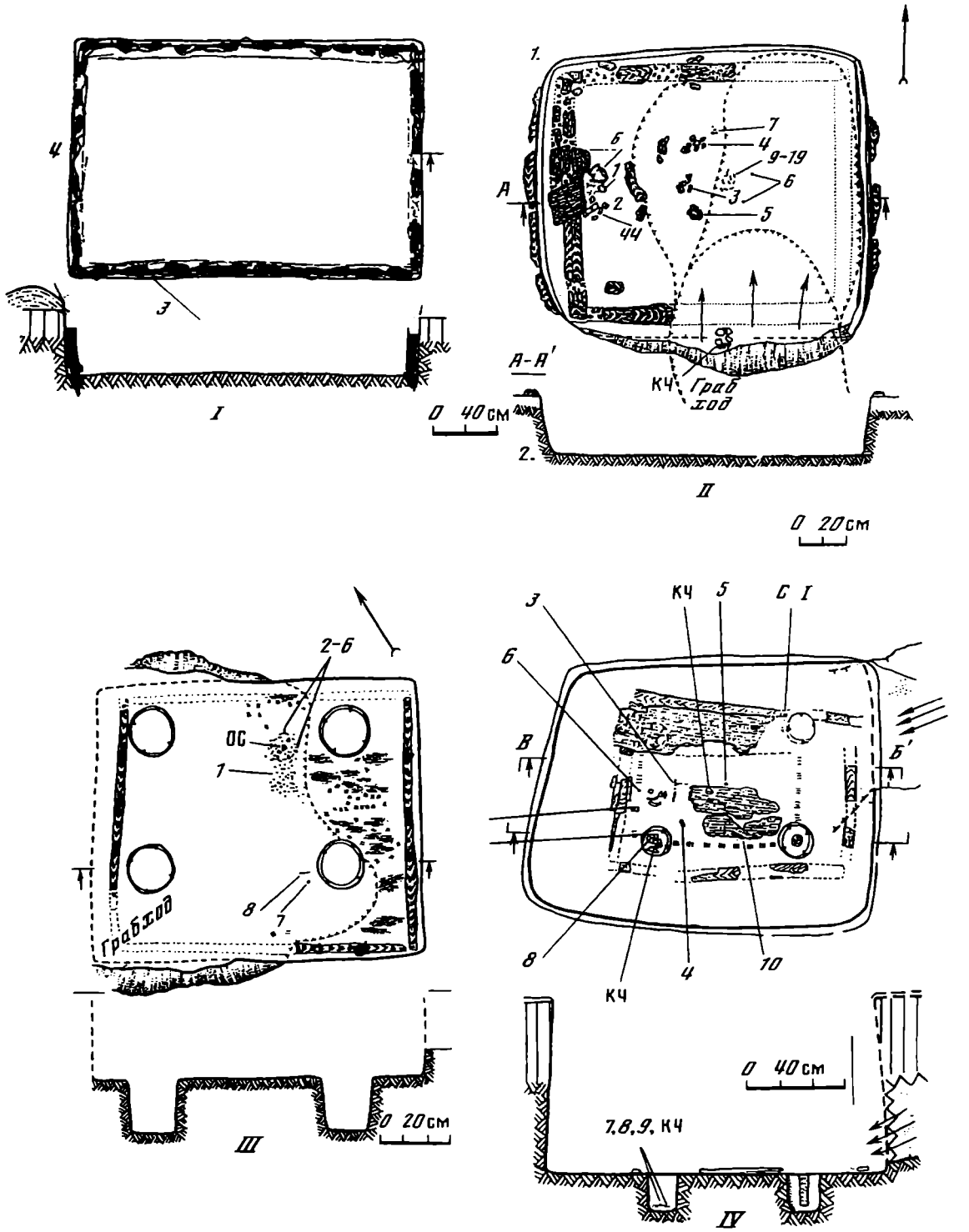


Рис. 2. Типы погребальных сооружений. *I* – яма, облицованная вертикальными плахами (кург. 23); II – яма, облицованная горизонтальными плахами (кург. 7); *III* – погребальная яма с четырьмя ямками в центре (кург. 11); *IV* – погребальная яма с ящиком-срубом с четырьмя ямками в центре (кург. 37)

По форме ямы можно разделить на вытянутые прямоугольные и почти квадратные. Вытянутые прямоугольные ямы чаще всего имели глубину около 1 м, хотя встречались и более мелкие. Их размеры варьировали от 1,5 × 0,8 м до 2 × 3 м. Подквадратные ямы, как правило, были глубже и больше. Глубина некоторых из них достигала 2–2,5 м, размеры – 3 × 4; 3,5 × 4 м. Величина ям определялась характером

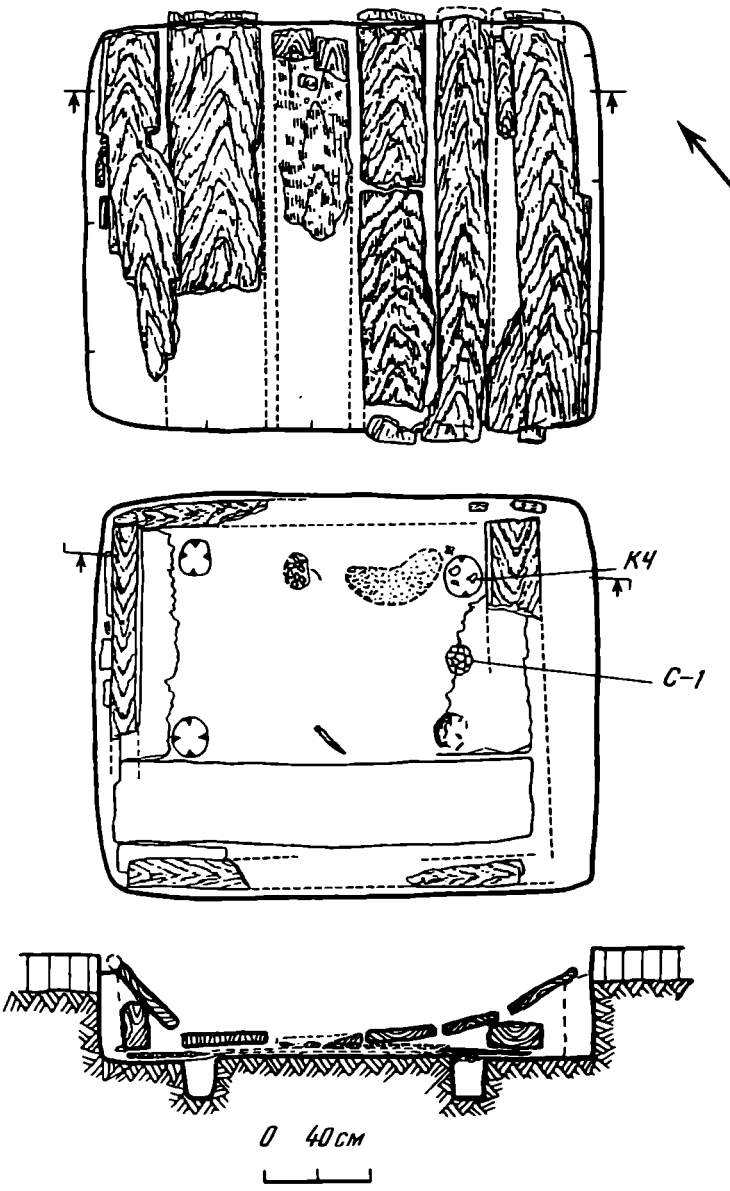


Рис. 3. Погребальная яма с мощным деревянным перекрытием (кург. 38)

деревянных сооружений, устанавливаемых в них, а также позой покойника – вытянутой или скорченной.

В основном, выделяются два типа деревянных конструкций, стоявших в ямах. Первый из них и, по-видимому, наиболее древний состоял из облицовки стен ямы, а иногда и пола, мощными деревянными плахами, аккуратно пригнанными одна к другой. Плахи ставили либо вертикально, тогда их нижние подостренные концы вставляли в специальную канавку, вырытую по периметру дна ямы (рис. 2). Чаще стены облицовывали горизонтально положенными плахами. Удалось проследить, что вначале облицовывали длинные стены, а затем при помощи пазов в деревянных плахах, короткие. Толщина плах равнялась 20–25 см. В поздних погребениях иногда наблюдалась глиняная обмазка, закрывающая щели между плахами.

Второй тип деревянных конструкций, возникший, вероятно, несколько позднее первого, представляет собой ящик, обычно, без дна, сооруженный из прямоугольных толстых брусьев, скрепленных при помощи пазов. Такой ящик, практически сруб, был всегда на 30–40 см меньше ямы и ставился, возможно, уже в готовом виде не в центре

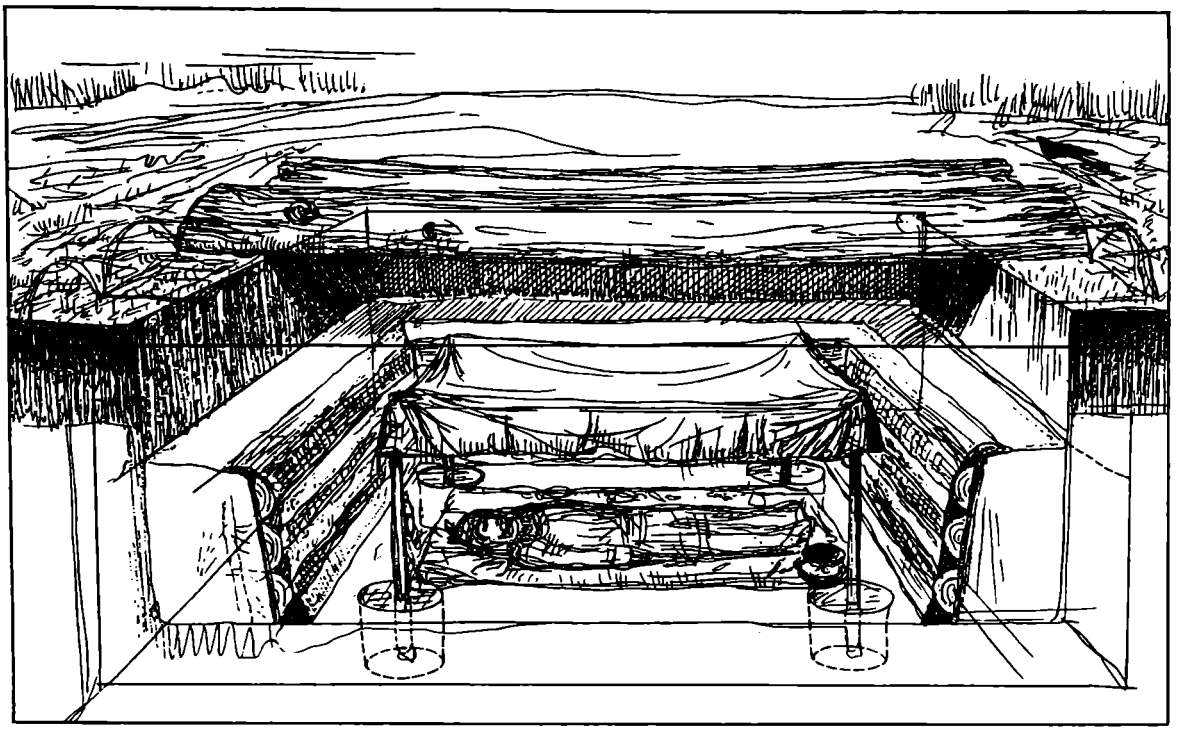


Рис. 4. Реконструкция погребения в деревянном ящике под балдахином

ямы, а ближе к какой-нибудь из стен. Пространство между срубом и земляными стенами плотно забутовывалось землей. Сверху ямы перекрывались мощным накатом из деревянных плах, положенных выпуклой стороной кверху (рис. 3). Плахи, как показал анализ, проведенный в Ленинградской лаборатории, были из дуба, а толщина их доходила до 40–50 см. Примерно в половине курганов, в основном, относящихся к позднему этапу могильника, прослежена еще одна деталь погребальных сооружений. На дне ямы выкапывали четыре ямки, круглой в плане или прямоугольной формы. Они оконтуривали площадку, размерами 1,5 × 1,2 м; 2 × 1,5 м, очевидно, в зависимости от роста и позы покойного. Глубина и диаметр ямок во всех погребениях были примерно одинаковыми: глубина 0,35–0,40 м; диаметр – 0,25–0,3 м. В нескольких случаях в ямках сохранились остатки тонких столбиков или жердей толщиной 5–8 см. Пространство, оконтуренное ямками, сохранило следы подстилки из циновки или ткани. В двух случаях прослежены остатки подушечек, на которых покоилась голова мертвого. В одном случае – деревянная подстилка имела форму носилок. Тонкие и, по-видимому, невысокие столбики, стоящие в ямках, предназначались для какого-то легкого, скорее всего, тканевого покрывала, навеса или балдахина (рис. 4). В курганных культурах и культурах полей погребальных урн такие или близкие им сооружения встречаются и носят название "домов мертвых".

Почти все раскопанные курганы оказались ограбленными. Судя по тому, что грабители хорошо ориентировались в устройстве погребальных сооружений и размещении инвентаря, а также потому, что погребенные еще не успевали разложиться и их легко можно было вытянуть на поверхность, грабители были современниками умерших. Все грабительские ходы имели одинаковый вид, форму, диаметр, длину. Они впускались всегда в северо-западную стену или западный угол, т.е. туда, где находилась голова и верхняя часть туловища и где обычно лежали наиболее ценные вещи.

То обстоятельство, что курганы были ограблены, а кости и инвентарь разбросаны, очень затрудняет выяснение положения покойных и их ориентировку. Однако сопоставление различных захоронений позволяет прийти к выводу, что преобладала скорченная поза на правом боку, с руками, согнутыми в локтях, и кистями, поднятыми к лицу. Таким было большинство захоронений. В нескольких случаях, относящихся к

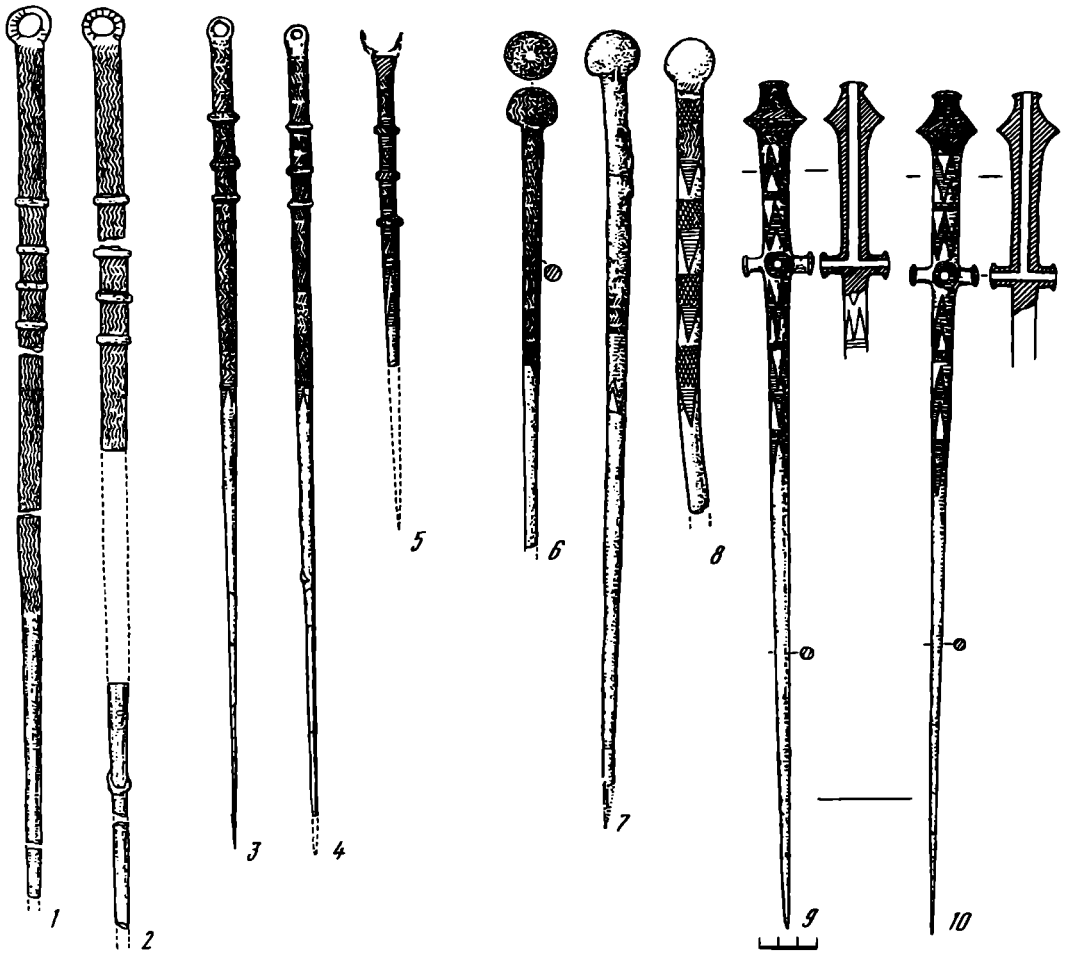


Рис. 5. Бронзовые шпильки: *1, 2* – кург. 27; *3, 4* – кург. 16; *5* – кург. 11; *6* – кург. 26; *7* – кург. 24; *8* – кург. 31; *9, 10* – кург. 16

наиболее раннему времени, можно говорить о вытянутой позе покойников, лежащих на спине. В ориентации доминировало западное направление с отклонением на северо-запад и юго-запад. Очень небольшая часть погребенных имеет противоположную ориентировку.

Учитывая тот факт, что практически все курганы были ограблены и инвентарь сохранился лишь частично, можно говорить о том, что могильник был чрезвычайно богатым. Насколько удалось проследить расположение инвентаря, он группировался в двух местах. Одна его часть, в основном, украшения, были надеты на голову, шею и руки покойного. Вторая – находилась у стенки ямы перед его лицом и грудью. Женский убор достаточно ясен. Волосы украшались многочисленными золотыми и бронзовыми подвесками, пронизями, спиралевидными лентами. На шею надевались ожерелья, многочисленные кольца украшали пальцы (рис. 6). Одежда скреплялась и украшалась шпильками (рис. 5). На кисти рук, предплечья и ноги надевали браслеты (рис. 6). Среди единичных вещей вызывает интерес пара круглых полых браслетов с нанизанными на них семью кольцами. Эти браслеты являлись, очевидно, какими-то музыкальными инструментами типа кастаньет, так как при движении они издают мелодичный звук (рис. 6, *5*). Характерной чертой этой группы инвентаря является парность украшений. При покойнике часто лежали две одинаковые шпильки, два одинаковых браслета, два аналогичных кольца и т.д.

Почти в каждом кургане встречены бусы: янтарные, золотые, пастовые. Найдено два амулета, один из золота, второй из янтаря. Особенно много обнаружено янтарных бус, различающихся по цвету, форме, величине и обработке (рис. 7). По цвету они

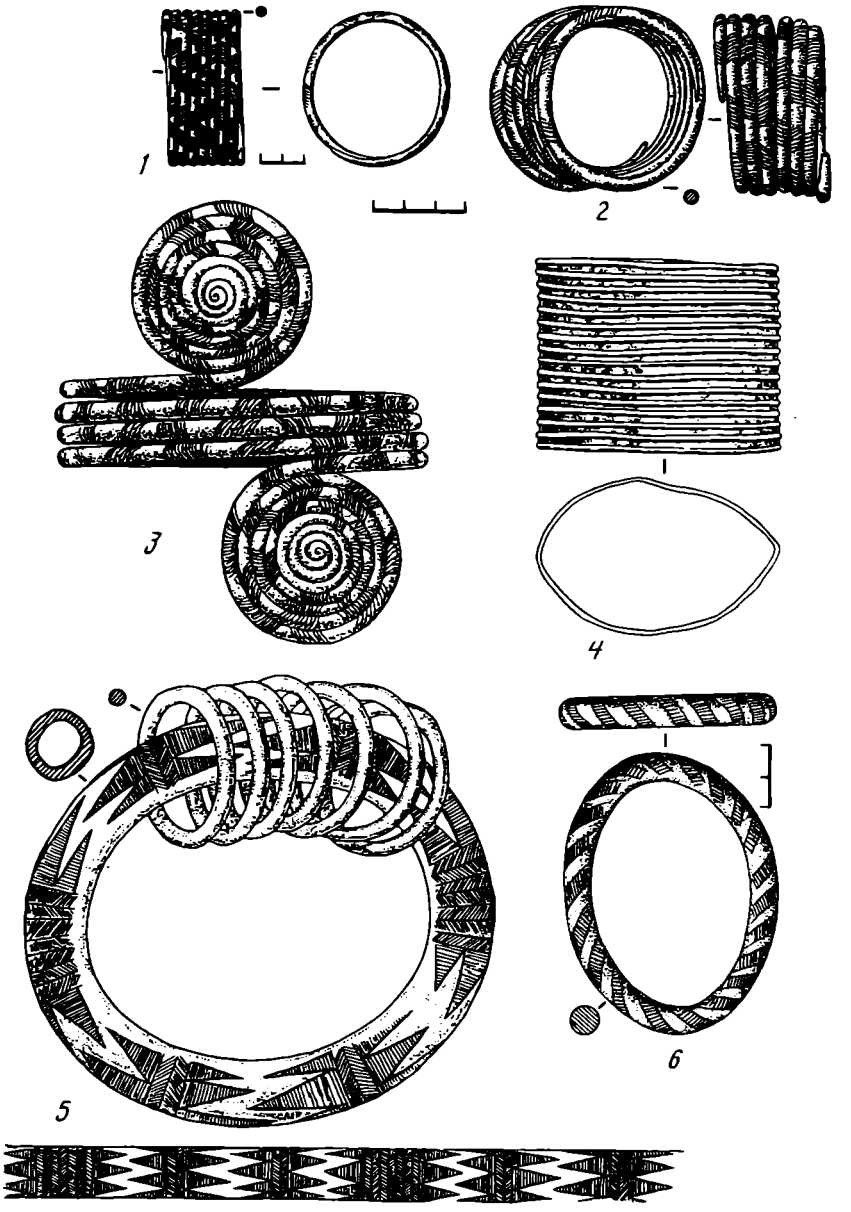


Рис. 6. Браслеты: *1* – кург. 27; *2* – кург. 6; *3* – кург. 16; *4* – кург. 24; *5* – кург. 28; *6* – кург. 9. *1, 2, 4, 6* – золото; *3, 5* – бронза

делятся на три группы: почти белый, матовый янтарь; прозрачный светло-желтый янтарь; прозрачный красно-желтый янтарь. Исключение составляет бусина из кургана 31, изготовленная из черного янтаря. Типологически бусы подразделяются на: плоские дисковидные, преимущественно малого диаметра; плоские дисковидные с ребром; биконические; овальные и четырехгранные в сечении; цилиндрические ребристые; рифленые бусы-пронизи (рис. 7, I–VI).

Анализы янтаря в Институте геологии Литовской АН (Вильнюс) и химической лаборатории Вэссер Колледж (Нью-Йорк) установили его балтийское происхождение.

Среди металлических украшений наибольший интерес представляют шпильки и браслеты. Среди браслетов выделяются несколько основных типов: золотые манжетовидные браслеты с каннелюрами; овальные литые браслеты, украшенные косыми насечками; спиралевидные браслеты из бронзового прута, свернутого в 6–7 оборотов и украшенного насечками; браслеты из толстых бронзовых прутьев с концами, свернутыми в спирали, орнаментированные косыми насечками. Условно в раздел браслетов отнесены также два крупных полых изделия с кольцами.

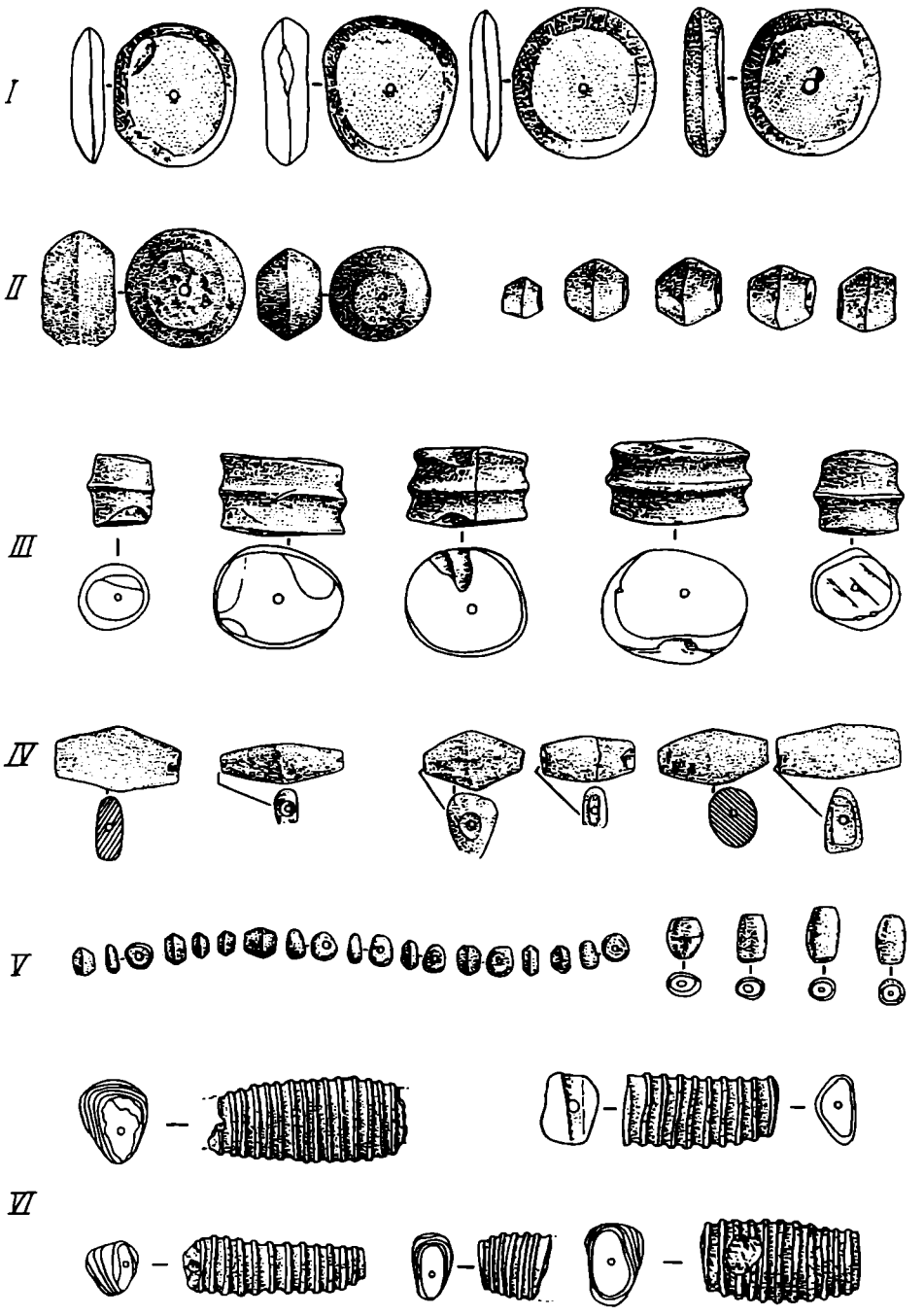


Рис. 7. Янтарные бусы из разных погребений

Шпильки можно разделить на три типа: с шаровидными головками и стержнем, украшенным насечками; с маленькими кольцевидными головками и тремя литыми валиками под ними; с коническими головками и перекрестием под ними (сюда относятся две парные большие шпильки). Головка и стержень шпилек украшены типичным для Гордеевского могильника врезным орнаментом.

Среди бытовых предметов можно выделить ножи, шилья, иглы, керамическую посуду, несколько пряслиц. Грабителей эти вещи не интересовали и, в большинстве случаев, они остались нетронутыми, лежащими там, где были положены – у стены перед лицом и грудью покойника. В поздних захоронениях керамика встречается в большом количестве не только на дне погребальной ямы, но и на деревянном перекрытии.

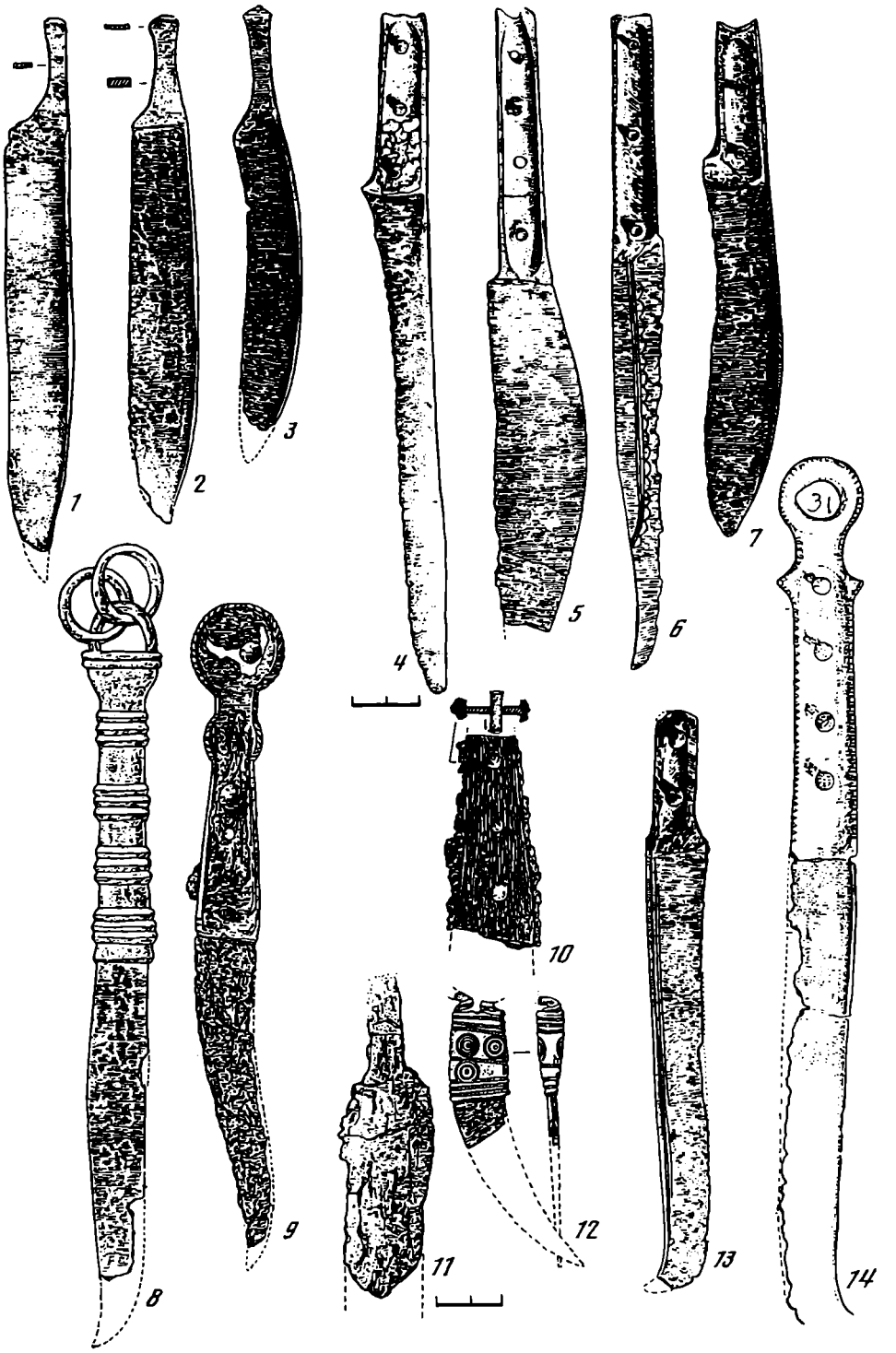


Рис. 8. Ножи: *1* – кург. 19; *2* – кург. 28; *3* – кург. 13; *4* – кург. 7; *5* – кург. 24; *6* – кург. 15; *7* – кург. 18; *8* – кург. 26; *9* – кург. 38; *10* – кург. 5; *11* – кург. 37; *12* – кург. 35; *13* – кург. 6; *14* – кург. 31

Из орудий наибольший процент составляют ножи (рис. 8). Выделяется две группы: простые, предназначенные для резки, скобления и других хозяйственных операций, и парадные с орнаментом, подвесками, красивыми золотыми рукоятками. Всего найдено 14 ножей: 10 бронзовых, 2 биметаллических с железным лезвием, бронзовой и золотой рукоятками и 2 железных. Большую часть составляют однолезвийные ножи с плоской рукояткой. Несколько из них имеют горбатую спинку и несколько заклепок для

крепления рукоятки. Своеобразный тип представляет нож с прямым лезвием, плоской спинкой и загнутым вверх концом. Навершие рукоятки оформлено в виде плоского кольца (рис. 8, *14*).

Один из биметаллических ножей имеет короткое железное лезвие и плоскую бронзовую рукоятку с шестью заклепками и дисковидным навершием. Второй биметаллический нож имеет обломанное железное лезвие и золотую рукоятку, украшенную циркульным орнаментом. Единственный полностью сохранившийся железный нож имеет двулезвийный клинок и длинный черешок для насадки рукоятки.

Иглы и проколки изготовлены, в основном, из бронзы, лишь одно изделие из железа.

Очень в небольшом количестве и, в основном, только в поздних курганах найдены предметы вооружения и конской упряжи (рис. 9). Оружие представлено двумя наконечниками стрел (рис. 9, *12*) и фрагментами железного меча (рис. 9, *6*). Конская узда – двумя сломанными роговыми псалиями с тремя отверстиями, в одном случае круглыми, в другом – овальными (рис. 9, *3, 4*). В единственном числе найдены бронзовые двухчастные удила, со стремечковидными окончаниями (рис. 9, *7*). По мнению некоторых археологов удилами также являются найденные в одном из поздних курганов трехчастные железные кольца (Stegman-Rajtár S., 1992, S. 29–80).

Вероятно, с конской уздой связаны еще несколько изделий, в частности, бронзовая дисковидная бляха с петлей на внутренней стороне и несколько костяных бляшек с циркульным орнаментом.

Особо следует отметить находку двух обойм для крепления деревянных сосудов. Одна из них изготовлена из золота, другая – из бронзы. Обе они сделаны из тонкой металлической ленты с зубчатыми краями. На обоих сохранились гвоздики для соединения с деревом.

По заключению Е.Н. Черных, цветной металл Гордеевского могильника происходит из Карпато-Балканского металлургического центра. Технологический анализ выполнен в лаборатории естественнонаучных исследований Института археологии НАН Украины Т.Ю. Гошко. По ее заключению для бронзовых изделий могильника характерна высокая и сложная технология. Большинство изделий изготовлено путем литья по восковой модели в двухстворчатых глиняных матрицах. Заключительной операцией была горячая и холодная проковка, после которой наносился резной орнамент. Своеобразие некоторых форм и, что самое главное, орнамента позволяет предположить местное бронзолитейное производство.

Характерной особенностью Гордеевского могильника является небольшое количество керамики в составе его инвентаря. Особенно это относится к ранним курганам, где один сосуд приходится на три-четыре кургана. Достаточно условно можно выделить шесть керамических форм: вазы, кубки, горшки баночной и тюльпановидной формы, миски и черпаки. В ранних курганах преимущественно встречаются три первых формы. Как правило, это тонкостенные сосуды, изготовленные из глины с примесью мелкого песка, хорошо заглаженной поверхностью и орнаментом в виде сосковидных отростков и каннелюр. Большую группу составляют кубки, которые, вероятно, изготовлялись специально в качестве ритуальной посуды. Об этом говорят их небольшие размеры и тот факт, что они сделаны небрежно из рыхлой слабообожженной глины. Своеобразную группу кубков составляют сосуды на поддонах или высоких полых ножках. В этих же ранних курганах встречаются баночные сосуды, стенки которых тонкие, почти не профилированные. У венчика таких баночных сосудов отогнут наружу только самый край. Некоторые банки подобного типа под венчиком имеют наколы или насечки (рис. 10).

Вторая группа керамики, связанная с поздним периодом Гордеевского могильника, более многочисленна. В этот период увеличивается число сосудов, ставившихся в могилу, увеличиваются их размеры, грубеет технология. По-видимому, это посуда, которой пользовались в быту. Наиболее крупные горшки имеют тюльпановидную форму и отогнутый наружу венчик, под которым налеплен треугольный в сечении

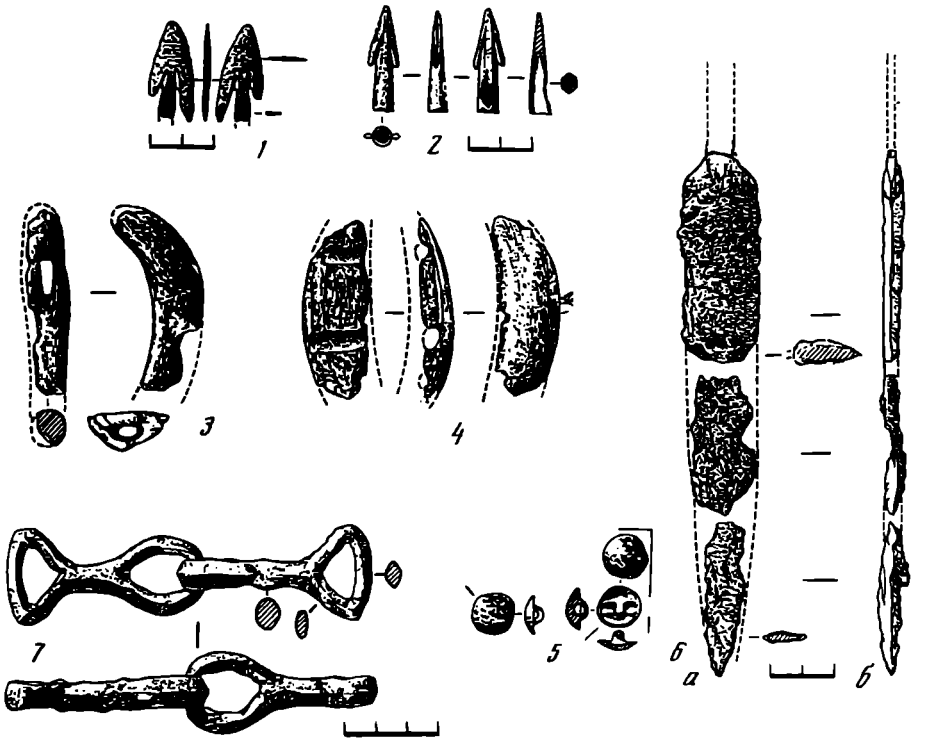


Рис. 9. Оружие и предметы конской упряжи: *1, 4, 7* – кург. 34; *2* – кург. 35; *3, 5* – кург. 5; *6* – кург. 32

валик. Кроме тюльпановидных горшков найдены большие миски с загнутым внутрь краем и черпаки с округлым туловом, цилиндрической шейкой и ленточной ручкой. Один из черпаков имеет высокую ручку с пуговичным окончанием. Черпаки и миски покрыты черным лощением, тюльпановидные сосуды имеют светлый желтовато-розовый цвет. Кроме посуды из глины обнаружено несколько биконических пряслиц.

Хронология могильника определяется на основании нескольких факторов: данных о стратиграфии; датируемых изделий; синхронизации с окружающими хорошо датируемыми культурами; данных, полученных при анализе костей методом C^{14}. Случаев хорошей прямой стратиграфии на территории могильника не обнаружено. Однако вдоль его северного края сохранилось несколько курганов культуры многоваликовой керамики (КМК), оказавшихся частично перекрытыми распаханными полами Гордеевского могильника. Курганы КМК имеют более правильную круглую форму, большую высоту и никогда не бывают ограбленными. Грабители, по-видимому, знали о существовании этих курганов, но не проявляли к ним интереса. Хронологический разрыв КМК и Гордеевского могильника, по-видимому, был совсем нёбольшим, и племена, которым принадлежал Гордеевский могильник, пришли на эту территорию еще в период бытования там КМК.

Конец КМК относится к XV–XIV вв. до н.э. (Березанская С.С., 1986, с. 35–39). Таким образом, Гордеевский могильник едва ли мог возникнуть на Южном Буге ранее XIV в. до н.э. О хронологическом стыке говорит близость погребального обряда КМК и Гордеевского могильника, а также находка в Гордеевском могильнике двух характерных для КМК обоймочек для скрепления деревянных сосудов. Такие обоймочки, в частности, встречены в Лабойковском кладе, хорошо датируемом XIII в. до н.э. (Leskov A.M., 1981).

Таким образом, есть основания относить возникновение Гордеевского могильника к концу XIV–XII вв. до н.э. Хронология могильника определяется датировкой ряда вещей. К ним относятся ножи, браслеты, шпильки, янтарные бусы, предметы конской упряжи и т.д. Наиболее древними ножами в могильнике являются, очевидно, ножи с плоскими прямоугольными в разрезе рукоятками. На некоторых рукоятках имеются по

Рис. 10. Глиняные сосуды из разных курганов: *1, 12, 15* – кург. 23; *2, 3* – кург. 38; *4* – кург. 26; *5* – кург. 8; *6* – кург. 21; *7* – кург. 14; *8* – кург. 3; *9* – кург. 26; *10, 11* – кург. 27; *13* – кург. 37; *14* – кург. 34; *16* – кург. 32; *17* – кург. 34

две-три заклепки. Такие ножи называются Griffplattmesser. Они близки к ножам Riegsee и датируются бронзовым веком стадии D (BD) (Rihovskj J., 1972). Этим же временем датируется и однолезвийный нож с литой бронзовой рукояткой, украшенной кольцевым навершием. Ножи с горбатыми спинками и двумя-тремя заклепками относятся к культуре гава и датируются гальштатской стадией A (HA) (Kemenczei T., 1984, Taf. CXXX, 1, *l*).

Два биметаллических ножа с железными лезвиями, золотой и бронзовой рукояткой не имеют прямых аналогий, но относятся, очевидно, к периоду HB. Железный нож, обоюдоострый с узким длинным черешком, характерен для белозерской культуры и датируется периодом BД – HA. Таким образом, наиболее представительная серия металлических изделий – ножи датируют могильник XIII–X вв. до н.э.

Сравнительно хорошо датируется группа браслетов. Наиболее ранними, очевидно, являются золотые браслеты манжетовидной формы с каннелюрами. Близкие им украшения найдены в унетицкой и предлужицкой культурах, где они датируются временем BB–BC и BD (Gedl M., 1975, Tabl. XVII, *10, 12*). Устойчиво датируются ножные браслеты со спиралевидными окончаниями. Они относятся к типу Черница и датируются периодом ВД (Blajer W., 1984, S. 52–59, Tabl. 46–55).

Браслеты, изготовленные из бронзового прута, свернутого в шесть-семь оборотов и украшенные косыми насечками, бытуют длительный промежуток времени, начиная с периода BD до HA.

В могильнике обнаружены три типа бронзовых шпилек. Выразительны две одинаковые, очень большие шпильки с биконическими головками и перекрестием под ними. Они близки к шпилькам культуры ноа и культурам раннего гальштата, где датируются периодом ВД (Hochstetter A., 1981, S. 239). Основное отличие Гордеевских шпилек в своеобразном резном орнаменте. Наиболее ранними, вероятно, являются булавки с шаровидными головками. Они близки по типу к булавкам Deinsdorf и встречаются в ранний период культур урновых полей, в частности, в ранней лужицкой культуре, где датируются ВД (Novotná M., 1980). Характерными для Гордеевского могильника являются шпильки с маленькими кольцевидными головками и тремя рельефными валиками. Прямые аналогии им не известны, но на основании комплекса вещей тех курганов, откуда они происходят, такие булавки можно датировать от бронзового века Д до гальштата А.

Достаточно устойчивую датировку имеют янтарные бусы, встреченные в большом количестве в Средней Европе и относящиеся к классическому периоду курганных культур. Во Франции в пещере Назарад обнаружено огромное количество янтарных бус, аналогичных по форме бусам из Гордеевки, для которых получен анализ по C^{14} (1210±100).

Датирующими являются два бронзовых наконечника стрел и бронзовые удила. Один из наконечников – плоский двухлопастной, черешковый с треугольной головкой и неровными концами. Такие наконечники встречаются в ранней лужицкой культуре, где встречены литейные формочки для их отливки. Их датируют периодом BD–HA (Gediga B., 1982). Вторая стрелка с граненой втулкой датируются более поздним временем – HB. Примерно этим же временем или чуть более поздним датируются бронзовые двухчастные удила. Резюмируя все сказанное о датируемых вещах, имеющихся в погребениях, можно сделать вывод, что могильник существовал в период BD–HB или с XIII по X вв. до н. э.

Для датировки Гордеевского могильника также важна его синхронизация с окружающими культурами, существовавшими в один с ним период. С ранним периодом могильника синхронны различные группы курганной культуры Средней Европы, в которых встречено огромное количество золотых, бронзовых и янтарных изделий, аналогичных Гордеевке. Территориально наиболее близко к ней расположены предлужицкая культура, локализованная на территории Польши, а также тшинецко-комаровская на Украине и в восточных регионах Польши.

Классическая фаза предлужицкой культуры, датируемая временем BB и BC, и Гордеевский могильник, очевидно, синхронны тшинецко-комаровской культуре, возникновение которой относится, возможно, к несколько более раннему времени. В этот период во всех названных культурах, как и в Гордеевском могильнике, распространяется большое количество бронзовых украшений с господствующим спиралевидным орнаментом. Большинство археологов как в Польше, так и на Украине, датируют комаровско-тшинецко-сосницкую общность XIV–XII вв. до н.э.

К югу от Гордеевского могильника в степной Украине в этот период бытуют две близкие культуры: сабатиновская (Шарафутдинова И.Н., 1986) и Ноа (Балагури Э.А., 1985). Их датировка хорошо разработана на основании большого количества бронзовых изделий и кладов. Кроме того, для культуры Ноа имеются даты по C^{14}. Все это позволяет датировать отмеченные культуры XIV–XII вв. до н. э. Таким образом,

синхронизация названных культур и Гордеевского могильника более или менее очевидна. Однако их культурное взаимоотношение неясно. Создается впечатление, что сколько-нибудь близких контактов между ними не было. Различен отряд погребения. В Гордеевском могильнике отсутствуют орудия из кости и камня, столь многочисленные в обеих культурах. Резко различаются бронзовые изделия. В Гордеевском могильнике это, в основном, украшения. В культурах Ноа и сабатиновка они представлены оружием и крупными орудиями труда, совершенно отсутствующими в Гордеевском могильнике. Такое резкое различие погребального обряда и инвентаря едва ли может быть случайным. Оно, по-видимому, свидетельствует о том, что Гордеевский могильник и памятники культур Ноа-сабатиновка относились к различным этнокультурным общностям.

Поздний этап Гордеевского могильника, который достаточно условно относится к XII–X вв. до н. э., синхронен восточным группам лужицкой культуры, а также высоцкой, белогрудовской и белозерской культурам. Высоцкая культура, в которой соединились западные – лужицкие и восточные – белогрудовские элементы, датируется X–VII вв. до н. э. Многие черты культуры и инвентаря ранней высоцкой культуры находят для себя аналогии в Гордеевском могильнике.

Белогрудовская культура, на территории которой находится Гордеевский могильник, сложилась, по-видимому, несколько раньше, чем высоцкая. Об этом свидетельствует доминирующий в ней курганный обряд с трупоположением, отсутствие трупосожжений, большое количество каменного и кремневого инвентаря и малочисленность бронзовых изделий.

Бытование уже полностью сложившейся белогрудовской культуры следует относить к XII–XI вв. до н. э. Керамика Гордеевского могильника проявляет большое сходство с белогрудовской посудой. Это тюльпановидные сосуды с валиком, миски с загнутыми внутрь краями, черпаки с низкими петельчатыми ручками. В белогрудовской культуре встречено несколько аналогичных гордеевским двуспиральных ("белогрудовских") подвесок. Близки с гордеевскими шпильками с шаровидной и петельчатой головками, аналогичны конические бляхи с петлей на внутренней стороне и восьмерковидные костяные бляшки с циркульным орнаментом.

Время появления в Поднестровье культур фракийского гальштата и возникшей под их влиянием чернолесской культуры не вполне ясно. Наиболее реально говорить о X в. до н. э. По-видимому, в этот период Гордеевского могильника уже не существовало. Это доказывается резким различием погребального обряда и инвентаря, в частности, украшений.

Очень важна для датировки и вообще понимания Гордеевского могильника возможность его синхронизации с белозерской культурой. Последняя хорошо датируется и проявляет близость с могильником не только в инвентаре, но и в погребальном обряде. Балтская группа белозерской культуры территориально подходит к Гордеевскому могильнику. Для определения хронологии белозерская культура располагает большим количеством разнообразных данных, позволяющих уверенно относить ее к XII–X вв. до н. э. (Отрощенко В.В., 1986, с. 148–150; Ванчугов В.П., 1994, с. 120–123).

Близость некоторых белозерских и гордеевских захоронений и по устройству погребальных сооружений и по инвентарю так велика, что возникает мысль не относятся ли они к одной и той же археологической культуре. И только то, что в белозерской культуре не известны (во всяком случае, пока) погребения с инвентарем раннего периода, а также наличие в белозерской культуре бескурганных захоронений, заставляет воздерживаться от подобного вывода. В обряде много общего, начиная от размеров и форм курганов с большими прямоугольными ямами, обставленными и перекрытыми деревом, до своеобразного обычая выкапывать в центре четыре неглубокие и небольшие ямки, оконтуривающие площадку, на которую клали умершего. В белозерских, как и в Гордеевских, ямках иногда находятся фрагменты тонких жердей, на которых, очевидно, крепился легкий деревянный навес или матерчатый балдахин. В заполнении ямок в обоих случаях встречались вещи, повешенные на столбики, затем

упавшие и засыпанные землей. Близок набор инвентаря. В частности, в обоих случаях в погребения клалось большое количество украшений.

Среди инвентаря похожи обоюдоострые ножи с длинным черенком, браслеты, "белогрудовские" двуспиральные подвески, своеобразные колокольчиковые подвески, наконечники стрел. В обоих случаях встречаются бусы из янтаря и пасты. Меньше сходства в керамике. Грубая кухонная посуда белогрудовского типа, получившая распространение в поздний период Гордеевского могильника, отсутствует в белозерских захоронениях. Зато в них, как и в Гордеевке, очень много маленьких изящных кубков, часто имеющих полые ножки, каннелюры, налепы и другой рельефный орнамент.

В целом, синхронизация белозерской культуры и позднего периода Гордеевского могильника не вызывает сомнений. Не вызывает сомнения и их культурная близость, истоки и причины которой еще неясны и требуют дальнейшего изучения. В целом, синхронизация Гордеевского могильника с большим количеством соседних и более отдаленных культур подтверждает хронологию, полученную на основании датируемых изделий, и укладывается в конец XIV–XIII–X вв. до н. э.

Еще одна возможность датировки могильника связана с определением костей из различных погребений по радиокарбонному методу. Анализ проводился в Институте физики и химии минералов НАН Украины. Получено пять дат: 1) К27 – 1510±70; 2) К32 п2 – 1144±70; 3) К33 – 1060±50; 4) К35 – 1030±60; 5) К37 – 970±50. Таким образом, все методы датировки могильника дают близкие результаты и позволяют относить время его существования к концу XIV–XIII–X вв. до н. э.

Выше отмечалось, что территориально и хронологически Гордеевский могильник делится на две группы: восточную – более раннюю, датируемую примерно XIII–XII вв. до н. э., и западную – более позднюю, датируемую XI–X вв. до н. э.

Сложность и грандиозность погребальных сооружений, а также необычайное богатство инвентаря свидетельствует о неординарности могильника. Тот факт, что, несмотря на ограбление, почти в каждом погребении были обнаружены золотые, бронзовые и янтарные изделия, приводит к выводу, что Гордеевский могильник был не обычным кладбищем, а местом захоронения наиболее богатой и знатной верхушки какого-то крупного коллектива, владеющего, возможно, значительной территорией. "Могильник избранных", так, очевидно, следует понимать этот своеобразный социальный организм. Для эпохи бронзы известны подобные могильники, правда в очень небольшом числе. Среди них можно назвать Усатовский, Синташтинской, Сейсминский, Маевский и некоторые другие могильники.

Могильник Гордеевка обладает еще одной особенностью, связанной с его социальной принадлежностью. Речь идет о почти полном отсутствии среди инвентаря оружия, так широко распространенного в других курганных могильниках эпохи бронзы, что трудно объяснить это деятельностью грабителей. Было бы естественно предполагать, что какая-то часть оружия все же должна была сохраниться. Огромное число украшений, причем явно женских, дает основание высказать предположение, что Гордеевский могильник был также местом захоронения наиболее знатных и богатых женщин (рис. 11).

Вопрос о происхождении и культурной принадлежности могильника остается не вполне ясным. Эпоха бронзы на Правобережной Украине исследована достаточно хорошо. Известны основные культуры, характеризующие эту территорию. Для раннего периода могильника – это культуры многоваликовой керамики, тшинецко-комаровская, сабатиновская и Ноа. В поздний период существования Гордеевского могильника здесь бытовали: высоцкая, белогрудовская и белозерская культуры. Сравнение могильников всех этих культур с Гордеевским могильником приводит к выводу, что несмотря на хронологическую близость и синхронность, несмотря на отдельные черты сходства в обряде и инвентаре, ни к одной из названных культур Гордеевский могильник отнесен быть не может.

Своеобразие могильника и описанная выше ситуация взаимоотношений с окружающими культурами наводит на мысль о пришлом, миграционном характере какой-то

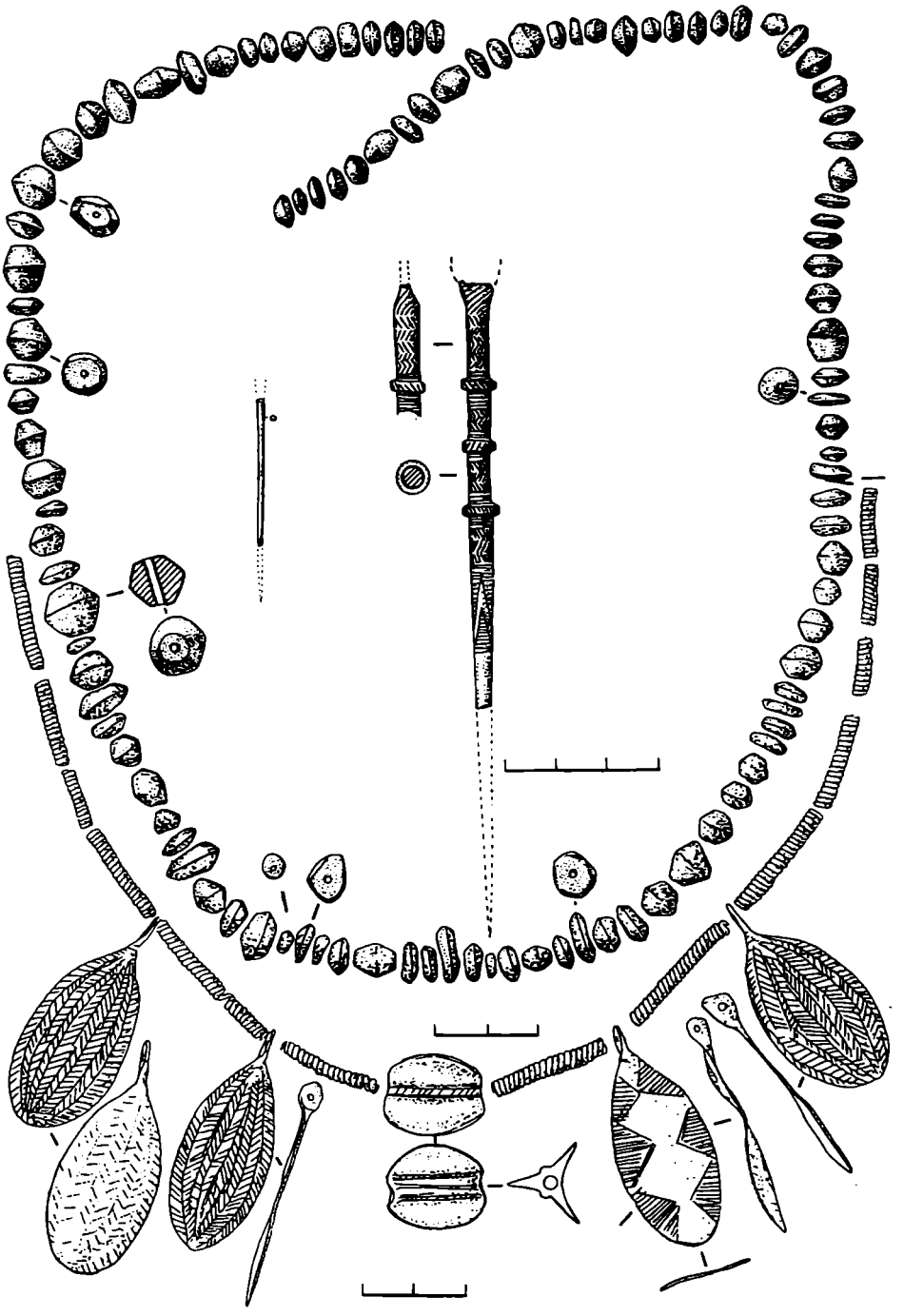


Рис. 11. Инвентарь из кургана 11 – золотое и янтарное ожерелье, бронзовые шпильки и игла

небольшой, но очень богатой и сильной культурной группы. Широко распространено мнение, что на переломе раннего и среднего периодов бронзового века происходило массовое передвижение так называемых центрально-европейских курганных культур. В основном они двигались с территории Верхнего Рейна, а также Верхнего и Среднего Дуная в Юго-Восточном направлении. Подробный обзор всех курганных культур или групп, с указанием многочисленной литературы имеется в статье Е. Гульяновой-Ильковой, опубликованной в энциклопедии Я. Филипа (Guljanova-Ilkova E., 1966, S. 515, 516). Возможно, именно в результате этих передвижений одна из групп курганной культуры оторвалась от основного массива и оказалась далеко на востоке, на побережье Южного Буга, привлекавшего земледельцев великолепными условиями для скотоводческого хозяйства, развитие которого и вызвало массовые миграции носите-

лей курганных культур. Среди черт, роднящих Гордеевский могильник с курганной культурой, следует назвать: топографию могильников на водораздельных возвышенностях; его большие размеры и значительное количество курганов с одиночными захоронениями; деревянные погребальные конструкции; существование (особенно на раннем этапе) трупоположения, вытянутых костяков, ориентированных на запад-северо-запад – юго-запад; и, конечно, инвентарь.

С какой-то конкретной группой курганной культуры Гордеевский могильник пока связать не удается. В определенной степени ему близки памятники предлужицкой культуры, локализованной ближе других на территории Польши, и составляющих до сих пор наиболее восточную группу курганных культур.

В предлужицкой культуре известны курганы из земли и погребения с деревянными конструкциями. Среди близких могильников можно назвать Кетч воеводства Ополе и Кшановицы воеводства Катовицы. С Гордеевкой их особенно сближает обычай выкапывать четыре ямы для каких-то легких погребальных сооружений – "домиков мертвых". Во многом сходен и инвентарь. И все же едва ли предлужицкие памятники и Гордеевский могильник следует объединять в одну археологическую культуру. Прежде всего, в погребениях кетчанского типа господствующим является трупосожжение и коллективные захоронения, абсолютно отсутствующие в Гордеевке. Деревянные сооружения здесь гораздо более примитивны и носят иногда чисто символический характер. Инвентарь значительно беднее. Редко встречается золото, почти никогда – янтарь (Geld M., 1984; 1989).

Еще менее близок Гордеевский могильник к памятникам другой территориально близкой восточной курганной культуры – покарпатской, расположенной в Южной Словакии и Северо-Восточной Венгрии. Основной обряд здесь также трупосожжение, резко различаются погребальные сооружения, отлична керамика. И только среди бронзовых изделий, особенно ножей и украшений, имеется огромное количество предметов, характерных для всех среднеевропейских и западноевропейских курганных культур.

Датировка Гордеевского могильника позволяет относить его появление на Южном Буге не к концу, а к началу средней фазы курганных культур. На Южном Буге эта группа была, по-видимому, остановлена местными племенами – КМК. Погребальный обряд этой культуры – курганы с мощными деревянными срубами, а также поза и ориентация покойника проявляют близость с Гордеевским могильником. Инвентарь различен, но производят впечатление находки однотипных бронзовых и золотых обоймочек для деревянных сосудов, которые ни в одной другой культуре, кроме как в КМК и раннесрубной, не встречены. Ассимиляция в среде КМК вероятнее всего могла произойти на основе занятия скотоводством.

Дальнейшая история проникшей на Южный Буг группы курганной культуры и ее постепенная трансформация происходили под влиянием времени и местной окружающей среды. Поздние погребения Гордеевского могильника ярко отражают этот процесс. Среди культур, связь которых с племенами, оставившими Гордеевский могильник, несомненна, следует назвать высоцкую, белогрудовскую и белозерскую.

Для характеристики могильника важен тот факт, что погребальный обряд на всем протяжении существования могильника, в противоположность другим группам курганной культуры Средней Европы, практически не меняется. В нем до конца сохраняются все его характерные черты. Сохраняются земляные курганы, абсолютно отсутствуют трупосожжения, нет коллективных захоронений, отсутствует биритуализм. Все эти черты характеризуют курганную культуру на позднем этапе – этапе превращения ее в культуру полей погребальных урн (Монгайт А.Л., 1974, с. 64–117). Иными словами, население, оставившее могильник, не восприняло никаких инноваций, не сделало уступок времени, моде и влиянию окружающей среды. Такую культурную устойчивость и верность традициям могло разрешить себе общество, хотя и оказавшееся в изоляции, но с сильной экономикой и высокой культурой. Поэтому, в настоящее время Гордеевский могильник, очевидно, следует рассматривать как памятник какой-то, пока еще

неизвестной, но, видимо, наиболее восточной группы среднеевропейской курганной культуры, оказавшейся в среде КМК, заимствовавшей от КМК, как и от других лесостепных культур правобережья Украины, ряд черт, но не растворившейся в ней, а сохранившей свою самобытность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балагури Э.А., 1985. Культура Ноа // Археология Украинской ССР. Т. I. Киев.

Березанская С.С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на Украине. Киев.

Березанская С.С., Лобай Б.И., 1994. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Гордеевка на Южном Буге (предварительное сообщение) // Археологія. № 4.

Ванчугов В.П., 1994. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Монгайт А.Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.

Отрощенко В.В., 1986. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Шарафутдинова И.Н., 1986. Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на Украине. Киев.

Blajer W., 1984. Die Arm und Beinbergen in Polen. München // Prahistorische Bronzefunde. Ab. X. Bd. 2.

Gediga B., 1982. Metalurgia brąnzu w kulture luzyckieij na Sląsku: Pamiętnik Museum Miedzi. T. I. Legnica.

Gedl M., 1975. Kultura Przedlużycka // Pracie komisji archeologicznej. N 14. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.

Gedl M., 1984. Wczesnoluzyckie groby z konstrukciami drewnianymi. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Lodż.

Gedl M., 1989. Groby z mlodszego okresu epoki brąnzu na cmentarzysku w Kietrzu. Kraków.

Guljanova-Ilkova E., 1966. Hügelgräberkultur // Enzyklopädisches Hand-Buch zur Ur – und Frühgeschichte. B. I. Prag.

Hochstetter A., 1981. Eine Nadel der Noua-Kultur aus Nordgriechenland // Ein Beitrag zur absolute Chronologie der Bronzezeit in Karpatenbecken. Germanis. Jah. 59. 2 Hab.

Kemenczei T., 1984. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest.

Leskov A.M., 1981. Jung – und spätbronzeneitliche Depotfunde im nordische Schwarzmeergebiet // Prähistorische Bronzefunde. Ab. XX. Bd. 5.

Novotna M., 1980. Die Nadeln in der Slowakei // Prähistorische Bronzefunde. Ab. XIII. Bd. 6.

Rihovskj J., 1972. Die Messer in Mähren und dem Ostalpengebiet // Prähistorische Bronzefunde. Ab. VII. Bd. 1.

Stegman-Rajtár S., 1992. Spätbronze und früheisenzeitliche Fundgruppen des Donaugebiets // Bericht der Römisch-Germanischen Kommissonon. Bd. 73.

S.S. BEREZANSKAYA

A BRONZE AGE CEMETERY ON THE SOUTH BUG

Summary

The cemetery in question is situated on the left bank of the South Bug river near Gordeevka village, Trostyanets district, Vinnitsa region, Ukraine. The necropolis consisted of barrow mounds only, 41 mounds survived and all of them have been excavated. Each mound contained single burial; the dead were placed in the ground pits with wooden constructions inside. Rich and varied grave goods made of gold, silver, bronze, amber and pottery, were discovered. The chronology of the cemetery is determined by some artefacts' datings, such as knives, bracelets, hairpins, amber beads, horse harness' pieces. According to the cemetery's chronology and plan the mounds forming the cemetery have been divided into two groups. The earlier eastern one is dated from the 13th – 12th centuries B.C., and the later western one to the 11th – 10th centuries B.C. Gordeevka cemetery probably should be ascribed to some unknown polulation group which seems to be connected with the easternmost part of Middle European kurgan culture. That group once had appeared among the local rolled-pottery tribes and adopted from them (and also from some other forest-steppe cultures) a number of features. But nevertheless Gordeevka group preserved their cultural identity.

С.В. ПАНЬКОВ, Д.П. НЕДОПАКО

ПОСЕЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛА СИНИЦА

Одной из важнейших задач в изучении истории древнеславянских племен на территории Восточной Европы является исследование их производственной деятельности, связанной, в частности, с получением и обработкой железа.

В настоящее время в отечественной историографии существует целый ряд работ, посвященных этой проблеме и в той или иной степени освещающих вопросы развития черной металлургии и металлообработки племенами зарубинецкой культуры (Бидзиля В.И. и др., 1983, с. 91–103; Гопак В.Д., Хавлюк П.І., 1972, с. 90–95; Пачкова С.П., 1974; Барцева Т.В. и др., 1972; Терехова Н.Н. и др., 1997, с. 96–103 и др.).

Основанием для выводов о состоянии железоделательного и кузнечного ремесла у племен зарубинецкой культуры в первую очередь служат обнаруженные во время археологических изысканий памятники, связанные с этой сферой производственной деятельности, а также металлографическое изучение их железного инвентаря. Полевые археологические работы, которые велись сотрудниками Историко-технической экспедиции Института археологии НАН Украины у с. Синица Христиновского р-на Черкасской обл., добавляют еще одну страницу к истории производства древнеславянских племен и представляются важными с той точки зрения, что здесь впервые был обнаружен кузнечно-металлургический центр позднезарубинецкого времени, материалы которого позволяют реконструировать не только железоделательные, но и кузнечные горны, по сути древнейшие из известных в настоящее время на территории Украины.

Археологические памятники у с. Синица (рис. 1) стали широко известными в результате разведочных работ В.В. Кропоткина, проведенных в первой половине 70-х годов, и публикации их результатов в журнале "Советская археология" № 3 за 1976 г. В частности, В.В. Кропоткин и В.Е. Нахапетян приводят детальные сведения о находке сыродутного металлургического горна, дают его описание и реконструкцию (рис. 2, *1*). Горн, по сведениям авторов статьи, был обнаружен на правом обрывистом берегу небольшой речки Синица, притока Южного Буга (Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е., 1976, с. 317–324)[1].

Место находки повторно осматривалось сотрудниками Историко-технической экспедиции Института археологии НАН Украины в 1981 и 1982 гг. В результате этих осмотров на поверхности памятника были обнаружены значительные скопления шлака, обломки глиняных стенок горнов с большой примесью крупнотолченого кварцита (хорошо прокаленных до терракотового цвета), а также обломки массивных керамических сопел из огнеупорной глины. Керамики на поверхности найдено мало, гончарная керамика отсутствует. Было установлено, что схожий керамический материал в

---

[1] По-видимому, в связи с тем что во время исследований авторами статьи памятника р. Синица в районе его расположения представляла заболоченный и поросший камышом участок, возникла путаница с определением направления течения реки и соответственно местонахождением металлургического горна. Устройства дамбы с озером в этом месте позволяет утверждать, что высоким и обрывистым является левый берег речки, тогда как правый – пологий.

Авторы статьи реконструируют раскопанную ими часть горна как шлакоприемник сыродутной печи с наземной глинобитной шахтой. Мы предполагаем, что это был ямный горн многоразового использования без шлаковыпуска с невысокой наземной частью-колошником.

© С.В. Паньков, Д.П. Недопако, 1999 г.

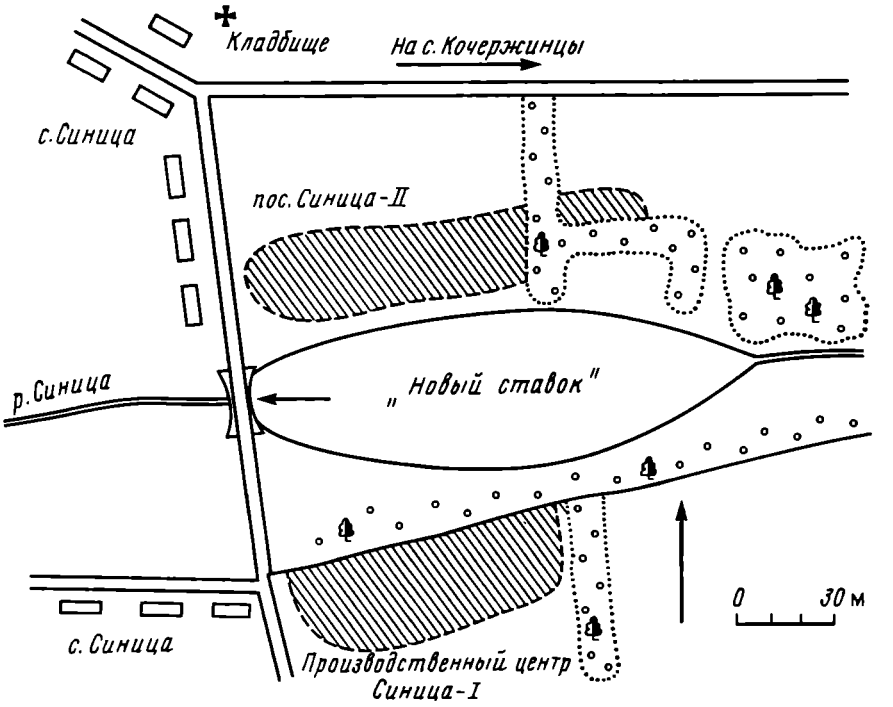


Рис. 1. Ситуационный план расположения памятников у с. Синица

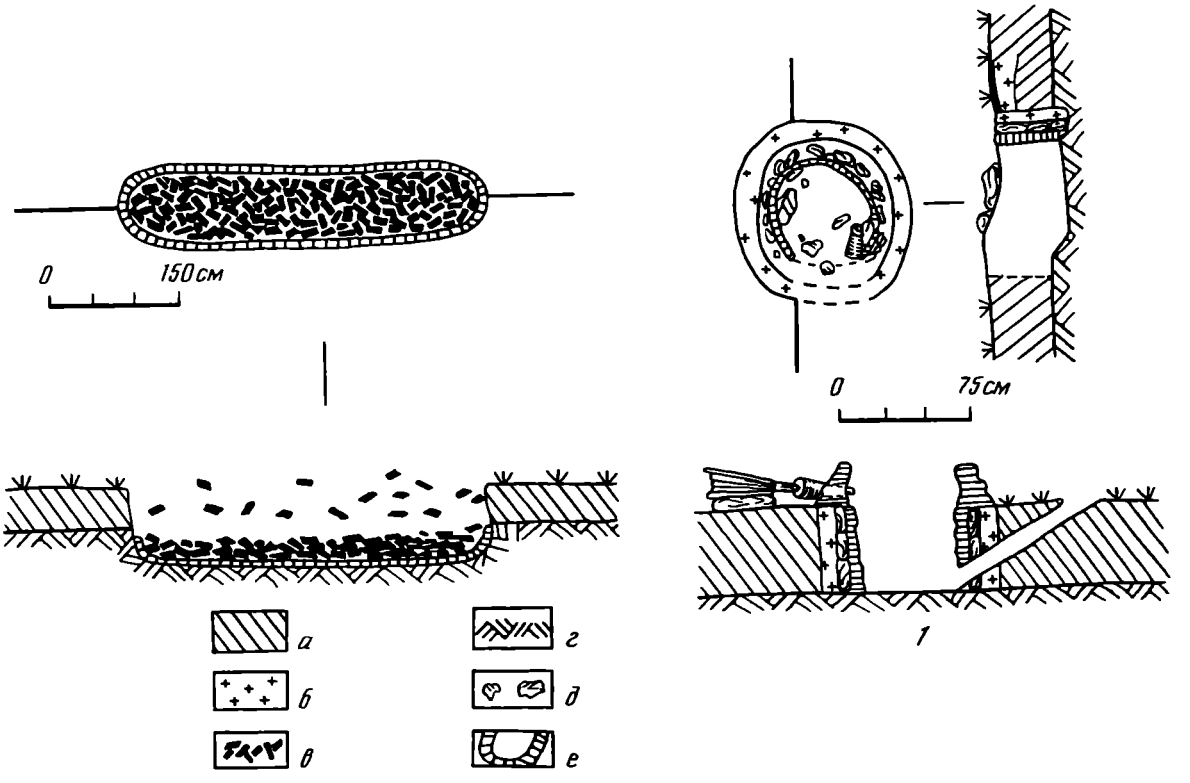


Рис. 2. *1* – горн № 1 (раскопки В.В. Кропоткина и В.Е. Нахапетян). Общий план и реконструкция; *2* – угольная яма. Общий план и разрез (*а* – чернозем, предматериковый грунт; *б* – обожженный грунт; *в* – древесный уголь; *г* – материк; *д* – камень; *е* – глиняная обмазка)

большом количестве встречается и на противоположном северо-восточном берегу озера (так называемого Нового ставка, который был устроен с помощью дамбы, перегородившей русло речки в начале 80-х годов). По сведениям местных жителей, во время сооружения дамбы, грунт для которой брался с площади памятника, исследо-

вавшегося В.В. Кропоткиным и В.Е. Нахапетян, было разрушено несколько горнов. Они представляли собой круглые ямы, заполненные шлаком. Таким образом, можно предположить, что в окрестностях современного с. Синица располагалось два одновременных памятника – Синица I, обозначенный В.В. Кропоткиным как центр железоделательного производства черняховского времени, и поселение Синица II, где остатков металлургического производства практически не обнаружено (рис. 1).

К сожалению, на поселении Синица II, которое находилось на северном правом берегу Нового ставка напротив металлургического центра Синица I, раскопочных работ нам произвести не удалось и поэтому памятник представлен подъемным материалом.

В результате неоднократных осмотров площади поселения Синица II было зафиксировано, что подъемный материал залегает отдельными скоплениями площадью в среднем 5 × 5 м. Между скоплениями находки более редки. В частности, нами было выделено пять таких скоплений, видимо, на местах расположения жилищ. Здесь подъемный материал представлен кусочками печины и обожженной глиняной обмазки, небольшим количеством костей домашних животных и одиночными мелкими угольками. Наряду с керамикой при осмотре площади поселения были найдены небольшая бронзовая спираль и обломок пастовой бусины.

Керамический комплекс поселения, судя по подъемному материалу, практически лепной, за исключением фрагментов амфор. Керамика с различно обработанной поверхностью и орнаментом представляет большое число вариантов и типов сосудов. Кроме амфорной, несмотря на то что осмотр площади поселения проводился многократно, обнаружен всего один фрагмент гончарной керамики, возможно мисочки. Лепная керамика, судя по собранным фрагментам, представлена следующими типами.

1. *Чернолощенная керамика* наиболее резко и четко выделяется в коллекции. Большая часть ее, судя по венчикам и изгибу тулова, принадлежит остропрофилированным мискам с перегибом ребра в верхней части сосуда под венчиком. Всего найдено 43 экз. фрагментов чернолощенной керамики. Из них 12 венчиков, 28 стенок и 3 донышка. Половина – 6 из 12 венчиков – принадлежит остропрофилированным мискам. Судя по диаметру венчиков, они имели широко открытую форму, а профиль стенок показывает, что миски были невысокими. В реконструкции диаметр мисок достигал 25 см при высоте около 8–10 см. В целом миски однообразные, и только незначительные различия наблюдаются на срезе и профилировке венчиков – срез бывает больше или меньше, граненым или угловатым, а профиль, особенно переход в ребро, – более острым или немного закругленным.

Один венчик принадлежит невысокой разложистой миске с острым ребром у венчика и характерной х-образной ручкой-ушком.

Имеются также миски с сильнопрофилированным, но плавным перегибом тулова.

Большая часть мисок имеет хорошее черное лощение с обеих сторон. В тесте наблюдаются примесь мелкозернистого кварцита, органические примеси, мелкий песок. Обжиг сквозной, хороший.

Есть чернолощенные миски с вертикальным венчиком и горизонтально срезанным верхом. Часть из них имеет резкий перегиб венчика и почти горизонтальную стенку с небольшим наклоном к днищу. Имеется некоторое количество мисок с хорошим лощением и ребристым перегибом тулова.

К группе чернолощенных сосудов относятся фрагменты двух высоких легко отогнутых венчиков, принадлежащих, по всей видимости, небольшим кру́жкам. Лощение их уступает лощению мисок, но технология теста идентична.

2. *Керамика с шершавой поверхностью* представлена венчиками, стенками и днищами плоскодонных горшков с большой примесью крупнотолченого кварцита в тесте. Из комплекса этой керамики можно выделить по крайней мере три типа сосудов.

Плоскодонные горшки, внешняя поверхность которых имеет розовый, светло-желтый и кирпичный цвет. Судя по имеющимся венчикам, стенкам и днищам, эта категория посуды представлена горшками вытянутых пропорций с небольшим слабоото-

гнутым венчиком, украшенным по обрезу насечками на расстоянии около 1 см одна от другой; горшками с такими же венчиками, но без насечек; толстостенными горшками с более выраженными и оттянутыми наружу венчиками и горшками с прямыми или немного загнутыми вовнутрь венчиками.

Судя по имеющимся стенкам, некоторые сосуды этого типа были украшены по тулову налепными валиками с защипами и налепами, имитирующими ручки.

Обжиг сосудов неравномерный, внутренняя поверхность большей частью темного цвета. Судя по излому, черепок прокален плохо, неравномерно.

Плоскодонные горшки светло-серого, пепельного цвета с более-менее заглаженной поверхностью.

Имеющиеся фрагменты позволяют считать, что эти горшки представлены двумя типами – с невысокими, слегка отогнутыми или прямыми венчиками и толстостенными с такими же венчиками, украшенными по тулову налепами, имитирующими ручки. Тесто этих сосудов также содержит большую примесь крупнотолченого кварцита. Обжиг более равномерный, чем в первом случае. В изломе черепок большей частью однотонный.

Сосуды со штриховкой по тулову. Эта категория представлена только стенками в количестве 7 экз. Из них 4 фрагмента с мелкой, тщательной штриховкой вокруг тулова и 3 экз. с грубой штриховкой, создающей впечатление имитации, подражания первому варианту. Тесто у этих сосудов такое же, как и у плоскодонных горшков, внутренняя поверхность трех фрагментов с тщательной штриховкой – чернолощенная, обжиг сквозной, равномерный. У остальных – светлая или темная, обжиг неравномерный.

3. *Амфорная керамика* представлена в основном стенками красно- и белоглиняных амфор. Имеется несколько венчиков и обломков ручек.

Подсчет собранной керамики показывает, что основное ее количество приходится на керамику позднезарубинецкого типа (около 90%). По всей видимости, эта керамика и была оставлена основным населением поселения Синица II[2]. Фрагменты такой же керамики в подавляющем количестве обнаруживались и на производственном центре Синица I, располагавшемся через реку, напротив поселения Синица II. Около 10% керамического комплекса приходится на керамику, не относящуюся к позднезарубинецкой культуре (в частности, стенки сосудов со штриховкой по тулову, чернолощенная миска с х-образной ручкой, амфорная керамика) (рис. 3). С черняховской же культурой можно связать лишь один очень неопределенный фрагмент гончарной посуды. Таким образом, можно надеяться, что широкие полевые исследования поселения Синица II с привлечением специалистов в области истории восточноевропейских племен конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. позволят уточнить не только культурную принадлежность и хронологические рамки, но и экономические и культурные связи жителей этого поселения (Бидзиля В.И., Паньков С.В., 1990, с. 5–11).

Как уже отмечалось, производственный центр с остатками металлургии железа располагался напротив поселения Синица II, на противоположном южном берегу р. Синица. В результате осмотров было выяснено, что площадь этого комплекса, ограничивающаяся разбросом археологического материала, составляет около 3000 м^2. Сохранившийся участок комплекса, получившего название Синица I, вытянут вдоль обреза берега на 100 м и ограничивается, с одной стороны, приусадебными огородами, а с другой – лесозащитной посадкой.

В 1988 г. на памятнике было заложено несколько шурфов, в результате чего выявлены объекты, связанные с металлургическим производством. В частности, при закладке шурфа 1/88 была обнаружена яма, предназначенная для получения древесного

---

[2] Описание керамического подъемного материала с поселения Синица II представлено нами только с целью показать, что это поселение в настоящее время связывать с черняховской культурой трудно, о чем свидетельствует практически полное отсутствие типичной для нее гончарной керамики. Обращает на себя внимание присутствие на поселении типично вельбарской керамики (в частности, фрагмент миски с х-образной ручкой).

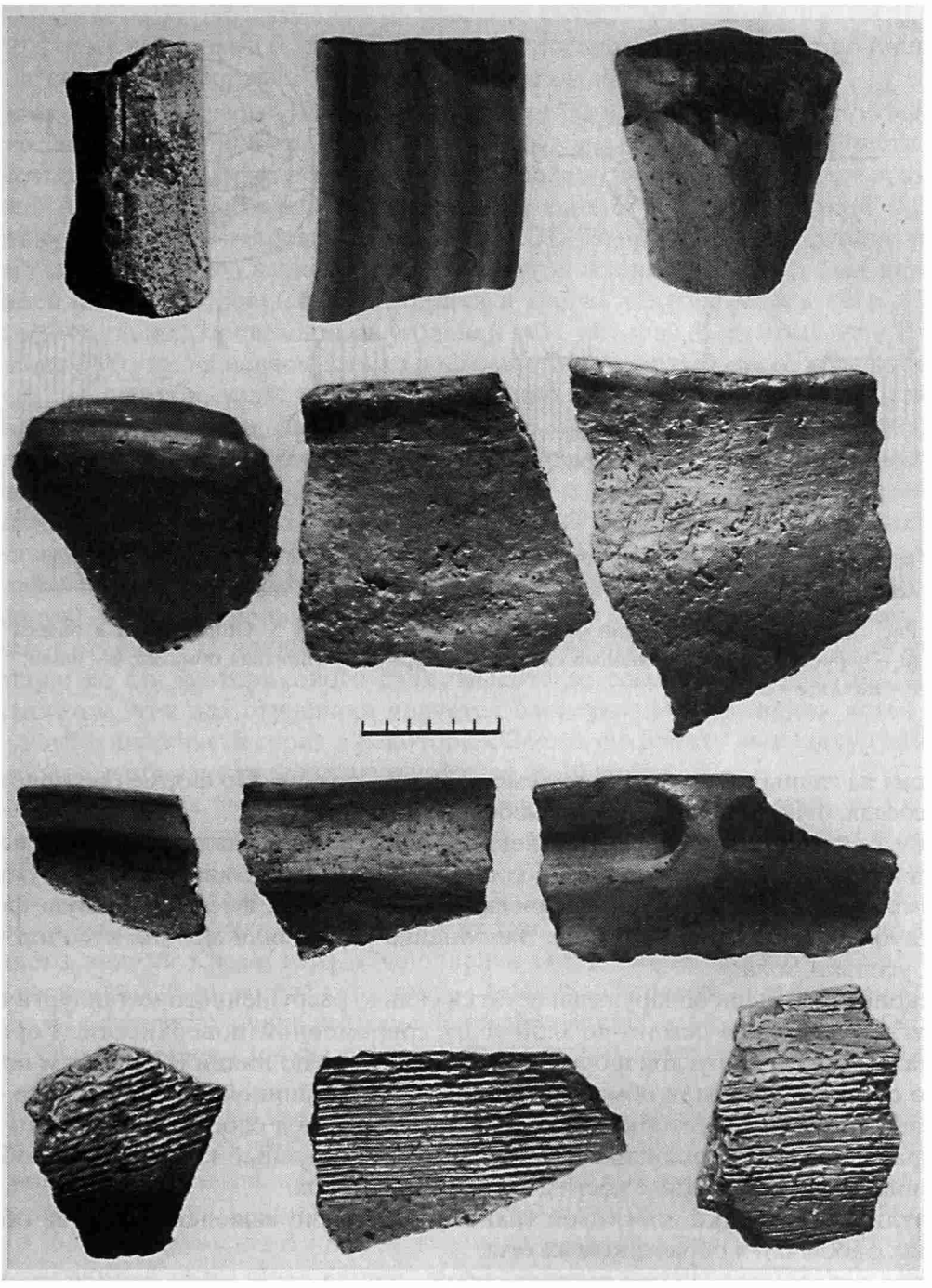


Рис. 3. Образцы керамики с поселения Синица II

угля. Угольная яма имела форму вытянутого овала, ориентированного по линии СЮ, длиной – 4, шириной – 0,6 и глубиной – 0,7 м от современной поверхности. Дно и стенки ямы были обмазаны слоем белой глины толщиной 0,05 м. Заполнение ямы, которое фиксировалось с уровня 0,5 м от современной поверхности, составлял древесный уголь в виде обожженных стволов деревьев, крупных веток и плах. Мощность лежавшего в яме пласта древесного угля составляла 0,1 м (рис. 2, *2*).

Шурф 3/88 уже на первом штыке позволил выявить скопление шлаков, кусочков глиняной обмазки, обломков стенок горна и сопел, а на глубине 0,3 м от современной поверхности были обнаружены обломки наземной глинобитной шахты горна. Грунт вокруг развала был обожжен до интенсивно красного цвета. Здесь же в большом количестве залегали небольшие кусочки железного шлака, окисленного железа и древесного угля. Судя по сохранившимся фрагментам, наземная часть горна была

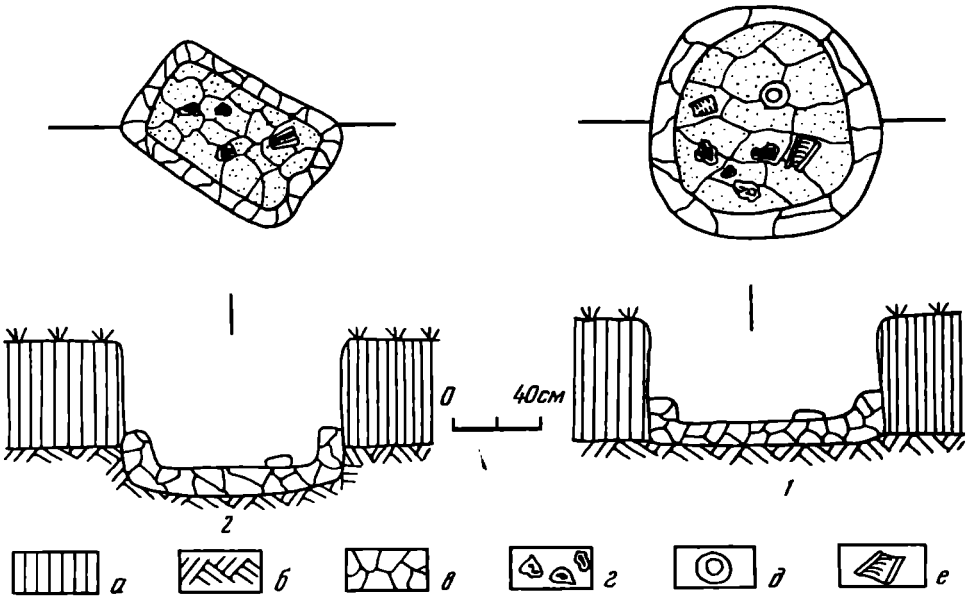


Рис. 4. *1* – горн № 4. Общий план и разрез; *2* – горн № 5. Общий план и разрез (*а* – чернозем, предматериковый слой; *б* – материк; *в* – глиняная обмазка; *г* – шлак; *д* – тигель; *е* – сопло)

выполнена из глины с большой примесью кварцита в тесте. По форме она напоминала венчик сосуда, отогнутый наружу под небольшим углом.

В 1989 г. на площади производственного центра было заложено 10 поисковых траншей и 2 раскопа. В результате в траншее 6/89 была выявлена яма, служившая, по-видимому, для сброса металлургических отходов. Она имела овальную форму и была углублена в материк на 0,15 м. Заполнение составляли мелкие кусочки шлака, печины, угольки, зола.

В раскопке 2/89 были обнаружены остатки сильно разрушенного металлургического горна, углубленного в землю до 0,50 м от современной поверхности. Горн имел овальную, близкую к круглой форму диаметром 0,70 м по линии ВЗ и 0,50 м по линии СЮ. Его стенки и дно были обмазаны слоем глины толщиной до 10 см. Глина сильно обожжена, прокалена. Материковое основание горна под слоем глины имело интенсивно красный цвет. Заполнение горна составляли крупные куски шлака, обмазки, обожженные и необожженные кости домашних животных.

В результате закладки поисковой траншеи 7/89 было выявлено еще два объекта, связанных с добычей и обработкой железа.

Остатки первого горна представляли собой мощное пятно обожженной глины толщиной до 10 см. Пятно имело овальную, близкую к круглой форму диаметром около 1 м. По его краям сохранились подымающиеся "бортики" толщиной до 10 см и высотой 7–10 см. По всей видимости, эти остатки можно интерпретировать как нижнее глиняное основание углубленного в землю скорее кузнечного, чем металлургического горна, что подтверждается присутствием небольшого количества кусков железного шлака, лежавшего на поверхности основания, обломком глиняного сопла и чашеобразной глиняной льячки (или тигля) диаметром 7 см (толщина стенки 5 см), найденных там же. Глубина залегания глиняного основания горна составляла 0,50 см от современной поверхности, т.е. основание практически залегало на материке (рис. 4, *1*).

Второй горн, обнаруженный с помощью этой траншеи, располагался на небольшом расстоянии от первого. От него также сохранилось глинобитное основание, глубина залегания которого составляла 0,45 м от современной поверхности, а толщина – 10 см. На поверхности глинобитного основания было обнаружено небольшое количество шлаков и обломок сопла. В отличие от первого случая это основание имело прямо-

угольную форму размерами 0,75 × 1,0 м (ориентировано по длинной оси по линии ВЗ). Основание сохранило "бортики" высотой и толщиной до 10 см (рис. 4, *2*).

Во время полевого сезона 1990 г. на поселении был выявлен еще ряд объектов. В частности, в раскопе 1/90 в квадрате 7Г был выявлен развал наземной части горна, вокруг которого концентрировались железные шлаки, древесный уголь, керамика; в квадрате 4АБ – материковый выкид длиной около 1,75 м, шириной 0,25 м и мощностью 0,25 м, ориентированный по линии ЗВ. Второй и третий штыки рядом с выкидом были насыщены кусками древесного угля и шлаков. Выкид был перерезан позднейшей ямой, доходившей до материка и слегка углубленной в него. По всей видимости, этот выкид происходит из угольной ямы, которая была вскрыта в 1988 г.

В раскопе 3/90 уже на первом штыке в юго-восточном углу была отмечена большая концентрация шлаков, угля, обломков глиняных сопел, стенок горна и глиняной обмазки. По мере углубления эта концентрация возрастала, и к концу второго штыка был выявлен и оконтурен сплошной завал из вышеперечисленных остатков. Разборка завала показала, что он произошел от разрушения горна, который определяется нами как кузнечный. Этот горн, получивший порядковый номер 6, представлял собой яму неправильной круглой формы диаметром около 1,15 м по линии ЗВ и 1,0 м по линии СЮ. Поперечный разрез горна позволил выяснить, что дно его было прямым, сильно прокаленным. Оно фиксировалось на глубине 0,55 м от современной поверхности и достигало материка. С южной стороны стенка горна имела покатую ступеньку, доходившую до предматерикового слоя. Высота ее составляла около 0,25 м. Нам представляется, что эта ступенька является следствием разрушения устья горна. Стенки углубленной части горна в некоторых местах сохранили выкладку глиняными "кирпичиками" и обмазку глиной толщиной слоя до 10 см (рис. 5).

В заполнении горна было обнаружено более 40 фрагментов массивных глиняных сопел с примесью крупнотолченого кварцита в тесте, большое количество кусков глиняной обмазки, обожженной до интенсивно красного цвета, с отпечатками пальцев и без, два фрагмента глиняных "кирпичиков", четыре фрагмента колошниковой, наземной части горна, несколько крупных кусков железного шлака и четыре кусочка окисленного железа. Кроме того, в заполнении углубленной части горна было обнаружено несколько фрагментов керамики – лепной с большой примесью кварцита в тесте, а также фрагмент ручки амфоры. В горне и вокруг него, особенно с восточной стороны, было отмечено много кусочков древесного угля и сильная обожженность грунта.

В этом же раскопе, на расстоянии 3,25 м к северу (северо-западу) от горна № 6, в квадратах 1А–1Б–2А–2Б была обнаружена хозяйственная яма округлой формы. Стенки ямы были прямыми, плавно закруглявшимися при переходе в дно. Дно ровное. Диаметр ямы составлял 1 м по линии ЗВ и около 1 м по линии СЮ. В заполнении, на глубине 0,75 м от современной поверхности были выявлены фрагмент лепного сосуда и кость животного. Следы обожженности, остатки металлургического производства, связанные с этой ямой, отсутствовали.

Горн № 7 был выявлен в раскопе 4/90. Сплошной завал из фрагментов сопел, обломков стенок горна, глиняной обмазки, кусочков древесного угля, шлаков, окисленного железа, фрагментов керамики был выявлен уже на глубине 0,25 м от современной поверхности. Завал имел вытянутую форму длиной около 3 м и шириной в центральной части 1,5 м, ориентированную по линии ВЗ. Расчистка завала показала, что он перекрывал горновую яму, углубленную в землю до 0,55 м от современной поверхности. Яма имела круглую форму диаметром 1,40 м. Ее стенки были прямыми, дно ровное. Стенки, сохранившие в некоторых местах обкладку "кирпичиками" и глиняную обмазку толщиной до 10 см, и дно ямы были хорошо прокалены. Содержание горновой ямы и завала составляли более 70 фрагментов массивных глиняных сопел с большой примесью кварцита в тесте, огромное количество фрагментов глиняной обмазки с отпечатками пальцев и без, фрагменты наземной части горна-колошника, обломки глиняных "кирпичиков", фрагменты лепной керамики, небольшое количество

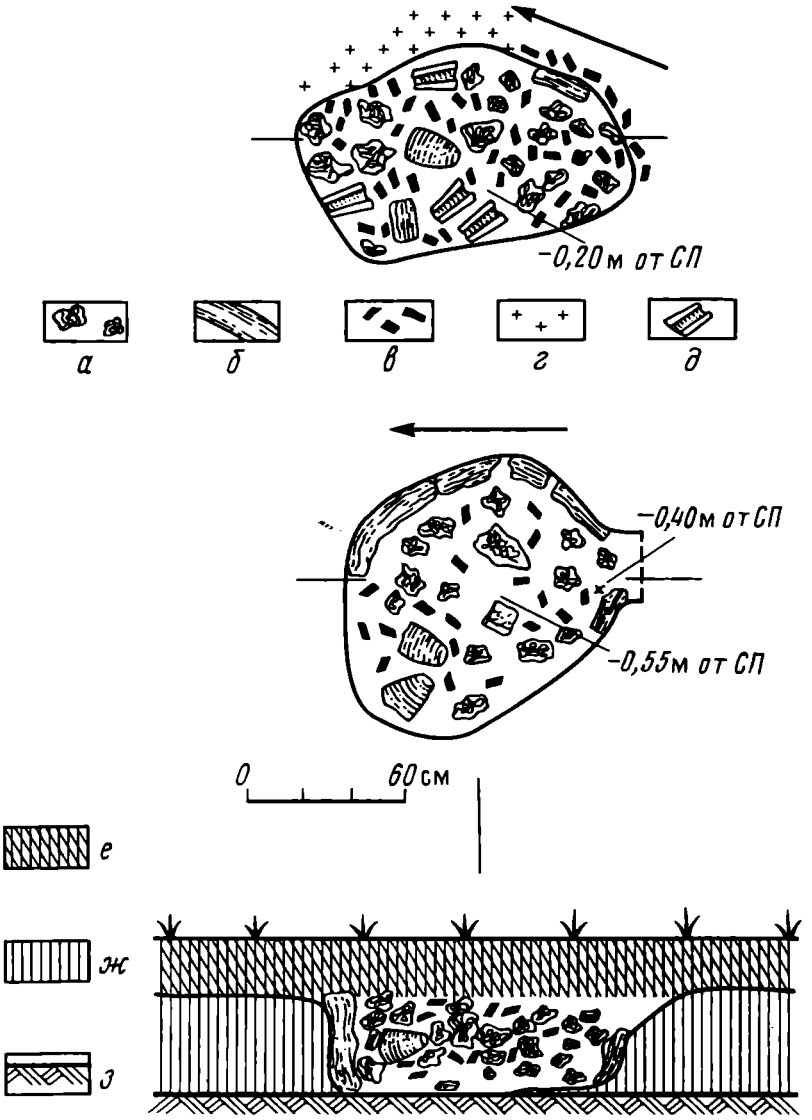


Рис. 5. Горн № 6. Развал горна. Общий план и разрез (*а* – куски обмазки, шлак; *б* – обмазка стенок; *в* – древесный уголь; *г* – следы обожженности; *д* – сопло; *е* – пахотный слой; *ж* – чернозем; *з* – материковый слой)

костей домашних животных (по определению О.П. Журавлева – пястная кость и первая фаланга лошади), шлаки (рис. 6).

Таким образом, в настоящее время металлургический центр у с. Синица (поселение Синица I) представлен остатками семи горнов, угольной ямы и двумя хозяйственными ямами. Если принять во внимание горны, уничтоженные во время сооружения дамбы озера, а также то, что площадь производственного пункта вскрыта далеко не полностью (на 1990 г. около 130 м^2), можно полагать, что этот производственный центр в ряду ему подобных был достаточно представительным. Уникальность центра заключается в том, что здесь были обнаружены по сути древнейшие для территории лесостепной Украины кузнечные горны, остатки которых позволяют произвести их реконструкцию и таким образом значительно обогатить наши знания о развитии техники и технологии получения и обработки сыродутного железа племенами, обитавшими в указанном регионе в предчерняховское время (Бидзиля В.И., Паньков С.В., 1990, с. 1–39; Паньков С.В., Недопако Д.П., 1991, с. 1–17) (рис. 7).

Как явствует из этих остатков, в центре Синица I велись и добыча, и обработка железа, что определяется наличием как железоделательных, так и кузнечных горнов.

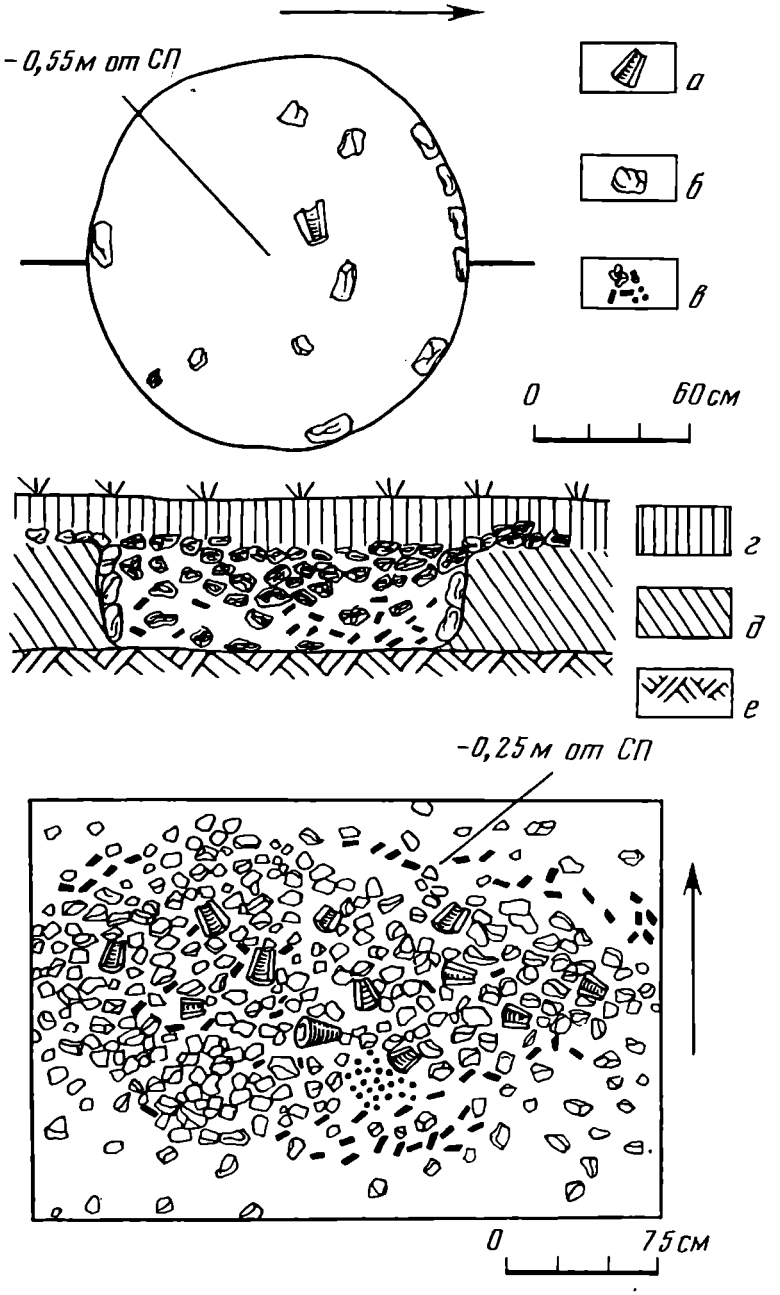


Рис. 6. Горн № 7. Развал горна. Общий план и разрез (*а* – сопло; *б* – глиняный "кирпичик"; *в* – куски обмазки, угля, шлака, железа; *г* – пахотный слой; *д* – чернозем; *е* – материк)

С железоделательными горнами можно соотнести горн, вскрытый в первой половине 70-х годов В.В. Кропоткиным и В.Е. Нахапетян, горн № 3, обнаруженный во время раскопок Историко-технической экспедицией в 1989 г., и, возможно, четыре горна, которые, по свидетельству местных жителей, были снесены во время сооружения дамбы озера. Горны представляли собой цилиндрические ямы глубиной до 0,55 м, обложенные по стенкам плитками известняка и обмазанные глиной. Диаметр ям составлял до 0,80 м. Над ними из глины сооружались невысокие наземные шахты, игравшие роль колошника, выполненные в виде венчиков сосудов. Дутье осуществлялось через сопла, последовательно – через стенку наземной шахты и через воздухопроводный канал, пробитый в земле под наклоном и выходящий к основанию горновой ямы. Горны были лишены шлаковыпуска и, таким образом, относились к типу многоразового использования без шлаковыпуска. Судя по рабочему объему

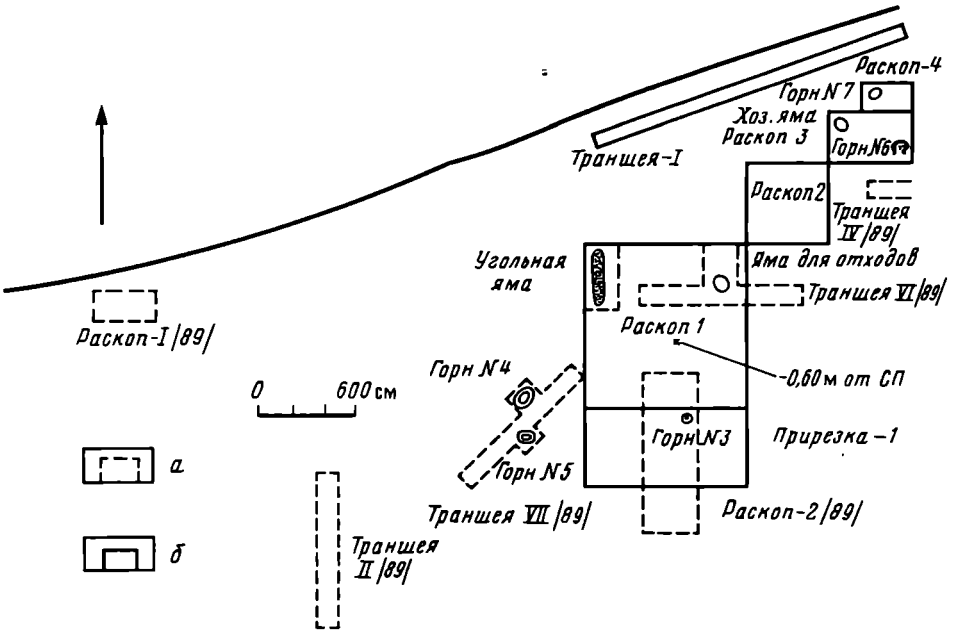


Рис. 7. с. Синица Христиновского р-на Черкасской обл., поселение Синица I. Общий план участков, исследованных на территории производственного пункта Синица I (*а* – исследования 1988–1989 гг.; *б* – исследования 1990 г.)

(около 0,30 м^3), производительность этих горнов могла достигать 10–15 кг железа за одну плавку (при 25–30% выхода железа из руды)[3].

Наряду с горнами для добычи железа на поселении Синица I были выявлены и горны для его обработки. К выводу о том, что эти горны связаны с кузнечной обработкой железа, нас приводят следующие обстоятельства. Во-первых, в археологическом отношении древние кузнечные горны представляли собой чаще всего развалы из обожженной глины, золы и угля с малым количеством шлаков, перекрывающие простые углубления в земле. По этнографическим материалам, в более позднее время наиболее примитивные кузнечные горны устраивались путем выкладывания кирпичами земляных ям. Иногда эти ямы имели возвышающиеся глинобитные стенки (Колчин Б.А., 1953, с. 56, 57).

Остатки, связанные с горнами № 4, 5, 6 и 7, в принципе соответствуют всем этим вышеперечисленным признакам, позволяющим идентифицировать их как кузнечные горны. В горнах, как и рядом с ними, было обнаружено небольшое количество железных шлаков, глиняные "кирпичики", которыми выкладывались стенки, бесформенные кусочки окисленного железа, тигель с налипшим с внутренней стороны шлаком. В реконструированном виде эти горны представляются нам как круглые или прямоугольные в плане ямы. Диаметр круглых ям достигал 1,5 м, а глубина – 0,5 м. В некоторых случаях (горны № 4 и 5) основания и стенки ям просто обмазывались слоем глины толщиной до 10 см. Устройство горнов № 6, 7 было более сложным. При их сооружении в земле выкапывалась круглая, диаметром до 1,5 м яма с ровными стенками и дном. С одной стороны яма оборудовалась устьем, под наклоном выходящим ко дну ямы. Стенки ямы обкладывались глиняными "кирпичиками", имеющими прямоугольную форму, длиной несколько более 10 см, высотой 6 и толщиной 5–6 см. Поверх этих "кирпичиков" наносился слой глиняной обмазки толщиной до 5 см, причем во многих случаях куски этой обмазки сохранили следы пальцев, что позволяет предположить, что заглаживание не производилось. Горны имели наземную часть. Эта наземная часть, судя по остаткам, была невысокой – до 30 см. Выполнена она была

[3] Методику определения производительности древних сыродутных горнов см.: Недопако Д.П., Паньков С.В., 1983.

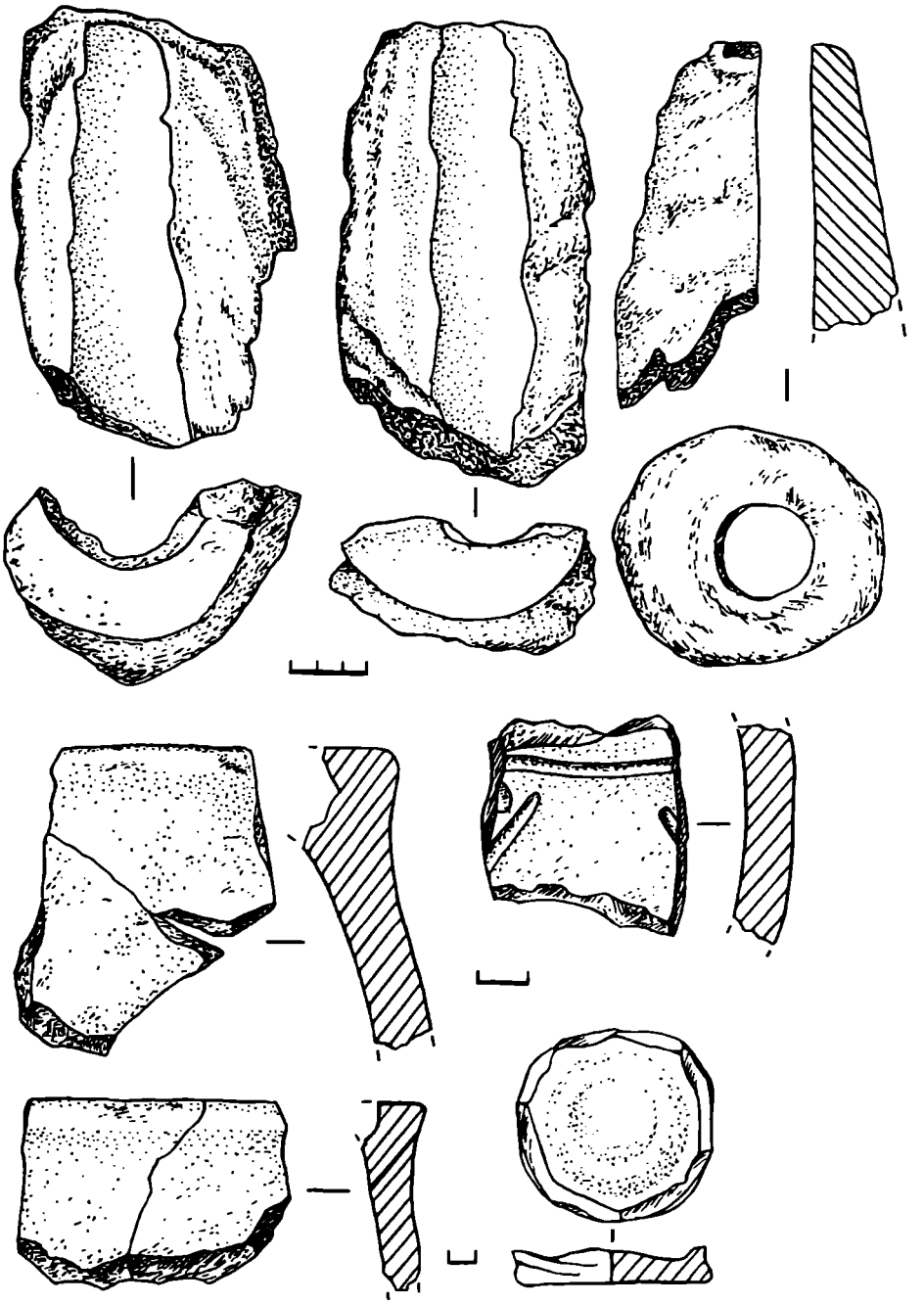


Рис. 8. Фрагменты глиняных сопел и образцы лепной керамики из раскопок производственного центра Синица I

очень оригинально – в виде венчика сосуда, слегка отогнутого наружу и заглаженного. В ряде случаев эти "венчики" имели даже характерные налепы-украшения. Дутье в горны осуществлялось при помощи мехов через массивные огнеупорные сопла. В реконструированном виде эти сопла представляли собой конические трубки длиной до 25 см и толщиной стенки до 2,5 см. Диаметр канала в рабочей части сопла имел 2,5 см, а в его "хвостовой" части – 7 см (т.е. канал также был конусовидным). По составу формовочной массы сопла изготавливались из неожелезненной (каолиновой) глины с примесью кварцевого песка, мела и органики. Из такой же глины изготавливались обмазки, "кирпичики" и колошниковая часть горна (определение формовочной массы выполнено А.А. Денисовой) (рис. 8).

Обращает на себя внимание то, что при раскопках поселения Синица I практически не было найдено не только кузнечных орудий, но и изделий из металла. Кроме того,

расположение кузнечных горнов вне помещений, т.е. без устройства кузниц, не характерно для кузнечного производства. Все это требует объяснения, которое невозможно без анализа общей ситуации, сложившейся в окрестностях расположения современного г. Умань около двух тысячелетий тому назад и связанной с развитием черной металлургии в этом регионе.

Полевые археологические исследования, проводившиеся в районе г. Умань, в том числе и Историко-технической экспедицией ИА НАН Украины, показали, что начало развития металлургии железа здесь можно связывать с племенами белогрудовской культуры (Тереножкін О.І., 1951, с. 173–182). В конце 70-х – начале 80-х годов в этом же районе был открыт и частично исследован крупнейший центр железодобычи первой четверти I тыс. н.э. типа Новоклиново-Свентокшисы, оставленной племенами позднезарубинецкого времени (Паньков С.В., 1982, с. 201–213). Собственно, в конструкционном плане горны рабочих площадок Уманского центра мало чем отличались от тех, что были исследованы на производственном центре Синица I. И те, и другие состояли из углубленного в землю котлована и невысокой наземной шахты, выполнявшей роль колошника. Однако если горны с рабочих площадок предназначались для одноразового использования, то горны поселения Синица I использовались многократно, для чего и производилась усиленная изоляция земляных стенок котлована (обкладка плитками известняка с последующей обмазкой глиной) от контактирования с расплавленными шлаками с целью их предохранения от разрушений при выемке шлака и освобождения рабочего объема горна для последующих плавок. В первом случае стенки котлованов просто обмазывались тонким слоем глины.

В настоящее время из экстенсивных центров железодобычи, действовавших на территории древней Европы, наиболее известными являются Свентокшиский в Малопольше (датируется позднелатенским – римским временем) (Bielenin K., 1974, с. 1–279), Новоклиновский в украинском Закарпатье (позднелатенское время) (Бідзіля В.І., 1970, с. 32–48), Житомирский в Восточной Волыни и Уманский в Центральной Украине (позднезарубинецкое время) (Паньков С.В., 1992, с. 192–197; 1993, с. 53–55). Анализ остатков, связанных с экстенсивной железодобычей, проведенный зарубежными и отечественными исследователями и касающийся условий их организации и деятельности, привел к следующим основным выводам.

1. Центры экстенсивной добычи железа организовывались на периферии крупных политических образований, достигших или переступивших порог государственности, с достаточно развитой структурой производства, внутри- и внешнеэкономических связей и действовали в условиях товарного производства, предполагающего отделение черной металлургии не только от металлообработки, но и от других видов хозяйственной деятельности.

2. Основным потребителем продукции этих центров являлись племена и народы, втянутые сначала в орбиту кельтской экономической и политической экспансии (Новоклиновский центр), а потом европейской провинциально-римской системы (Свентокшиский, Житомирский, Уманский центры).

3. Разделение таких производств, как металлургия и металлообработка в условиях товарного производства железа вело к организации отдельных металлодобывающих, кузнечных центров, что подтверждается археологическими данными (Бидзиля В.И. и др., 1983, с. 52–76)[4].

---

[4] Отметим, что в металлообрабатывающих центрах, в частности на поселении Галлиш-Ловачка, также в небольших количествах фиксируется присутствие железодобычи, что в общем не противоречит этому тезису. Добыча железа на металлодобывающих комплексах типа Новоклиново-Свентокшисы, которые были вынесены за пределы мест постоянного обитания мастеров-металлургов, осуществлялась в теплое время года и в связи со своей масштабностью была непосредственно привязана к источникам сырья. Как свидетельствуют исторические и этнографические данные, металлодобыча, осуществлявшаяся в местах постоянного обитания древнего населения, производилась в холодное время года и ее наличие в нашем случае могло быть вызвано какими-либо собственными "сиюминутными" и непосредственными потребностями местного населения в металле.

Последний вывод, в частности, основан на изучении Новоклиновского центра черной металлургии, где было выяснено, что железодобыча осуществлялась на рабочих площадках, вынесенных за пределы мест постоянного обитания ремесленников-металлургов, а кузнечная обработка железа происходила на поселении Галлиш-Ловачка – крупном металлообрабатывающем и торговом центре латенских племен последней четверти I тыс. до н.э. (Бідзіля В.І., 1964, с. 92–143).

Сходная ситуация наблюдается и в районе Умани. Только здесь она касается племен позднезарубинецкого времени. Керамический комплекс, который был обнаружен как на рабочих площадках Уманского центра, так и на производственном комплексе Синица I и поселении Синица II, где, собственно, по-видимому, и располагались жилища металлургов и кузнецов, свидетельствует о том, что эти памятники синхронны и были оставлены одним и тем же населением. Таким образом, можно предположить, что в кузнечных горнах производственного комплекса Синица I обрабатывалось железо, добытое также на рабочих площадках Уманского центра, ближайшие из которых располагались не далее чем в 10 км к востоку от производственного центра Синица I и поселения Синица II. Однако тот факт, что в объектах и культурном слое исследовавшегося памятника Синица I не было обнаружено не только кузнечных орудий, но и изделий из железа (за исключением бесформенных, окисленных кусочков железа), а сами горны находились на открытой поверхности (кузницы не устраивались), заставляет думать, что в них производилась предварительная проковка железа с целью формирования товарных криц. Возможно, эти крицы, а также сами изделия будут обнаружены при раскопках поселения Синица II. Несомненно, полевые исследования этого поселения дадут важный и интересный материал, который позволит реконструировать быт и культуру древних металлургов-кузнецов. Судя по всему, они снабжали железом значительную часть окружающего населения и, возможно, имели тесные на этой базе контакты с племенами и народами, обитавшими в северопричерноморских степях и на побережье Черного моря, где остатки металлургии железа выявляются в очень незначительных количествах.

Выявленный керамический комплекс пока не позволяет связывать поселение Синица II и производственный центр Синица I с черняховской культурой и заставляет относить их к кругу племен позднезарубинецкого времени, возможно, самого его конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.В., 1972. Металл черняховской культуры. М.

Бідзіля В.І., 1964. Поселення Галіш-Ловачка // Археологія. Вип. 17.

Бідзіля В.І., 1970. З історії чорної металургії Карпатського узгір'я рубежу нашої ери // Археологія. Вип. 24.

Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В., 1983. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). Киев.

Бидзиля В.И., Паньков С.В., 1990. Отчет о работе Историко-технической экспедиции в 1988–1989 гг. // НА ИА НАН Украины. Ф. 1989/32.

Гопак В.Д., Хавлюк П.І., 1972. Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя // Археологія. Вип. 6.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка Древней Руси // МИА. Вып. 32.

Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е., 1976. Новый центр железоделательного производства III–IV вв. н.э. в бассейне Южного Буга // СА. № 3.

Недопако Д.П., Паньков С.В., 1983. О масштабах производства железа на Лютежском центре черной металлургии первой четверти I тыс. н.э. // Новые методы археологических исследований. Киев.

Паньков С.В., 1982. О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // СА. № 4.

Паньков С.В., 1992. Металлургия железа у племен Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н.э. // СА. № 1.

Паньков С.В., 1993. Чорна металургія населення Українського лісостепу (перша половина I тис. н.е.). Київ.

Паньков С.В., Недопако Д.П., 1991. Отчет о работе Историко-технической экспедиции в 1990 году // НА ИА НАН Украины. Ф. 1990/32.

Пачкова С.П., 1974. Господарство східнеослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ.

Тереножкін О.І., 1951. Поселення білогрудівському типу біля Умані // Археологія. Вип. 5.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Bielenin K., 1974. Starożythe gornictwo i hutnictwo żelaza w Gorach Swiętokrzycich. W.; K.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

S.V. PAN'KOV, D.P. NEDOPAKO

THE SETTLEMENT AND THE PRODUCTION CENTRE OF THE LATE ZARUBINTSY PERIOD NEAR THE VILLAGE OF SINITSA

Summary

The paper describes the results of field researches at the pre-Scythian sites discovered near the village of Sinitsa, Khristinovsky district, Cherkassy region, Ukraine. The artefacts found are of importance for the characteristic of the early smith's and metallurgical centre studied there. The material remains investigated enable the authors to reconstruct iron-smelting furnaces and also smith's furnace which are in fact the earliest devices of that type known up to now in the territory of forest-steppe Ukraine. The authors suggest to connect the existence of the site in question with the functioning of the Unansk centre of extensive iron mettallurgy which supplied with bloomery iron the population of North Pontic area and the Black Sea shores during the Roman period.

Н.А. МАКАРОВ, И.Е. ЗАЙЦЕВА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ.

МОГИЛЬНИК МИНИНО II НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

В конце 1970-х годов археологи из Москвы, Санкт-Петербурга и Вологды почти одновременно обнаружили в различных районах Архангельской и Вологодской областей (за пределами основного ареала древнерусских курганов, где ранее почти не было известно каких-либо погребальных памятников эпохи средневековья), серию грунтовых могильников XI–XIII вв. Раскопки этих памятников стали началом заполнения обширного белого пятна на археологической карте Европейского Севера и впервые открыли перспективу для изучения культурной ситуации и истории освоения в эпоху средневековья громадных пространств между Белым озером и р. Сухона на юге и Беломорьем на севере. Присутствие в различных районах Севера (Белозерье, Каргополье, южная часть Поонежья, бассейн Ваги, Пинега, Терской берег Белого моря) грунтовых могильников, несколько различающихся по обряду и набору погребального инвентаря, но обладающих также заметными чертами сходства, породило убеждение, что эти памятники имеют на севере самое широкое распространение и со временем будут выявлены на всей его территории.

Последующие полевые работы показали, что эти представления должны быть существенно скорректированы. На территории Европейского Севера России между Онежским озером и Пинегой зафиксировано в настоящее время около 50 грунтовых могильников X–XIII вв. (Макаров Н.А., 1997, с. 27–30). Во многих районах эти памятники не выявлены, несмотря на самые тщательные поиски. Их отсутствие может быть объяснено различными факторами. Во-первых, есть основание полагать, что колонизация, сопровождавшаяся устройством постоянных поселений, во многих районах Севера началась сравнительно поздно – вплоть до XIV в. в целом ряде областей могло не быть оседлого населения. Во-вторых, в ряде районов погребальные памятники XI–XIII вв. могли быть полностью уничтожены многолетней распашкой, мощными паводками или перекрыты поздними деревенскими кладбищами, делающими их практически недоступными для археолога. Наконец, не стоит упускать из виду, что грунтовые могильники, не имеющие наземных признаков, трудно выявить даже опытному разведчику: так, например, не удалось обнаружить могильники, соответствующие целому ряду белозерских селищ XI–XIII вв., хотя существование здесь погребальных памятников вблизи поселений более чем вероятно. Так или иначе, перечень средневековых северных некрополей, стремительно выросший за 1970–1980-е годы, сейчас пополняется медленно. Карта могильников, составленная в 1994 г. (Макаров Н.А., 1997), может быть дополнена лишь несколькими точками (рис. 1): могильником Нефедово на Лозско-Азатском озере, исследованным А.В. Кудряшовым (Кудряшов А.В., 1995), могильником Кубенское, открытым в ходе случайных земляных работ и позднее обследованным И.Ф. Никитинским (Никитинский И.Ф., 1996), могильником Пружинино в верхнем течении Шексны, обследованным одним из авторов (Макаров Н.А., Захаров С.Д., 1995). Но, несомненно, наиболее интересный погребальный

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 96-06-80287.

© Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева, 1999 г.

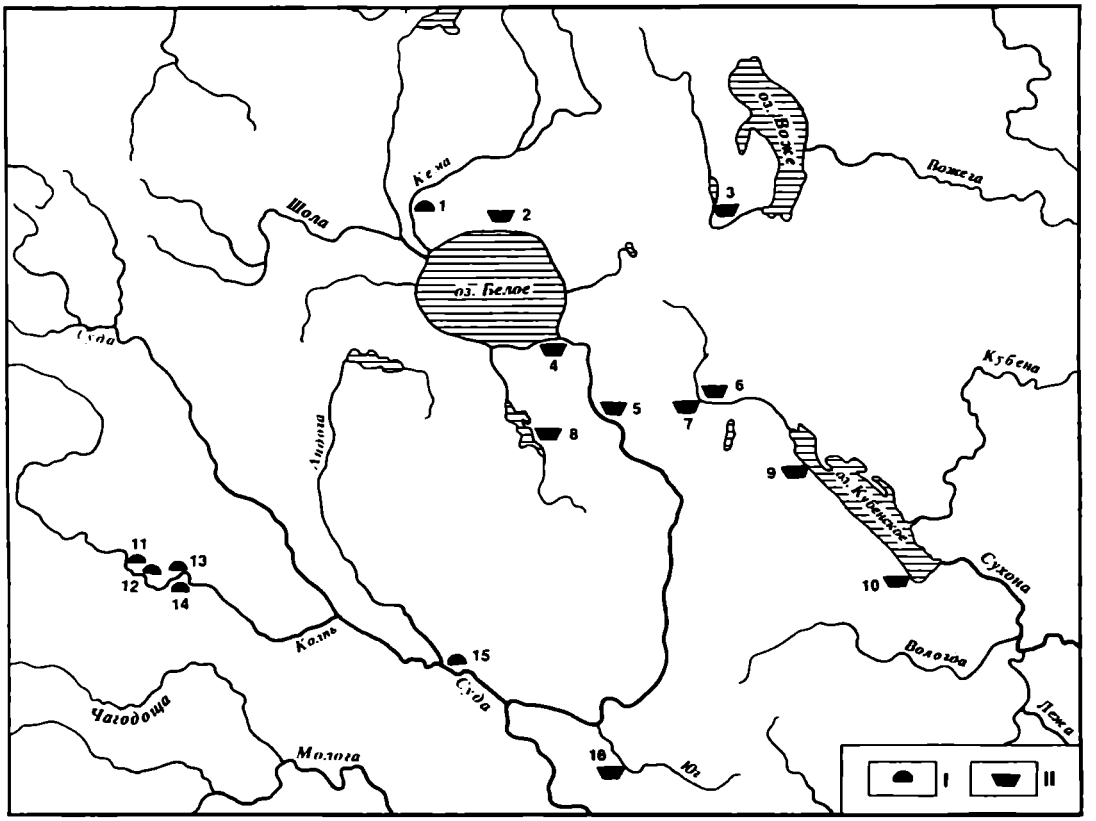


Рис. 1. Погребальные памятники XI–XIII вв. в Белозерско-Кубенозерском регионе. *1* – Никольское III; *2* – Киснема (Троицкое I); *3* – Погостище; *4* – Крохинские Пески; *5* – Пружинино; *6* – Нефедьево I; *7* – Шуйгино; *8* – Нефедово; *9* – Минино II; *10* – Кубенское; *11* – Новинки I; *12* – Новинки II; *13* – Ярцево; *14* – Володино; *15* – Кривец; *16* – Минино на Юге. I – Курганные могильники; II – грунтовые могильники

памятник из числа открытых на Севере в последние годы – могильник Минино II на Кубенском озере.

Могильник находится на западном берегу Кубенского озера в устье р. Дмитриевка, где расположена группа разновременных археологических памятников, в том числе крупное по северным меркам поселение Минино I со средневековым культурным слоем, залегающим на площади 1,4 га. В ходе раскопок 1996–1997 гг. здесь вскрыта площадь около 100 м^2 с достаточно мощными средневековыми напластованиями, перекрывающими более ранний культурный слой эпохи камня, бронзы и раннего железа. В слое эпохи средневековья содержатся остатки построек, многочисленный бытовой инвентарь и украшения XI–XIII вв. Могильник размещается в 200 м к западу от поселения, выше по течению Дмитриевки, на том же левом берегу. Его площадка находится на 5-метровой береговой террасе, вплотную примыкающей к реке. Раскоп был заложен в том месте, где берег размывается и в обрыве встречаются кости из разрушенных погребений. В раскопе площадью около 100 м^2 исследовано шесть погребений по обряду ингумации (рис. 2; 3; 4) и поминальный комплекс.

На площадке могильника под дерном был зафиксирован слой серо-коричневого гумусированного песка толщиной 20–30 см, сформировавшийся в результате многовековой распашки. Слой содержал кремневые орудия и отщепы, немногочисленные фрагменты поздней круговой, а также средневековой лепной и круговой керамики, несколько железных гвоздей, отдельные фрагменты костей человека и обломки средневековых украшений, происходящих из потревоженных распашкой погребений.

Залегавший ниже материк – плотный желтый песок – был прорезан целым рядом ям, различавшихся по форме и составу заполнения. Пять ям можно отнести ко времени функционирования могильника, остальные, по-видимому, связаны с хозяйствен-

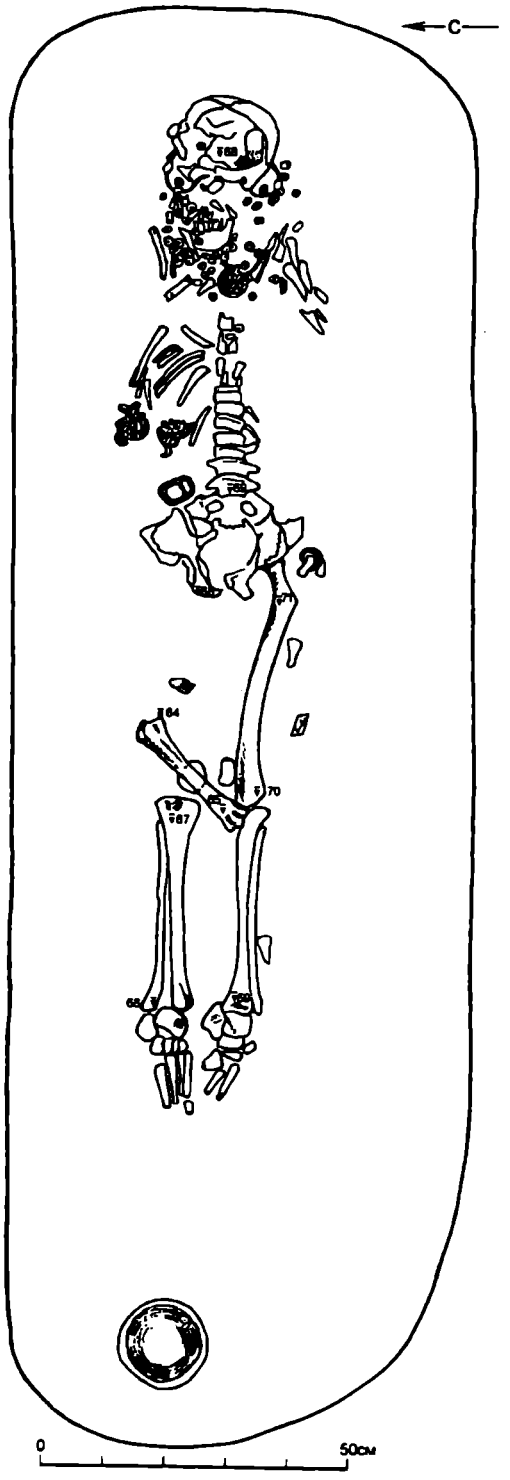


Рис. 2. Могильник Минино II. Погр. 1

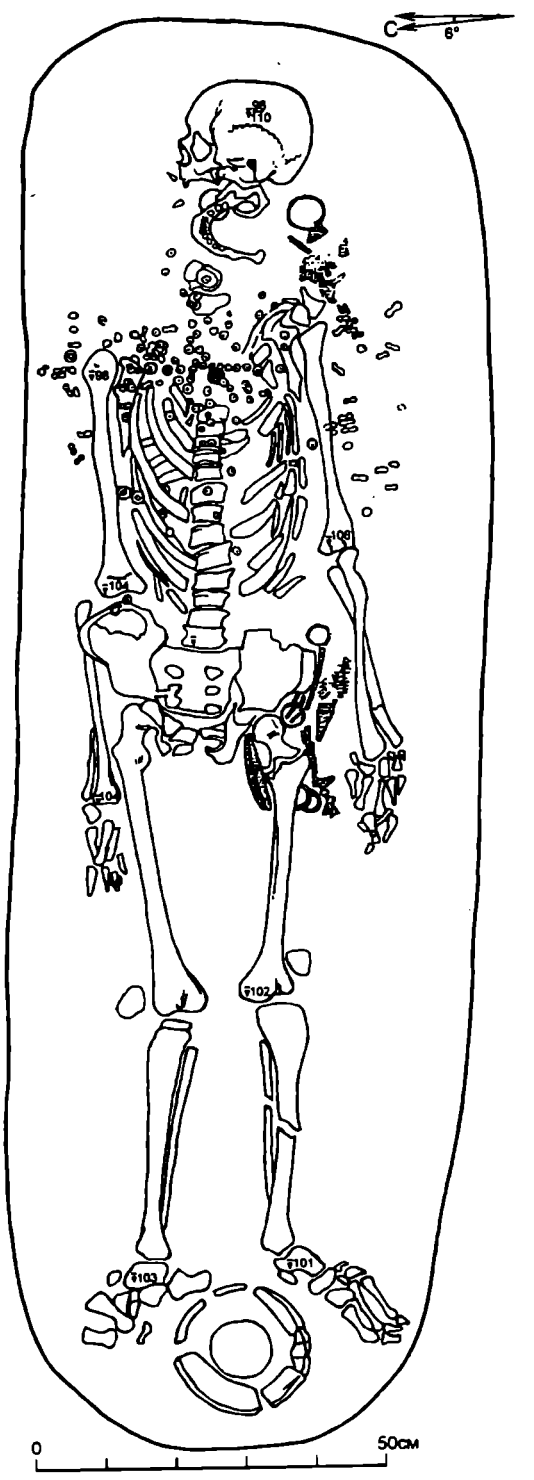


Рис. 3. Могильник Минино II. Погр. 4

ной деятельностью более позднего времени. Гумусированный грунт, составлявший придонную часть заполнения одной из ям, датирован радиоуглеродным методом, возраст его 565±53 В.Р. (калиброванная дата 1314–1348, 1390–1426 A.D., ЛЕ, N5323).

Два погребения – детское (№ 5, ребенок 5–6 лет) и женское (№ 6, 35–45 лет[1]) были полностью нарушены перекопами и представляли собой скопления костей, лежащих без анатомического порядка. Возможно, с этими погребениями связаны отдельные

[1] Определение антропологических материалов произведено канд. ист. наук А.П. Бужиловой.

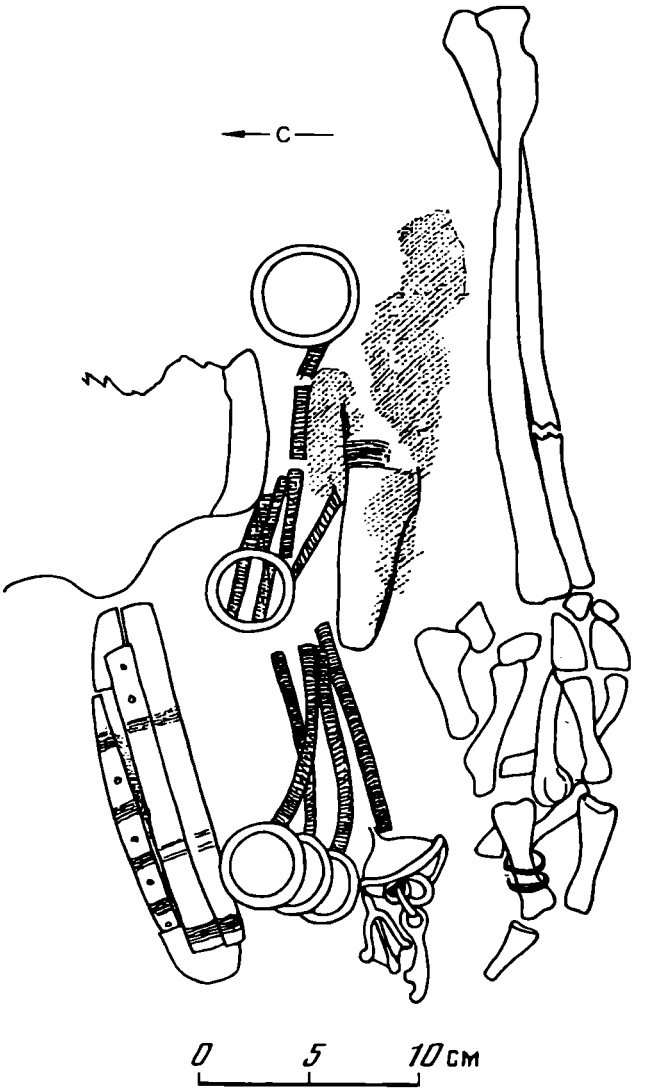


Рис. 4. Могильник Минино II. Погр. 4. Деталь. Поясная привеска

находки из пахотного слоя – проволочные разомкнутые биллоновые височные кольца с приостренными концами (целое и фрагментированное), сланцевый оселок, бронзовая спиральная пронизка из плосковыпуклой ленты, линейнопрорезной шарообразный бубенчик с тройным пояском из золотистой бронзы (рис. 5, *10–12*). Еще одно погребение (№ 2) представляло собой могильную яму глубиной 15–20 см правильной прямоугольной формы размерами 244 × 89 см без каких-либо костных остатков.

Три погребения остались ненарушенными. Все они имели восточную ориентировку, руки погребенных были вытянуты вдоль тела и лежали в области таза. В двух погребениях кости имели неудовлетворительную сохранность, часть костей истлела, в третьем (№ 4) сохранность костных остатков была хорошей.

Погребение 1 расчищено на контакте пахотного слоя и материка (рис. 2). Размеры пятна могильной ямы составляли 226 × 78 см. Погребенная была женщиной 50–60 лет. В области ее висков находилось два биллоновых ромбощитковых завязанных на одну сторону височных кольца с тремя и четырьмя небольшими скругленными щитками, на каждом из которых было оттиснуто по четыре жемчужины, разделенных зубчатой линией (рис. 5, *1–2*).

На шее погребенной было надето ожерелье из 46 стеклянных и 5 янтарных бусин и одной биллоновой зонной пронизки (рис. 5, *4*), в центре которого находилась круглая

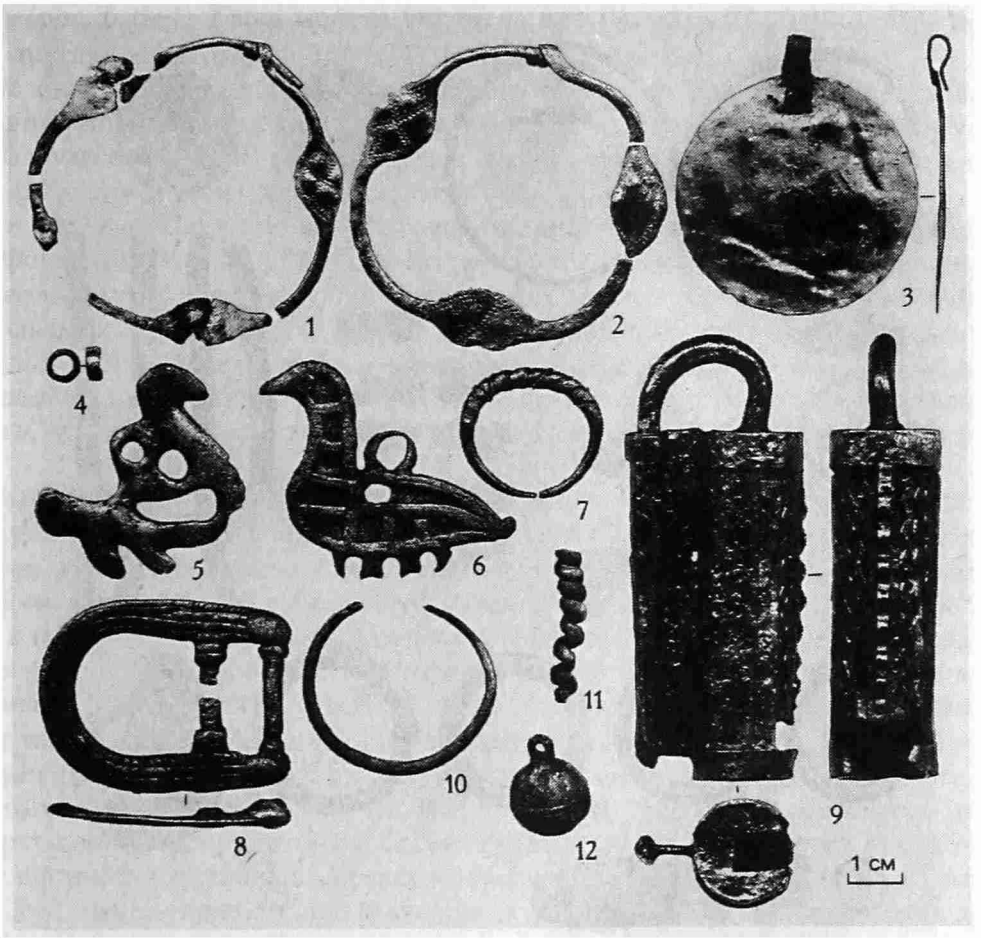


Рис. 5. Могильник Минино II. Погр. 1. *1–8* – погребальный инвентарь; *9* – поминальный комплекс; *10–12* – находки в пахотном слое, *1–8*, *10–12* – цветной металл, *9* – железо

тисненая бронзовая луженая (?) подвеска (рис. 5, *3*). Входящие в ожерелье стеклянные бусы представлены следующими типами: зонные с белой металлической прокладкой и желтым внешним слоем (23 экз.)[2], бирюзовые битрапецоидные (8 экз.), желтые цилиндрические (1 экз.), зеленые цилиндрические (1 экз.), коричневые треугольные (4 экз.), черные бочонковидные с орнаментом из белых или желтых пересекающихся полос (6 экз.), черные ребристые со сплошной волнистой инкрустацией (1 экз.) (одна бусина полностью расстеклована, и определить ее тип невозможно). В погребении также обнаружена одна цилиндридическая рубленая обгорелая бусина.

Выше таза обнаружены две подвески-уточки: плоская прорезная бронзовая (группа I, тип I, вариант 1А по Е.А. Рябинину) и плоская с рельефным орнаментом биллоновая (группа I, тип V по Е.А. Рябинину; рис. 5, *5,6*) (Рябинин Е.А., 1981, с. 18, 19). Обе подвески, скорее всего, были нагрудными и подвешивались на шнурках. В области таза располагалась бронзовая поясная пряжка с рельефным орнаментом (рис. 5, *8*). Овальной формы пряжка выполнена по выплавляемой модели. Модель, имитирующая восковое вязание, вырезана из целой пластины воска и затем дополнительно украшена восковыми налепами.

На пальце левой руки находился дротовый рубчатый перстень, обмотанный двумя сканными проволочками (рис. 5, *7*). В ногах погребенной стоял круговой сосуд, внутри которого находились кости животного.

Под погр. 1 была расчищена еще одна могильная яма размерами 205 × 68 см, на дне

[2] Авторы признательны И.Н. Кузиной за консультации по атрибуции и хронологии бус.

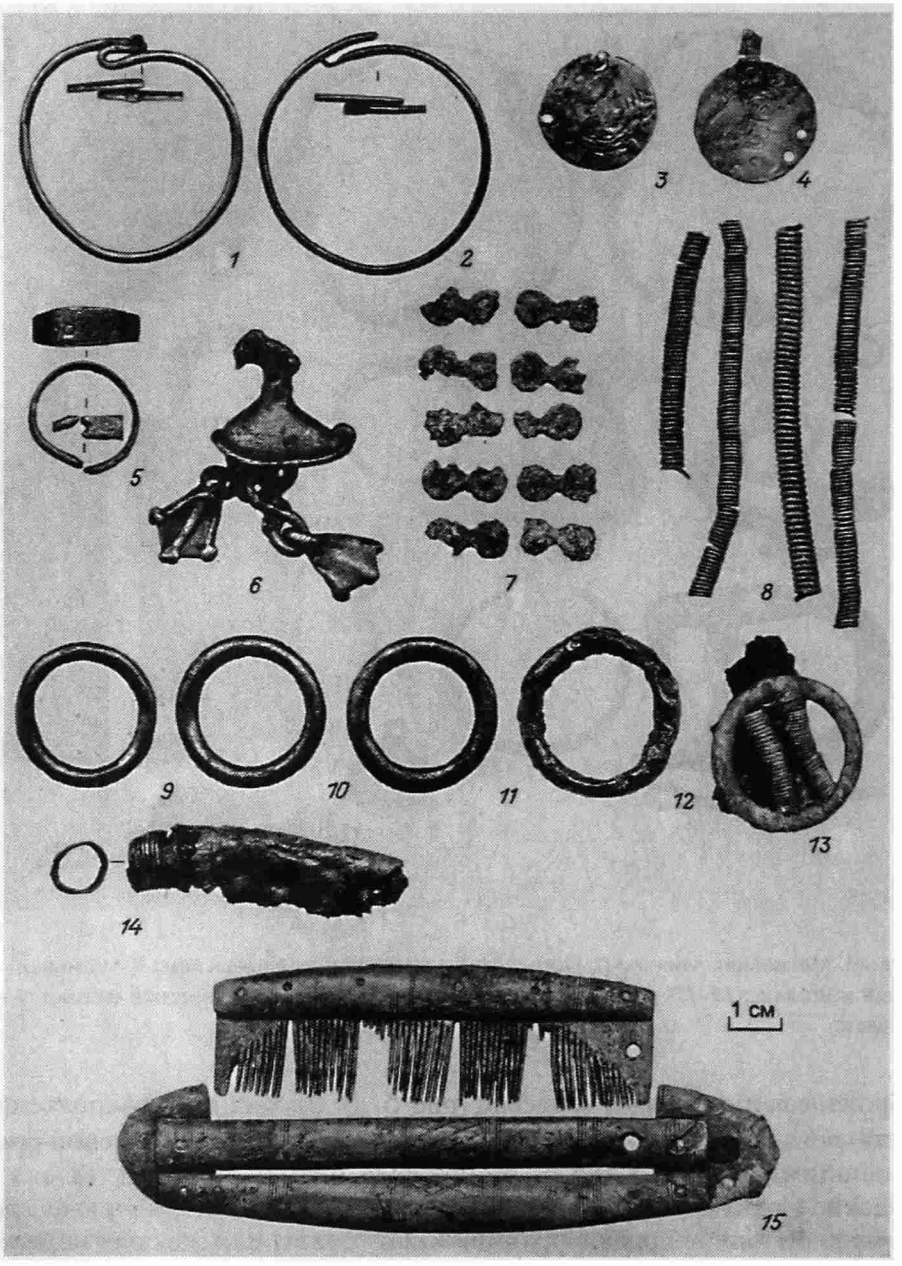


Рис. 6. Могильник Минино II. Погр. 4. Погребальный инвентарь. *1* – *13* – цветной металл, *14* – железо, *15* – кость

которой, на 37 см ниже погр. 1, обнаружен костяк, принадлежащий женщине 35–45 лет (погр. 4) (рис. 3).

Погребение 4. У черепа погребенной (на уровне нижней челюсти) справа и слева располагалось по биллоновому проволочному височному кольцу среднего диаметра (рис. 6, *1,2*). У одного кольца конец был свернут в спираль, у другого отогнут и образовывал петлю (тип эсконечные). Ниже кольца, лежащего слева у черепа, находилось восемь круглопроволочных спиральных пронизок, которые, вероятно, были подвешены к нему на двух шнурках по четыре на каждом. Поверх пронизок расчищены остатки органики от войлочного (?) головного убора.

На шее погребенной было ожерелье, состоящее из 27 стеклянных бусин, 17 из них – с белой металлической прокладкой и верхним слоем желтого стекла, 5 – настоящие золотостеклянные бусы, 3 – синие зонные, одна – двухчастная лимоновидная пронизка и одна черная "треугольная" бусина. В центре ожерелья находились две подвески из

денариев (рис. 6, *3–4*). Одна монета чеканена при Генрихе III (1039–1056), тип 1046–1056 гг., другая – при Конраде II (1024–1039) или Генрихе III[3].

Кроме описанного, на погребенной было еще одно ожерелье, представляющее собой длинную, несколько раз обернутую вокруг шеи нитку, на которую были довольно плотно нанизаны кольцевидные бусы из стекла молочно-белого цвета (всего собрано 122 целых бусин и их фрагментов).

Вокруг лучевых костей обеих рук располагались оловянно-свинцовые бляшки очковидной формы (рис. 6, *7*). Они концентрировались в верхней части рук, примерно в равных количествах около каждой. Сохранность бляшек довольно плохая, и многие из них рассыпались на фрагменты: всего собрано 55 целых и фрагментированных бляшек. Хотя большинство бляшек и было смещено со своего первоначального положения, около левой руки зафиксирован ряд из лежащих вплотную экземпляров. Можно предположить, что этими бляшками была расшита верхняя часть рукавов одежды погребенной.

На пальце правой руки погребенной был надет пластинчатый широкосрединный разомкнутый биллоновый перстень с циркульным орнаментом (рис. 6, *5*). На пальце левой руки находилось колечко, сделанное из тонкой бронзовой луженой проволоки.

В районе пояса с левой стороны чуть выше таза располагалось железное поясное кольцо, к которому была прикреплена конструкция, состоящая из висящих на шнурах подвесок (рис. 4). Часть шнуров была украшена бронзовыми круглопроволочными спиральными пронизками (рис. 6, *8*). Судя по тому, что вся конструкция расчищена под костями таза и ног, первоначально она висела сзади на боку. К железному кольцу было привязано не менее трех шнуров, которые в нижней части крепились к бронзовому кольцу диаметром 2,9 см. Внутри кольца, в середине, на шнурах, обмотанных сверху и снизу вокруг кольца, были вертикально привязаны три бронзовые спиральные пронизки (сохранились бронзовые окислы, окружавшие полностью истлевшие шнуры), так что на заднем плане было две, а на переднем в середине – одна пронизка (рис. 6, *13*). Вероятно, эта конструкция должна была имитировать поясную подвеску с вертикальным стержнем внутри и петлями для подвешивания внизу.

К нижней части кольцевидной подвески также крепились шнуры со спиральными пронизками. Снизу к ним были привязаны три бронзовых поясных кольца (рис. 6, *9–11*) и бронзовая полая подвеска-уточка (группа VI, тип XVIII, вариант 3 по Е.А. Рябинину; рис. 6, *6*) (Рябинин Е.А., 1981, с. 37) с двумя лапчатыми привесками на восьмеркообразных звеньях. Можно полагать, что бронзовые кольца также должны были имитировать недостающие подвески.

К кольцу с вертикальными пронизками, вероятно, крепился на шнурке небольшой узколезвийный железный нож с обмоткой из бронзовой проволоки в месте перехода от лезвия к рукояти (рис. 6, *14*). Нож находился в кожаных, проложенных берестой ножнах. Ножны были орнаментированы ромбическим тиснением и имели по краю перфорацию, прошитую тонкой бронзовой лентой. В один ряд с уточкой и кольцами под большой берцовой костью левой ноги лежала костяная односторонняя наборная расческа в футляре с орнаментом из перекрещивающихся ромбов (рис. 6, *15*). Расческа также была подвешена к бронзовому кольцу с вертикальными пронизками.

В нескольких местах под описанными предметами сохранились незначительные фрагменты ткани и жирный слой органики (предположительно мех), в качестве гипотезы можно допустить, что поверх простой одежды, на поясе которой крепилось украшение, на погребенной была надета теплая одежда. Возможно, на ее рукава и были нашиты оловянно-свинцовые бляшки. Дополнительный аргумент в пользу такого предположения – факт наличия войлочного головного убора.

Между стопами погребенной, развернутыми наружу, находилась нижняя часть лепного сосуда.

---

[3] Авторы признательны канд. ист. наук П.Г. Гайдукову, проведшему определение монет из погребений.

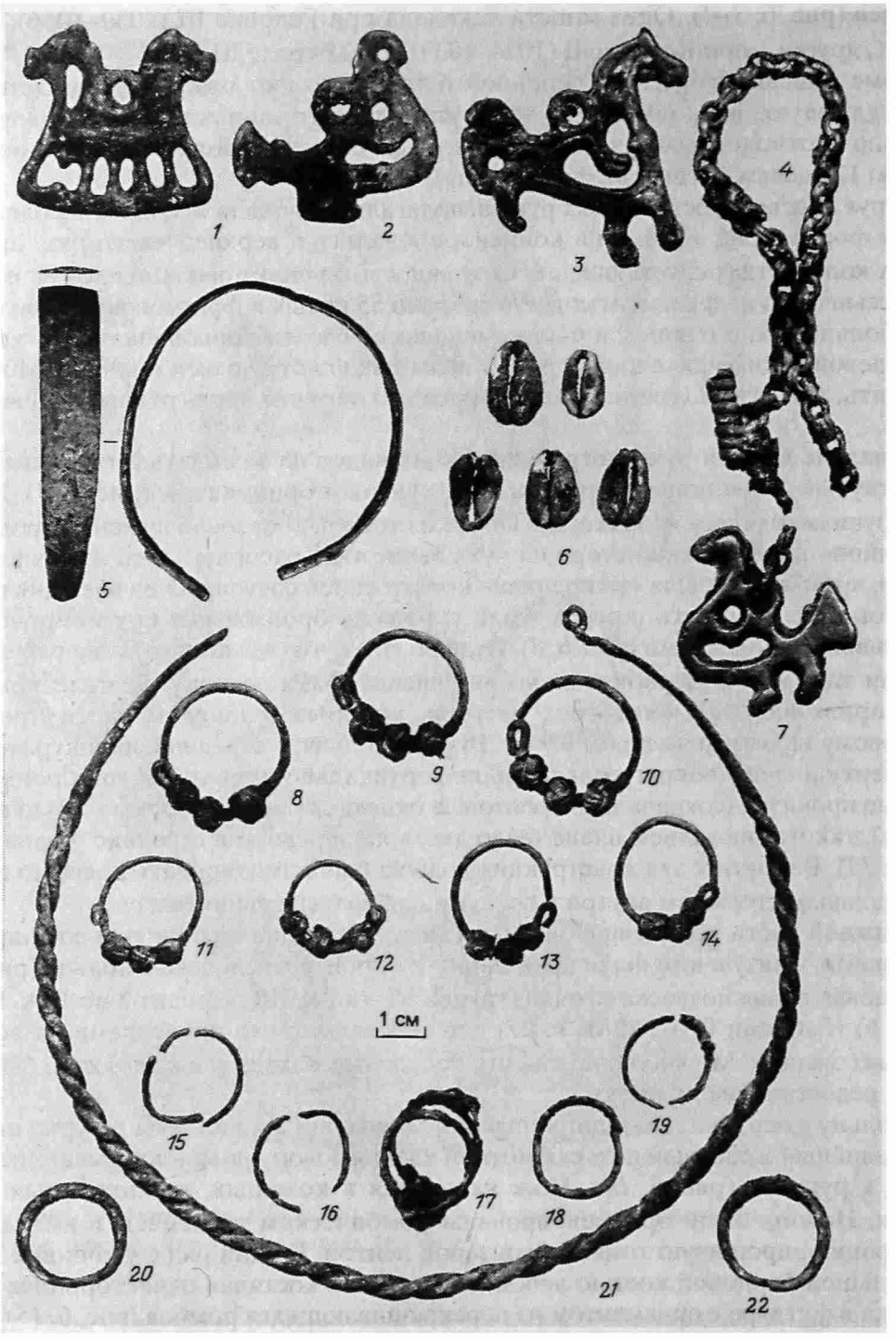


Рис. 7. Могильник Минино II. Погр. 3. Погребальный инвентарь. *1–5, 7–22* – цветной металл. *6* – раковины

Погребение 3 располагалось в могильной яме размерами 240 × 100 см глубиной около 30 см и принадлежало женщине 25–35 лет. На висках умершей слева и справа расчищено по шесть височных колец – узелковых и проволочных перстнеобразных с напущенными на них стеклянными пуговицами и стеклянными бусами (рис. 7, *9–19*). Кольца были связаны вместе в виде грозди и нашиты на ткань (очелье?).

На шее погребенной была надета биллоновая гривна, сделанная из двух перекрученных кусков дрота прямоугольного сечения (рис. 7, *21*). Диаметр гривны составляет 15 см, т.е. она плотно облегала шею.

Также на шее находилось ожерелье, состоящее из пяти раковин каури (рис. 7, *6*), чередующихся со стеклянными бусинами. Еще одна раковина каури была во рту умершей. Всего в районе нижней челюсти и шеи погребенной собрано 20 целых стеклянных бусин, из которых 6 представляют собой цилиндрические бусины бирюзового стекла с поперечными полосками черного цвета, 1 бусина черная треугольная, 2 лимоновидные трехчастные пронизки – синяя и желтая, остальные зонные зеленого и голубого стекла, часть бусин полностью расстеклована, и определить их цвет невозможно.

Кроме того, здесь же зафиксировано 27 половинок зонных бусин зеленого стекла (в тех случаях, когда цвет определим) и 350 целых и 43 обломка мелкого навитого бисера зеленого стекла. Бусины были явно преднамеренно расколоты на половинки и скорее всего нашиты на ткань. Так как костяк был перекрыт слоем сыпучего песка, первоначальное положение бусин и бисера точно определить невозможно, а поэтому сказать определенно, нашивался ли бисер на ткань вместе с половинками зеленых бусин или был нанизан на нитки, нельзя, однако рядов бисера обнаружено не было. Скорее всего, и бисер, и половинки бус украшали воротник погребенной.

На левой руке женщины выше запястья был надет пластинчатый бронзовый браслет с сужающимися концами, оформленными в виде звериных морд (рис. 7, *5*). Сверху на браслете зафиксированы отпечатки ткани редкого плетения (рядины). Известно, что из такой ткани специально ткали полотенца на свадьбу и смерть (Сабурова М.А., 1997, с. 96). На пальцах обеих рук – перстни: на правой рубчатый с заходящимися концами, на левой – круглодротовый разомкнутый, утолщающийся в средней части (рис. 7, *20, 22*).

В области таза, рядом с кистью левой руки, расчищены подвески, крепившиеся к поясу на сложенной пополам бронзовой цепочке длиной 20 см (рис. 7, *4*). На цепочке на плоском кольце овальной формы была закреплена биллоновая уточка (тип I, вариант 1А по А.Е. Рябинину; рис. 7, *7*) и на другом конце – два биллоновых конька (тип XIII, вариант 2 и тип VII, вариант 3 по А.Е. Рябинину) (Рябинин Е.А., 1981, с. 15, 21, 27, 28, рис. 7, *1, 3*). У одного из коньков на каком-то этапе тиражирования одна задняя нога не отлилась и была полностью зашлифована, в результате чего конек получился трехногим (редуцированная задняя нога была у конька этого же типа из погр. 48 могильника Нефедьево). На отдельном шнуре с бронзовыми спиральными пронизками из плосковыпуклой ленты была подвешена плоская прорезная бронзовая подвеска-уточка (группа I, тип I, вариант 2 по А.Е. Рябинину) (Рябинин Е.А., 1981, с. 15, 16, рис. 7, *2*). Здесь же расчищены железный нож с остатками деревянной рукояти и двусторонний костяной гребень очень плохой сохранности с линейным орнаментом.

Около левой ноги погребенной находился развал лепного сосуда.

Недалеко от погребений обнаружен поминальный комплекс – яма в материке размером 2,16 × 370 см, глубиной 50 см с серым гумусированным заполнением и более темным пятном гумусированного грунта в центре. В границах этого пятна найдены несколько неопределимых костей животного, два зуба и две целых нижних челюсти коровы и запертый железный замок типа Б (рис. 5, *9*).

Набор бус из погр. 1, включающий многочисленные бусы из некачественного желтого стекла с металлической прокладкой, бирюзовые битрапецоидные и черные заглушенные бочонковидной формы с орнаментом из белых или желтых пересекающихся полос должен быть отнесен к XII в. Цилиндрические рубленые бусы характерны для X – начала XI в., однако встречаются и в более позднее время – вплоть до 1160-х годов (Лесман Ю.М., 1984, с. 139). XII в. датируются и обе подвески-уточки (Макаров Н.А., 1990, с. 70, 71). К первой половине XII в. относятся завязанные ромбощитковые кольца с небольшими скругленными щитками и жемчужным орнаментом, известные по находкам в Костромском и Ивановском Поволжье (Рябинин Е.А., 1986, с. 56, 57). Таким образом, комплекс погребения должен быть датирован первой половиной XII в.

Набор бус из погр. 4, включающий настоящие золотостеклянные бусы без каймы, относится к XI в. Бытование костяных односторонних расчесок в Новгороде ограничено 70-ми годами XI в. Серединой этого столетия датируются денарии, из которых сделаны подвески к ожерелью. По совокупности находок погребение должно быть датировано второй половиной XI в., однако учитывая, что в ту же могильную яму позднее был впущен комплекс первой половины XII в., логично предположить, что погр. 4 было совершено в самом конце XI или на рубеже XI–XII вв.

Комплекс бус погр. 3 с трехчастными лимонками X–XI вв., цилиндрическими бирюзовыми бусами второй половины XI – начала XII в. и зелеными зонными бусами XI в. должен быть отнесен к XI – началу XII в. Зооморфные подвески типа III варианта 2 и типа VII варианта 3 по Е.А. Рябинину появились не ранее начала XII в., подвески типа I варианта 2 Е.А. Рябинин относит к концу XI–XII в. В целом комплекс может быть датирован рубежом XI–XII – началом XII в. К XI–XII вв. относятся и другие предметы, происходящие из могильника и найденные в раскопе или в осыпи берега: топор типа VI по А.Н. Кирпичникову, замок типа Б по Б.А. Колчину (в Новгороде подобные замки входят в употребление в начале XII в.) (Колчин Б.А., 1982, с. 162). Шарообразный линейнопрорезной бубенчик с тройным рельефным пояском (в Новгороде подобные бубенчики появляются в последней четверти XI в.) (Лесман Ю.М., 1984).

Таким образом, все исследованные комплексы, представляющие собой часть большого могильника, функционировавшего в течение длительного времени, достаточно компактны в хронологическом отношении и могут быть помещены в интервал между концом XI и серединой XII в. Их датировка хорошо укладывается в хронологические рамки поселения, на котором материалы первой половины XII в. достаточно многочисленны.

Хотя в Минине исследовано пока лишь три ненарушенных погребения, полученные материалы представляют исключительный интерес для изучения средневековой культуры Севера и колонизационных процессов. Значение мининских материалов заключается, во-первых, в том, что они впервые дают некоторое представление о культуре Кубенозерского региона, характер которой ранее оставался совершенно неизвестным, во-вторых, они позволяют поставить вопрос о родственности средневековых коллективов, расселявшихся в соседних микрорегионах, в-третьих, благодаря хорошей сохранности многих деталей убора открывают интересные возможности для изучения средневекового костюма. Прежде чем обратиться к вопросам, связанным с историей средневекового расселения, рассмотрим подробнее погребальный обряд и инвентарь погребений.

Погребальный обряд могильника во многом сходен с обрядом шекснинских и белозерских грунтовых некрополей. Общими чертами являются, прежде всего, сам обряд бескурганной ингумации, небольшая глубина могильных ям, положение рук у бедер или на тазовых костях, керамические сосуды, стоящие в ногах погребенных, присутствие топоров в мужских погребениях. Особо отметим восточную ориентировку погребенных, которая зафиксирована в целом ряде могильников XI–XII вв. на Шексне и Белом озере (в Нефедьеве, Шуйгине, Шаникове, Нефедове, Пружинине, Минине на р. Юг), а также в недавно открытом могильнике Кубенское на Кубенском озере. Хотя обычай ориентировать погребения головой на запад появляется на Белом озере уже в XI в., во многих районах он приобретает характер нормы лишь в конце XII – начале XIII в., вытесняя иную систему ориентировки могил. Ранее было высказано мнение, что ориентировка могил в белозерских некрополях первоначально определялась не сторонами горизонта, а какими-то местными ориентирами, скорее всего направлением течения реки (Макаров Н.А., 1990, с. 21–24). Новые материалы, демонстрирующие повторяемость восточной ориентировки в различных могильниках Белозерья, ставят эту гипотезу под сомнение.

Не характерная для белозерских могильников черта погребального обряда – обычай производить повторное захоронение в могилу, помещая одно погребение над другим, зафиксирована в Минине в погр. 4. На Белозерье ярусное размещение могил отмечено

лишь в Крохинских песках – некрополе летописного Белоозера, где погребения располагаются очень тесно друг к другу (Макаров Н.А., 1990). Очевидно, подобная практика более обычна для крупных могильников, занимавших ограниченные участки, в том числе для некрополей городов (Киев, Ярополч Залесский) (Каргер М.К., 1958, с. 149, рис. 24; Седова М.В., 1978, с. 67–71, рис. 29) и пригородных сел. Так, В.Я. Конецкий считает ее характерной чертой обрядности Деревяницкого могильника (Конецкий В.Я., 1984, с. 47). В Минине, где погребения располагались на площадке могильника достаточно свободно, она не могла быть обусловлена принципами рационального использования пространства.

Поминальные комплексы зафиксированы на площадках лишь двух белозерских могильников: Никольского III на Кеме и Шуйгино на Волоке Славенском. Не исключено, что подобным же образом могут быть интерпретированы два недатированных комплекса в Нефедьеве, где найдены кости лошадей, в том числе черепа, зубы и позвонки. По своему характеру все эти комплексы заметно отличаются от мининского. Находки замков на площадках средневековых северных могильников редки – укажем несколько аналогий в вымских могильниках (Савельева Э.А., 1987, с. 34, 61, рис. 17, *10–12*; Археология Коми, 1997), ритуальный комплекс могильника Горка на Каргополье, где запертый замок был обнаружен в яме на краю площадки вместе со скелетами собак и птиц (Макаров Н.А., 1987). На Белозерье подобные находки неизвестны.

Набор украшений и бытовых вещей из мининских погребений включает предметы широко распространенных древнерусских или северовосточноевропейских типов: витая гривна, перстнеобразные височные кольца и височные кольца с узелковыми бусами, перстни, браслеты, бубенчик, ножи, топор, а также серию украшений, специфичных для ряда северных областей Восточной Европы с сильным финно-угорским компонентом в культуре: Юго-Восточного Приладожья, Белозерья, Костромского и Ивановского Поволжья, бассейна Ваги и Выми. К числу таких украшений относятся зооморфные подвески, бронзовые спиральные пронизки и поясная пряжка с рельефным орнаментом. Большинство типов вещей как первой, так и второй группы широко представлено находками в белозерских могильниках (Макаров Н.А., 1990; 1997). Вполне обычен для Белоозера и состав женского убора с характерным сочетанием височных колец "славянских" типов, шейного ожерелья и зооморфных "финно-угорских" подвесок, дополняемый гривнами, браслетами и перстнями. Этот убор можно рассматривать как один из наиболее ярких археологических признаков, отражающих культурное своеобразие Белозерья в XI–XII вв., хотя подобный убор зафиксирован и в некоторых других регионах, например, в Костромском Поволжье и Юго-Восточном Приладожье.

Для характеристики культурной ситуации и благосостояния группы населения, оставившей могильник Минино – II, весьма существенно присутствие в погребениях значительного количества импортов: стеклянных бус, раковин каури, западноевропейских монет, костяной односторонней расчески, ставящее Минино в один ряд с наиболее богатыми некрополями Белозерья (Никольское III, Нефедьево, Погостище).

Остановимся на тех украшениях и элементах убора, которые необычны и нехарактерны для Белозерья. В их числе прежде всего ромбощитковые височные кольца. На Белозерье находки ромбощитковых височных колец немногочисленны: большинство находок происходит из курганов на р. Колпь, правом притоке Суды (курганные группы Новинки I, Володино, Тимошкино), где они встречены в 12 погребениях (Башенькин А.Н., 1986); еще три фрагментированных ромбощитковых кольца происходят из раскопок и из позднейших сборов на Старом городе – Белоозере (Голубева Л.А., 1973, с. 139). Отметим, что прочно укоренившееся представление о связи этого типа височных колец с Новгородской землей и новгородскими словенами нуждается в уточнении. В.Я. Конецкий совершенно справедливо обратил внимание на редкость этих украшений в коренных новгородских землях к востоку от Ловати и Волхова (Конецкий В.Я., 1990, с. 104). Действительно, если на Луге, Ижорском плато и в При-

чудье, согласно сводке В.В. Седова, зафиксировано несколько десятков могильников с ромбощитковыми височными кольцами, то к востоку от Волхова и Ловати – около 30 пунктов, две трети которых локализуются за пределами собственно новгородских земель: в Ярославском и Костромском Поволжье, низовьях Мологи и т.п. (Седов В.В., 1982, с. 176, 177, карты 30, 31). Укажем также на немногочисленные, но важные в общем географическом контексте находки ромбощитковых колец на северной периферии Новгородских владений – в Заонежье (Челмужские курганы) (Кочуркина С.И., 1989, с. 254) и на Каргополье (Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986).

Находки височных колец этого типа на Белозерье представлены в основном нехарактерными для основного ареала небольшими по размеру экземплярами с двумя-тремя овальными щитками, встречающимися также в погребениях северо-запада Новгородской обл., Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985, с. 142), Верхней Волги (Березовецкий могильник) (Успенская А.В., 1993, с. 114, 122) и Каргополья (Могильник Тихманьга) (Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986, с. 213, рис. 1, 2). Однако в отличие от украшений из Минина, все эти кольца щитковоконечные. Единственный завязанный экземпляр найден в могильнике Новинки-I на Колпи. Ромбощитковые завязанные кольца со скругленными щитками с оттиснутыми жемчужинами известны в Костромском и Ивановском Поволжье, где они компактно локализуются в отдельных группах (Рябинин Е.А., 1986, с. 56).

Еще более необычная находка – височное кольцо с эсовидным завитком. Этот тип височных колец характерен для западнославянских земель; на территории Новгородской земли и Северо-Восточной Руси находки их редки. На Белозерье проволочные кольца с эсовидным завитком – перстнеобразные и с надетыми на дужку бусинами – происходят из могильника Никольское III на Кеме (Макаров Н.А., 1990, табл. XVII, *4*), из могильника Кривец на Суде (Кудряшов А.В., 1996, с. 191, рис. 2, *2*, *3*, *5*) и из Белоозера. Такое оформление концов встречается и у колец, происходящих из курганов Верхневолжья (Успенская А.В., 1980, с. 116; 1993, с. 91), района верховьев Истры и Клязьмы, есть они и в Костромском Поволжье (Рябинин Е.А., 1986, с. 56).

Своеобразный элемент костюма – конструкция из поясных колец и спиральных пронизок, расчищенная в погр. 4. Отдельные элементы ее – бронзовые кольца и спиральные пронизки на шнурках – широко распространенные детали убора; достаточно очевидна и общая типологическая связь всей конструкции с наборами шумящих и зооморфных подвесок, крепившихся сбоку у пояса. Однако сама конструкция из поясных колец, скрепленных бронзовыми спиралями, шнурками и образующих "гроздь", выявлена впервые.

Любопытны очковидные бляшки, нашитые на рукава погребенной (погр. 4). Идентичные бляшки, но несколько меньших размеров обнаружены А.В. Никитиным в могильниках Ярцево и Тимошкино на р. Колпь (Никитин А.В., 1975, с. 5, рис. 12, 75), есть они и в сборах подъемного материала на Белоозере. В погребении в Ярцево бляшки находились около черепа и, вероятно, украшали головной убор. Оловянно-свинцовые нашивные бляшки известны и в курганах Верхневолжья (Струйское, Березовецкий могильник) (Успенская А.В., 1993, с. 92). Исследователи отмечают присутствие оловянно-свинцовых нашивных бляшек различных форм в курганах кривичского ареала – Акатово (Подмосковье), Елизарово (Волоколамский р-н), Харлапово (Дорогобужский р-н) (Сабурова М.А., 1974, с. 89, 94), однако всегда бляшки связываются или с головным убором, или с покрывалом, которым накрывали умершую.

Необычны также ножны, в которые был помещен небольшой узколезвийный нож из погр. 4. Ножны подобной конструкции редки на древнерусских памятниках. По сводке Е.А. Рябинина известно два подобных экземпляра, происходящих с северо-запада Новгородской земли: Унотицы, кург. 6 и Дятлицы, погр. 42 (Рябинин Е.А., 1989, с. 26). Аналогичные ножны обнаружены в могильнике Дрегли в новгородской земле и в могильнике Черемушки в Подмосковье (Савков И.В., 1940, с. 81, рис. 1)[4]. Отдельные

[4] Благодарим Т. Варфоломееву за сообщение этих сведений.

находки происходят из культурного слоя Новгорода и Твери и курганов Костромского Поволжья. Более многочисленны подобные предметы на территории Прибалтики, Готланда (Thunmark-Nylen L., 1995a, tab. 57(18), 147(9), 222(11), Карелии и Юго-Западной Финляндии (Kivikoski E., 1973, abb. 1180; Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982, p. 478, G 378). По мнению Л. Тюнмарк-Нюлен, такие ножны – продукция готландских мастеров, так как манера их отделки относится к готландскому руническому стилю с пальметтами (XI–XII вв.) (Thunmark-Nylen L., 1995b, p. 164, fig. 4b, 182).

Представляет интерес ожерелье из погр. 3: раковины каури здесь чередовались со стеклянными бусами. У всех раковин задняя стенка была выпилена в форме овала, и в ожерелье они висели не вертикально, как это обычно бывает, а горизонтально – "вереницей". В Нукшинском могильнике, где ожерелья из раковин каури отмечены практически в каждом женском погребении, зафиксирован только один случай такого положения раковин (Нукшинский могильник, 1963, с. 36).

Могильник Минино II и некоторые общие проблемы изучения средневековой колонизации на Севере

Могильник Минино II – один из семи средневековых памятников, зафиксированных в настоящее время в районе Кубенского озера. Помимо этого могильника здесь известны пять селищ и один могильник, обнаруженный при случайных земляных работах на территории с. Кубенское, примерно в 45 км к юго-востоку от Минина. По-видимому, несмотря на обстоятельные разведки 1980–1990-х годов, определенное количество селищ и могильников XI–XIII вв. в районе Кубенского озера остается невыявленным. В то же время диспропорция между количеством средневековых объектов на Белом озере (где их зафиксировано около 160) и Кубенском озере, по-видимому, отражает реальные диспропорции в заселенности этих территорий. Кубенозерье было освоено значительно слабее, чем территории, лежащие к западу от него.

В могильнике Кубенское И.Ф. Никитинским доследовано два погребения, потревоженных в ходе строительных работ. Набор украшений, собранных в одном из них, включает подковообразную фибулу, костяную копоушку, две подвески-уточки типа V, несколько спиральных пронизок и колоколовидных привесок. Учитывая присутствие копоушек, подковообразных фибул и привесок в коллекции находок из раскопа на селище Минино I, мы можем констатировать, что этот комплекс вещей почти идентичен мининскому. Он может быть датирован XII–XIII вв.

Минино II и Кубенское с полным основанием могут рассматриваться как часть массива белозерско-шекснинских могильников, как два крайних восточных памятника этой группы. Культурная близость этих памятников и белозерских некрополей находит соответствие в их пространственном положении. Далее на восток от Кубенского озера грунтовые могильники XI–XIII вв. не выявлены пока вплоть до верховьев Кулоя и среднего течения Сухоны, т.е. на протяжении почти 200 км.

Между тем район Кубенского озера, судя по письменным источникам, уже в самое раннее время представлял собой конгломерат из нескольких самостоятельных административно-территориальных образований, не входивших в состав Белозерских земель.

Хотя сведения о территориально-административной организации Кубенозерья в средневековье скудны и относятся в основном к сравнительно позднему времени, мы все же располагаем некоторыми данными для реконструкции территориально-политического устройства в этом регионе. Географическое название "Кубенскыи волости (Кубена)" впервые появляется в письменных источниках под 1398 г. в известной статье о походе новгородцев на Двину через северные волости московского великого князя (Новгородская первая летопись, 1950, с. 392). Кубена упоминается как одни из этих волостей наряду с Белоозером, Заозерьем (территории на северной стороне Кубенского озера) и Вологдой. Контекст сообщения свидетельствует о том, что

Белоозеро, Кубена и Вологда – разные территориальные образования. Территории на северной и восточной стороне Кубенского озера в XIV–XV вв. представляли собой самостоятельное политико-административное образование – Заозерское удельное княжество, выделившееся из Ярославского удельного княжества – с центром в с. Устье в низовьях Кубены. В.А. Кучкин полагает, что формирование ярославских владений на р. Кубена и Кубенском озере могло начаться еще в первой половине XIV в. (Кучкин В.А., 1984, с. 299–301). На востоке владения Заозерских князей граничили с Бохтюжским княжеством, выделившимся из состава ростовских владений и охватывавших небольшую территорию на левобережье Сухоны с центром в с. Архангельское на р. Бохтюга, левом притоке Сухоны (Кучкин В.А., 1984, с. 280–282). Ярославским князьям принадлежали и территории к югу и к юго-востоку от Кубенского озера с центром в с. Кубенское, составлявшие, вероятно, собственно область Кубену.

Обширная территория, лежащая вдоль юго-западного берега Кубенского озера – волость Сяма – в конце XIV в. не входила в состав Кубенско-Заозерских владений ярославских князей и являлась наследственным владением московских князей. Сяма впервые упомянута в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. (второй духовной) среди волостей, входивших в удел его четвертого сына Петра (вместе с другой северной волостью – Тошней), но передававшихся вдове Дмитрия Ивановича до конца ее жизни (Духовные и договорные грамоты..., 1950, № 12, с. 34). По духовной великого князя Василия Дмитриевича 1406 г. она завещана его жене (Духовные и договорные грамоты... 1950, № 20, с. 56). В духовной грамоте Василия Васильевича 1461 г. и духовной грамоте Андрея Васильевича, составленной не позднее 1481 г., Сяма упомянута среди вологодских, кубенских и заозерских волостей, составлявших удел Андрея Меньшого (Духовные и договорные грамоты..., 1950, № 61, 74, с. 195, 276). Таким образом, даже после перехода Кубены и Заозерья в руки московских великих князей Сяма продолжает фигурировать в духовных грамотах как отдельная волость. На западе Сяма соседствовала с колкачскими деревнями и волостью Волочек Славенский, относившимися к Белоозеру: рубеж волокославенских и сямских земель во второй половине XV–XVI вв. был одновременно рубежом между Белоозером и Вологдой. Могильник Минино II находится на территории Сямской волости, в западной ее части, в 5 км к северо-западу от центрального погоста в д. Покровская (Сяма).

Даже самый предварительный обзор мининских материалов позволяет утверждать, что Кубенозерье осваивалось в XI–XII вв. с запада и юго-запада – со стороны Шексны – и уже в начале XI в. было важным звеном в системе торговых, промысловых и колонизационных путей. Очевидно также, что находки в Минине подтверждают историческую реальность Шекснинско-Сухонского пути как одного из двух магистральных путей древнерусской колонизации Севера. Мы не можем пока ответить на вопрос о времени формирования административной обособленности этой территории от Белозерья (в состав которого входили и территории в среднем течении Шексны), но при любом решении этого вопроса мы должны признать, что белозерско-кубенский водораздел не был в XI–XIII вв. культурной границей и барьером на торговых и колонизационных путях.

Сложным оказывается вопрос об исходном районе колонизации и взаимоотношениях двух локальных групп средневекового населения: оставивших могильник Минино II и находящийся примерно в 30 км к северо-западу от него, на территории сопредельной Волокославенской волости могильник Нефедьево. Этот географически наиболее близкий к Минину некрополь был практически полностью исследован в 1980-х годах. Выше мы уже отмечали многие параллели в погребальном обряде и женском уборе Минина и Нефедьева. Следует ли из этого что обе локальные группы составляли некое единое этносоциальное образование и были связаны общим происхождением? К сожалению, вопрос о критериях выделения родственных локальных групп средневекового населения по археологическим материалам остается слабо разработанным.

По-видимому, в качестве индикаторов такого родства могут рассматриваться определенные элементы женского убора и погребального обряда, не имеющие ярко выраженной конфессиональной, социальной или этнической символики, но демонстрирующие устойчивость в пределах некоторых локальных групп памятников.

Действительно многие типы украшений, представленные в Минине, хорошо известны по находкам в Нефедьеве; в их числе – перстнеобразные и бусинные узелковые височные кольца, витая гривна, двухголовая подвеска-конек, плоские прорезные подвески-уточки, подвеска в виде плоского ажурного конька. Однако правомерно обратить внимание на некоторые детали, маркирующие различия. В мининских погребениях представлена значительная серия типов, не имеющих аналогий в Нефедьеве: ромбощитковые височные кольца и височные кольца среднего диаметра со спиральным завитком, поясные пряжки с овальной рамой из трех рельефных жгутов, цепочки из двойных взаимоперпендикулярных звеньев, свернутых из тонкой проволоки, очковидные бляшки из оловянисто-свинцового сплава. Ни разу не встречены в Нефедьеве плоские прорезные подвески – уточки типа I варианта 2 по Е.А. Рябинину и плоские уточки с рельефным орнаментом с пропорциями и орнаментацией, соответствующей экземпляру из погр. 1 в Минине, а также сложные поясные украшения из бронзовых колец и шнурков со спиральными пронизками, железные ножи с обмоткой из тонкой бронзовой проволоки. Раковины каури представлены в Нефедьеве лишь 1 экз. Таким образом, костюм женщин, погребенных на исследованном участке могильника Минино, по многим характерным деталям отличается от нефедьевского. Стоит напомнить и о некоторых различиях в погребальном обряде: отсутствии в Нефедьеве дополнительных погребений, впущенных в старые могилы, остатков мясной пищи в горшках, сопровождавших погребения, поминальных комплексов с запертыми замками. С учетом всех этих фактов предположение о близкой родственности той части мининской палеопопуляции, могилы которой были исследованы в 1997 г., и палеопопуляции из Нефедьево кажется проблематичным.

Откуда же пришли на Кубенское озеро колонисты, погребения которых исследованы в Минине? Наиболее вероятной пока нам кажется связь их с районом среднего течения Шексны, где в последние годы зафиксировано крупное скопление средневековых памятников (Кудряшов А.В., 1992), в культуре которых при общем сходстве ее с белозерской просматриваются некоторые диалектные отличия от последнего. Суда и Колпь соединяли этот район с востоком новгородских земель, не менее тесными были его контакты с Верхним Поволжьем. На среднешекснинских памятниках представлено большинство типов вещей, встреченных в Минине, включая отсутствующие в Нефедьеве. Разумеется, версия о среднешекснинском происхождении насельников, пришедших в начале XI в. на западный берег Кубенского озера, и о культурных связях их с районом Верхнего Поволжья может пока быть высказана лишь в самой гипотетической форме. Серьезная проверка ее возможна лишь после получения новых археологических и антропологических материалов из Кубенозерского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Коми, 1997. Сыктывкар.

Башенькин А.Н. 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – начале II тыс. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950. М.; Л.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.; Л.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.

Конецкий В.Я., 1984. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // НИС. № 2.

Конецкий В.Я., 1990. Происхождение и развитие некоторых типов височных колец на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород.

Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XIII вв. Петрозаводск.

Кудряшов А.В., 1992. Средневековые памятники Шексны // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Вып. 6. Новгород.

Кудряшов А.В., 1995. Работы в бассейне Шексны и на Лозско-Азатской озерной системе // АО-1994.

Кудряшов А.В., 1996. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Макаров Н.А., 1987. Жертвенный комплекс могильника Горка на Каргополье // КСИА. Вып. 190.

Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII веках. М.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 1995. Работы Онежско-Сухонской экспедиции // АО-1994.

Никитин А.В., 1975. Отчет о раскопках в Вологодской области. Архив ИА. Р-1. № 5773.

Никитинский И.Ф., 1996. Работы в бассейнах рек Сухоны и Ваги // АО-1995.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. М.

Нукшинский могильник, 1963. М.

Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986. Новые данные о культуре средневекового "чудского" населения в бассейне озера Лача // СА. № 2.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси. Л.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябинин Е.А., 1989. Ножны и литые рукояти ножей северо-западных районов Руси // КСИА. Вып. 195.

Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.

Сабурова М.А., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники. Л.

Савков И.В., 1940. Курганы с. Черемушки // Сборник научных студенческих работ. Вып. 11. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Успенская А.В., 1980. Курганы близ деревни Пекуново на Верхней Волге // История и культура Евразии по археологическим данным. М.

Успенская А.В., 1993. Березовецкий курганный могильник // Средневековые древности Восточной Европы. М.

Kivikoski E., 1973. Die eisenzeit Finnlands. Helsinki.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. Luistari I. Helsinki.

Thunmark-Nylen L., 1995 a. Die wikingerzeit Gotlands. Stockholm.

Thunmark-Nylen L., 1995 b. Churhyards Finds from Gothland (11th–12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.

Институт археологии РАН, Москва

N.A. MAKAROV, I.E. ZAITSEVA

NEW INVESTIGATION OF MEDIEVAL CEMETERIES IN NORTH RUSSIA. THE CEMETERY OF MININO II AT LAKE KUBENSKOYE

Summary

In the paper a review of contemporary investigations of burial sites in North Russia is presented, illustrated by the analysis of the material from the Minino II cemetery located at Lake Kubenskoye. The site is the first to be explored in that region. Characteristic burial assemblages from Minino II are of exceptional interest for studying Medieval colonization and establishing Russian culture in North Russia. The burials were ground pits containing inhumations, skeletons oriented east. Three female interments were supplied with rich funerary gifts including temporal rings, necklaces of beads and pendants (among the latter there were two pendants made of West European coins minted in 1039–1056 and 1024–1039, and cowrie shells). Among grave goods there were breast and waist pendants, some of them zoomorphic; finger-rings, bracelet, torque, sewn-on plaques evidently used for decorating clothes. Household utensils included bone combs, iron knives and clay vessels, the latter placed by the deads' feet. The burials' datings fall within the late 11th - mid 12th centuries. The burial rite practiced and the woman's costume give evidence of certain similarity of the recently discovered cemetery with the culture of the ajacent area near Beloozero, which is separated from Lake Kubenskoye by the Volga and North Dvina watershed. The material from the cemetery proves that in the Middle Ages the inhabitants of the territory around Lake Kubenskoye used to come from the west, i.e. from the Sheksna basin, that means from southern part of Beloozero area, and maintained close cultural links with the Upper Volga basin.

А.Н. БАШЕНЬКИН, Л.С. РОЗАНОВА, Н.Н. ТЕРЕХОВА

КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОЗЕРЬЯ ДО СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Активные археологические исследования памятников финно-угорских племен в лесной полосе Восточной Европы позволили получить ценнейшие материалы для характеристики железопроизводства этих народов начиная со второй половины I тыс. до н.э. до эпохи становления Древнерусского государства. Получены данные, характеризующие технику и технологию кузнечного дела у дьяковских племен, племен азелинской культуры, финно-угорских племен Приуралья, летописных финно-угров: мери, муромы, мордвы.

Удалось установить, что сложение местных традиций в железообработке в финно-угорском мире приходится на период V в. до н.э. – V в. н.э. Формирование этих традиций в разных регионах шло различными путями.

В Волго-Камском регионе импульс в железообрабатывающей технологии, имевший место в раннеананьинское время, не получил дальнейшего развития. Здесь начиная с позднеананьинского времени идет эволюционный процесс овладения приемами кузнечества. Применяются очень простые технологии, поделочными материалами служат в основном железо и сырцовая сталь. Специально полученная сталь используется крайне редко. Редким приемом является и термообработка. Развитие идет в основном по линии металлургии, что выразилось в освоении новых рудных источников, увеличении объема получаемого металла. Контактов в производственной сфере с другими племенами в этот период не прослеживается. Можно отметить лишь появление импортных изделий – таких, как великолепно выполненные мечи из азелинских памятников (Терехова Н.Н. и др., 1997).

В Волго-Окском регионе первоначальный импульс в железообработке был также получен извне. Самые первые железные предметы поступают к финно-уграм в Волго-Окский бассейн из скифо-сарматского мира. Однако скифо-сарматское влияние сказалось лишь в появлении на дьяковских памятниках отдельных малочисленных предметов (наконечники стрел, застежки, пряжки). Это было первое знакомство местного населения с новым материалом. Гораздо более существенным был импульс, связанный с притоком в Москворечье новых групп населения, включавших мастеров по черному металлу, являвшихся наследниками римско-кельтских традиций. Вплоть до VIII в. н.э. мы видим распространение привнесенных навыков на всю территорию западного ареала дьяковской культуры (Хомутова Л.С., 1984).

Еще один регион расселения финских племен до недавнего времени оставался археологически малоизученным. Это территория Белозерья, основным населением которой в дославянское время была весь. Интенсивные полевые исследования, развернувшиеся в 1980–1990-е годы, и полученные в результате материалы позволили обратиться к истории формирования кузнечных традиций в местной железообработке.

Археологически наиболее изученными памятниками, относящимися к дославянскому периоду, в настоящий момент являются памятники Юго-Западного Белозерья – территории Молого-Шекснинского междуречья (рис. 1). Данные археологических изысканий

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 96-06-80131, Российского гуманитарного научного фонда, проект № 96-06-00166.

© А.Н. Башенькин, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, 1999 г.

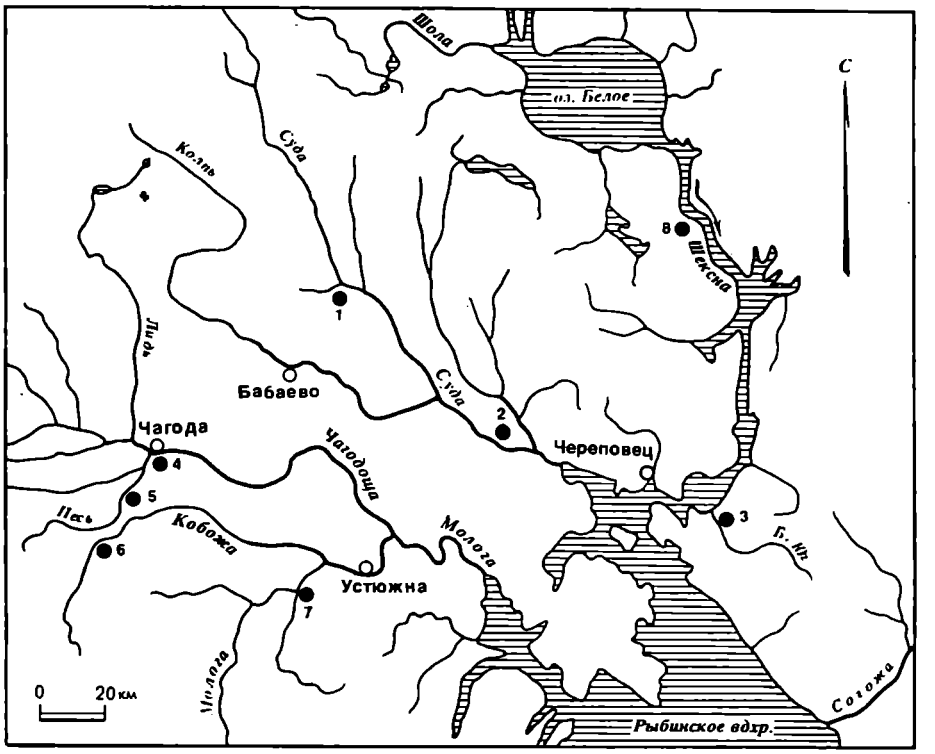


Рис. 1. Белозерье. Памятники, из которых были взяты материалы для аналитического исследования

1 – Никольское XVII; *2* – Пугино; *3* – "Дом охотника"; *4* – Чагода; *5* – Любахин; *6* – Усть-Белая I; *7* – Куреваниха III–IV; *8* – Крутик

свидетельствуют о том, что железный инвентарь в памятниках этого региона не отличается разнообразием и представляет следующие категории: ножи, топоры, скобели, топоры-кельты, шилья, булавки, пряжки, иглы, лопаточки, фитильные трубочки, удила, наконечники стрел и копий (рис. 2). Обнаружен один мяч и 8 наверший мечей или кинжалов. Можно говорить о том, что на протяжении длительного периода, с конца I тыс. до н.э. вплоть до IX в. н.э., категориальный состав меняется мало.

Это положение может быть дополнено технико-технологическими характеристиками железных изделий, полученными при металлографическом исследовании. В настоящее время металлографический метод позволяет не только решать вопросы конкретных технологических реконструкций, но и обращаться к общеисторическим проблемам, таким, например, как характер контактов и направление связей в производственной сфере.

Для характеристики кузнечного производства весских племен мы привлекаем серию предметов из раскопок А.Н. Башенькина (Башенькин А.Н., 1989; 1995; Башенькин А.Н., Иванищева М.В., 1989). Отобранная для металлографического исследования коллекция состоит из 74 предметов, происходящих из 7 памятников: Усть-Белая, Чагода, Куреваниха, Любахин, "Дом охотника", Никольское XVII, Пугино (рис. 1). Большинство изделий происходит из погребальных комплексов, представленных курганами, сопками, грунтовыми могильниками, "домиками мертвых", тогда как поселенческий инвентарь составляет небольшую группу (табл. 1).

Наиболее ранними являются предметы из "домика мертвых" в могильнике Усть-Белая I (раскоп 3) (Башенькин А.Н., 1995).

По инвентарю и радиоуглеродным данным погребальное сооружение датируется концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. По погребальному обряду и инвентарю памятник определяется как финно-угорский, близкий в культурном плане дьяковским. Прослеживается поволжско-камская направленность культурных связей, фиксируются степные импульсы.

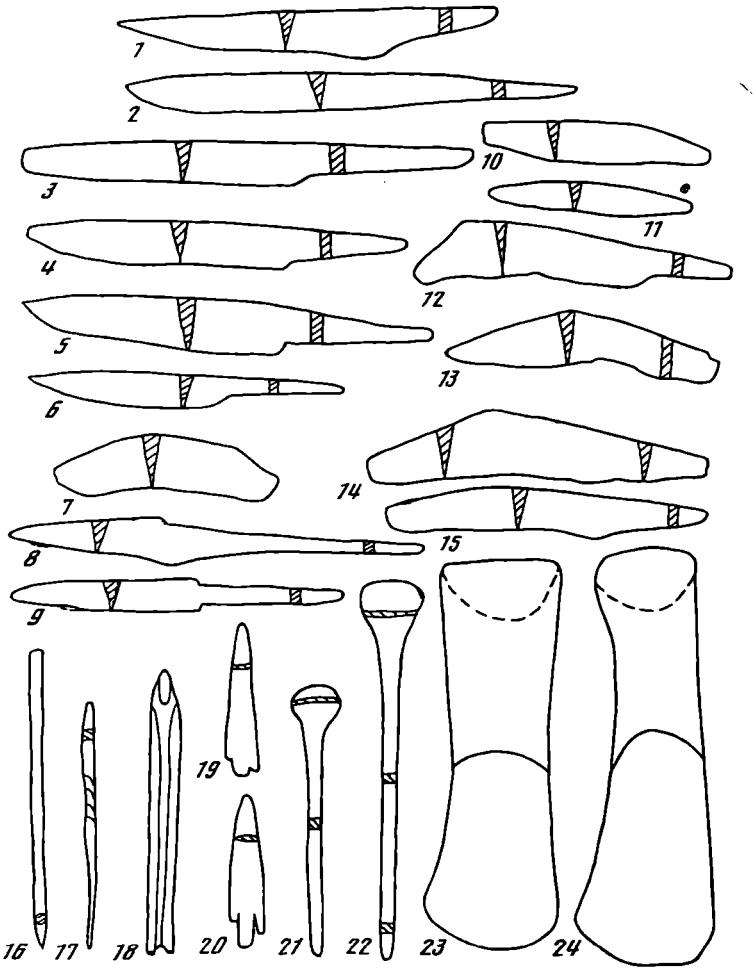


Рис. 2. Комплекс железных изделий из финно-угорских памятников Белозерья периода дославянской колонизации

1 – Куреваниха, сопка, ан. 6506; *2* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6487; *3* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6478; *4* – Любахин, кург. 2, ан. 7148; *5* – Любахин, кург. 6, ан. 7147; *6* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6480; *7* – Чагода I, ан. 6422; *8* – Усть-Белая I, сопка 8, погр. 22, ан. 6423; *9* – Усть-Белая I, сопка 8, погр. 1, ан. 6421; *10* – Усть-Белая, ан. 7138; *11* – Чагода I, ан. 6494; *12* – "Дом охотника", ан. 7151; *13* – Чагода I, раскоп 2, ан. 6497; *14* – Пугино, "домик мертвых", ан. 7154; *15* – Куреваниха, сопка, ан. 6503; *16* – Усть-Белая, ан. 7135; *17* – Чагода I, ан. 6500; *18* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6483; *19* – Чагода I, ан. 7136; *20* – Чагода I, ан. 7137; *21* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6491; *22* – Усть-Белая I, сопка 8, ан. 6490; *23* – Усть-Белая, ан. 7126; *24* – Усть-Белая, ан. 7123

Грунтовые погребения этого могильника (Усть-Белая I, раскопы 1, 2, 4, 7–9) относятся к более позднему времени – первой половине I тыс. н.э. Этническая принадлежность и направленность связей те же.

Кург. 3 и 4 Усть-Белой I (III–IV вв. н.э.) оставлены тем же финно-угорским населением, по инвентарю близки позднедьяковским памятникам, а также рязано-окским могильникам этого времени. Курганный обряд погребения, не характерный для северной зоны в это время, является, вероятно, отражением какого-то степного воздействия.

Сопка 2 Усть-Белой I (IV – первая половина V в. н.э.) по инвентарю близка к кург. 3, 4, отличается от них большой высотой и сложностью строения.

Сопка 8 Усть-Белой I (раскопки 1987 г.) сооружена как минимум в три этапа. Погр. 27 в основании сопки наиболее раннее и относится к VI–VII вв. н.э. Из него происходят браслет, перстни, удила. Браслет имеет аналогии в рязано-окских древностях. По мнению А.Н. Башенькина элементы обряда первого этапа сооружения сопки – каменные

Таблица 1

Распределение категорий железных предметов по памятникам

Памятник	Дата	Категория											Всего
		ножи	топоры-кельты	топоры проуш-ные	скобели	шилья	фитильн. трубоч-ки	булавки	лопа-точки	удила	нако-нечн. копий	нако-нечн. стрел	
Усть-Белая, сопка 8	Конец VII – начало IX в.	10	–	1	–	–	1	1	2	1		1	17
Усть-Белая, сопка 2	IV – первая половина V в.	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2
Усть-Белая, "домик мертвых"	Конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.	3	1	–	1	2	–	–	–	–	–	3	10
Усть-Белая, грунтовый могильник	Первая половина, I тыс. н.э.	3	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	5
Усть-Белая, кург. 3	III–IV вв.	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	4
Усть-Белая, кург. 4	III–IV вв.	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
Чагода, могильник	I–IV вв.	6	1	1	–	1	–	–	–	–	1	2	12
Куреваниха, поселение	Конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.	6	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	7
Любахин, могильник	III–IV вв.	2	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	4
"Дом охотника", поселение	Вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Никольское XVII, грунтовый могильник	Первая половина I тыс. н.э.	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Пугино, могильник	Начало I тыс. н.э. – VI в. н.э.	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–	4	7
Всего		37	6	2	1	8	1	1	3	1	2	12	74

конструкции, очаг – представляет собой инновацию в культуре населения рассматриваемого региона. Погр. 1 в вершине сопки по бусам ладожских типов датируется второй половиной VIII–IX в. н.э. Этим же временем датируется по инвентарю и соседнее погр. 22. Отдельные железные предметы датируются в пределах VI–IX вв. н.э. Инвентарь погребений VIII–IX вв. свидетельствует о северо-западной направленности культурных связей, в первую очередь с Ладогой: состав бус характерен для горизонта Е Старой Ладоги, ножи с двумя уступами, пряжки с вогнутыми боковыми сторонами (Башенькин А.Н., Иванищева М.В., 1988).

Ранним памятником является могильник Чагода I (Башенькин А.Н., 1995). Он состоит из грунтовых погребений, курганов, "домиков мертвых" и в целом датируется III в. до н.э. – V в. н.э.[1] Раскопанные курганы – древнейшие на севере России и оставлены финно-угорским населением. Культурная направленность связей та же, что и для Усть-Бельского могильника – Волго-Окское междуречье, Прикамье, степные районы (вооружение, конское снаряжение, поясная гарнитура, женские украшения и т.д.).

Комплекс памятников в Пугино включает поселение, два "домика мертвых", грунтовые погребения, место трупосожжения и в целом датируется началом I тыс. н.э. – XI в. н.э. (Башенькин А.Н., 1995). Подвергшиеся металлографическому анализу предметы из погребений датируются VI в.; по инвентарю погребений этого времени памятник близок к позднедьяковским, этническая принадлежность – финно-угорская.

К первым векам н.э. относятся и железные изделия из могильника Никольское XVII на р. Суда. В культурном плане он близок волго- и рязано-окским памятникам.

Исследованные металлографически ножи из сопки Куреваниха III (раскопки 1988 г.) происходят из насыпи, а не из погребений. Они попали в насыпь сопки из культурного слоя более раннего поселения железного века Куреваниха IV, на котором сооружена сопка. По составу находок – сетчатой керамике, грузикам дьякова типа, ножам с горбатой спинкой – оно близко к дьяковским поселениям конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Два ножа с поселения "Дом охотника" на р. Шексна датируются широко: второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., поскольку инвентарь поселения, за исключением керамики, малочислен и невыразителен. По керамике прослеживаются связи с Волго-Камьем.

Курганный могильник Любахин I на р. Песь относится к раннему этапу культуры длинных курганов и может быть датирован V–VI вв. н.э. (Башенькин А.Н., 1995). Инвентарь погребений не имеет прототипов в местных финно-угорских древностях. Есть основание считать, что могильник оставлен славяно-балтским населением, продвинувшимся сюда с юго-запада, возможно, с бассейнов Верхнего Днепра и Западной Двины.

Технологическую характеристику кузнечных изделий мы даем по категориям.

Ножи. Представлены наибольшим количеством – 37 экз. При металлографическом исследовании образцы отбирались как с лезвийной, так и с рукояточной части для получения наиболее полной характеристики. Не останавливаясь на типологических характеристиках этих орудий, заметим, что формы их разнообразны: серповидные с невыраженным черешком; с горбатой спинкой с выделенным и невыделенным черешком; с прямой спинкой и черешком, выделенным со стороны рабочей части; с прямой спинкой и невыделенным черешком; со скошенной спинкой и черешком, выделенным со стороны спинки; с прямой спинкой и черешком, выделенным с двух сторон.

Как установлено на основании микроскопического изучения, бóльшая часть ножей (табл. 2) изготовлена в простых технологиях (29 экз.): целиком из железа (19 экз.) или мало и неравномерно науглероженной сырцовой стали (10 экз.). Единичными экземплярами представлены ножи, изготовленные из качественной стали, – 2 экз. (Усть-Белая, погребальное сооружение, грунтовый могильник), с использованием приема

[1] Отобранные для металлографического исследования вещи относятся к I–IV вв. н.э.

Таблица 2

Технологическая характеристика различных категорий изделий

Категория изделий	Распределение изделий по технологическим схемам						Всего
	целиком из железа	целиком из сырцовой стали	из цементованной стали	цементация	пакетирование	трехслойный пакет	
Ножи	19	10	2	2	2	2	37/13*
Топоры-кельты		3		1	2		6/5
Топоры проушные		2					2/1
Скобели		1					1
Шилья	2	6					8
Предметы-лопаточки	1	2					3/1
Булавки		1					1
Фитильные трубочки					1		1
Удила		1					1
Наконечники копий	1	1					2/1
Наконечники стрел	7	5					12/1
Всего	30	32/14	2/1	3/3	5/4	2	74/22

* Здесь и в табл. 3 знаменатель дроби обозначает количество термообработанных предметов.

цементации – 2 экз. ("Дом охотника", Пугино) и пакетированных заготовок – 2 экз. (Куреваниха, Пугино). При изготовлении двух ножей из Усть-Белой (сопка 8) как основа технологической схемы использована сварка – технология трехслойного пакета. Процент термообработанных ножей весьма высок (61.9).

Корреляция между формой и технологией основной массы ножей не прослеживается. Исключение составляют два ножа, выполненные в технологии трехслойного пакета. Оба экземпляра имеют специфическую форму: клинок с утолщенной спинкой, четко отделенный уступами от шиловидного черешка, группа IV по Р.С. Минасяну (1980). В одном случае пропорции клинка и черешка 1 : 2. Форма клинка треугольная, острие находится на осевой линии (длина клинка 6 см, ширина у основания 2 см). У второго ножа из Усть-Белой соотношение клинка и черешка 1 : 1, клинок прямой, узколезвийный (длина клинка 7,5 см, ширина у основания 1,3 см).

Металлографически установлено, что клинки у обоих экземпляров изготовлены из трех полос: двух железных и одной стальной между ними, выходящей на режущую кромку. Хотя по форме изделия соответствуют классическим образцам трехслойных ножей, известных на памятниках Древней Руси IX–XI вв., по материалу они отличаются от них (использовано мягкое и обычное железо). О качестве стальной полосы судить трудно, поскольку она отожжена во время пребывания предмета в погребальном костре.

Напомним, что классические ножи такого рода характеризуются определенным сочетанием формы (узкий клинок, переходящий уступами в шиловидный черешок), материала (твердое фосфористое железо и качественная сталь), технологии (трехслойный пакет).

Топоры. В исследованной коллекции их 8 экз. (табл. 2). Из них шесть – топоры-кельты (5 целых экз. и у одного сохранилось только лезвие). Форма их одинакова: они имеют слегка расширенное лезвие от 3,5 до 5,5 см (глубина втулки 5,5–7,5 см). Общая длина орудия от 12 до 17 см. При металлографическом исследовании образцы отбирались как с продольного сечения лезвия, так и с втулки, что позволило выяснить способ конструирования орудия.

Установлено, что втулка изготавливалась отдельно от лезвийной части, а затем приваривалась к ней. Об этом свидетельствует использование разного материала на втулке и лезвии. Например, у топоров из могильников Никольское XVII и Усть-Белая (кург. 3) лезвие отковано из пакетированной заготовки (сварной), втулка же – из цельной заготовки; у топора из Усть-Белой (кург. 4) втулка и лезвие откованы из разных сортов стали. В данном случае кузнец перепутал материал и на втулку пошла более качественная сталь.

В целом при изготовлении лезвий топоров-кельтов использовались три технологические схемы: целиком из сырцовой стали (3 экз. – Усть-Белая, Чагода), пакетирование (2 экз. – Усть-Белая, Никольское XVII), поверхностная цементация (1 экз. – Никольское XVII). В пяти случаях из шести лезвие подвергалось термообработке. Степень выраженности ее в структуре зависит от времени пребывания предмета в погребальном костре.

Топоры проушные представлены 2 экз.: один – целый, другой – фрагмент лезвия. Целый экземпляр из Чагоды имел длину 13 см, ширину лезвия 4 см, диаметр проуха 3,5 см. Как показало микроскопическое исследование, материалом при изготовлении послужила сырцовая малоуглеродистая сталь. Концы согнутой на оправке заготовки были сварены и вытянуты в лезвие.

Лезвийная часть топора из Усть-Белой (сопка 8) откована из неравномерно науглероженной стали с последующей термообработкой.

Скобель. Предмет хорошей сохранности происходит из Усть-Белой ("домик мертвых"). Длина рабочей части 6–5 см, ширина 3 см. Как показало микроскопическое исследование, на лезвийной части выявлена структура малоуглеродистой стали без каких-либо дополнительных операций по улучшению рабочих качеств.

Шилья. Металлографическому исследованию подверглись 8 экз. Судя по размерам, они использовались для разных нужд. Есть шилья небольших размеров (5 экз.): длина 7–9 см, рабочая часть округлая, диаметр 2–3 мм, черешок четырехгранный, размером 2 × 3 мм. Более крупные шилья (3 экз.) достигают длины 11,5–14 см, рабочая часть круглая, диаметром 4 мм, черешок квадратный, размером 5 × 5 мм. У одного экз. рабочая часть, так же как и черешок, четырехгранная (4 × 4 мм).

Технологических различий в изготовлении шильев не прослежено. На их изготовление пошло железо либо малоуглеродистая сырцовая сталь (табл. 2). Специальных приемов по улучшению рабочих качеств не выявлено. В структурах феррита отмечаются включения нитридов железа.

Булавки. К этой категории мы условно относим предмет, представляющий собой четырехгранный стержень, слегка сужающийся к острию, другой же конец петлевидно загнут (Усть-Белая, сопка 8).

При микроскопическом исследовании выявлена структура малоуглеродистой стали (содержание углерода не более 0,3%). При этом особенность металла – его высокая твердость для такого сорта стали.

Фитильные трубочки. В коллекциях представлены 1 экз. из Усть-Белой (сопка 8). Сохранившаяся часть трубочки имеет длину 5,5 см, диаметр 1 см, края не сомкнуты.

Как показало микроскопическое исследование, предмет откован из пакетированной заготовки, сваренной из полос мягкого железа. В структуре железа – нитриды.

Предметы снаряжения коня. В коллекции представлены 1 экз. из Усть-Белой (сопка 8). Удила откованы из круглого в сечении дрота, один конец которого согнут в виде петли, из другого конца сформовано грызло. Образец взят с поперечного сечения грызла.

Металлографическое исследование выявило структуру малоуглеродистой стали с признаками перегрева (структура видманштетта). Перегрев металла, по-видимому, связан с пребыванием предмета в погребальном костре. В зернах феррита присутствуют включения нитридов железа.

Предметы вооружения. Представлены наконечниками копий (2 экз.) и стрел (12 экз.). Из наконечников копий один – из Чагоды I, другой – из Усть-Белой (сопка 2).

По форме наконечники близки. Они имеют узколистное перо вытянуто-ромбического сечения. Перо примерно в 2,5 раза короче втулки (длина его 11 и 11,5 см). Общая длина наконечников (см): из Чагоды – 34,5; из Усть-Белой – 29,5.

Как показало микроскопическое исследование, перо наконечника копья из Чагоды выполнено из железа, из Усть-Белой – из неравномерно науглероженной стали и подвергнуто термообработке – мягкой закалке.

Наконечники стрел – все черешковые, перо у девяти – плоское, двушипное, у трех – листовидное.

Как показало металлографическое исследование пера наконечников стрел, при их изготовлении использовалась простейшая технология: целиком из железа и сырцовой, в основном малоуглеродистой стали. Лишь перо стрелы из Чагоды отковано из сырцовой неравномерно науглероженной стали, подверглось термообработке.

Предметы неопределенного назначения. К ним относятся три предмета (два – из Усть-Белой, сопка 8; один – из Любахина) стержневидной формы, у которых один конец заострен, другой расширен в виде плоской подтреугольной лопаточки. Сам стержень четырехгранный.

Образцы для металлографического исследования взяты с обоих концов предметов. По характеру металла и структуры определить, какой конец был рабочим, не представляется возможным, поскольку различий не выявляется. Различаются они по технологии изготовления: лопаточка из Любахина откована из железа (в зернах феррита большое количество нитридов железа), одна лопаточка из сопки 8 могильника Усть-Белая изготовлена из сырцовой малоуглеродистой мягкой стали (в зернах феррита – нитриды железа), другая (также из сопки 8) – из стали с участками, насыщенными высоким содержанием углерода. Предмет в заключение подвергнут закалке в холодной воде.

Обобщение полученных результатов исследования позволяет сделать следующие заключения. Основными поделочными материалами при изготовлении кузнечных изделий являлись железо и сырцовая сталь, полученная непосредственно в сыродутном горне. Металл отличается низкими показателями микротвердости структурных составляющих. Так, показатели микротвердости феррита характеризуются такими величинами (кг/мм^2): 116, 128, 135; микротвердость ферритно-перлитных структур в метастабильном состоянии составляет 151–221 кг/мм^2.

Содержание углерода в сырцовой стали колеблется в основном от 0,1 до 0,4%, редко – до 0,5–0,6% (наконечники стрел из Чагоды, Усть-Белой; наконечник копья и лопаточка из Усть-Белой). Качественная цементованная сталь встречается крайне редко; всего два случая (Усть-Белая, погребальное сооружение, нож; Усть-Белая, грунтовый могильник, нож). Редким приемом также была цементация готовых изделий – три предмета ("Дом охотника", нож; Никольское XVII, кельт; Пугино, нож). Оказалось не характерным для местной железообработки пакетирование заготовок, предусматривающее сварку в блок полос металла.

Основным приемом, повышающим рабочие качества изделий, была термическая обработка. Так, из 44 изделий, способных по содержанию углерода воспринимать закалку, термообработанными оказались 50%. Не исключено, что процент термообработанных изделий был выше, но, судя по археологическим данным, многие предметы побывали в ритуальном огне, в результате чего следы термообработки могли быть уничтожены.

Взаимосвязи между категорией изделий и технологией их изготовления не прослеживается. Так, ножи, топоры и даже скобель изготавливались в простейших технологиях – из железа и сырцовой стали (табл. 2). Отсутствует также корреляция между формой предмета и технологией, что хорошо видно на примере ножей, представленных разнообразными типами. Исключение составляют, как было отмечено, 2 экз., происходящие из могильника Усть-Белая (сопка 8), имеющие нехарактерную форму и выполненные в несвойственной для остальных орудий технологии трехслойного пакета.

Таблица 3

Технологическая характеристика кузнечных изделий из различных памятников

Памятник	Распределение изделий по технологическим схемам						Всего
	целиком из железа	целиком из сырцовой стали	из цементованной стали	цементация	пакетирование	трехслойный пакет	
Усть-Белая, сопка 8	7	6	1	–	1	2	17/3
Усть-Белая, сопка 2	–	2	–	–	–	–	2/2
Усть-Белая, "домик мертвых"	5	5	–	–	–	–	10/4
Усть-Белая, грунтовый могильник	2	2	1	–	–	–	5
Усть-Белая, кург. 3	2	1	–	–	1	–	4/1
Усть-Белая, кург. 4	–	2	–	–	–	–	2/1
Чагода, могильник	5	7	–	–	–	–	12/3
Куреваниха, поселение	3	3	–	–	1	–	7/3
Любахин, могильник	4	–	–	–	–	–	4
"Дом охотника", могильник	–	1	–	1	–	–	2/1
Никольское XVII, поселение	–	–	–	1	1	–	2/2
Пугино, могильник	2	3	–	1	1	–	7/2
Всего	30	32	2	3	5	2	74/22

Ножи подобной формы, выделенные Р.С. Минасяном в группу IV (Минасян Р.С., 1980), рассматриваются им как типично скандинавские. Материалы, которыми мы располагаем, позволяют добавить, что обычно подобные ножи изготавливались именно в технологии трехслойного пакета.

Ножи подобного типа, выполненные в трехслойной технологии, широко распространяются в древнерусских памятниках IX–XI вв., причем в технологии изготовления ножей доминирующее положение трехслойный пакет занимает в памятниках Северной Руси (Ладога, Гнездово, Новгород, Суздаль, Крутик и др.). Наиболее ранние изделия, изготовленные в этой технологии, относятся к концу VIII – началу IX в. и происходят из Старой Ладоги (Розанова Л.С., 1994). К этому же времени относятся и описанные нами ножи из Усть-Белой. Есть все основания полагать, что находки подобных ножей из Усть-Белой представляют собой импорт, указывающий на связи с северо-западом, вероятнее всего, с Ладогой.

Подчеркнем и такой факт, как отсутствие существенных различий в технологической характеристике изделий, происходящих из хронологически разных памятников (табл. 1 и 3).

Хотя в материальной культуре рассмотренных памятников археологически прослеживаются связи со славянским, балтским и степным миром, в сфере кузнечного производства это не находит отражения. Показательно в этом плане поселение Любахин I, оставленное, по данным А.Н. Башенькина, славяно-балтским населением. По технико-технологическим характеристикам кузнечного инвентаря памятник ничем не выделяется среди остальных.

В целом же кузнечный инвентарь из Молого-Шекснинского междуречья в эпоху железа отражает устойчивый консерватизм сложившихся местных финно-угорских традиций в обработке черных металлов. Несмотря на то что в материальной культуре местных племен с конца I тыс. н.э. до V в. н.э. прослеживаются культурные связи с Волго-Окским междуречьем, Поволжьем, Прикамьем, степями, а с V в. здесь даже

появляется новое население (славяно-балтское)[2], в местном кузнечном ремесле это не находит отражения. Только во второй половине VIII – начале IX в. в бассейне Мологи и Суды появляются привозные изделия, выполненные в трехслойной технологии, указывающие на северо-западные контакты местного населения. Это, видимо, связано с тем, что население этого региона включается в орбиту функционирования Балтийско-Волжского пути. Наиболее активное движение по этому пути приходится на период второй половины IX–XI в. В этот период на территории Белозерской веси среди кузнечной продукции появляется целая серия изделий, выполненных в трехслойной технологии, не характерной для местной железообработки (Хомутова Л.С., 1984).

Итак, исследованные нами материалы охватывают период с конца I тыс. до н.э. до начала IX в. На протяжении всего этого времени кузнечное производство у населения Белозерья не претерпевает каких-либо изменений, оставаясь по существу консервативным: используется металл однотипного рудного источника и применяется набор одних и тех же технологических приемов.

Располагая большим сравнительным материалом, происходящим из финно-угорских памятников разных регионов (Исланова Н.В., Розанова Л.С., 1994; Терехова Н.Н. и др., 1997), можно констатировать, что производственные традиции в обработке черных металлов весских племен хорошо вписываются в круг железопроизводства финно-угорского мира. При этом наибольшая близость прослеживается с Поволжско-Камским регионом и отдельными памятниками Верхней Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башенькин А.Н., 1989. Некоторые общие вопросы культуры веси // Культура Европейского Севера России. Вологда.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.

Башенькин А.Н., Иванищева М.В., 1988. Раскопки сопки и курганов Усть-бельского могильника на р. Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. конф. Новгород.

Исланова И.В., Розанова Л.С., 1994. Железные изделия из памятников Удомельского Поозерья // Тверской археологический сборник. Вып. I. Тверь.

Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. № 21.

Розанова Л.С., 1994. К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские чтения. Новгород.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М.

Хомутова Л.С., 1984. Техника кузнечного ремесла на земле древней веси в X в. // СА. № 1.

Государственный педагогический университет,
Вологда
Институт археологии РАН,
Москва

[2] Отметим, что все предметы из памятника Любахин I, оставленного славяно-балтским населением, оказались изготовленными целиком из железа. Трудно пока сказать, является ли это особенностью данного памятника, поскольку количество исследованных предметов малочисленно.

A.N. BASHEN'KIN, L.S. ROZANOVA, N.N. TEREKHOVA

BLACKSMITH'S CRAFT OF THE FINNO-UGRIAN POPULATION IN BELOOZERO AREA BEFORE SLAVIC COLONIZATION

Summary

Extensive field investigations carried out in Beloozero area in the last decades have yielded some valuable material for the characteristic of blacksmith's production of the Ves' tribes – the basical population in the territory in question. A selection of iron artefacts (totally 74 items) underwent technological study by means of metallographic analysis. The material originated from the sites located in the territory between the Mologa and Sheksna rivers (Table 1; Figs. 1; 2) dated from the late 1st millennium B.C. up to the early 9th century A.D. It was established, that during that period blacksmith's craft practiced by the local population had not displayed any shifts being essentially conservative. Thus, single type of metal source was used, as well as constant set of the same technological patterns. Generally speaking, in the field of ironworking the Ves' tribes were characterized by producing traditions typical of Finno-Ugrian ferrous metalworking. The closest links are observed with the materials originating from the sites of the Volga and Kama basins, and separate sites in the Upper Volga region.

Заметки

В.В. ШЕВЕЛЕВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВЕРЕТЬЕ НА ОЗЕРЕ ЛАЧА

В последнее время С.В. Ошибкиной была выделена и исследована мезолитическая культура Веретье, поселения и могильники которой сосредоточены в бассейнах крупных озер Восточного Прионежья. Эталонным памятником, получившим детальную характеристику, является торфяниковая стоянка Веретье I на восточном побережье оз. Лача (Ошибкина С.В., 1997). Вместе с тем, общее число стационарных памятников этой культуры сравнительно невелико, что ограничивает возможности ее дальнейшего изучения. Этот пробел частично восполняют два поселения с сохранившимся культурным слоем – Сиянга и Лукинчиха (нижний слой), обнаруженные недавно на северо-западном побережье оз. Лача, в 23–25 км от Веретья I (рис. 1). Несмотря на небольшой объем проведенных работ, полученные материалы (топография, стратиграфия, инвентарь) расширяют источниковедческую базу данных и представляют значительный интерес на данном этапе исследований[1].

Поселение Сиянга располагается на мысу при слиянии рек Лекшмы и Сиянги в 0,7 км к юго-востоку от д. Жеребчевской, на расстоянии 3,5 км от оз. Лача. Шурф площадью 1 м^2 был заложен на пологом склоне террасы, переходящей у берега в заболоченную торфянистую низину. На исследованном участке выявлена следующая стратиграфия: дерн – 2 см, гумус (пахотный слой) – 25 см, желтая прослойка – от 3 до 5 см, оторфованный песок – от 20 до 25 см, морена (материк). Культурные остатки залегали только в слое песка. Среди находок представлены кремневые и костяные орудия, отщепы и ножевидные пластины, фрагменты костей животных. Отсутствие керамики и типологический анализ изделий позволяют датировать культурный слой эпохой мезолита.

Единственное костяное орудие – фрагмент однорядного гарпуна (зубчатого острия) с клювовидными зубцами (рис. 2, *1*). Сохранились два нижних зубца и длинный приостренный насад, дающие представление о форме изделия. В целом она соответствует зубчатым остриям типа I (по С.В. Ошибкиной), наиболее характерным для культуры Веретье. На поселении Веретье I их найдено 69 экз., что составляет 46,3% от общего числа гарпунов (Ошибкина С.В., 1997, с. 72, табл. XX, *1*).

Кремневые орудия представлены иволистным черешковым наконечником стрелы и скребком. Наконечник изготовлен из двугранной микропластины, вторичная обработка его минимальна. Мелкой ретушью, нанесенной только со стороны брюшка, тщательно выделены острие и короткий черешок (рис. 2, *2*). Скребок сделан из короткого пластинчатого отщепа и относится к типу концевых со скошенным лезвием (рис. 2, *3*). Подобные изделия, правда, более крупных размеров, также найдены в Веретье I (Ошибкина С.В., 1997, рис. 32, *3*, *4*; 38, *15*).

Характерной особенностью комплекса следует считать наличие большого числа

[1] Разведочные раскопки проводил в 1987 и 1989 гг. отряд КФ РАН (И.С. Манюхин, А.М. Спиридонов, В.В. Шевелев).

© В.В. Шевелев, 1999 г.

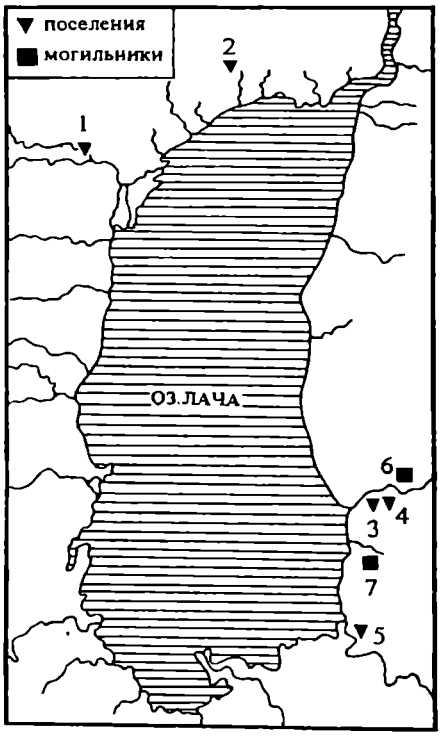


Рис. 1

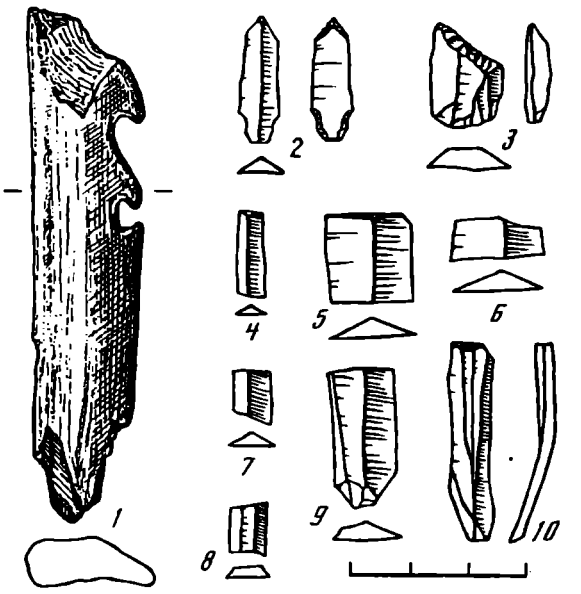


Рис. 2

Рис. 1. Памятники культуры Веретье на оз. Лача. *1* – Сиянга; *2* – Лукинчиха (нижний слой); *3* – Веретье I, *4* – Нижнее Веретье, *5* – Сухое, *6* – Попово; *7* – Песчаница

Рис. 2. Сиянга. Костяные и кремневые орудия

ножевидных пластин и их сечений (31 экз.) (рис. 2, *4–10*). Преобладают правильно ограненные пластинки небольших размеров. Их ширина составляет 0,5–1,5 см, следы вторичной обработки отсутствуют. Аналогичные изделия без ретуши, широко представленные в коллекции Веретья I, по заключению С.В. Ошибкиной, использовались как вкладыши составных орудий (Ошибкина С.В., 1997, с. 44–46, 68). Большое значение вкладышевой техники в индустрии культуры Веретье (Веретье I, Попово) наглядно иллюстрируют уникальные находки костяных и деревянных орудий с сохранившимися в пазах кремневыми пластинами (Ошибкина С.В., 1982, рис. 4, *5*; 1983, рис. 26; табл. 37, *2*; 42, *4*; 63, *1*).

Поселение Лукинчиха располагается на невысоком возвышении в болоте, рядом с мощным источником, из которого вытекает р. Лукинчиха, впадающая в оз. Лача. Расстояние до оз. Лача составляет примерно 1,8–2,0 км. В шурфе площадью 4 м^2 зафиксирован следующий стратиграфический разрез: дерн – 15 см, черный торф – от 16 до 40 см, коричневый торф – от 5 до 20 см, оторфованный песок – от 12 до 35 см, светло-коричневая почва (материк). В верхней части черного торфа залегал культурный слой эпохи бронзы. Здесь найдены фрагменты сетчатой и фатьяноидной керамики (около 80 экз.), наконечник стрелы сейминского типа, ланцетовидный наконечник с пильчатой ретушью, обломок кремневой зооморфной фигурки. В коричневом торфе найден вещевой материал эпохи неолита. Типологически выделяются два комплекса: ямочно-гребенчатая керамика каргопольской культуры (182 экз.) и керамика типа Модлона (117 экз.). Характерные формы орудий – сланцевый топор и желобчатое долото, кремневые листовидные наконечники с двусторонней ретушью, нож с выделенным черенком. В песке, перекрытом коричневым торфом, выявлен культурный слой эпохи мезолита, что подтверждается данными стратиграфии и типологией инвентаря.

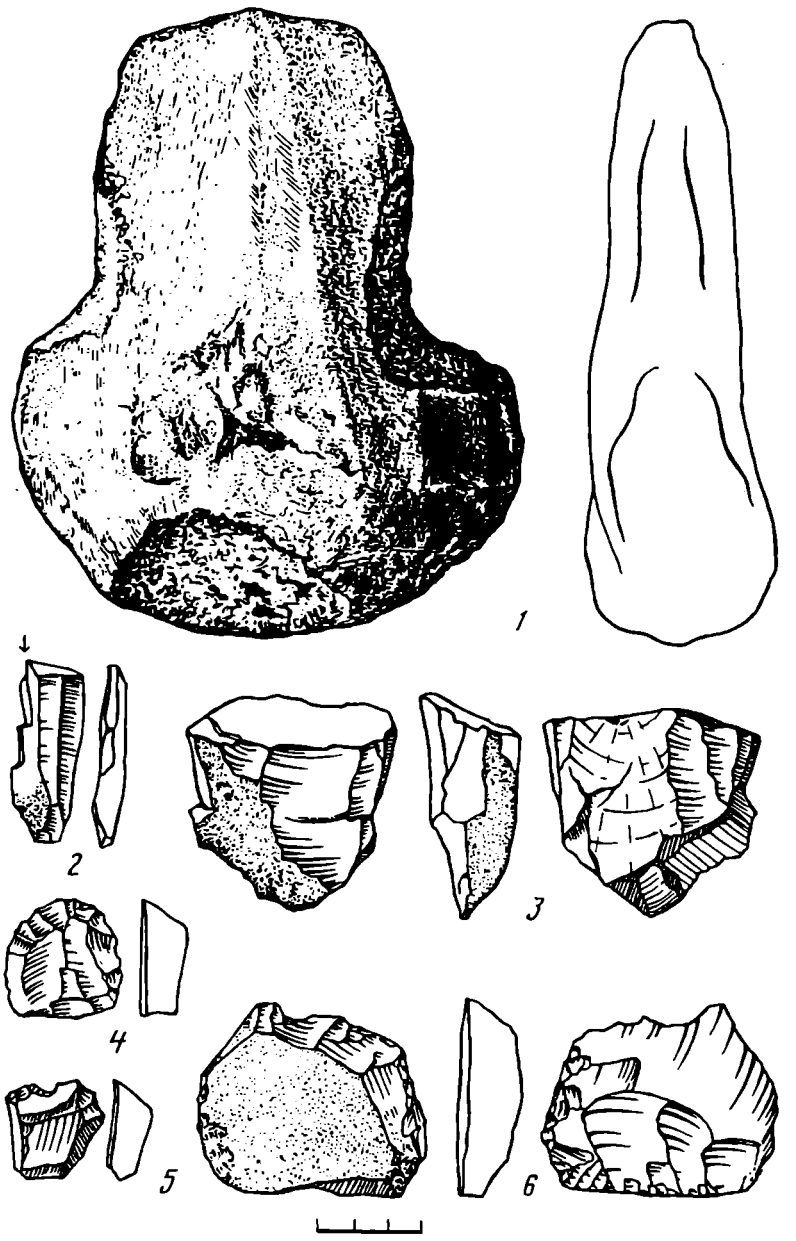


Рис. 3. Лукинчиха (нижний слой). Каменные орудия

Культурный слой мезолитической стоянки расположен ниже уровня грунтовых вод и представляет собой темный оторфованный песок с окатанной галькой. Он был интенсивно насыщен культурными остатками и содержал большое количество органики (ветки, куски дерева, сосновой коры и бересты). Залегание культурного слоя на низких берегах рек и озер, под торфом и в основании коричневого торфа характерно для мезолитических стоянок бореального периода, например, Веретья I. Сравнение показывает, что разрез отложений Лукинчихи в целом повторяет общую стратиграфическую колонку Веретья I, которая надежно датирована на основании радиоуглеродного и палинологического анализов (Ошибкина С.В., 1997, с. 15–18, 189–191).

Общая статистика изделий мезолитического времени не поддается учету, поскольку на исследованном участке напластования мезолита и неолита не разделяются стерильной прослойкой, что неизбежно привело к смещению материала. Поэтому мезолитический комплекс выделяется типологически и по характеру сырья. В целом, в слое отмечается преобладание изделий из кремня голубоватого, серого и черного цвета, часто сохраняющих меловую желвачную корку. Показательно, что анало-

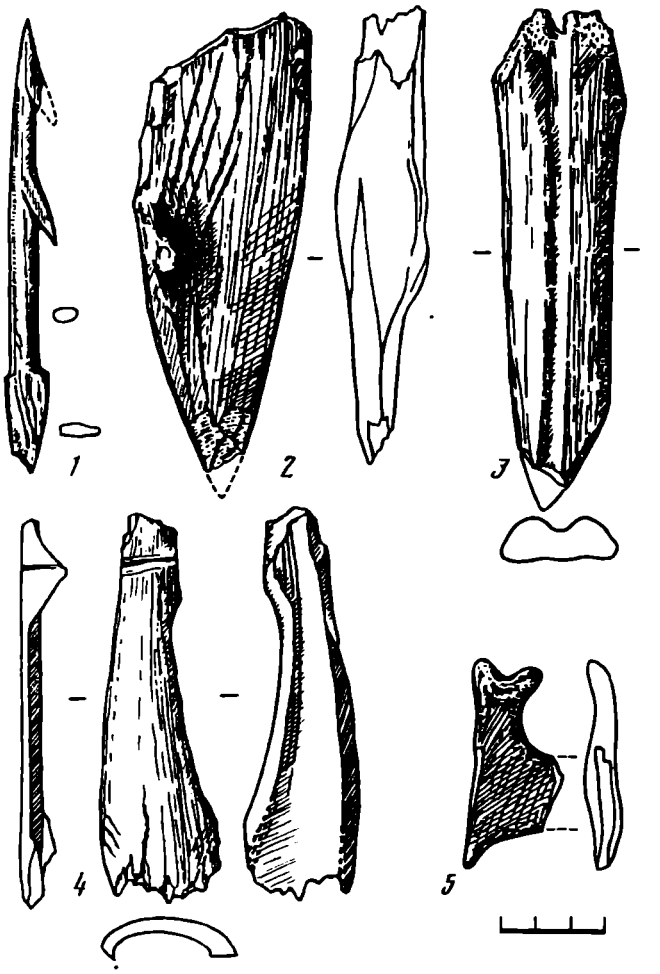


Рис. 4. Лукинчиха (нижний слой). Костяные и роговые изделия

гичное сырье использовалось и на поселении Веретье I (Ошибкина С.В., 1997, с. 41, 42).

Кремневые изделия с первичной обработкой представлены крупными нуклевидными кусками, отщепами и осколками аморфной формы. Выделяется уплощенный нуклеус так называемой ладьевидной или килевидной формы (рис. 3, *3*). Подобные нуклеусы представлены значительной серией на поселении Веретье I и являются оригинальной формой, свойственной культуре Веретье (Ошибкина С.В., 1997, с. 44, рис. 25, *6–9*).

Орудия немногочисленны. Среди них имеются массивные скребки с округлым рабочим краем, скобель, крупные скребловидные орудия, резец на углу ножевидной пластины (рис. 3, *2*, *4–6*). Ножевидные пластины и сечения пластин представлены единичными экземплярами. Единственной находкой из серого кристаллического камня является крупное уплощенное орудие грушевидной формы, условно названное молотом (рис. 3, 1). Оно сохраняет естественную форму заготовки, поверхность которой лишь слегка подшлифована. Обух выделен по краям двумя выемками, выбитыми в технике пикетажа. Массивная ударная часть имеет характерные следы износа. Аналогии этому комплексу, за исключением молота, также могут быть указаны в материалах стоянки Веретье I (Ошибкина С.В., 1997, с. 56–63, рис. 35, *9*, *10*, *22*; 39, *1*, *2*; табл. IV, *8*; V).

Костяные и роговые изделия включают трудноопределяемые обломки трубчатых костей со следами шлифовки, надрезов и продольных надпилов, отростки рога со срезами и шлифовкой, пробитую фалангу животного, а также несколько выразительных изделий.

Интересен однорядный двузубый гарпун с насадом, оформленным в виде приостренной лопатки (рис. 4, *1*). Он является редким типом изделий, впервые встреченным в мезолите Севера европейской части России. Два других орудия условно названы остриями, поскольку их назначение остается неясным. Одно изготовлено из локтевой кости животного с частично срезанным естественным выступом (рис. 4, *2*), второе – из метаподия с естественным продольным желобком (рис. 4, *3*). Рабочей частью обоих орудий являются заостренные концы, заточенные в одном случае по центру оси, в другом – с небольшим отклонением от нее. Оба острия имеют определенное типологическое сходство с аналогичными изделиями Веретья I (Ошибкина С.В., 1997, рис. 51, *1–4*; табл. XXV). Еще одной характерной находкой является скребок (или тесло), сделанный из расколотой вдоль трубчатой кости животного (рис. 4, 4). Боковые стороны орудия оформлены с помощью продольных надпилов, по которым были отколоты лишние, выступающие части заготовки. Рабочим краем служил выгнутый поперечный конец кости со следами износа. Подобный тип костяных скребков также имеет аналогии в коллекции поселения Веретье I (Ошибкина С.В., 1997, с. 85, 86, рис. 60, *1–6*, табл. XXVIII, *1, 2, 5–9*). Уникальной находкой является роговая зооморфная фигурка с двумя выступами, показывающими поднятые уши животного (рис. 4, 5). Изделие частично фрагментировано. Поэтому не исключено, что оно завершало орудие типа острия или кинжала. В аналогичной манере оформлены рукояти ножа и кинжала из Веретья I (Ошибкина С.В., 1997, с. 77, рис. 49; с. 138, рис. 113) и кочедыка из Нижнего Веретья (Фосс М.Е., 1941, с. 54, табл. VII, *4*). Общей деталью, объединяющей данные изделия, являются выступы, напоминающие поднятые уши. Стилизованные изображения этого типа, видимо, можно считать специфической чертой культуры Веретье.

Подводя итоги типологического анализа, отметим, что даже предварительная характеристика материала поселений Сиянга и Лукинчиха (нижний слой) позволяет вполне определенно датировать их эпохой мезолита и включить в круг памятников культуры Веретье. Однако для конкретного решения вопросов относительной и абсолютной хронологии необходимо накопление дополнительных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ошибкина С.В., 1982. Мезолитический могильник "Попово" на р. Кинеме // СА. № 3.

Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.

Ошибкина С.В., 1997. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.

Фосс М.Е., 1941. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. Вып. XII.

Каргопольский музей-заповедник

Г.А. ЛОРДКИПАНИДЗЕ, Г.Г. КИПИАНИ

БОЕВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

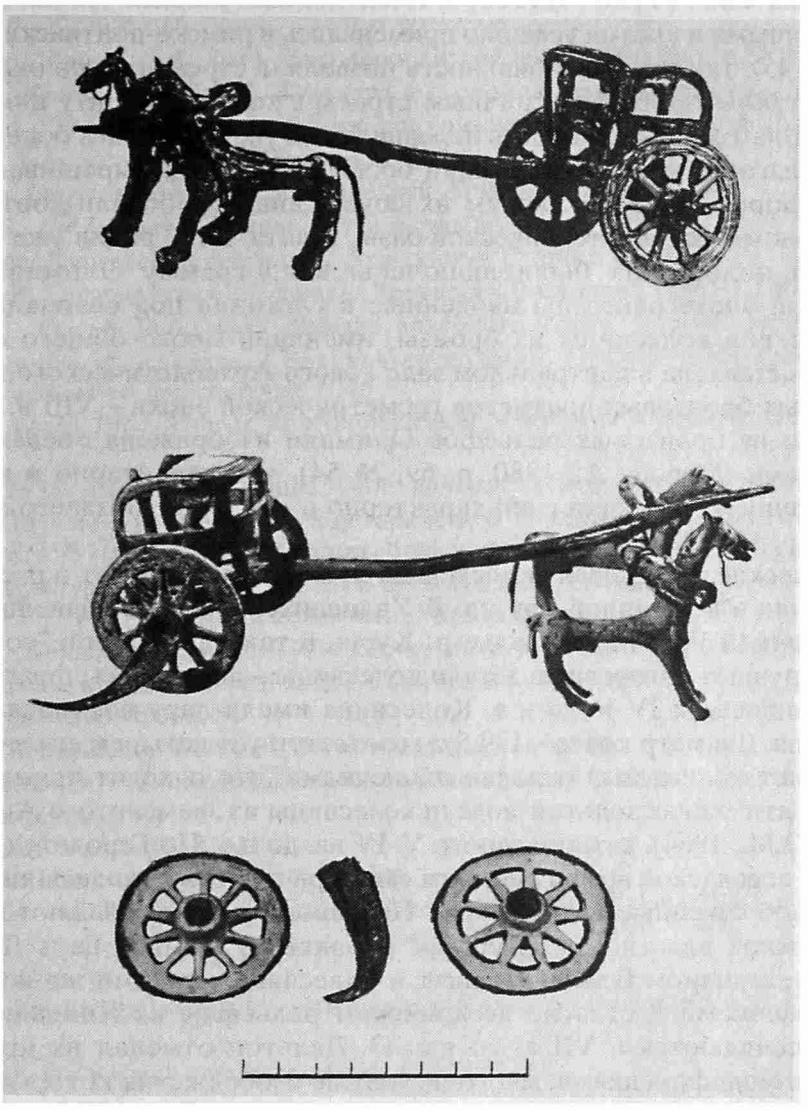
Проблемы военной археологии, история оружия и военной техники – важнейшие аспекты мировой культуры – традиционно привлекают внимание исследователей. Революционным скачком в военном деле принято считать овладение верховой ездой в евразийских степях (Массон В.М., 1998, с. 8). В свете вышесказанного особый интерес вызывает вопрос о времени появления колесниц и колесничей аристократии.

© Г.А. Лордкипанидзе, Г.Г. Кипиани, 1999 г.

Боевые колесницы Г. Чайлд относил к разряду древних военных машин, по тактико-техническому значению сравнивая их с современными танками, против которых не могло устоять ни войско варварских племен, ни мятежное население сельских поселений (Чайлд Г., 1956, с. 232). Интерес ученых к проблеме возникновения этих боевых машин в связи с военной, этнической и социальной историей древнего мира не угасает (Piggot S., 1968, p. 266–271). Вместе с тем, как это неоднократно подчеркивается в специальной литературе, проблема генезиса боевых колесниц в Евразии еще не разработана в должной мере и вызывает споры (Джапаридзе О.М., 1976, с. 279, 337; Ковалевская В.Б., 1977).

Особое внимание привлекают кавказские археологические материалы, ибо изобретателями легких боевых колесниц считаются хурриты (The Cambridge Encyclopedia, 1982, p. 125, 133), народ предположительно кавказского происхождения, пришедший на просторы Ближнего Востока в начале II тысячелетия до н.э. Специальное колесничное войско составило главную ударную силу египетского войска; как полагают, колесницы были заимствованы египтянами у хурритов. Колеса египетских тяжелых колесниц имели по восемь спиц. Из ближневосточного ареала в результате миграции индоевропейских племен, в том числе и через Кавказ, боевые колесницы распространяются по всему миру. Легкие колесницы в XVI–XIII вв. до н.э. бытуют в Европе, в Малой Азии и Средиземноморье (Чередниченко Е.К., 1976, с. 144; Кожин П.М., 1966, с. 71–81). Они связаны с мифологическим образом бога Солнца (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 738). Концом III тысячелетия до н.э. датирован курган Бедени (Восточная Грузия), где была обнаружена четырехколесная боевая колесница (Мелитаури К.К., 1970, с. 8–10), что подтверждает их раннее появление на Кавказе. Новейшие археологические открытия в Закавказье позволяют заключить, что в эпоху расцвета триалетской культуры был известен данный элитарный вид профессионального вооружения (Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 1998, с. 36). Благодаря боевым колесницам возросла мобильность войск, появилась возможность стремительного окружения пехоты или ее преследования до конца. Появление легких колесниц считается важным техническим прогрессом, благодаря чему скорость передвижения войска увеличивалась более чем в 10 раз. Атака колесничным строем с ходу по фронту, с флангов, в обход с тыла делала их грозным оружием. В силу своего большого стратегического значения, задолго до изобретения седла и стремян, колесница стала символом знати и ее военного могущества. Думается, что именно с этим следует связывать появление изображения колесниц на широких листовых бронзовых гравированных поясах кавказских воинов I тысячелетия до н.э. Именно к началу I в. до н.э. резко возрастает значение боевых колесниц в военном искусстве Ассирии и Урарту, откуда они распространились в Закавказье (Пиотровский Б.Б., 1962, с. 340–343). Это подтверждается новыми археологическими находками из Восточной Грузии.

Модель боевой колесницы с двумя скульптурами коней была случайно обнаружена в Тетрицкаройском районе Грузии, в местечке Гохеби, на вершине горы, не потерявшей культового значения и в наши дни (Пицхелаури К., Дедабришвили Ш., 1979). Бронзовая литая модель двухколесной боевой колесницы длиной 19 см и высотой 8 см (рисунок) состоит из ажурного кузова, разделенного на два отсека, открытого с задней стороны, и длинного, изогнутой формы, заостренного дышла, на котором с помощью заклепки укреплено перекладина-ярмо, с впряженной в хомуты парой коней. Сохранились обрывки бронзовой ленточной сбруи. Отдельно отлиты в форме массивные колеса с цилиндрическими втулками, с девятью и с десятью спицами. Вероятно, это не случайность, так как в одном из курганов с. Лчашен (Армения) конца II тыс. до н.э. была обнаружена схожая модель боевой колесницы с легким кузовом, вогнутым дышлом и колесами, одно из которых имело восемь спиц, другое – девять. Массивные колеса при помощи цилиндрической втулки надевались на неподвижную ось, расположенную под кузовом. Для предупреждения соскакивания колес с оси использовались вставные чеки. О их наличии можно судить по специфическим пазам в



Бронзовая литая модель боевой колесницы из Гохеби (Восточная Грузия) VII в. до н.э. и ее детали

отверстиях и конце оси модели. Как известно, на ось надевали боевые косы. Полая имитация такой косы представлена и на нашей модели. В кузове колесницы помещались два воина, возница и стрелок из лука, скульптурки которых до нас не дошли. Поскольку сопровождающий археологический материал не зафиксирован, мы можем лишь предположительно судить о функциональном назначении базовой модели боевой колесницы из Гохеби. Считают, что моделями в курганных погребениях эпохи поздней бронзы символически заменяли дорогостоящие боевые колесницы (Есаян С.А., 1966, с. 139–142). Надо думать, что и в нашем случае это не просто абстрактная модель боевой колесницы, а ее точная копия, уменьшенная для определенной практической цели. Масштаб модели определяется как 1 : 36. Это классический тип боевой колесницы с осью в центре кузова, широко распространенный в VIII–V вв. до н.э. от материковой Греции до областей скифов и сарматов (Snodgrass A., 1964, p. 159–162; Кожин П.М., 1969, с. 92).

С V в. до н.э. появляются "серпоносные" боевые колесницы (Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980, с. 231), продолжавшие существовать в эллинистическую эпоху. Специалисты считают, что боевые колесницы в Иране использовались вплоть до конца ахеменидской державы, однако в качестве небольших подразделений спе-

циального назначения (Фрай Р., 1972, с. 152; Эллинистическая техника, 1948, с. 274), колесницы с серпами и косами успешно применялись в римско-понтийских войнах (App. Mithr., XII, 18, 45), так как их мобильность позволяла стремительно окружать пехоту противника, атаковать его колесничным строем с хода по фронту или с флангов, в обход с тыла. Благодаря им скорость передвижения увеличивалась более чем в 10 раз. Вместе с тем изготовление конструкции боевых колесниц, выращивание и тренинг специальных пород лошадей, режим их содержания требовали соответствующей социально-экономической и технической базы. В античной Греции уже в 680 г. до н.э. состязания на колесницах были включены в программу Олимпийских игр. К геометрической эпохе отнесены найденные в Олимпии под основанием Герайона фрагменты боевой колесницы из бронзы, имеющей много общего с моделью из Гохеби. Она выставлена в центральном зале нового Археологического музея в Олимпии среди малых бронзовых предметов геометрической эпохи – VIII в. до н.э. Кроме того, на одном из бронзовых рельефов Олимпии изображена боевая колесница с восемью спицами (Manolis A., 1980, p. 69, № 54), что характерно и для урартских колес. Увеличение количества спиц характерно и для более позднего времени (Connolly P., 1981, p. 124, 125).

Археологические исследования последних лет свидетельствуют о распространении боевых колесниц и в античной Грузии. В Уплисцихе, одном из виднейших городских центров Восточной Грузии, в ущелье р. Куры, в так называемой "сокровищнице", обнаружены крупные обгоревшие детали колесницы – дышло, ось, фрагменты кузова, колеса, относящиеся к IV в. до н.э. Колесница имела пару восьмиспицевых колес восточного типа. Диаметр колес – 179,5 см соответствует четырем египетским локтям. Железный облет колеса был отделан шишечками, что находит прямые аналогии с колесами о девяти спицах золотой модели колесницы из знаменитого Амударьинского клада (Dalton O.M., 1964), датированного V–IV вв. до н.э. По Геродоту (VII, 40), вслед за авангардом персидской армии двигался сам царь на боевой колеснице. Такого типа колесницы, изображенные на рельефах Персеполиса, представляют собой символ верховной царской власти. На известной мозаике из Помпей царь Дарий III, преследуемый Александром Великим, сидит в колеснице с такими же колесами, снабженными шишечками. Согласно ассирийским рельефам из Ниневии (669–635 гг. до н.э.), они появляются в VII в. до н.э. О. Дальтон отмечал их прямую связь с ахеменидскими модификациями, многочисленные изображения которых встречаются на вышеуказанных парадных рельефах, а также на многих памятниках глиптики и на монетах. Как выясняется, аналогичной конструкции колесницы были известны и в древней Грузии. На Ванском городище (Западная Грузия), которое являлось важнейшим стратегическим пунктом Митридата VI Евпатора, при раскопках обнаружен фрагмент рельефного фриза II–I вв. до н.э. с изображением колесницы и возничего (Лордкипанидзе О.Д., 1983, с. 473). Обод колеса имеет на поверхности характерные шипы, круглые выступы, своеобразные протекторы, зацепы, повышающие проходимость боевых колесниц. Данная техническая деталь характерна именно для восточных, в данном случае, возможно, для понтийских колесниц. Как было сказано, "серпоносные колесницы" широко применялись в римско-понтийских войнах. Об их тактических и стратегических возможностях подробно пишет Плутарх, что главное из них – продолжительный разбег. На коротком расстоянии колесницы были бесполезны и бессильны (Plut. BP. Sulla, XV, XVI, XVIII).

Приведенный нами археологический материал позволяет заключить, что в военном деле и быту правящей верхушки античной Грузии боевые и парадные колесницы занимали определенное место. Колесницы являлись одним из атрибутов и символов верховной царской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.

Джапаридзе О.М., 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. (На груз. яз. с русским резюме).

Есаян С.А., 1966. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.

Кожин П.М., 1966. Киосские колесницы // Археология Старого света. М.

Кожин П.М., 1969. О сарматских повозках // Древности Восточной Европы. МИА. № 169.

Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 1988. Ранние археологические свидетельства появления и развития дружины на Кавказе // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.

Лордкипанидзе О.Д., 1983. Новые археологические открытия в Вани // Памятники культуры. Л.

Массон В.М., 1998. Война как социальное явление и военная археология // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.

Мелитаури К.К., 1970. Четырехколесная боевая колесница древней Грузии // Друзья памятников культуры. Тбилиси. (На груз. яз. с русским резюме).

Пиотровский Б.Б., 1962. Урартская колесница // Древний мир. М.

Пицхелаури К., Дедабришвили Ш., 1979. Отчет кахетской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в Грузии в 1976. Тбилиси.

Фрай Р., 1972. Наследие Ирана. М.

Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.

Чередниченко Е.К., 1976. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Эллинистическая техника, 1948. М.; Л.

Connolly P., 1981. Greece and Rome at war. London.

Dalton O.M., 1964. The Treasure of the Oxus with other examples of early Oriental Metal-work. 3-rd Ed. London.

Manolis A., 1980. Olimpia. Athen.

Piggot S., 1968. The Earliest wheeled vehicles and the Cancasian Evidence // The Preistoric Society, N 3.

Snodgrass A., 1964. Early Greek Armur and Weapons. Edinburgh.

The Cambridge Encyclopedia, 1982. London.

Тбилисский государственный университет
им. М. Джавахишвили
Мцхетский археологический институт
АН Грузии

К. АБДУЛЛАЕВ

АХЕМЕНИДСКАЯ ГЕММА ИЗ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

В зале Восточного искусства Британского музея (раздел, посвященный Индии) экспонируется сердоликовая гемма из коллекции Ч. Массона с изображением женской фигуры со львом. Гемма датируется I–II вв. н.э. и атрибутируется как произведение гандхарской глиптики[1].

[1] Гемма значится под шифром АО 1880-3486.

© К. Абдуллаев, 1999 г.

Рис. 1. Гемма из Британского музея (OA 1880-3486). Фотография оттиска

Рис. 2. Гемма из Британского музея (OA 1880-3486). Прорисовка

Гемма (рис. 1, 2) имеет овальную форму, композиция "вписана" в горизонтальном направлении. Сердолик розовато-красного оттенка мутно-прозрачный на просвет. В поле – изображение льва, идущего вправо, навстречу ему – женская фигура в профиль. Образ хищника трактован в довольно реалистической манере. Мощная грива передана волнистыми параллельными линиями, пасть приоткрыта в оскале. Конец хвоста с утолщением на конце – кистью – поднят вверх, лапы завершаются тремя округлыми шишечками, означающими подушечки с когтями.

Женская фигура изображена несколько более схематично. Ее голова увенчана зубчатой короной, руки согнуты в локтях и вытянуты вперед (жест адорации). На ней – свободно драпирующееся полупрозрачное платье со струящимися складками. Драпировка следует косыми складками от бедер, нижний край платья, оставляющий открытыми ступни, обозначен горизонтальной рельефной линией. Это одеяние и по форме, и по манере передачи более всего напоминает персидское платье эпохи Ахеменидов.

Общие пропорции фигуры с выступающим бюстом, подчеркнутыми ягодицами, а также прием выделения последних косыми штрихами драпировок очень характерны для ахеменидского пластического стиля. Таким образом, есть все основания предполагать принадлежность данной гаммы к иранскому изобразительному комплексу эпохи Ахеменидов. Еще одна характерная деталь, подтверждающая иранское происхождение сюжета, – форма прически. Закинутые за спину прямые длинные волосы заплетены в косы, украшенные шариками на концах, что является традиционным для ахемединского искусства. Забегая вперед, отметим, что весь облик этой фигуры, вплоть до мельчайших подробностей вроде шариков, украшающих косы, столь характерен и постоянен, что мог бы служить "визитной карточкой" изображения женщины в ахеменидском искусстве.

Обратимся к аналогиям названной выше композиции. Наиболее близкие мотивы встречаются прежде всего на самих геммах. В этом отношении интересна, например, цилиндрическая печать из Государственного Эрмитажа, найденная близ Анапы. На ней изображена сцена адорации. Слева – фигура великого царя с поднятыми в знак молитвенного приветствия руками. Царь стоит вправо, встречая идущего к нему льва; на спине – стоящая фигура божества в лучистом сиянии. Изображенное божество идентифицируется с образом великой иранской богини Анахиты (Briant P., 1997, p. 92). Несмотря на некоторые различия в композиции, можно найти массу общих признаков и в иконографии божества, и в манере изображения хищника. Так, например, для обоих персонажей характерен один и тот же головной убор в виде зубчатой короны (corona

muralis), которая подчеркивает царственное или божественное положение изображаемого. Подчеркнем, что в ахеменидском государстве понятия бога и царя (наместника бога) часто сближаются и это явление полностью отражается в изобразительном искусстве. На гемме из Британского музея одним из определяющих элементов атрибуции является костюм персонажа, поэтому в данном случае следует обратить особое внимание на его формы и характерные детали.

Трудность анализа женского костюма заключается в том, что древние иранцы очень редко изображали женщин. Трудно объяснить, чем вызвано такое неравноправное положение в социальной структуре иранского общества. Существует предположение, что персы очень редко изображали покойных женщин (Goldman B., 1992). Блестящие по своим художественным достоинствам рельефы Персеполя, Суз, Накш-и Рустама практически не включают женских изображений. В связи с этим исключительную важность приобретает изучение произведений малых форм. Наиболее известными в этом отношении являются геммы и печати этого периода (Boardman J., 1970, p. 309–317, fig. 311, 854, 879, 903).

Рис. 3. Прорисовка женского изображения с геммы ахеменидского времени из Берлинского музея (Boardman J., 1970, fig. 854)

Профильное изображение стоящей женщины – довольно распространенный сюжет в греческой глиптике классического и эллинистического периодов. Остается дискуссионным вопрос о принадлежности некоторых образцов гемм резцу греческих или иранских мастеров. Если одни из них демонстрируют соразмерность пропорций и изящество линий, свойственное греческому искусству, то другие отличаются большей степенью условности, огрубленностью черт и пропорций.

Иконография, представленная на геммах, демонстрирует как платье, так и предметы повседневного обихода, которые являются важными элементами при этнокультурной идентификации персонажей. Наиболее часто встречается длинное одеяние[2], поясная часть которого оформлена каскадными горизонтальными складками, перемежающимися со свободно ниспадающими фалдами. Одно из таких изображений – халцедоновый скарабеоид из Берлинского музея (Boardman J., 1970, fig. 854). Фигура женщины дана в профильном ракурсе. В руках у нее блюдце и кувшинчик (рис. 3). Форма ее платья во многом напоминает изображение на гемме из Британского музея: те же расширяющиеся книзу рукава с продольными частыми складками, спереди вертикальными линиями обозначено несколько складок. Можно отметить аналогичную манеру в передаче прически в виде косы, закинутой за спину и украшенной на конце шариками.

Близки к этим изображениям и некоторые геммы из Британского музея (Boardman J., 1970, fig. 879, 903).

На резных камнях классического и эллинистического периодов с персидскими мотивами, как правило, светского характера, мы видим однообразную, четко зафиксированную прическу у женщин – сплетенные за спиной волосы, украшенные на конце округлыми шариками (бубенчики?); возможно, в косы вплетались и цветные ленты. Интересно в этой связи сообщение китайской хроники Бейши относительно уборов персидских женщин. Хотя источник относится к более позднему периоду, тем не менее он описывает убор именно таким, каким он изображен на геммах: "Женщины у них носят длинные рубашки и большие епанчи нараспашку; волосы у них напереди

[2] О женском костюме ахеменидского времени см.: (Abdullaev K., Bedanova E., in press.).

собраны в пучок и убраны золотыми и серебряными цветами; впрочем, спускают их на плечи в нитях из разноцветных шариков" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 261).

Изображение льва в ахеменидском искусстве во многом является продолжением традиций Ассирии (Perrot A., 1981, fig. 63–66, 74, 75, 192, 201) и Мидии (Ghirshman R., 1982, fig. 95, 107, 127), в изобразительных комплексах которых столь часты сцены охоты или единоборства героя и хищника. Мотив этот – один из наиболее популярных и уходит корнями в глубокую древность. Во всяком случае композиция на цилиндрической печати (Государственный Эрмитаж) с женским божеством на спине хищника – не что иное, как отголосок культовых изображений божеств из Тель Халафа (Perrot A., 1981, fig. 95, 96), стоящих на пьедесталах, установленных на спинах реальных или фантастических животных. В ахеменидском искусстве изображение львов также популярно, особенно в сценах охоты или единоборства. Образ царя зверей – также один из излюбленных мотивов в репертуаре античных мастеров. Наиболее близки к рассматриваемому образцу геммы с изображением львов из Национальной библиотеки (Париж) и Дрездена (Boardman J., 1970, fig. 865, 907, 932).

Сцена, изображенная на гемме из Британского музея, носит явно культовый характер. Жест адорации персонажа предполагает, по всей вероятности, культ того божества, чьим непременным спутником является данное животное. Трудно ответить, какого именно, хотя выше приводилась версия об Анахите – одном из верховных божеств древних иранцев. С другой стороны, пока нет оснований отвергать и другие предположения, ведь образ льва можно связать и с другими божествами древнего Востока, равно популярными в народной среде. Здесь можно вспомнить о малоазийской богине Кибеле, чей культ в эпоху античности распространяется далеко за пределы Азии и Ближнего Востока, а также о богине Нане или Нанайе, чтимой в Средней Азии в античный и особенно в позднеантичный периоды.

Итак, из обзора вышепривлеченных аналогий гемму из Британского музея можно датировать не позднее IV в. до н.э. и отнести ее к кругу памятников искусства ахеменидского Ирана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.

Abdullaev K., Bedanova E. (in press). Bactrian dress in the Achaemenian Period // Mesopotamia.

Boardman J., 1970. Greek Gems and finger Rings. London.

Briant P., 1997. Darius, les perses et l'Empire. Paris.

Ghirshman R., 1982. Arte Persiana. Proto-iranici, Medi e Achemenidi. Milano.

Goldman B., 1992. Womens Robes. The Achaemenian Era // Bulletin of Asia Institute. New Series. V. 5. Michigan.

Perrot A., 1981. Gli Assiri, Milano.

Институт археологии АН РУз,
Самарканд

А.Б. ЛАГУТИН

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ МЕТАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ИЗ РАСКОПОК ГРЕКО-СКИФСКОГО ГОРОДИЩА КАРА-ТОБЕ В КРЫМУ

Греко-скифское городище Кара-Тобе находится на окраине с. Прибрежное Сакского района Крыма. Во время его раскопок в 1989–1994 гг.[1] было обнаружено 22 наконечника стрел и по одному наконечнику дротика и копья (Внуков С.Ю., в печати) (рис. 1). К сожалению, два наконечника стрел полностью разрушились.

Все сохранившиеся наконечники стрел – железные трехлопастные черешковые. У некоторых из них утрачены незначительные части головок. 17 сохранившихся наконечников имеют лопасти, срезанные под прямым углом к черешку (рис. 1, *1–16, 20*), два – под острым (рис. 1, *17, 18*) и один – под тупым (рис. 1, *19*). Длина головок варьирует от 2 до 3 см, большинство имеет длину – 2,5–3 см. Ширина проекции нижнего края головок колеблется от 1 (рис. 1, *3*) до 1,6 (рис. 1, *16, 18*) см, но в основном она не превышает 1,3 см.

Черешок сохранился полностью только у четырех наконечников (рис. 1, *11, 14, 16, 18*), еще у пяти – большая его часть (рис. 1, *2, 13, 15, 19, 20*). У остальных наконечников он утрачен. Длина полностью сохранившихся и достоверно восстанавливаемых черешков варьирует от 1,2 (рис. 1, *18*) до 2,5 см (рис. 1, *6, 16*). Можно предположить, что длина большинства черешков была около 2 см. Диаметр черешков колеблется от 2,5 (рис. 1, *4, 6*) до 4 (рис. 1, *2, 12*) мм и только в двух случаях достигает 5 мм (рис. 1, *19, 20*).

Таким образом, средняя длина наконечников колеблется от 3,7 (рис. 1, *14, 18*) до 5,5 см (рис. 1, *11, 16*).

Большинство описываемых наконечников стрел можно условно разделить на две разновидности: крупные – с головками длиной от 2,5 до 3 см и черешками до 2,5 см (рис. 1, *1–11*) и мелкие – с головками около 2 см и черешками до 1,8 см (рис. 1, *12–15*). Ширина проекции нижнего края головок у наконечников обеих разновидностей не превышает 1,4 см, а средний диаметр черешков 4 мм.

Исключение составляют пять наконечников (рис. 1, *16–20*). Один из них отличается от остальных лишь шириной проекции нижнего края головки – 1,6 см (рис. 1, *16*). По остальным показателям этот наконечник принадлежит к разновидности крупных – его общая длина 5,3 см при длине головки 3 см. Другой нестандартный наконечник также имеет ширину проекции нижнего края головки 1,6 см, лопасти, срезанные под острым углом к черешку, и короткий, конический черешок (рис. 1, *18*). У остальных наконечников он заостряется лишь на конце. Еще у одного наконечника утрачены черешок и нижняя часть головки, но ширина проекции сохранившегося края его головки, около 1,5 см (рис. 1, *17*), позволяет предположить, что он был аналогичен только что описанному (рис. 1, *18*), тем более что оба наконечника были найдены в одном комплексе. Следующий наконечник отличается от большинства срезанными под тупым углом к черешку лопастями и необычной толщиной самого черешка – 5 мм (рис. 1, *19*). Последний наконечник необычен также диаметром черешка – 5 мм. Головка данного наконечника сохранилась неполностью – утрачено ее острие, но даже при этом ее длина 3,2 см, восстанавливаемая длина – не менее 4 см (рис. 1, *20*).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 96-01-00-298 "Греки и варвары в Северо-Западном Крыму".

[1] Автор выражает благодарность за возможность публикации данного материала и помощь в его обработке руководителю раскопок к.и.н. С.Ю. Внукову.

© А.Б. Лагутин, 1999 г.

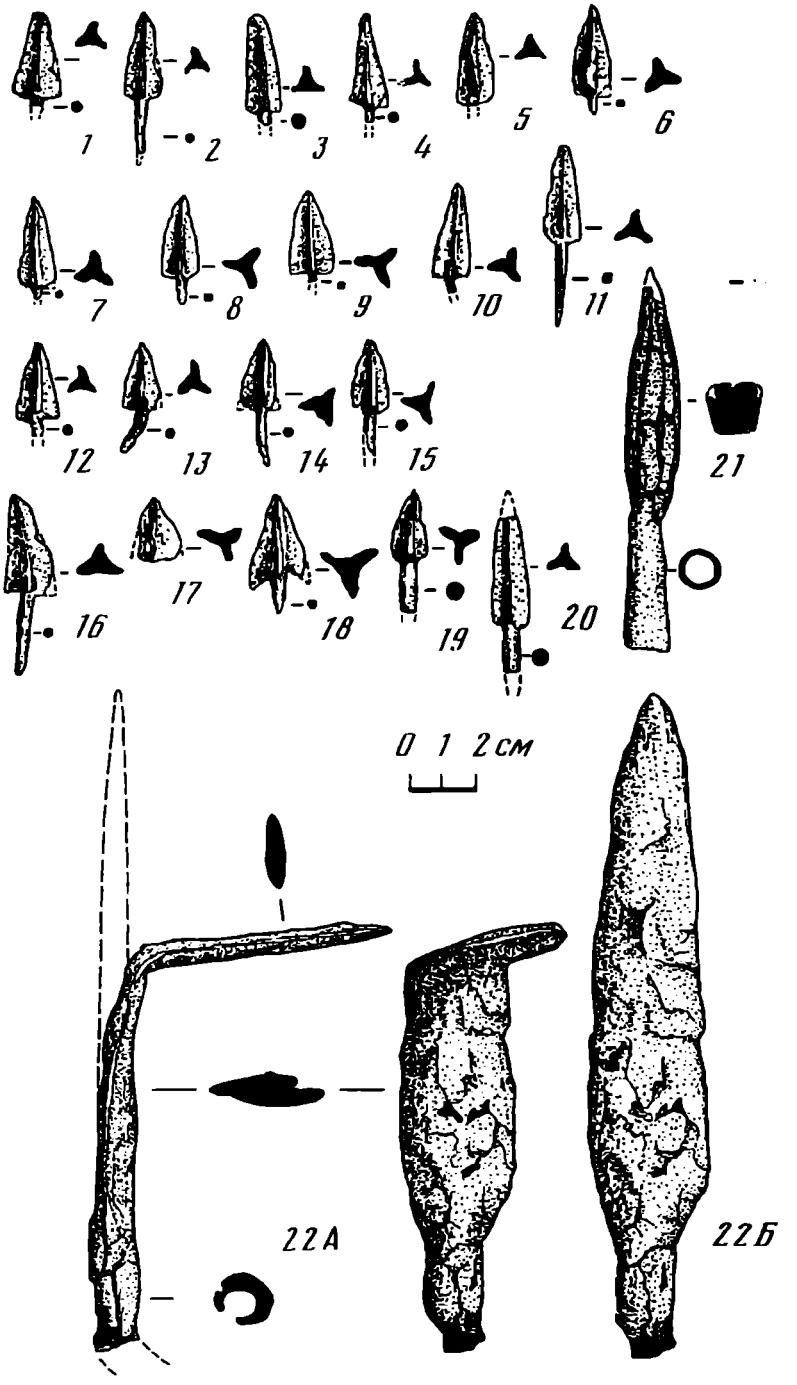


Рис. 1. Железные наконечники метательного оружия из раскопок Кара-Тобе: крупные (*1–11*), мелкие (*12–15*) и нестандартные (*16–20*) наконечники стрел дротика и копья (*21, 22А*) из слоев середины II в. до н.э. (*20*), конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (*16*), второй четверти (*1–10, 12, 15, 17–19, 21, 22А*), конца (*11, 13, 14*) I в. н.э. и реконструкция первоначального вида наконечника копья (*22Б*)

Трехлопастные черешковые наконечники стрел начинают широко распространяться по Восточной Европе со II в. до н.э. (Степи европейской части..., 1989). В Крым они попадают в середине – конце I в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1961, с. 70). Как правило, их связывают с сарматами или сарматским влиянием. Если привлечь типологию подобных наконечников А.М. Хазанова, то 17 наконечников относятся к типу 4 (рис. 1, *1–16, 20*), хотя три из этих 17 (рис. 1, *3, 11, 20*) по ширине и длине тяготеют к типу 3; два наконечника относятся к типу 5 (рис. 1, *17, 18*) и один – к типу 6 (рис. 1, *19*). Время

бытования всех этих типов очень велико. Если условно отнести три наконечника к типу 3, время всего комплекса можно определить как III в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 37–39, табл. XIX).

Наконечник дротика сохранился почти целиком – утрачена лишь незначительная часть острия его головки (рис. 1, *21*). Наконечник втульчатый, его головка имеет бипирамидальную форму. В сечении она подквадратная. Общая длина наконечника 11 см, восстанавливаемая – около 11,5 см. Длина сохранившейся части головки 7 см, восстанавливаемая – около 7,5 см. Длина втулки 4 см, ее максимальный диаметр – 1,4 см. Аналогии данному наконечнику дротика среди позднескифских, сарматских и эллинистических древностей автору не известны.

Наконечник копья был найден сильно деформированным, возможно, от сильного удара о камень (рис. 1, *22А*). Он втульчатый с листовидным пером, лишенным ребра (рис. 1, *22Б*). Большая часть втулки утрачена. Перо копья, напротив, сохранилось полностью. Общая длина сохранившейся части наконечника 20 см. Длина пера 16,5 см, его максимальная ширина 3,5 см, толщина – до 1 см. Длина сохранившейся части втулки соответственно 3,5 см, максимальный диаметр 1,7 см, толщина стенок до 0,5 см.

Аналогии этому наконечнику известны с начала железного века и до позднего средневековья в большинстве районов Евразии (Степи Евразии..., 1981; Античные государства..., 1984; Степи европейской части..., 1989).

Гораздо более узкую и четкую дату дает анализ массового керамического материала комплексов, из которых происходят описанные находки[2]. Один наконечник стрелы, видимо, случайно попал в слой середины II в. до н.э. (рис. 1, *20*). Один относится к комплексу конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (рис. 1, *16*). Наконечники 15 стрел, дротика и копья найдены в слое второй четверти I в. н.э. (рис. 1, *1–10, 12, 15, 17–19, 21, 22*). Три наконечника стрел обнаружены в слоях конца I в. н.э. (рис. 1, *11, 13, 14*).

Никакой корреляции между этими датами, нашими разновидностями и типами А.М. Хазанова не прослеживается. Например, в самый значительный (по числу входящих в него находок) хронологический комплекс второй четверти I в. н.э. входят наконечники стрел всех встретившихся типов А.М. Хазанова и обеих наших разновидностей, а также нестандартные наконечники.

Предположение, что наконечник, обнаруженный в комплексе середины II в. н.э. попал туда случайно, подтверждается тем, что в это время подобные наконечники встречаются только на территории формирования среднесарматской культуры, в которую Крым не входил (Мошкова М.Г., 1989, с. 184, 185).

Наконечники, происходящие из слоев конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. и конца I в. н.э. относятся к очень редко встречающейся на скифских памятниках этого времени категории находок. О.Д. Дашевская в своей книге, посвященной позднескифским памятникам Крыма, не упоминает наконечники стрел в описании находок с поселений и отмечает единичность аналогичных стрел в погребениях (Дашевская О.Д., 1991, с. 14, 34).

Наибольший интерес вызывают наконечники стрел, происходящие из слоев второй четверти I в. н.э. Как было уже отмечено, находки наконечников стрел на греко-скифских поселениях Крыма единичны. В нашем же случае мы имеем дело с очень большим количеством наконечников, обнаруженных в одном четко датированном слое. Кроме того, они обнаружены на сравнительно небольшой площади (около 100 м^2), в основном прилегающей к внешнему фасу южной стены и воротам центральной башни городища (своеобразного донжона), а четыре наконечника – во внутренних помещениях башни. Слой, из которого происходят эти наконечники, прослежен на большинстве исследованных площадей городища. Он насыщен золой, углем и т.п. В этом слое среди прочего открыт комплекс кухни с рухнувшей во время пожара крышей, в котором были найдены 36 различных археологически целых сосудов.

[2] Датировки керамического материала проведены С.Ю. Внуковым.

Присутствие именно в этом слое большого количества наконечников стрел, а также дротика и копья, позволяет утверждать, что этот слой связан со штурмом башни и разгромом городища (Внуков С.Ю., 1994; в печати).

Единственной сравнительно крупной войной, которая синхронна описанному слою, является поход боспорского царя Аспурга на скифов. О нем свидетельствует ряд эпиграфических памятников из района Пантикапея (Корпус..., 1965, №№ 32, 33, 39) и, возможно, один из Херсонеса (Ростовцев М.И., 1916, с. 14). Анализ этих лапидарных памятников позволил Д.С. Раевскому установить, что данные события происходили до 23 г. н.э. (Раевский Д.С., 1973, с. 115).

В войске Аспурга, вероятнее всего, были воины-сарматы. Именно после этой войны, по мнению Д.С. Раевского, начинается наиболее активное проникновение сарматского влияния в позднескифскую материальную и духовную культуру (Раевский Д.С., 1973, с. 110 и сл.). Этим можно объяснить то, что среди 15 описанных наконечников стрел нет ни одного втульчатого. Дело в том, что в это время черешковые наконечники полностью вытесняют втульчатые только на территориях обитания собственно сарматов (Мошкова М.Г., 1989, с. 184, 185). В сопредельных областях, в том числе в Крыму, втульчатые наконечники продолжают использоваться, хотя их доля по сравнению с черешковыми заметно сокращается (Дашевская О.Д., 1991, с. 34).

Примечательно, что на ряде других скифских поселений также фиксируются разрушения и прекращение жизни, датирующиеся практически так же, как и разгром на Кара-Тобе (Внуков С.Ю., в печати). Следы пожаров и разрушений первых десятилетий I в. н.э. отмечены в столице позднескифского государства Неаполе Скифском (Колтухов С.Г., 1990, с. 187). Материалы Усть-Альминского городища также свидетельствуют о разгроме поселения в начале – первой половине I в. (Высотская Т.Н., 1994, с. 22, 24, 32). В это же время прекращается жизнь на Чайкинском городище (Внуков С.Ю., 1984, с. 68; Попова Е.А., 1991, с. 71). По-видимому, тогда же прекращает свое существование Керкинитида (Внуков С.Ю., в печати). Хотя необходимо отметить, что никто из исследователей, кроме С.Г. Колтухова (Колтухов С.Г., 1990, с. 187), не связывал эти археологически зафиксированные факты с походом Аспурга.

Таким образом, если верны сделанные выше предположения, мы имеем дело с одним из наиболее ярких археологических свидетельств скифо-боспорской войны 20-х годов I в. н.э. Это представляется достаточно важным в свете того, что письменные источники, свидетельствующие об этом событии, крайне скудны и сводятся к уже упомянутым очень немногочисленным эпиграфическим памятникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР, 1984. М.

Внуков С.Ю., 1984. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки) // СА. № 2.

Внуков С.Ю., 1994. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.

Внуков С.Ю., в печати. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Крымская археология. № 2. Симферополь.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7.

Корпус боспорских надписей, 1965. Л.

Колтухов С.Г., 1990. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. № 2.

Мошкова М.Г., 1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Попова Е.А., 1991. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.

Раевский Д.С., 1973. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. № 2.

Ростовцев М.И., 1916. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник в честь гр. П.С. Уваровой. М.
Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, 1981. М.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1989. М.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса. М.

Музей истории г. Москвы

П.Ф. ЛЫСЕНКО

БУЛЛА КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ИЗ РАСКОПОК В ТУРОВЕ

Одна из самых интересных и редких находок в исследованиях археологических памятников древней Руси – свинцовые подвесные печати-буллы. Они свидетельствуют о существовании высокопоставленных государственных или церковных деятелей, обладающих исключительным правом утверждать свои документы или послания прикреплением подвесной печати.

Буллы редко встречаются в материалах раскопок. Как правило, они тщательно сберегались, являясь средством удостоверения подлинности важного документа.

В Беларуси свинцовые буллы найдены в Берестье, Волковыске, Пинске, Полоцке, Витебске, Минске, Гродно. Буллы из Берестья, Волковыска, Пинска (Лысенко П.Ф., 1985, рис. 258; Зверуго Я.Г., 1975, с. 134; Міралюбау Б.В., 1975) с изображением на них воина Дмитрия Солунского, святого покровителя Изяслава Ярославича (сына Ярослава Мудрого), князя Туровского (с 1052 г.) (ПСРЛ, 1962, стб. 150), а впоследствии великого князя Киевского (1054–1078) (ПСРЛ, 1962, стб. 198), считаются печатями этого князя. На минской булле изображение персонифицируется с Глебом Всеславичем, князем минским, или его братом Борисом Всеславичем, князем полоцким (Загорульский Э.М., 1982, с. 286). В Полоцке найдено несколько свинцовых печатей Изяслава Владимировича, матери Ефросиньи – Софии, Евфросиньи (на Рюриковом городище), епископские печати (Штыхов Г.В., 1975, с. 17, 114–116).

В 1992 г. во время раскопок на городище в Турове найдена новая свинцовая подвесная печать. Обстоятельства ее находки требуют сказать несколько слов о памятнике и самом городе.

Туров впервые упоминается в древнерусских летописях в 980 г. Это краткое упоминание, в котором лишь сообщается о названии города и дана его этнонимическая интерпретация: "...бе бо Рогволод пришел из заморья, и имяше свою волость в Полотьсце, а Тур Турове, от него же и туровци прозвашеся" (ПСРЛ, 1962, стб. 63, 64). Сопоставление Турова с Полоцком в одной фразе подчеркивает древность города и дает основание допускать существование Турова в X в. Запись о княжении князя Тура в городе Турове и происхождение названия местного населения от его имени ("туровцы") порождают много вопросов (Лысенко П.Ф., 1974). Во всяком случае чрезвычайно сомнительным выглядит удивительное совпадение – пришел князь Тур, и по чудесному стечению обстоятельств попал на княжение в город Туров – ведь летописец не говорит, что город Туров был основан князем Туром. К тому же в древней Руси не было такой традиции – называть города по имени варяжских князей – пришельцев. В связи с этим сомнительным кажется происхождение названия города от имени варяжского князя Тура, да и само существование такого князя. По этой причине первым исторически достоверным туровским князем следует считать Святополка Владимиро-

© П.Ф. Лысенко, 1999 г.

вича, третьего по старшинству сына Владимира Святославича. При разделе Киевского княжества между сыновьями Владимира в 988 г. он упоминается в порядке старшинства третьим, после Вышеслава, получившего Новгород Великий, и Изяслава, получившего Полоцк. Из этой очередности можно сделать вывод, что Туровское княжество по своему значению стояло на третьем месте в общем ряду древнерусских княжеств, а княжение в нем считалось почетным и престижным.

Святополк в древнерусской летописной традиции изображен этаким моральным чудовищем, в борьбе за Киев погубившим своих братьев Бориса и Глеба и Святослава (древлянского). Но, очевидно, в этом следует видеть ярко выраженное враждебное изображение реальной личности Святополка пером "льстивого" летописца (Рыбаков Б.А., 1964, с. 82), сторонника противоположной политической ориентации. Совершенно справедливо отмечал А.А. Шахматов, что "...рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы" (Шахматов А.А., 1916, с. 16).

После поражения в борьбе за Киев с Ярославом, Святополк бежит в Польшу и погибает (1019 г.). Туров и Туровское княжество оказываются в руках Ярослава и его наследников (Изяслав, Всеволод, Ярополк, Святополк и т.д.).

Крупное значение Турова в древности подчеркивается основанием в нем одной из первых епископий, после крещения Руси Владимиром Святославичем. Исследователи полагают, что Туровская епархия была основана одновременно с Полоцкой и Тмутараканской в числе древнейших на Руси (Голубинский Е., 1901, с. 334).

Городище древнего Турова расположено на северо-западном краю современного г.п. Туров Житковичского района Гомельской области. Оно мысового типа, двухчастное, состоит из детинца (0,75 га) и отделенного от него окольного города (1,5 га). Городище расположено на правом (южном) берегу р. Припять у впадения в нее небольшой речки Язда. За пределами окольного города находится посад. Над прилегающей низменной и болотистой местностью площадка городища возвышается на 4–5 м. В древности оно было основательно укреплено.

В настоящее время хорошо сохранились оборонительные рвы детинца и окольного города.

Городище впервые обследовали местные краеведы (М. Гаусман, В.З. Завиневич), описали члены Минского церковно-археологического общества, шурфовали Н.Н. Улашик и А.Н. Лявданский. Раскопки на детинце проводили М.Д. Полубояринова (1961), П.Ф. Лысенко (1962, 1963, 1968). В 1961 г. П.А. Раппопорт на окольном городе выявил фрагмент упорядоченной кладки из плинфы на цемяночном растворе, а в 1963 г. М.К. Каргер вскрыл остатки крупного трехнефного, шестистолпного храма, разрушенного в XIII в. Этот храм – одно из крупнейших каменных сооружений в древней Руси. Его длина – 29 м, ширина – 17,22 м. Равных ему по размерам нет в Полоцкой и Смоленской архитектуре. Строительство храма относится к 70-м гг. XII в.

В 80-е гг. сформировалась идея восстановления Туровского храма на прежнем фундаменте. Однако, учитывая состояние фундаментов, разорванных сквозными трещинами, эта идея была признана неосуществимой. Было предложено возводить новый храм рядом и параллельно древнему, в тех же размерах и с соблюдением прежних архитектурных особенностей.

В месте посадки нового храма перед началом строительных работ предстояло изучить культурный слой. Работы проводили в 1992 и 1993 гг. (П.Ф. Лысенко).

Раскоп 1992 г. размером 12 × 12 м был заложен параллельно южной стене храма, выявленной траншеями (у М.К. Каргера нет привязки храма к местности). Для обеспечения сохранности фундаментов древнего храма, раскоп разбит на расстоянии 2 м от их южного края. В 7-м пласте в культурном слое по всему раскопу расчищен мощный развал крупного монументального сооружения из плинфы на цемяночном растворе. Развал представляет собой остатки южной стены храма, внезапно плашмя упавшей на прихрамовое пространство к югу от храма так, что горизонтально уложенные при строительстве плинфы оказались в развале лежащими вертикально – "на ребре". Развал занимает всю площадь раскопа, что может косвенно свидетельствовать о высоте

стен храма (около 14 м), и имеет мощность от 1 м в западной части раскопа до 1,4 м в восточной.

В пласте поверх развала найдены четыре фрагмента бронзового колокола, а также бронзовые перстень, книжная застежка, розетки, стеклянные браслеты, обломок тигелька, шиферные пряслица, фрагменты керамики XIII в. Обращает внимание совокупность находок, относящихся к предметам религиозного обихода – фрагменты колокола (один из них – юбка колокола диаметром 27 см, сохранившаяся на 270° окружности), книжная застежка, розетки (возможно, детали оклада).

Положение упавшей стены храма свидетельствует не о постепенном его разрушении или развале вследствие строительных (или конструктивных) ошибок. Оно позволяет предполагать, что разрушение храма произошло вследствие одномоментного толчка, внезапного сдвига фундамента относительно основного объема постройки. Такое может произойти при землетрясении.

Древнерусские летописи неоднократно сообщают о землетрясениях, происходивших в пределах древней Руси (1088 г.; 1101 г.; 5 февраля 1107 г. – Киев, Владимир; 2 февраля 1109 г. – Новгород; 1117 г. – Киевская Русь; 9 сентября 1122 г. – Киевская Русь; 1 августа 1126 г. – Киев; 24 июля 1130 г. – Русская земля; 1170 г. – юго-западные русские земли; 15 сентября 1188 г.; 4 марта 1195 г. – Киевская земля; 1230 г. – сильное землетрясение в Киеве).

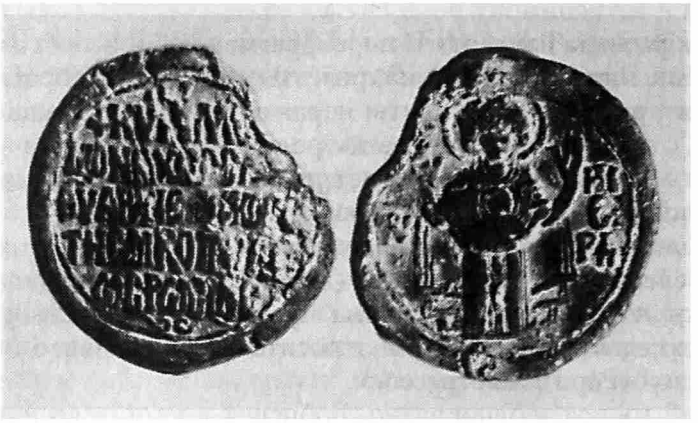
Со времени строительства храма летописями отмечены землетрясения 1188 и 1195 гг. "Сотрясе землю" – так сказано в них в летописях. О разрушениях не упоминается. Гораздо мощнее было землетрясение 1230 г., сильно ощущавшееся в Киеве (в Печерском монастыре) и Переяславле Южном. Как сообщает Н.М. Карамзин, "...было землетрясение (3 мая), общее во всей России, и еще сильнейшее в южной, так, что каменные церкви расседались. Удар почувствовали в самую обедню, когда Владимир Рюрикович Киевский, бояре и митрополит праздновали в лавре память св. Феодосия; трапезница, где уже стояло кушанье для монахов и гостей, поколебалась на своем основании, кирпичи падали сверху на стол" (Карамзин Н.М., 1988, с. 132). Несомненно, сильное землетрясение ощущалось и в соседних регионах. Очевидно, его жертвой стал и Туровский храм, имевший очень внушительные размеры и большую нагрузку на фундамент, заглубленный в слабый песчаный материал. Предположение о гибели Туровского храма вследствие землетрясения 3 мая 1230 г. подтверждается находками из перекрывающего развал слоя, характерными для XIII в. (керамика, пряслица, стеклянные браслеты).

В слое, перекрывающем развал туровского храма, найдена и свинцовая подвесная печать (булла) Киевского митрополита Кирилла I (рисунок). Она представляет собой округлый свинцовый диск диаметром 41–42 мм, толщиной 4,6–5,3 мм. На оборотной стороне дано в полный рост изображение Богоматери Знамение с воздетыми руками и младенцем Христом во чреве. Вокруг головы точечный нимб, на плечи наброшен плащ, складками опускающийся вниз от локтевых сгибов. Ниже левой руки греческая надпись в три строки НІ – Е – РА (греческий эпитет "Пресвятая Богородица"). Кисть правой руки изображения и подпись у нее оттиснуты нечетко. По аналогиям, здесь должны быть монограммы – МР – ѲV.

Печать слегка повреждена со стороны ободка в правой верхней четверти. В повреждении просматриваются два слоя отдельных свинцовых пластин, из которых складывалась печать. На лицевой стороне печати греческая надпись в пять строк

КҮРІМО/С/	В переводе: Кирилл
МОNАХОС...	монах
ѲVАРХІЕ ПІСКО...	божиею милостью архиепископ
ТНСМРОП./.	
ѠСРѠСІАЕ	митрополии России

Надпись заключена в ободок, оттиснута четко, читается хорошо. Под надписью внутри ободка две небольшие симметричные виньетки. У начала надписи (крестик).



Булла киевского митрополита Кирилла

Канал для нити (шнурка) проходит слева (сверху) вниз направо под углом 30° и слегка повреждает сохранность отдельных букв.

Печать абсолютно идентична двум буллам из Княжой Горы (находки 1877 и 1892 гг.), опубликованным В.Л. Яниным (1970, с. 49, 176, 253, табл. 5, № 53; с. 2, 86, табл. 38, № 53, *1*; 53, *2*). По определению В.Л. Янина они принадлежали киевскому митрополиту Кириллу I, занимавшему этот высший в церковной иерархии Древней Руси пост в 1225–1233 гг.

Каким образом эта печать высшего киевского духовного иерарха могла попасть в Туров? С абсолютной достоверностью ответить на этот вопрос невозможно. Предположения могут быть различными. На наш взгляд возможен следующий вариант: после разрушения кафедрального туровского храма землетрясением 3 мая 1230 г. местный епископ сообщил эту скорбную весть верховному христианскому пастырю в Киев. Возможно, просил помощи и средств на восстановление храма. Ответ киевского митрополита пришел, утвержденный митрополичьей буллой. Возможно, этой буллой был скреплен документ, дававший право на сбор пожертвований на восстановление храма. Несомненно, такой документ представлял собой большую ценность, и, весьма вероятно, скреплялся митрополичьей печатью. Он высоко ценился и сберегался местным духовенством. Поэтому булла и была найдена в третьем пласте, несколько выше слоя, непосредственно перекрывающего руины погибшего храма (6–7-е пласты).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубинский Е., 1901. История русской церкви. Т. 1. М.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск. Минск.

Карамзин Н.М., 1988. История государства Российского. Т. III. Гл. VIII. М.

Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.

Міралюбаў Б.В., 1975. Пінская віслая пячатка // Помнікі гісторы і культуры. № 4.

ПСРЛ: Полное собрание Русских летописей, 1962. Т. II. М.

Рыбаков Б.А., 1964. Первые века русской истории. М.

Шахматов А.А., 1916. "Повесть временных лет". Т. 1. Пг.

Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. I. М.

Н.П. ТАРАНЕНКО, А.Н. ГЕЙ, А.Н. ДЕТЮК

ПРИМЕНЕНИЕ ФОСФАТНОГО АНАЛИЗА ПРИ РАЗВЕДКЕ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ЧЕРНОЗЕМАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В местах достаточно долгого оседлого проживания людей происходит накопление фосфатных соединений в почве, превышающее общий средний уровень для данной территории, что позволяет на основании результатов химического анализа содержания фосфатов получить информацию о местонахождении поселения и его границах, а в ряде случаев и сделать заключение о характере деятельности людей, проживавших в этих поселениях. Такого рода исследованиям посвящено значительное количество работ, обобщенных в обзоре (Proudfoot B., 1976). В работах Л. Веллесте (1952), Г.Г. Штобе (1959) и А.М. Микляева, Н.Г. Герасимова (1968) убедительно показано, что для исследования мест древних поселений в Эстонии, Латвии и Псковской области применение фосфатного анализа почв оказалось чрезвычайно целесообразным.

Однако во всех рассмотренных случаях почвы, подвергаемые анализу, относились к классам суглинистых, подзолистых и дерново-подзолистых почв севера Европы, что обусловило достаточно простые методы извлечения фосфора из почвенных проб и возможность применения спектрофотометрического или визуально-колориметрического методов анализа. В данной работе сделана попытка расширить применение метода фосфатного анализа на более сложные в геохимическом отношении черноземные почвы юга России в целях разведки археологических поселений.

В 1994–1995 гг. Мостищенский отряд Потуданской экспедиции ИА РАН (начальник экспедиции – В.И. Гуляев, начальник отряда – А.Н. Гей) провел небольшие раскопочные работы на поселении Мостище III в Острогожском районе Воронежской области. Поселение, открытое В.И. Гуляевым и П.М. Золотаревым в 1994 г., находится в 1,4 км к западу от хутора Мостище на высоком (70–80 м) обрывистом правом коренном берегу р. Потудани. Памятник входит в группу "мысовых" поселений эпохи бронзы в низовьях р. Потудань, правого притока Дона (Мостище I–III и Аверинское) и, как выяснилось в результате работ, относится к иванобугорской и воронежской культурам (вторая половина III – первая половина I тыс. до н.э.).

Поселение занимает высокий меловой мыс ("Белая гора"), северный склон которого обращен к Потудани, а западный и юго-западный – к небольшому разветвленному логу, прорезающему коренной берег. Мыс вытянут в широтном направлении, почти точно по линии ЗСЗ – ВЮВ. Протяженность его по оси стрелки мыса доходит до 200 м, ширина с напольной стороны – до 350 м. Площадка плавно понижается в направлении к ЗСЗ, а возле оконечности мыса ложки-промоины как бы отрезают от основной площадки возвышающийся останец неправильно-овальной формы, размером до 50 ×70 м, отделенный от основной площади мыса пологой ложбиной. Останец этот практически лишен почвенного слоя. Почвенные отложения и культурные напластования начинаются только на внешнем, восточном крае этой ложбины и распространяются к востоку в сторону плато.

Поскольку одной из первоочередных задач было выяснение характера памятника, определение границ распространения культурного слоя и обнаружение наиболее насыщенных его участков, перед началом раскопок на поселении были отобраны образцы на фосфатный анализ. Всего отобраны пробы в 23 точках, точное положение которых показано на плане памятника (рис. 1). Пробы отбирали на двух уровнях, чтобы проследить изменение содержания фосфатов по вертикали: 1-й – на глубине 10–15 см после снятия дернового слоя; 2-й – на глубине 25–30 см или на границе почвенного и мелового слоев, если толщина почвенного слоя была меньше. Объем пробы составлял приблизительно 500 г. Анализ проводили в лаборатории реставрации Института археологии РАН.

© Н.П. Тараненко, А.Н. Гей, А.Н. Детюк, 1999 г.

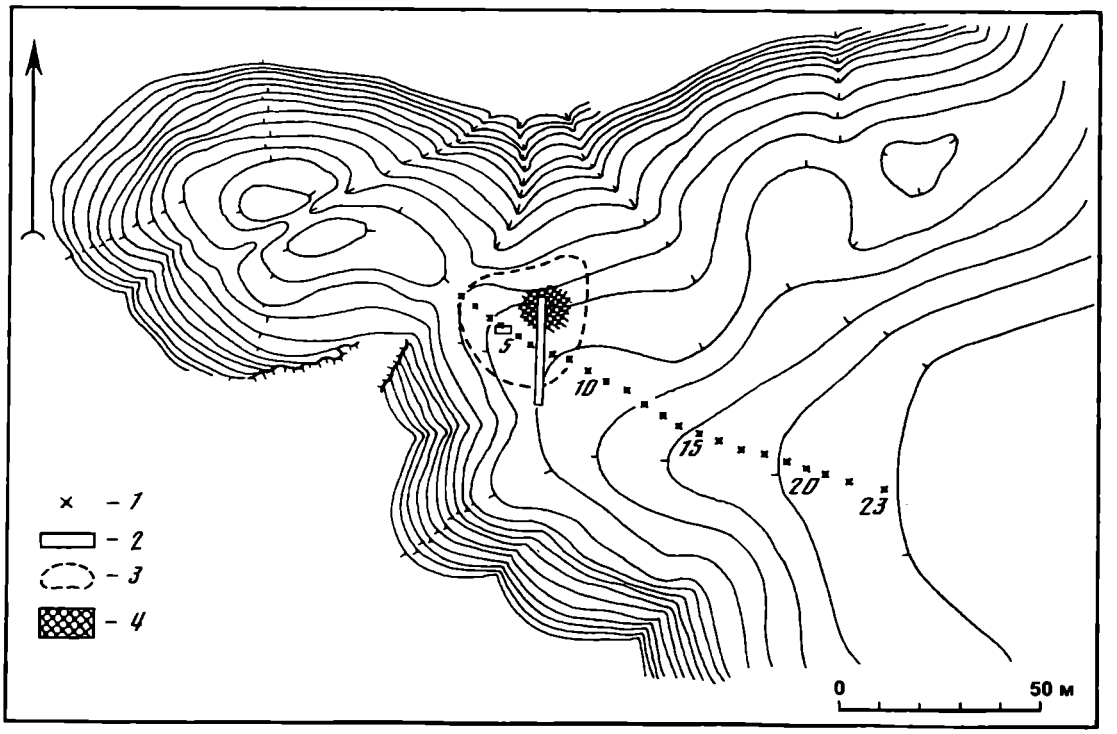


Рис. 1. План поселения Мостище III (сечение горизонталей через 1 м). *1* – места взятия фосфатных проб (№ 1–23); *2* – границы раскопов; *3* – границы распространения культурного слоя; *4* – участок хорошо сохранившегося слоя

Почвы Острогожского района Воронежской области в соответствии с агрохимической картой России относятся к типичным среднемощным и выщелоченным черноземам. В нашем случае, как указано выше, почвенный слой лежит на поверхности меловых холмов, что приводит к высокому содержанию в пробах карбоната кальция (мела). Это затрудняет использование кислых реагентов (серной, соляной, уксусной и других кислот) для извлечения фосфатов из почв. Применение щелочных реагентов, а также нейтральных и кислых (с поправкой на содержание мела) всегда приводило к получению растворов цвета крепкого чая, причем описанными в литературе методами (Аринушкин Е.В., 1961, с. 223; Соколов А.В., Аскинази Д.Я., 1965; Гинзбург К.Е. и др., 1963) не удавалось убрать окраску, что исключило возможность использования колориметрического метода анализа. Для оценки содержания в почвах основных мешающих определению примесей был проведен количественный химический анализ почв, в результате которого установлено, что почвы поселения Мостище III содержат: органических веществ – 9–21%, кальция (в пересчете на $CaCO_3$) – 45–61%, железа – 5–8%. Учитывая высокое содержание органических веществ и железа, нами была использована следующая схема анализа: пробу почвы прокаливали в течение часа при температуре 500–550°С, обрабатывали при нагревании и кипячении концентрированной азотной кислотой, взятой в избытке (принималось, что содержание мела составляет 50% навески), в полученном прозрачном и бесцветном растворе определяли фосфаты гравиметрически в виде фосфоромолибдата аммония. Осаждение в этой форме предпочли и потому, что на результат не влияет присутствие значительных количеств железа в растворе (Гиллебрандт В.Ф., Лендель Г.Э., 1935). Точность определения и воспроизводимость результатов оценивали с помощью тестовых проб, относительная ошибка не превышала 3%.

Результаты анализа проб культурного слоя поселения Мостище III приведены на рис. 2. Кроме проб с места вероятного расположения поселения были отобраны "фоновые" пробы на местах, где заведомо отсутствовала хозяйственная деятельность человека. Фоновое содержание фосфатов составило 64±21 мг P_2O_5 на 100 г прока-

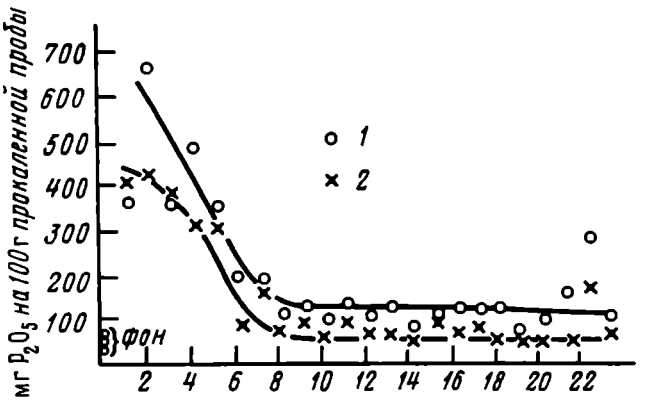


Рис. 2. Содержание фосфатов в почвах Мостище III в зависимости от местоположения пробы. *1* – проба, взятая на глубине 10–15 см; *2* – проба, взятая на глубине 25 см или на границе почва – мел

ленной пробы. Содержание фосфатов в верхних слоях породы, слагающей меловые холмы, составило – 60±17 мг P_2O_5 на 100 г прокаленной пробы.

Из данных, приведенных на рис. 2, следует, что границу распространения культурного слоя можно провести в районе 7–8-й пробы, причем характер зависимости сохраняется и для более глубокого слоя. Концентрация фосфатов на месте поселения превышает фоновую в 5–10 раз. Выбросы результатов в районе 20–24 проб обусловлены современной хозяйственной деятельностью.

Проведенные затем на Мостище III раскопки позволяют сопоставить чисто археологическую информацию и данные проведенного фосфатного анализа.

Раскопы (траншея, ориентированная по линии С–Ю, площадью 56 м^2 и шурф площадью 8 м^2) были заложены недалеко от восточного края ложбины. При этом в бортах траншеи получены разрезы культурного и почвенного слоя на протяжении 28 м. Установлено, что суммарная мощность почвенного покрова и культурных отложений колеблется от 25–30 см в южной до 100 см в северной части траншеи. При этом выделяются следующие слои и прослойки:

а) плотный дерновой слой толщиной до 6 см;

б) пахотный слой мощностью от 15 до 45 см (вспашка плантажным плугом при посадке лесополосы по кромке высокого берега, нарушившая в южной половине траншеи все культурные отложения, а в северной верхнюю часть культурного слоя);

в) незначительный (20 см) гумусно-черноземный слой, представляющий собой нераспаханную часть почвенного профиля, а морфологически представляющий собой низ культурного слоя и древнюю почву, сформировавшуюся до заселения мыса (30–55 см от современной поверхности);

г) слой очень плотного коричневато-желтоватого суглинка без культурных остатков, представленный только в южной половине траншеи, где его мощность доходит до 45 см (30–75 см от современной поверхности) и совершенно выклинивавшийся в северной ее половине (предположительно – плейстоценовые отложения);

д) локальная прослойка светло-серого суглинка с порошкообразным мелом (55–65 см от современной поверхности), подстилавшая слой "в" в северной части раскопа (предматерик);

е) материковый мел.

Культурные остатки ивано-бугорской и воронежской культур встречены в пахотном слое и в горизонте "в". При этом в южной половине траншеи находки были совсем незначительны и состояли преимущественно из мелких и как бы окатанных фрагментов керамики. В центральной части число находок заметно возрастало, максимальная же насыщенность слоя при хорошей сохранности самих находок (развалы или крупные фрагменты сосудов, кости животных, кремневые изделия) отмечена на протяжении 6 м

в северном конце траншеи, т.е. у северного края площадки мыса и в верхней части склона. Здесь можно подозревать даже наличие каких-то строительных конструкций времен воронежской культуры, плохо прослеживаемых в темном грунте. Таким образом, южная граница культурного слоя памятника устанавливается примерно в 5–6 м к С южного конца траншеи, а общая протяженность его по линии С–Ю доходит до 25 м. Примерно на 30 м отстоит эта точка от восточного края ложбины, где проходит западная граница слоя. Простирание слоя по северному краю площадки может быть несколько большим, но вряд ли превышает 40–45 м.

Таким образом, суммарная площадь поселения Мостище III не превышает 800–900 м^2, а площадь хорошо сохранившегося и насыщенного культурного слоя еще меньше (10×10–15 м). Как видно, эти данные практически полностью совпадают с результатами фосфатного анализа, позволяющими провести границу распространения культурного слоя в районе 7–8 проб или в 30 м к В от ложбины, представляющей собой западную границу слоя (рис. 1).

В итоге можно констатировать точность и корректность предлагаемого метода определения концентрации фосфатов в черноземных почвах, вмещающих культурные остатки, и тот факт, что даже распашка культурного слоя практически не оказала влияния на достоверность полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аринушкин Е.В., 1961. Руководство по химическому анализу почв. М.

Веллесте Л., 1952. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИИМК. Вып. 42.

Гиллебрандт В.Ф., Лендель Г.Э., 1935. Практическое руководство по неорганическому анализу // ОНТИ.

Гинзбург К.Е., Щеглова Г.М., Вулфус Е.А., 1963. Ускоренный метод сжигания проб растений // Почвоведение. № 5.

Микляев А.М., Герасимова Н.Г., 1968. Опыт применения фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области // СА. № 3.

Соколов А.В., Аскинази Д.Я., 1965. Агрохимические методы исследования почв. М.

Штобе Г.Г., 1958. Применение методов почвенных исследований в археологии // СА. № 4.

Proudfoot B., 1976. The analysis and interpretation of soil phosphorus in archaeological contexts // Geoarchaeology. Sec. 1.

Институт археологии РАН,
Москва

История науки

А.И. МЕЛЮКОВА, И.В. ЯЦЕНКО

ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ С Б.Н. ГРАКОВЫМ

Лето 1944 г. Меньше года оставалось до Победы в Великой Отечественной войне, но дыхание ее уже ощущалось во всем происходящем в стране. В разных областях производства, науки и культуры начались подсчеты ущерба, нанесенного фашистскими захватчиками. Включились в это и археологи. Особый мандат Всесоюзной чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистов получил Б.Н. Граков. Ему следовало организовать экспедицию на Украину, в район Запорожья–Никопольщины, где он работал в предвоенные годы, с целью установления утрат, которые потерпели археологические памятники, расположенные на этой территории. В состав экспедиции Борис Николаевич включил четырех студентов 4-го курса Истфака МГУ, занимавшихся в его семинаре. Кроме нас, авторов данного очерка, это были Н.А. Онайко и Н.Я. Мерперт. Разговоры о предстоящей экспедиции начались с весны, но разные организационные неурядицы создавали впечатление неуверенности в возможности поездки. Поэтому почти до самого отъезда мы принимали участие в общей студенческой практике, заключавшейся в раскопках подмосковных вятических курганов. И вдруг в августе вопрос решился положительно, и без долгих сборов, сводившихся лишь к быстрому получению продуктов и железнодорожных билетов, мы тронулись в путь к памятникам, о которых так увлекательно рассказывал Борис Николаевич. Это было настоящим счастьем!

Не огорчали нас ни давка в душном вагоне поезда, ни бессонная ночь, ни пролитое масло, которое мы с большим трудом получили перед отъездом из Москвы. Приехали в Никополь ранним утром до рассвета. От разрушенного вокзала до города оказалось далеко, и Б.Н. Граков нанял извозчика – тогда единственный вид транспорта. Начинало светать, и под стук лошадиных копыт нам все казалось таким романтичным и спокойным, что мы совсем забыли о том, что еще недавно здесь шли жестокие бои и что где-то все еще гремят выстрелы и гибнут люди.

Прибыли в город, когда совсем рассвело. Встретившая нас картина была удручающей. Борис Николаевич заметно волновался, не находя знакомых улиц, площадей, домов. Всюду были одни развалины, а на оставшихся стенах надписи "разминировано" тогда-то и тем-то. Непонятно, но каким-то чудом сохранилось трехэтажное здание историко-краеведческого музея с примыкавшим к нему деревянным забором. Наш стук разбудил сторожа, который без всяких промедлений, то ли узнав Бориса Николаевича, то ли знавший его по фамилии, впустил нас в здание музея. Просторные залы оказались пустыми, заброшенными, с выбитыми стеклами. Борис Николаевич подробно рассказал нам о виденных им до войны богатых коллекциях музея, не только археологических, но и природных, о чучелах зверей, которых искусно изготавливал хорошо знакомый Б.Н. специалист, погибший на войне. К счастью оказалось, что сотрудники музея многое спасли. Особенную изобретательность при этом, как говорили уцелевшие сотрудницы, проявил директор музея, которого мы не застали в живых. Позже нам показали сохранившиеся в глубоких подвалах наборы вещей из раскопок

© А.И. Мелюкова, И.В. Яценко, 1999 г.

курганов под Никополем, проводившихся в 1938–1940 гг. Б.Н. Граковым и его предшественниками. Больше всего там было бронзовых наконечников стрел, разложенных по коробочкам. Впоследствии в свободное время мы много раз возвращались к рассмотрению вещей из Никопольского могильника, и под руководством Бориса Николаевича делали их рисунки. Никопольский музей стал базой экспедиции, на которую мы возвращались после походов на памятники, расположенные на правом берегу Днепра.

Первым объектом нашего обследования были Никопольские курганы, расположенные небольшими группами, начиная от окраины Никополя, где находились разрушенные войной корпуса Трубного завода, до с. Алексеевка по дороге на Кривой Рог. Борис Николаевич вспоминал, как выглядели засеянные пшеницей поля в довоенные годы. Мы же увидели непаханные земли, заросшие пасленом и высокой травой, среди которых бросались в глаза разбросанные по полю танки, маленькие и большие механизмы немецкой военной техники. Большинство из них выглядели новенькими, другие полуразрушенными и искореженными. Впечатляло и удивляло такое изобилие немецкого оружия. В с. Лапинка Б.Н. Граков вместе с нами навестил Анну Степановну Мовчан, в доме которой он и сотрудники его экспедиции жили в довоенные годы, во время раскопок Никопольских курганов. Как и знакомые в музее, хозяйка встретила его с очень большой теплотой. Борис Николаевич о многом ее расспрашивал. Она охотно отвечала, и ее рассказы были красочны и выразительны. Особенно ярким оказался ее рассказ об отступлении немцев. Весной 1944 г., во время наступления наших войск была сильная распутица, препятствующая движению на запад отступающей немецкой техники. В результате в районе скопилось огромное ее количество, и она оказалась совершенно бесполезной, тормозящей дислокацию войск. Не решаясь бросить технику, немцы выжидали. Но однажды ночью была объявлена тревога, поднялась паника, и немецкие солдаты бежали, оставляя и бросая все, что у них было. "Бежали без порток", – воскликнула Анна Степановна. Ее рассказ объяснил нам увиденное на полях нагромождение немецких боевых машин.

Но на Никопольском поле находились и курганы – главный объект нашего внимания. За редким исключением они представляли собою очень небольшие холмики. Систематическая распашка привела к тому, что многие из насыпей почти не возвышались над поверхностью, и поэтому их было трудно разглядеть. Борис Николаевич обратил наше внимание на приметы, позволяющие определить нахождение таких распаханных курганов. Он напомнил, что вода стекает даже с самой небольшой возвышенности. Поэтому у ее подножья, где скапливается вода, растительность более густая и зеленая. Поверхность же распаханной насыпи, как правило, выделяется более низкой, редкой и сухой желтоватой травой. Примеры таких пятен были нам показаны, и еще добавлено, что днем такие распаханные курганы выявляются с трудом. Лучше это делать на закате или на рассвете, когда косое освещение позволяет уловить самые незначительные следы бывших курганных насыпей. На практике с таким приемом мы познакомились на следующий год при раскопках на Никопольском курганном могильнике. Научил нас Б.Н. Граков и тому, как искать стертые с поверхности земли курганы на свежевспаханном поле. В дальнейшей полевой работе всем приходилось сталкиваться и с такими случаями.

Обследование Никопольского курганного поля показало, что оно почти не пострадало во время войны (рисунок). Исключение составил лишь самый большой курган, поврежденный в результате установки на нем зенитного орудия. По находкам человеческих костей в обрезах разрытой насыпи и рядом с ними Борис Николаевич предположил, что курган содержал не менее 11 впускных захоронений и, вероятно, был насыпан в эпоху бронзы. Заметим, что обследование других курганных групп давало примерно такие же результаты. Повреждения получили наиболее крупные насыпи, так как именно в них устраивались наблюдательные пункты с разветвленной системой ходов сообщения, делались укрытия для зениток и т.д.

Незабываем наш поход на Каменское городище. Чтобы попасть на этот памятник,

Экспедиция 1945. Никопольское курганное поле. Группа Серко.
Б.Н. Граков и его ученица И.В. Яценко

мы должны были переправиться на левый берег Днепра в Каменку Днепровскую. По дороге на пристань Борис Николаевич рассказал нам, что Днепр возле пристани имеет небольшую ширину, и хороший пловец переплывает его без особого труда. Очевидно именно здесь и в древности находилась переправа, обеспечивающая контакты населения, обитавшего на разных берегах Днепра. Б.Н. Граков разрешил А.И. Мелюковой и Н.Я. Мерперту переправиться вплавь. Остальные довольствовались катером, и все соединились на левом берегу Днепра. Хотя Борис Николаевич заранее знакомил нас с планом и размерами Каменского городища, оно потрясло нас протяженностью и высотой валов, а также тем, что большую его часть занимали сыпучие пески (кучугуры). Б.Н. провел нас по всем валам, рассказав об их конструкции, выявленной в отдельных местах раскопками в предвоенные годы, уделив особое внимание дополнительно укрепленной площадке – цитадели или т.н. акрополю. Значительная доля валов проходила по большому колхозному саду с. Б. Знаменка, в котором тогда уже созрел богатый урожай фруктов. Груши и яблоки не только висели на ветках деревьев, но и валялись на земле. Мы, приехавшие из голодной Москвы, давно не видевшие фруктов, не могли равнодушно смотреть на такое богатство. Борис Николаевич, заметив наше желание хотя бы с земли поднять плоды, строго запретил нам это, боясь неприятностей. Однако через некоторое время с хитрой улыбкой вынул из кармана великолепную грушу, явно сорванную с дерева, и угостил нас. Позже мы встретили сторожа, который не только не запретил, а пожелал есть столько фруктов, сколько захочется.

По самому городище ходили немного, боялись мин. Но этого было достаточно, чтобы поразить нас обилием различных находок. Больше всего встречалось фрагментов стенок амфор, меньше – их профилированных частей. Много было и обломков лепной посуды, а также костей животных. Б.Н. Граков обратил наше внимание на присутствие среди подъемного материала кусочков железа и железных шлаков – явных следов металлургического производства на городище. Редкой и поэтому счастливой казалась находка нескольких бронзовых наконечников стрел. Они лежали в

ряд, присыпанные песком. Борис Николаевич высказал предположение, что здесь находилось погребение ребенка, кости которого истлели, а положенные ему стрелы остались на месте.

Комментируя увиденное на городище, учитель рассказал об устройстве жилищ на нем и трудностях, связанных с их выявлением, познакомил с общими результатами раскопок на городище в 1937–1938 гг.

Затем был поход к знаменитой Солохе. Несмотря на то что мы знали об этом памятнике еще из лекций Бориса Николаевича и видели его фотографии, зрелище останца поразило нас своей грандиозностью. Учитель детально познакомил нас с расположением слоев в кургане, на этом примере показал необходимость точной фиксации стратиграфии и полного исследования курганных насыпей. К сожалению, останец Солохи сильно пострадал от строительства в нем блиндажей и наблюдательного пункта. С вершины останца были хорошо видны небольшие курганчики на скошенном пшеничном поле, окружавшем Солоху. Здесь Борис Николаевич научил нас тому, как можно снять план курганной группы, имея только буссоль или компас. Направление на курган мы определяли засечками с двух точек, расстояние мерили шагами, а высоту – приложив ладонь к переносице. Это была настоящая глазомерная съемка, в результате которой удалось зафиксировать более 200 курганов высотой от едва заметных до 1 м. Проведя целый день за этим занятием, мы до того устали, что решили не возвращаться в Б. Знаменку для ночлега. Борис Николаевич предложил провести ночь в копнах соломы прямо на поле у Солохи, сказав при этом, чтобы мы поглубже забирались под копну. Встретив с радостью такое предложение, мы, не имея опыта, в отличие от Б.Н. Гракова, не смогли как следует закопаться в солому и поэтому к утру страшно замерзли. Как назло, ночь оказалась очень холодной.

Подверглись нашему осмотру и два самых крупных кургана Днепровской степи – Нечаева и Орлова Могилы, расположенные в 65 км к СЗ от Никополя, которые, по мнению Бориса Николаевича, скорее всего принадлежат к числу скифских царских курганов. В обеих насыпях были видны блиндажи, соединительные ходы и остатки других сооружений военного времени, нарушившие целостность структуры памятников и привели к частичному, а возможно, и полному уничтожению находившихся в насыпи археологических комплексов, связанных с разными элементами царских похорон, или с впускными погребениями разных эпох. Обследование этих памятников было важным для Бориса Николаевича еще и потому, что уже тогда он думал о возобновлении раскопок царских скифских курганов, не проводившихся с дореволюционных времен, но с применением современной методики, землеройных и других механизмов. Тогда же он предложил новый прием раскопок крупных курганов: начинать работы не с вершины, а с подошвы и "резать насыпь как булку, тщательно фиксируя расположение слоев в образующихся срезах". Пытался он и подсчитать денежную сумму, необходимую для раскопок скифского царского кургана. По этим подсчетам получалось, что для раскопок такого кургана, как Нечаева Могила потребуется не менее 500 000 руб. Лишь спустя 10–15 лет после предложенного Б.Н. Граковым первого проекта появилась реальная возможность его осуществления в связи с развитием работ новостроечных экспедиций и накопления опыта применения техники в археологических раскопках. Но, к сожалению, обстоятельства сложились таким образом, что Борису Николаевичу не пришлось участвовать в подобных исследованиях.

Постоянное общение с Борисом Николаевичем, его интересные рассказы о древнегреческой и римской литературе, чтение наизусть больших отрывков из поэм Гомера, Вергилия и др., беседы на многие научные и житейские темы очень много дали нам для расширения кругозора, углубления знаний в области древней истории и археологии. Мы постоянно чувствовали доброе отношение и заботу о нас, за что были бесконечно благодарны ему и прощали случавшуюся иногда беспричинную раздражительность. Надо отметить, что именно в этой первой экспедиции мы по-настоящему оценили Бориса Николаевича, как очень крупного ученого, почувствовали широту его души, огромное обаяние и незаурядность его личности. Поражало нас умение учителя

общаться с разными людьми. Его ценили и обожали оставшиеся в живых сотрудники Никопольского историко-краеведческого музея, с которыми он познакомился в довоенные годы. С благоговением к нему относились хозяйки, у которых он останавливался в период экспедиций. Со всеми простыми людьми Борис Николаевич был добрым собеседником. Не находил он общего языка только с местным начальством и поэтому старался не иметь с ним дела и не обращаться за помощью.

Задачи, стоявшие перед экспедицией 1944 г., были решены. Экспедиция завершилась составлением акта, в котором Б.Н. Граков подсчитал убытки, причиненные войной замечательным скифским памятникам и Никопольскому историко-краеведческому музею.

В 1945 г. Б.Н. Граков проводил общую полевую практику со студентами кафедры археологии Истфака МГУ. Поэтому экспедиция в тот год состояла из 15 человек. Впервые в ней принимала участие В.А. Ильинская – сотрудник ИА АН УССР. Жили мы в с. Лапинка у А.С. Мовчан, с которой познакомились в 1944 г. Она кормила нас вкусными украинскими борщами, варениками с вишнями и другими незнакомыми нам ранее блюдами украинской кухни. Наш обеденный стол стоял прямо под большим абрикосовым деревом, с которого спелые плоды падали чуть ли не в рот. Целью экспедиции были раскопки курганов в группе Серко на Никопольском курганном поле и разведки в окрестностях для поисков неизвестных ранее археологических памятников и прежде всего поселений. Для проведения раскопок Б.Н. Граков выделил троих – авторов этих воспоминаний и О.Д. Дашевскую, которые определенно собирались заниматься скифской тематикой. Остальные составили разведывательные отряды, ежедневно направлявшиеся по разным маршрутам. Борис Николаевич, теоретически подготовив нас троих к раскопкам курганов, закрепив за каждой по одному небольшому курганчику и нескольких рабочих, на некоторое время покинул нас, предпочтя руководить разведкой. Довольно быстро мы справились с нивелировкой, разбивкой бровок и снятием насыпей. А вот поиски катакомбных могил оказались довольно сложным делом, с которым мы справились только с помощью Бориса Николаевича. В его присутствии мы начинали и вскрытие могил. Особое внимание Б.Н. обращал на соблюдение техники безопасности. Прежде всего он ставил непременным условием вскрытие камер сверху, тщательное наблюдение за состоянием выкида, бровок и т.д., говорил, что земля очень тяжелая и что сорвавшийся даже небольшой ком ее может причинить неприятности. Все это мы как будто усвоили. Однако при вскрытии входной ямы на кургане О.Д. Дашевской с целью проследить следы орудий на стенках, при помощи которых она сооружалась, был оставлен небольшой, как нам казалось, слой засыпи. Мы надеялись, что после того, как земля обсохнет, мы обстучим стенки и увидим на них следы орудий. Яма была более трех метров глубины. На одной из стенок в верхней части образовался выступающий комок земли, казавшийся нам пустяковым, и поэтому оставшийся неубранным. Во время зачистки дна этот комочек оторвался и, рассыпавшись, ударил по шее зачищавшую дно Ольгу Давыдовну. Удар оказался довольно сильным, более недели О.Д. не могла поворачивать голову. В конце концов все закончилось благополучно. Для всех же это происшествие было хорошим уроком, запомнилось на всю жизнь и убедило в правоте предостережений Бориса Николаевича.

Далеко не всегда присутствуя на раскопках, учитель строго следил за ведением нами дневников и чертежей, обязывал нас каждодневно переписывать набело все наблюдения и сверять записи с чертежами. Именно с тех пор у нас выработалось отношение к дневнику, как к важному документу, который должен быть в полном порядке и сохранности.

Неприхотливый в быту, Борис Николаевич не считал необходимым создавать комфортные условия жизни как для себя, так и для членов экспедиции. Поэтому в доме у Анны Степановны вся молодежь жила в одной небольшой комнате; спали вповалку на полу, постелив под себя байковые одеяла, а под голову рюкзаки. Основная группа студентов – разведчики – могла позволить себе утром потянуться, и не так уж рано вставать. Мы же – курганщицы – были связаны с рабочими и должны были

начинать раскопки в 6 ч утра, следовательно, вставать еще раньше. Часто это нас злило, но мы не завидовали разведчикам, а считали себя настоящими трудягами в отличие от разведчиков – бездельников, что, конечно, не соответствовало действительности. Ведь именно в процессе разведок 1945 г. были обнаружены первые селища скифов, одновременные Каменскому городищу. В частности, под руководством В.А. Ильинской отряд студентов открыл Нижне-Капуловское поселение, что обрадовало Бориса Николаевича.

Касаясь быта экспедиции, нельзя не отметить, что Борис Николаевич вносил в жизнь молодежи живую и веселую струю, сопоставляя различные экспедиционные ситуации с известными из художественной литературы. Так, в 1944 г. он часто прибегал к "Пиквикскому клубу" Диккенса и эпизодам из рассказов Н.С. Лескова. 1945 г. проходил под знаменем "12 стульев" и "Золотого теленка" Ильфа и Петрова. Начатые Б.Н. Граковым сопоставления некоторых моментов экспедиционной жизни с известными в названных произведениях получили горячий отклик, так как в экспедиции нашлись настоящие любители этих книг. Они с увлечением предлагали свои варианты сопоставлений и каждый старался перещеголять другого. Таким образом, "игра" шла полным ходом на протяжении всего сезона.

Предпринятый после завершения работ на Никопольщине поход всем составом экспедиции на Каменское городище завершился сбором большого подъемного материала и посещением Иннокентия Петровича Грязнова, брата М.П. Грязнова, с которым Борис Николаевич подружился еще в довоенные годы. Редактор местной газеты, краевед-любитель, И.П. Грязнов собрал большую коллекцию находок с поверхности Каменского городища и показал ее нам. Среди вещей из этой коллекции были и уникальные, заинтересовавшие Бориса Николаевича.

Небольшие разведывательного характера раскопки были проведены нами на акрополе городища. Материалы, полученные благодаря этим работам, позволили Б.Н. высказать предположение о возникновении цитадели одновременно с основной площадью городища и продолжении жизни на ней до II в. н.э., в отличие от основной площади, где жизнь прекратилась в начале III в. до н.э. Это предположение было подтверждено впоследствии раскопками на более значительной площади.

В итоге археологическая экспедиция 1945 г. помогла Борису Николаевичу определить задачи работ на будущее как на Каменском городище, так и на Никопольщине. Такие работы были осуществлены в период между 1946–1950 гг. и завершились выходом крупной монографии "Каменское городище на Днепре" (М., 1954). Мы же, тогда практиканты, получили от Б.Н. Гракова очень много знаний, легших в основу самостоятельных археологических исследований.

Отмечая ныне столетие со дня рождения Бориса Николаевича, мы с глубокой благодарностью вспоминаем нашего учителя. Большой ученый, добрый и обаятельнейший человек – таким он навсегда останется в памяти многочисленных учеников.

Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

А.Б. МАЗУРОВ

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ НАХОДОК ВЯТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Московские вятичи – классическая для отечественной археологии тема. Именно в Московском регионе (за пределами летописной территории вятичей) концентрируется большинство вятических древностей. Здесь были сделаны и первые находки. Начальный период их изучения весьма важен для понимания генезиса научного знания.

Первые научные раскопки вятических курганов были проведены в 1838 и 1845 гг. А.Д. Чертковым, позднее возглавившем ОИДР (Общество истории и древностей Российских) при Московском университете. Эти раскопки вызвали своеобразную цепную реакцию – исследования прошли в имении Д.Г. Бибикова и с. Успенском современного Одинцовского р-на (проводились Н.И. Иванишевым); у с. Авдотьино Ступинского р-на (С.Д. Нечаев); а позднее у д. Потапово в Лениногорском р-не (А.А. Гатцук, 1863–64 гг.). О каждом памятнике были опубликованы отдельные статьи, правда, весьма различного качества. Сам сюжет подробно освещен А.А. Формозовым (1988).

Одним словом, мы очень хорошо представляем начальный период изучения вятичей и формирования представлений о курганных древностях России вообще. Неосвещенным остался, пожалуй, лишь один сюжет – случайная находка вятических вещей в 1843 г. в Коломенском уезде у с. Ворыпаевка[1]. Это был второй достоверно известный факт обнаружения вятических вещей. Через год, в 1844 г., при закладке фундамента Большого Кремлевского дворца сделана и третья достаточно широко известная находка, давно и обстоятельно введенная в научный оборот, – две серебряные гривны и два семилопастных кольца "московского" (так их тогда называли) типа в бронзовой чаше (Панова Т.Д., 1988). Между тем находка 1843 г. так и не привлекла внимания исследователей. О ней лишь упоминалось в публикациях и сводках памятников (Формозов А.А., 1988; Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1972). Настоящая заметка посвящена восполнению этого несомненного пробела.

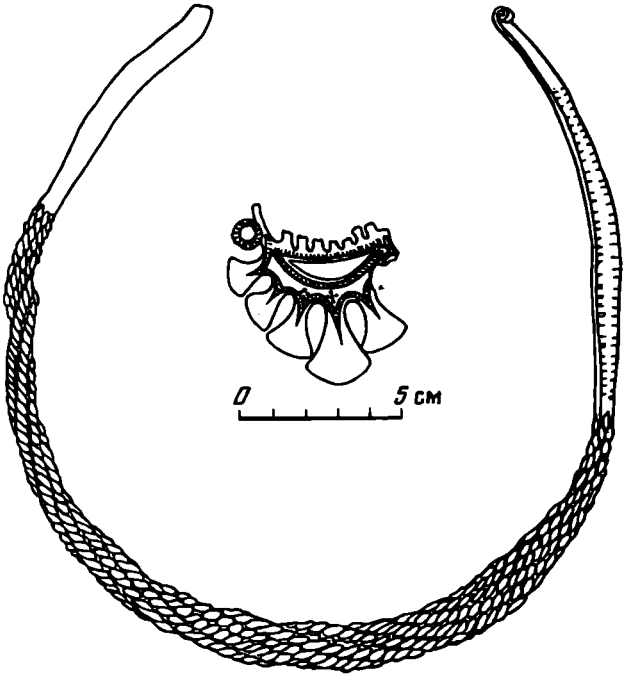
Источниками послужило дело из Архива ИИМК (фонд 6, дело 86, 1843 г.) "По донесению Московского Гражданского губернатора с представлением найденных в Коломенском уезде при разрытии холма древностей", а также две газетные публикации в "Московских ведомостях" (письмо помещика Г. Фролова в разделе "Смесь") (Московские ведомости) (Фролов Г., 1843) и в "Журнале Министерства внутренних дел" в разделе "Смесь" под названием "Остатки древности, найденные в Московской губернии" (Остатки древности..., 1843).

Что же произошло в селе Ворыпаевка Коломенского уезда летом 1843 г.? Вот что доносил московский гражданский губернатор министру внутренних дел: "На скате горы в 100 саженях от истока речки Бабаевки с незапамятных времен находилось два небольших холма. При разрытии одного из них 8 числа сего (июня – *А.М.*) месяца по случаю понадобившейся земли для укрепления плотины, рабочие нашли человеческий остов с головою, обращенною на восток, с металлическим венком на голове (витом в середине, наподобие плетеной веревки, толщиной в палец) и с серебряною бляхою на груди. Тут же найдены: клок волос, что-то похожее на ленту или кусок материи, как будто тканой с золотом, и два (около ног) пустых глиняных сосуда. Из найденных вещей в целости сохранились венок, бляха и ножная кость, прочие же от первого к

Работа выполнена в рамках проекта 98-01-00129, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

[1] Необходимо исправить вкравшуюся в работу А.А. Формозова (1988) неточность. Село Ворыпаевка находится в 7 км к северо-западу от Коломны на территории современного Коломенского (а не Воскресенского) района. Эта ошибка перекочевала в АКР, посвященную Московской области (ч. 4), где уже появилось две Ворыпаевки – одна в Воскресенском (Археологическая карта..., 1997, с. 14, № 1936), другая в Коломенском (Археологическая карта..., 1997, с. 199, № 12) районах.

© А.Б. Мазуров, 1999 г.



"Копия с оригинальных вещей", заверенная уездным исправником (Архив ИИМК, ф. 6, д. 86, 1843 г., л. 2 об-3)

ним прикосновения рассыпались в прах. Другой холм также был снят, но под ним ничего не найдено". Московский гражданский губернатор указал и на аналогии. Подобные вещи ему (или канцелярским служащим губернатора) были известны по находке "прежде в 1838 г. в имении А.Н. Толстого при с. Верхогрязье Звенигородского уезда". В заключение по поводу найденных вещей он писал: "Они некоторым образом свидетельствуют об обитаемости этих мест в эпоху довольно отдаленную, быть может, еще во время водворения норманнов в России" (л. 1, 5).

Министр внутренних дел (в 1841–51 гг. им был Л.А. Перовский), как следует из резолюции, "изволили обратить особое внимание на сие донесение". В Петербург были запрошены сами вещи, хотя к донесению был приложен великолепный рисунок, выполненный в натуральную величину профессиональным художником (рисунок). При вторичном докладе Л.А. Перовский приказал препроводить вещи к Н.И. Надеждину – критику, отставному профессору теории искусств и этнографии Московского университета, читавшему курс эстетики, в прошлом издателю "Телескопа" (закрытого за публикацию "Философических писем" П.Я. Чаадаева), перенесшему ссылку, а затем поступившему на службу в Министерство внутренних дел. Л.А. Перовский имел с Н.И. Надеждиным отдельный разговор по поводу находок (л. 4).

Таким образом, находки были удостоены очень высокого внимания (от Московского гражданского губернатора до министра внутренних дел). Это можно представить лишь в контексте николаевской эпохи с ее салонными разговорами, в которых циркулировала самая разнообразная информация. Образованное дворянское общество, воспитанное на Н.М. Карамзине, жадно ловило всякие известия о редкостях и древностях. Лишь учитывая данное обстоятельство, можно понять интерес московского гражданского губернатора, инициировавшего "восхождение наверх", к этому, в общем-то рядовому, событию. Он явно знал, хотя бы по слухам, о находках 1838 г. А.Д. Черткова.

На этом история с находками не завершилась. Дворянин Г. Фролов, гостивший у своей матери (коллежской асессорши) в Ворыпаевке летом 1843 г., направил в респектабельную газету "Московские ведомости" письмо о них. К обстоятельствам находки он добавил важную для археолога деталь – находки были найдены "в уровень с горизонтом земли". Фролов откровенно пояснил и судьбу других находок (которые

вовсе не "рассыпались в прах от первого прикосновения"): "так как меня не было на месте во время находки, то к сожалению, черепки горшков, истлевшие кости, а равно клок волос и остаток материи – все это было брошено в кучу земли и засыпано в плотину". Он также предпринял любительские раскопки другого рядом стоящего кургана, но они закончились неудачей. "Увлеченный этим случаем, я приказал было снять другой холм в надежде найти что-нибудь подобное, но изыскания и ожидания мои были тщетны: ни костей, ни вещей – ничего не найдено несмотря на все вероятности. Клад, как говорят, не дался в руки. При запашке нынешнего года под озимый хлеб, я предполагаю (! – *А.М.*), что-нибудь должно оказаться, о чем не премину Вас уведомить" (Фролов Г., 1843).

Очень важно, что редакция "Московских ведомостей" снабдила письмо Г. Фролова собственным постскриптумом, написанным несомненно хорошо осведомленным человеком. Вновь, в который раз в этой истории, указана аналогия – курганы у с. Верхогрязье. А это означает, что консультант газеты (не исключено, что сам А.Д. Чертков) пытался донести до широких кругов образованного общества осознание общности оставившего эти вещи населения на большом пространстве по течению Москвы-реки – от Звенигорода до Коломны. В редакционном примечании также говорилось: "По краткому описанию г-на Фролова трудно сделать достоверное заключение. Желательно, чтобы почтенный наш корреспондент предложил не одно описание, но и самую находку свою на рассмотрение Обществу истории и древностей Российских" (Фролов Г., 1843).

Ответ Г. Фролова не замедлил и он с радостью откликнулся на предложение не только представить находки на "экспертизу", но и сделал широкий жест – выразил желание подарить их ОИДР. В тот момент сами вещи находились в Петербурге. В архивном деле содержится указание на желательность возвращения их обратно, т.к. помещик Г. Фролов хотел принести их в дар ОИДР. Следовательно, он вдогонку вещам послал в Министерство внутренних дел просьбу о возвращении их назад.

Обсуждение коломенских находок в прессе на этом не окончилось. По всей видимости, именно Н.И. Надеждин подготовил к печати заметку о древностях в официозный "Журнал министерства внутренних дел". В ней в сентиментальном стиле и вполне в духе установок о "блестящем прошлом" России дано гораздо более адекватное описание вещей. Шейная гривна (рисунок) интерпретирована, правда, как "головная повязка, род диадемы". Зато фрагментированная "серебряная бляха" уверенно реконструирована как семилопастная ("семиконечная"). Такая осведомленность объясняется ссылкой опять же на раскопки у с. Верхняя Грязь. Назначение височных колец, однако, было непонятно – "это украшение, носимое на груди, может быть служившее застежкой верхней одежды" (Остатки древностей..., 1843). Автор заметки обратил внимание на важное обстоятельство – "судя по истлевшим пням должно заключать, что вокруг рос в древности обширный дубовый лес, который с незапамятных времен истребился". Подводя итоги, он несколько туманно заключал: "здесь, в стране финской, весьма поздно начавшей русеть, было в старину значительное население, если даже предположить, что эти украшения принадлежали пришельцам, которым, конечно, незачем было заходить в глубину совершенно пустых лесов". Представляется несомненным, что автор заметки использовал материалы текущего делопроизводства МВД (сохранившегося в приведенном архивном деле). Заключение о находке весьма смутно и противоречиво, что, впрочем, и неудивительно на начальном этапе развития интереса к археологии.

Довершая картину достаточно широкого общественного резонанса, который вызвали публикуемые здесь вещи, отметим еще один факт. В 1843 году путешествие по Коломенскому уезду совершил страстный любитель древностей, известный "палеолог" 30–40-х годов XIX в. Н.Д. Иванчин-Писарев, издавший затем свою книгу о нем. Он специально упомянул о "находке черепа с серебряным увяслом, найденном близ с. Ворыпаевки, при речке Бабаевке" (Иванчин-Писарев Н.Д., 1844, с. 131).

Думается, удивительный факт чрезвычайного и стойкого интереса к рядовым, с

позиций наших дней, древностям на самых разных уровнях – от уездного коломенского помещика до первенствующего министра николаевской России, заслуживал отдельного рассмотрения. Стоит подчеркнуть и постоянно присутствовавший здесь научный прием поиска аналогий (а она была всего одна) как способа интерпретации вещей, внедрявшийся даже на уровне массового сознания в газетных публикациях.

Что же на самом деле представляли из себя находки? Каковы были значимые для науки обстоятельства их обнаружения? Попробуем с позиций наших дней ответить на эти вопросы. Итак, на месте сведенной дубравы (достаточно яркая и характерная деталь расположения многих курганных могильников) располагалось два кургана. Один из них содержал погребение на горизонте (из него происходят находки), другой, вероятно, в могильной подкурганной яме (поэтому раскопки Г. Фролова и окончились неудачей). Костяк открытого женского погребения был обращен головой на восток. Эта ориентировка является редкой и фиксируется в вятическом регионе в единичных случаях (Седов В.В., 1982, с. 148). Помимо гривны, фрагментированного височного кольца и двух глиняных горшков, надо обязательно назвать имевшийся в составе одеяния погребенной ожерелок – стоячий воротник из золотошитой (обычно византийского производства) ткани. Датировать вещи помогает рисунок.

Жгутовая загнутоконечная гривна, как и обычно, серебряная, состоит из сложного жгута (из трех сдвоенных проволок с раскованными пластинчатыми окончаниями, орнаментированными насечками). Окончания снабжены петлей с крюком для застегивания. Максимальное распространение аналогичных гривен приходится на XII в., с заходом в начало XIII в. (Фехнер М.В., 1967, с. 73). Достаточно крупное серебряное развитое височное кольцо имеет секировидную форму лопастей, а также т.н. "второй орнамент" (по Т.В. Равдиной) из соединенных заштрихованных острых и вытянутых городков, глубоко заходящих на лопасти. Оно орнаментировано крестовидными фигурами в виде точек у основания центральных лопастей. Такие увеличенные в размерах семилопастные кольца с дополнительными элементами орнаментации тяготеют, по мнению Т.В. Равдиной, к самому концу бытования подобных украшений – концу XII – первой трети XIII вв. (Равдина Т.В., 1968, с. 140; 1978, с. 186, рис. 1, тип 4). По инвентарю вскрытый в 1843 г. курган надо определить как один из самых типичных и широко распространенных вятических могильников, датирующийся, как и подавляющее их большинство, последней стадией их существования – концом XII – первой третью XIII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России: Московская область, 1997. Ч. 4. М.

Иванчин-Писарев Н.Д., 1844. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.

Остатки древности, найденные в Московской губернии, 1843 // Журнал МВД. Кн. 8 (август).

Панова Т.Д., 1988. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Равдина Т.В., 1978. Семилопастные височные кольца // Проблемы советской археологии. М.

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1972. Список археологических памятников Московской области. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.

Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Ч. III. Тр. ГИМ. Вып. 43.

Формозов А.А., 1988. Следопыты земли Московской. М.

Фролов Г., 1943. Письмо в газету // Московские ведомости. № 75 (24 июня, четверг).

Коломенский государственный педагогический
институт

Ю.А. ЗЕЛЕНЕЕВ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ПОВОЛЖЬЯ XIII–XV вв. В РАБОТАХ А.П. СМИРНОВА 40–50-х ГОДОВ

Главным событием в истории Поволжья XIII–XV вв. является утверждение власти джучидов в этом регионе, перемещение сюда экономического и политического центра этого государства и последующий его распад. Все это оказало исключительно сильное воздействие на ход этнокультурных процессов на данных территориях.

К 40-м годам XX в. археологией был накоплен определенный круг источников, который позволил приступить к реконструкции этнокультурных процессов в Поволжье, в том числе и интересующего нас времени. Справедливости ради нужно отметить, что к решению вопросов этнокультурной истории исследователи обращались и ранее, опираясь на письменные источники и дополняя их весьма скудными археологическими данными, но только развитие археологических исследований в Поволжье, в том числе работы созданных А.П. Смирновым Суварской, Булгарской, Куйбышевской и затем Поволжской археологических экспедиций, позволили уже в начале 50-х годов наметить основное направление этнической истории Поволжья.

Начало 50-х годов XX в. стало важной датой в развитии археологии Поволжья, так как именно в это время вышли, во многом дополняющие друг друга, два фундаментальных труда А.П. Смирнова: "Волжские Булгары" и "Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья", которые не утратили своего значения вплоть до настоящего времени. Концепция этнокультурного развития Поволжья, предложенная А.П. Смирновым в этих книгах и в ряде предшествующих им работ, в основе своей принята исследователями и в конце XX в., несмотря на то, что на протяжении почти пятидесяти лет она конкретизировалась и в отдельных моментах пересматривалась, в том числе и самим А.П. Смирновым.

А.П. Смирнов основное внимание уделял этническим процессам, происходившим на территории бывшей Волжской Булгарии, которые он считал, возможно даже несколько преувеличивая, главным для понимания всей истории Поволжья. Правда, следуя традиции, сложившейся в советской исторической науке, он заявлял о том, что монгольское завоевание не внесло значительных изменений в состав населения, в первую очередь, Булгарии (Смирнов А.П., 1948а, с. 12). Тем более, что это соответствовало его взглядам о культурной преемственности между населением домонгольской Булгарии и Булгарии XIII–XIV вв. То, что сами монголы не сыграли значительной роли в этнокультурной истории Поволжья было очевидным, как во времена А.П. Смирнова, так и в наши дни. Но те инновационные моменты, которые проявляются у этносов Поволжья в этот период были следствием именно сложения Улуса Джучи, что подтверждается всей совокупностью источников. Даже самый распространенный этноним для всех тюркских народов Восточной Европы – татары – утверждается в русских летописях именно во второй четверти–середине XIII в. Этот этноним, принесенный из Центральной Азии, использует в своих работах и А.П. Смирнов (1948б, с. 71), отделяя при этом булгарский этнос от других тюркских этносов, которые он вслед за авторами письменных источников, называет татарами (Смирнов А.П., 1948а, с. 15). Правда, А.П. Смирнов указывал и на возможность того, что часть местного населения, особенно знати, подверглась влиянию завоевателей (Смирнов А.П., 1948б, с. 75). В качестве доказательства преемственности между населением домонгольской и золотоордынской Волжской Булгарии он приводит данные антропологии, судя по которым монголы не оказали существенного влияния на антропологический облик татар. Старый этноним – булгары – сохраняется вплоть до конца XIV в. А.П. Смирнов считает, что этот этноним существовал и в XV в. (Смирнов А.П., 1948а, с. 14, 15), но скорее всего в это время он нес уже не этническую, а

© Ю.А. Зеленеев, 1999 г.

географическую и социальную нагрузку – "Болгары", "Новый Булгар", "царь Болгарский".

По мнению А.П. Смирнова, Булгария была тем центром, вокруг которого формировалась культура Золотой Орды. Булгарские ремесленники сыграли огромную роль в создании золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Так, он считает, что в XIV в. традиции булгарского ювелирного искусства переходят в города Нижнего Поволжья (Смирнов А.П., 1948а, с. 19). Таким образом, пришедшие в Восточную Европу татары восприняли булгарскую культуру при сильном влиянии на этот процесс Хорезма и Руси (Смирнов А.П., 1948б, с. 74). Он даже говорит об идентичности культуры Золотой Орды и Булгар (Смирнов А.П., 1948а, с. 15).

Первоначально, как отмечает А.П. Смирнов, монгольское завоевание вызвало отлив булгарского населения к северу и западу: на Русь и в Прикамье (Смирнов А.П., 1948б, с. 75), но уже в конце XIII в. и позднее, в XIV в., с развитием городов Булгарии, ситуация меняется и наоборот усиливается приток нового населения в Волжскую Булгарию, например, ремесленников из Средней Азии (Смирнов А.П., 1951, с. 83). Возможно, с их деятельностью связаны остатки бани XIV в. в Болгаре, которые раскапывались в конце 30–40-х годов и связывались А.П. Смирновым с восточным влиянием (Ефимова А.М. и др., 1947, с. 102). Это же население оставило жилые постройки с мангалами. По мнению А.П. Смирнова, оно было немногочисленным и тюркоязычным (Смирнов А.П., 1948а, с. 13, 26). В то же время он отмечает, что техника кладки второго яруса кирпичного здания из раскопок Сувара 1933–1937 гг. не представляет чего-либо специфически среднеазиатского: так строили в XIII–XIV вв. по всему Поволжью (Смирнов А.П., 1941а, с. 158).

Город Болгар представлялся ему международным центром, где скрещивалось влияние Востока, Юга и Запада. Подтверждением этому служили русские и восточные элементы в культуре города, а также наличие и иных этносов среди населения города, например армянского. При этом происходила взаимоассимиляция и восприятие иноэтничных культурных комплексов, отражением которых являются находки армянских надписей, сделанных арабскими буквами. А.П. Смирнов усматривал в этом факте восточное влияние на население армянской колонии. Связь с Востоком и Арменией прослеживается и на материалах, обнаруженных в погребениях армянского кладбища Болгара фрагментов ткани (Ефимова А.М. и др., 1947, с. 103, 105).

А.П. Смирнов постоянно акцентирует внимание на смешанности этнических признаков населения Волжской Булгарии. Так, он отмечает, что в антропологии булгар XIII–XIV вв. вычленяются сарматские черты (Смирнов А.П., 1948а, с. 9), что, на мой взгляд, не было результатом прямого этнического развития.

Хотя монголы и не распространялись вглубь лесов (Смирнов А.П., 1948а, с. 12), само завоевание оказало сильнейшее воздействие на ход этнической истории и у народов, проживающих севернее волжских булгар. К тому же, по мнению А.П. Смирнова, в XIV в. усиливается влияние булгар на соседнее финское население, проживавшее к северу от Камы (Смирнов А.П., 1948а, с. 15).

В Удмуртии в пределах XIII–XV вв., по А.П. Смирнову, датируются селища Вуж-Гурт (XIV–XVI вв.); Нагар-Котья (XIV–XV вв.); Гучин-Перепечи. После X в. идет интенсивное заселение бассейна реки Валы удмуртами. Правда, в этой же работе он, в какой-то мере противореча себе, пишет, что все эти селища относятся к периоду не ранее XV–XVI вв. (Смирнов А.П., 1941б, с. 110, 111).

А.П. Смирнов считает, что, по археологическим материалам, выделяются северная и южная группы мордвы. Он отождествляет буртас с мокшей, а арту восточных авторов и мордву "Слова о погибели русской земли" с эрзей (Смирнов А.П., 1940, с. 145). Определение этноса буртас до настоящего времени не выходит за рамки гипотезы. При этом никто не опроверг окончательно и указанное предположение А.П. Смирнова, хотя, на мой взгляд, более привлекательной выглядит версия о сложном этническом составе буртас, с ведущей ролью среди них разноязыких народов степного происхождения, которые, иногда, упоминаются в источниках и под именем ас. Кстати,

А.П. Смирнов упоминает об асах (Смирнов А.П., 1948б, с. 74) в Поволжье, но с буртасами их не отождествляет.

Он приходит к выводу, что к концу XIV в. северо-западная часть мордвы была сильно русифицирована, а юго-восточная испытала сильнейшее влияние татар. Он отмечает, что процесс отатаривания мокши начался в XIV в. и хорошо прослеживается по материалам Аткарского могильника (западная ориентировка, конские захоронения, серьги в виде знака вопроса, зеленые, синие, прозрачные и мозаичные бусы). При этом он ошибочно считал, что подкурганные захоронения у мордвы (Сарлейский могильник) возникают в результате русского влияния (Смирнов А.П., 1940, с. 145, 146). Надо отметить, что русскому влиянию на мордву А.П. Смирнов, уделял очень много внимания. Он считал, что уже к XIII в. все мордовские земли в той или иной мере были славянизированы и процесс славянизации не остановило даже вхождение мордвы в состав Улуса Джучи (Смирнов А.П., 1952, с. 155).

Новые тенденции в ходе этнокультурных процессов начинают проявляться в конце золотоордынского времени, что было подмечено А.П. Смирновым еще в 40-х – начале 50-х годов. Наиболее важными явлениями для Поволжья становятся этническая консолидация русских и тюрок Среднего Поволжья (казанских татар), которые повлекли за собой и политическую консолидацию. Этот процесс, а также то, что после XIV в. углубляется различие в религиозных верованиях русских и булгар стало, по мнению А.П. Смирнова, значительным препятствием к объединению и ассимиляции этих народов (Смирнов А.П., 1951, с. 83).

В начале XV в. разгром основной территории Булгарии золотоордынцами, а затем наступление русских послужили толчком к отливу населения в лесное Закамье, что неизбежно вызывало ассимиляцию с местными чудскими племенами. Тем не менее, по его мнению, преемственность между болгарской культурой и культурой казанских татар сохраняется, например, в архитектуре (Смирнов А.П., 1948, с. 17, 18). Событиям этнической истории XV в. А.П. Смирновым уделено сравнительно немного внимания, что объясняется слабым обеспечением источниками этого периода. Кстати, и в конце XX в. этническая история Поволжья XV в. остается одним из самых слабоизученных вопросов. Хотя, именно в это время, произошла окончательная консолидация тюркских народов региона, существенно изменились этнические территории у финнов Поволжья и Приуралья.

Таким образом, к 1953 году, благодаря трудам А.П. Смирнова сложилась следующая концепция этнической истории Поволжья в XIII–XV вв. В результате монгольского завоевания изменяются устоявшиеся в XIII в. этнические территории. Болгары частично уходят в Прикамье и дальше на север, в финские земли, а также на Русь. Некоторые финские народы, например удмурты и мари, также мигрируют в более северные лесные местности, хотя А.П. Смирнов считал, что полностью со своих прежних мест обитания они так и не ушли. Та часть булгар, которая уцелела после монгольского погрома и не покинула свои родные места, включила в свой состав новое тюркоязычное население. А.П. Смирнов писал, что оно имело среднеазиатские корни, подчеркивая иногда, что оно не играло главной роли в этнической истории Волжской Булгарии XIII–XV вв. Отмечает он и наличие других этнических компонентов в населении Волжской Булгарии этого периода, что на мой взгляд характеризует особенности этнического процесса в Улусе Джучи. Из работ А.П. Смирнова видно, что в XIII–XV вв. продолжается процесс консолидации и развития мордовского этноса, хотя он и пишет о русификации и отатаривании части мордвы. В целом, указанные основные направления этнической истории Поволжья с добавлениями и изменениями в конкретных вопросах сохранили свою значимость вплоть до конца XX в. Открытыми, после работ А.П. Смирнова, до настоящего времени остаются вопросы сложения современных тюркских этносов Поволжья (татары, чуваши), главные события которого падают на XV век. Во многом невыясненной остается роль джучидского государства в этнической истории народов Поволжья. Последователи А.П. Смирнова, разрабатывавшие историю Поволжья XIII–XV вв., в первую очередь Г.А. Федоров-

Давыдов и его ученики, больше внимания уделяли источниковедческим вопросам, и реконструкции социально-экономических процессов в Поволжье этого времени. Исключением является книга В.Л. Егорова "Историческая география Золотой Орды" (1986), где он касается некоторых моментов, связанных с расселением этносов в этом государстве. К концу XX в. количество накопленных археологических источников вновь позволяет обратиться к решению проблем этнической истории Поволжья. Но, несмотря на то что это будет иной качественный уровень исследований, изыскания А.П. Смирнова составят тот фундамент, на котором будет создаваться новое знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П., 1947. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 году // КСИИМК. Вып. 21.

Смирнов А.П., 1940. Очерк древней истории мордвы // Тр. ГИМ. Вып. 11.

Смирнов А.П., 1941а. Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Тр. ГИМ. Вып. 16. Работы археологических экспедиций. М.

Смирнов А.П., 1941б. Обследование реки Валы // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.

Смирнов А.П., 1948а. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Казань.

Смирнов А.П., 1948б. Древняя история чувашского народа. Чебоксары.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. М.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Марийский Государственный университет,
Йошкар-Ола

Критика и библиография

ГОРОД БОЛГАР: РЕМЕСЛО МЕТАЛЛУРГОВ, КУЗНЕЦОВ, ЛИТЕЙЩИКОВ. Казань, 1996. 314 с.

Книга посвящена публикации материалов с Болгарского городища – одного из крупнейших городов Восточной Европы эпохи средневековья. Ей предшествуют два сборника: "Город Болгар: очерки истории и культуры" (М., 1987) и "Город Болгар: очерки ремесленной деятельности" (М., 1988).

В рецензируемом сборнике рассмотрена деятельность ремесленников-металлургов. Книга включает пять очерков и справочные материалы: план болгарского городища с раскопами, стратиграфическую шкалу и опись раскопов на городище, с указанием автора отчета.

Первым в книге помещен раздел "Черный металл Болгара. Типология", написанный *Л.Л. Савченковой*. Автор рассматривает историю изучения черного металла Болгарии, начиная со сбора коллекционерами отдельных предметов, обычно плохо документированных, и до того времени, когда при раскопках Болгарского и Суварского городищ были получены серии предметов. Отмечено, что накопление материала из раскопок памятников Поволжья и значительной части Восточной Европы обусловило появление ряда исследований, посвященных типологии предметов из черного металла в связи с их назначением (с. 7). Автор ставит перед собой задачу классифицировать и опубликовать орудия труда земледелия, скотоводства, рыболовства, инструменты ремесленников, оружие, а также бытовые предметы.

В разделе "Земледельческие сельскохозяйственные орудия" большое внимание уделено описанию орудий обработки почвы (с. 8), в число которых входят плужные лемехи, чересла, сошники, мотыги. Орудия уборки урожая (с. 11) включают серпы и косы-горбуши, которых на Болгарском городище было найдено всего две. Нельзя не отметить, что при классификации серпов использована схема, разработанная В.П. Левашевой, которую автор считает наиболее удачной среди ряда других.

Особый раздел "Универсальные орудия" посвящен рассмотрению топоров. Описание и классификация находок, сделанные на основании системы, разработанной В.П. Левашовой, замечаний не вызывают.

Особый раздел "Предметы скотоводства" посвящен описанию ботала (известна одна находка) скребницы из железных пут, которых известно шесть экземпляров. Орудия рыболовства (с. 19) включают большие промысловые крючки, рассчитанные на лов крупной рыбы.

Большой интерес представляют разделы "Инструменты ремесленников. Орудия металлообработки" (стр. 20) и "Орудия деревообработки" (с. 23). В числе орудий металлообработки рассмотрены кузнечные молоты и молотки, кузнечные клещи, пробойники, зубила. Орудия деревообработки включают скобель, пилу, долота, резцы, сверла. Такой набор орудий позволяет говорить о высоком уровне навыков обработки дерева.

В разделе "Прочие орудия труда" основное место занимает описание ножей, которые были универсальным орудием, необходимым в быту, а при необходимости и оружием. Всего на городище их было найдено 105 экз. Ножниц известно 10 экземпляров, большая часть их шарнирные. Представляют интерес железные кочедыги (инструменты для плетения изделий из лыка), которых известно 10 экземпляров.

Среди предметов домашнего обихода огромный интерес представляют замки (стр. 40), которых, включая фрагменты, было найдено 62. Они подразделяются на три типа: цилиндрические, шаровидные и в форме фигурок животных. Кроме того, найдено 78 ключей

© К.А. Смирнов, 1999 г.

от замков, включая фрагменты. Вместе с замками рассмотрены пробои, без которых замки не могли быть использованы. Большое внимание автор уделил описанию и классификации кресал (стр. 53).

Особый раздел посвящен анализу предметов вооружения (стр. 66). Описание оружия ближнего боя автор начинает с мечей. На Болгарском городище известен один меч и несколько обломков. Это понятно. Меч был дорогим престижным оружием и его редко теряли. А.Н. Кирпичников мечи такого типа относит к X–XI вв. Сабли представлены одним обломком клинка и несколькими перекрестьями. Кинжалов на городище известно два. Небольшую серию составляют наконечники копий и сулиц – всего 13 экземпляров. Однако нельзя не отметить, что большинство из них является случайными находками или были приобретены депаспартизованными, поэтому не всегда можно быть уверенным в том, что находка происходит с Болгарского городища.

Более многочисленными являются наконечники стрел, которых, судя по таблице XXII (с. 77) было найдено 78 экземпляров. Большая часть их была найдена в раскопках, однако есть и случайные находки. Наконечники относятся к типам характерным для начала второго тысячелетия (рис. 33, с. 72).

Рассмотренный материал свидетельствует о высоком уровне навыков болгарских ремесленников, который в полной мере соответствовал требованиям того времени.

Статья *Ю.А. Семыкина* "Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище" (с. 89) посвящена изучению производства железных изделий, начиная с выплавки железа из руды и кончая готовой продукцией. По мнению автора, металлургия железа и кузнечное ремесло занимали ведущее место в экономической и хозяйственной жизни Волжской Болгарии. Вместе с тем не вполне ясно, в какой мере уровень болгарских ремесленников соответствует уровню ремесла Древней Руси.

В разделе "Металлургические горны Болгарского городища и вопросы металлургии" рассмотрен процесс получения железа из руды. Впервые металлургические горны были обнаружены на Болгарском городище в 1947–1949 гг. Они относились ко времени с X по начало XIV в. Было установлено, какие горны характерны для конкретного периода времени и прослежена их эволюция. Нельзя не отметить, что типы металлургических горнов, выделенные А.М. Ефимовой на основании первых находок, успешно выдержали проверку временем и сейчас, по прошествии полувека ясно, что последующие находки позволили внести только незначительные уточнения (с. 93). Интересно, что ряд предположений, высказанных А.М. Ефимовой, в частности о том, что сырьем для черной металлургии Волжской Болгарии были болотные, озерные и луговые руды, позднее нашли подтверждение при проведении анализов шлаков (с. 101). Интересно, что болгарские металлурги в золотоордынское время в своих горнах получали чугун (с. 103).

Касаясь технологии, применяемой при изготовлении железных изделий, автор большое внимание уделяет ножам (раздел "Технология изготовления ножей", с. 104). Это обусловлено, с одной стороны, той огромной ролью, которую нож играет в повседневной жизни человека, с другой – многочисленностью находок: металлографически исследованная серия ножей с Болгарского городища включает 62 предмета, относящиеся к периоду с X по XV в. Типологически автор подразделяет ножи на обычные хозяйственные, боевые и ножи специального назначения. Как показало исследование, при изготовлении ножей болгарскими кузнецами использовались разнообразные технологические схемы (в том числе трехслойный пакет, вварка стальной лезы в железную основу и различные виды наварки (стр. 104–115).

В разделе "Технология изготовления предметов вооружения" (с. 115) рассмотрены результаты анализов 11 наконечников стрел, одного наконечника копья, втока и одной рогатки, применяемой против конницы. Анализ наконечников стрел показал, что в большинстве случаев они изготовлены целиком из железа или сырцовой стали, иногда из пакетованной заготовки с применением стальных и железных полос, в двух случаях зафиксирован прием цементации (стр. 117).

В разделе "Технология изготовления предметов быта и орудий промыслов" (с. 118) рассмотрены результаты анализов шарнирных ножниц, кресал, замков и т.д.

Большой интерес представляет раздел "Технология изготовления сельскохозяйственных орудий" (с. 122). Всего было исследовано два плужных резака-чересла, три мотыги, два серпа и два фрагмента от кос-горбуш.

В разделе "Технология производства деревообделочного инструмента" рассмотрены анализы 13 топоров, 6 долот, 3 тесел, 3 скобелей и 6 сверл. Микроанализ показал, что при изготовлении этих изделий наряду с простыми технологическими схемами болгарские

кузнецы использовали и такие как вварка стальной лезы в железную основу, наварка (с. 126–134).

Особую группу составляют инструменты ремесленников, включающие орудия режущие, ударные и специального назначения (с. 134, раздел "Технология изготовления инструментария ремесленников"). Эти предметы предназначались главным образом для обработки металла и камня.

Завершая технологическую характеристику кузнечного инвентаря, автор приводит процентное соотношение основных технологических схем, которые применяли болгарские мастера (с. 142).

Наиболее часто использовалась технология пакетования и косой боковой наварки (по 14,3% соответственно от общего числа изученных предметов), цельностальные изделия составляют 12,5%, технология цементации – 10,6%, технология вварки стальной лезы и торцевой наварки – по 5%, незначительную долю составляет трехслойный пакет.

Большой интерес представляет вывод автора о том, что черная металлургия Волжской Болгарии в целом и города Болгара в частности сформировалась на основе синтеза металлургических традиций пришлого раннеболгарского и местного финно-угорского населения Среднего Поволжья и Прикамья. В распоряжении металлургов и кузнецов имелись в достаточном количестве все виды сырья и топлива. Анализируя материал, автор приходит к выводу, что уже в X–XI вв. существовали специализированные мастерские с одним-двумя горнами для восстановления железа из руд и одним горном кузнечного типа для первичной проковки железной крицы. Конечным продуктом такой мастерской была товарная крица. На основании подсчетов затрат человеческого труда, необходимого для проведения сыродутного процесса, автор делает вывод, что силами одного человека получение железной крицы было невозможно. В работе должны были принимать участие минимум два-три человека. Кроме того, надо отметить, что преемственность металлургической традиции требовала передачи опыта и секретов производства.

Анализ материала позволил автору сделать очень важный вывод о том, что еще в домонгольское время существовала узкая специализация и дифференциация металлургического и кузнечного ремесла (с. 140).

В заключение, автор приходит к закономерному выводу о том, что металлообработка Болгара отличалась высоким уровнем развития и яркими, характерными чертами. Сравнение технологии кузнецов Болгара с технологией черной металлообработки в Древней Руси и у других соседних народов показывает, что наряду с общими чертами в Волжской Болгарии было и значительное своеобразие. К статье прилагается каталог предметов, подвергшихся металлографическому анализу (с. 143).

Статья *Г.Ф. Поляковой* "Изделия из цветных и драгоценных металлов" (с. 154) посвящена анализу многочисленных находок с Болгарского городища. По мнению автора, задачей статьи является изучение этого материала как продукции ремесленной деятельности болгарских мастеров. Болгары являлись крупным центром производства предметов из цветных и драгоценных металлов, что было обусловлено хорошей сырьевой базой. При исследовании Болгарского городища были выявлены несколько пунктов плавки и обработки цветных металлов, два из них были крупными. Однако, как отмечает автор, остатки медеплавильных сооружений дошли до нас в сильно разрушенном состоянии. Датируются они как домонгольским, так и золотоордынским временем. Из благородных металлов на Болгарском городище известны слитки серебра. При раскопках было выявлено несколько пунктов производства изделий из цветного металла. Об этом свидетельствуют находки рядом с горнами каменных и керамических форм и производственного брака. Всего на городище найдено 62 литейные формы.

Автор анализирует набор инструментов ювелира и перечисляет наиболее распространенные приемы, применяемые при изготовлении продукции (с. 162).

Рассмотрев вопросы производства, автор переходит к рассмотрению самих изделий, число которых достигает 2223 и прежде всего ставит перед собой задачу произвести типологическую систематизацию. Для датирования вещей автор использует стратиграфические данные и аналогии (с. 167).

Далее следует описание предметов по типам (всего 36 наименований). Описание сопровождается большим количеством иллюстраций. Подавляющую часть находок составляют украшения, детали поясов и сбруи, накладки на ножи. Однако наряду с этим есть бытовые предметы, в число которых входят 122 медных сосуда и 104 медных замка, а также мелкие бытовые предметы.

В заключение автор попытался выделить три хронологические группы (с. 255–258). По

его мнению, болгарские мастера широко использовали приемы, выработанные в предшествующую эпоху. Вместе с тем, накопленный ими опыт был воспринят ремесленниками Казанского ханства.

Продукция болгарских ремесленников характеризуется большим разнообразием форм и вместе с тем, серийностью производства многих видов изделий. Это позволяет говорить о специализации среди ремесленников. Большой интерес представляет статья *Т.А. Хлебниковой* "Анализы болгарского цветного металла" (с. 269). Она является дополнением к статье Г.Ф. Поляковой и знакомит читателя со 108 спектральными и металлографическими анализами предметов, которые позволяют сделать вывод, что все проанализированные предметы изготовлены из меди и сплавов на ее основе: бронзы, латуни.

Судя по анализам, состав болгарской меди и ее сплавов несколько отличается от состава аналогичных сплавов у славян и финнов. Результаты анализов позволяют предположить, что медная руда поступала с Урала (с. 280). Вместе с тем, это не исключает использование местной медной руды, месторождения которой имеются в Среднем Поволжье и Прикамье.

Статья *Д.Г. Мухаметшина* и *Ф.С. Хакимзянова* "Надписи на металлических изделиях" (с. 293) посвящена описанию относительно немногочисленной, но очень важной группы источников. В процессе многолетних систематических исследований была получена серия прекрасных произведений прикладного искусства. Среди них особое место занимают металлические предметы с надписями. Имеется серия предметов с надписями, которые, по мнению авторов, можно рассматривать как продукцию местных мастеров или привезенную из восточных стран. Однако авторы не ставят перед собой задачу определить место изготовления вещи и сосредоточивают внимание только на надписях.

Рассмотрев материал, авторы пришли к выводу, что надписи в большинстве случаев предназначались для психологического воздействия на человека и служили ему своеобразным амулетом.

В конце книги помещены: план городища с раскопами, стратиграфическая шкала и опись раскопов. Переоценить значение этого приложения трудно.

В заключение надо отметить, что рассмотренная книга завершает серию трудов, посвященных публикации материалов, полученных при многолетних раскопках на Болгарском городище – остатках одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы. Несомненно, что специалисты прочтут ее с интересом.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

А.Л. БАТАЛОВ. МОСКОВСКОЕ КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО КОНЦА XVI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ЭПОХИ. М., 1996, 434 с., 102 илл.

Имя Андрея Леонидовича Баталова, много лет занимающегося проблемами истории архитектуры, реставрации и археологии Руси Московского периода, хорошо известно и уважаемо в кругах специалистов. В течение многих лет он активно организует научные исследования (прежде всего в области архитектурной иконографии и археологии: укажем хотя бы на целенаправленное изучение такой широкой темы как образ Иерусалима в русской архитектуре). Составляет и редактирует сборники, периодические издания, создает общества. Серии его статей и яркие доклады, подробно вводившие в оборот неизвестные архивные материалы; новые обмеры и датировки; теоретические построения – давно и прочно вошли в научный обиход (так что можно говорить об удачном практическом внедрении их результатов) и оставили заметный след в нашей историографии.

Однако до сих пор А.Л. Баталов не выступал еще как автор цельного обобщающего труда, и рецензируемая книга – его первая авторская монография. Она впитала в переработанном виде ряд ранее опубликованных статей, – но отнюдь не сводима к их сумме. Это совершенно новое, оригинальное исследование, одновременно фактологическое и методико-теоретическое.

© Л.А. Беляев, 1999 г.

Периодизация культурной истории Московского царства – одна из проблем, слабо осознанных наукой. Бросающиеся в глаза "исторические вехи" (смена правителей или династий, Смута и т.п.) не столько помогают оценить реальные изменения, сколько создают иллюзию изначальной градуированности процессов. Поздно выступившее на историческую арену, "опоздавшее на пир Средневековья", Московское царство за недолгое существование едва успело приступить к выработке собственных культурных стереотипов и концепций. Последние далеко не всегда имели довольно времени, чтобы воплотиться в реальные произведения искусства. Многое осталось на уровне первых шагов, неосуществленных попыток, туманных замыслов. Присущая же подобным традиционалистским цивилизациям принципиальная повторяемость форм рождала культурные феномены, внешне очень слабо расчлененные.

Вот почему выделить и характеризовать отдельные этапы культурно-художественных процессов Московской Руси гораздо сложнее, чем кажется. Эти этапы непродолжительны, генетически слишком тесно связаны друг с другом, причем реальный переход от одного к другому как бы маскируют события "внекультурной", социально-политической канвы.

Опубликованная А.Л. Баталовым книга – это очень смелый опыт выделения и осмысления, на материале истории церковной архитектуры, одного из таких, несомненно недооцениваемых, историко-культурных этапов. Конечно, за его выделением стоит определения историографическая традиция (хорошо очерченная во вступлении) – но попытки целостного рассмотрения его как особого этапа в развитии художественного мышления русского средневековья никогда еще не предпринималось.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и чрезвычайно обильных и информативных примечаний. Композиция работы А.Л. Баталова оригинальна и продумана. Главы разделяют не хронологические границы и не отдельные этапы исследования. Перед нами, по сути дела, несколько больших работ, самостоятельных по методике.

Первые две главы посвящены скрупулезному исследованию истории каменного церковного строительства эпохи царствования Феодора Иоанновича и Бориса Годунова. Автор решает здесь две задачи – создания фактической базы исследования и, одновременно, ее верификации. Перед нами вполне законченное, серьезное историко-источниковедческое исследование, отмеченное критичностью подхода и глубоким знанием не только археологии и истории архитектуры, но также литературной традиции и архивных документов. Эти главы насыщены бесконечным количеством точных наблюдений, позволяющих выверить (в пределах имеющихся источников) хронологию и топографию памятников, создать своего рода справочник, работа с которым делается возможной благодаря специальному указателю. А.Л. Баталову приходится проделать поистине геркулесову работу по очистке нужного ему материала от "традиционных" представлений или историографических мифов, которыми так богата наша литература. Главы изобилуют изящными критическими ходами. Так, удается решить старую проблему историографической даты церкви Всех Святых на Кулишках в Москве. Автор обнаружил причину ее ошибочной датировки в разночтении двух путеводителей конца XVIII в., цитирующих храмозданную надпись на хоругви конца XVII в. В результате памятник оказывается более поздним и выводится за пределы исследования (с. 309–310). Итак, две первые главы, составляющие примерно четверть всей работы, не только образуют надежный фундамент для дальнейшего анализа, но и закладывают основу создания в будущем корпуса русской архитектуры последней четверти XVI – первых лет XVII в.

Главы третья и четвертая посвящены анализу архитектурной формы, или, точнее, типологии в храмовом строительстве и иконографии декора. Именно здесь обоснована коренная культурно-историческая идея автора: конец XVI века есть время подведения итога развития московского зодчества более чем за столетие. Основной результат этого процесса – сложение общерусской архитектурной традиции, заменяющей отныне прежнее деление на центральную и местные "школы". Иными словами, конец XVI века, с точки зрения автора, есть время обобщения, время синтеза отдельных тенденций в русской архитектуре.

Чтобы доказать это, А.Л. Баталов специально исследует движение основных типов архитектурной композиции на протяжении XVI века. Храм с двумя приделами видится ему как редуцированный вариант многопридельных композиций эпохи Иоанна Грозного, сведенных к традиционно свойственной для Москвы схеме храма с приделами. Благодаря этому "типичный" храм с двумя приделами сохранит широкое распространение и в последующую эпоху. Пятиглавие, изначально соборное, кристаллизуется как канонический признак церковного здания вообще. Двустолпные композиции теряют самостоятельность и в сущности исчезают как архитектурный тип, сохраняясь только в виде чисто строитель-

ного, конструктивного решения. Наконец, в качестве устойчивого варианта шатрового храма выступает ранее найденная "гибридная" композиция его, сочетающая шатер с наружными членениями, типичными для четырехстолпного храма. Аналогичный процесс наблюдается и в наружном оформлении бесстолпных храмов с крещатым сводом.

Автор задается вопросом о причинах подобных перемен и склонен видеть их скорее в изменении символического мышления, чем в "самодвижении" архитектурной формы. В основе перемен, по его мнению, лежат не творческие искания мастеров-строителей, а прежде всего развитие традиционных форм благочестия, воздействующих на замысел заказчика и результирующих в программных изменениях. Вне сомнения, это достаточно еще смелая и совсем недавно невозможная для нашей историографии точка зрения.

Как для всех цивилизаций, развивающихся в относительно изолированном пространстве, для русской средневековой культуры особое значение имеют механизмы адаптации внешних импульсов, процессы их отторжения и/или присвоения. Формирование архитектурного декора в значительной мере ставится А.Л. Баталовым в связь именно с таким процессом: с усвоением и распространением итальянизирующих мотивов. Не мудрено поэтому, что содержание четвертой главы существенно шире ее заглавия и по сути дела включает (в краткой, но чрезвычайно ясной форме) рассмотрение всего хода взаимодействия русской архитектуры с итальянскими образцами. Благодаря этому, автору удается уловить и выявить на материале XVI в. тот же алгоритм, что будет характерен для России позже, в XVII–XVIII вв. (он в известной мере свойственен любому аккультурационному процессу). Если сформулировать этот алгоритм, то обнаружатся три характерных этапа: (1) быстрое внесение хотя бы культурно несвойственных, даже чуждых, но остро необходимых, искомых элементов, – путем создания "эталонных" памятников; (2) период "попятного движения" (пользуясь кеплеровским термином), – то есть архаизации, за которой скрыты более тонкие механизмы "опробывания", "сращивания" традиции с импульсом; (3) финальный этап, когда возникший при первом столкновении культур грубый синтез делает возможным сознательное и плодотворное обращение к ставшим уже привычными эталонам, чем обеспечивается действительное, полное присвоение инноваций и дальнейшее тиражирование. Именно этот последний этап окончательной адаптации "итальянизмов" и обнаруживается А.Л. Баталовым в декоре памятников конца XVI в.

Как легко заключить из уже сказанного, книга гораздо шире и по предмету, и по хронологии, чем указывается в заглавии. Особенно это чувствуется в последней, пятой главе. Здесь автор обратился к исследованию архитектурных программ и отражению в них попытки придать Москве символический облик Священного Града. При этом правомочно привлекаются и памятники монументальной живописи, и произведения прикладного искусства, и сведения о развитии станциональной литургии (последняя всегда тесно связана со строительством города, с развитием его пространства). Особое место отведено попытке реконструкции отдельных элементов замысла создания "Святая Святых" Борисом Годуновым. Чрезвычайно интересна попытка реконструировать центральную реликвию этого храма ("гроб господень злат, кован весь") как скульптурно-рельефную композицию Гроба Господня, восходящую иконографически не только к древнерусским плащаницам, но и к пасхальным Гробницам позднего средневековья Европы (возможно, типа скульптурных групп "Положение во Гроб" XV–XVI вв.) (с. 270–280). Автор очень точно уловил и сформулировал новаторскую суть замысла Годунова, выводившего традиционное в церковном искусстве повторение прототипа основной святыни христиан (Гроба Господня) на необычно высокий даже для европейской архитектуры, почти "реалистический" уровень копийности. Совершенно правомочно видеть в этой попытке прообраз уникальной "Иерусалимской программы" патриарха Никона середины XVII в. Одновременно отметим удачное указание на конкретный, рационально структурированный заказ подобной программы и ее исторический характер.

Итак, поставленная А.Л. Баталовым проблема глубоко актуальна, а собранный материал практически исчерпывает объем известного и тщательно проанализирован на основе верно выбранной методики. Труд завершается лаконично и ясно сформулированными выводами.

Отметим, что работа, проделанная для создания этой книги как целого произведения, производит самое отрадное впечатление. Ее язык гибок, свободен и хорошо служит для передачи неординарных и свежих мыслей автора. Текст тщательно отредактирован, что важно в столь насыщенной конкретной информацией книге. Добавим, что как печатное издание она заслуживает полного одобрения, а это вещь в наши дни нечастая. Автор, выступающий одновременно как издатель и главный редактор, проявил хорошее понимание требований полиграфии, выбрав для набора и оформления книги полный достоинства,

традиционный научно-художественный стиль. Особую ценность представляет альбом – небольшой по размеру, он хорошо напечатан и чрезвычайно емок. В нем поместилось 102 иллюстрации, среди которых редкие или ранее не публиковавшиеся фотографии, обмеры, реконструктивные чертежи и др.

Можно пожалеть, правда, что автору удалось снабдить свой opus magnum только одним ключем – указателем памятников. Огромный текст, конечно, требует именного, географического, и может быть и предметного указателей, а также списка библиографии (без которого, как всем известно, затрудительной делается работа с примечаниями). Можно указать и на известные недоработки текста. Несмотря на огромные усилия к его иерархизации, автору не всегда удается избежать перегрузки деталями и сравнительными описаниями, которые, возможно, лучше было бы заменить сравнительными таблицами и схемами. Однако эти недостатки устранимы в будущем, при повторном издании.

Что же перед нами в итоге? Книга об архитектуре? Несомненно. По истории искусства и жизни Руси XVI в.? Конечно. Но в такой же степени – труд по общей истории материальной, художественной, духовной культуры важного для Руси периода, написанный по конкретным памятникам архитектуры и церковного строительства.

Работа, по сути своей новаторская, не свободна и от ряда свойственных таким трудам общих недостатков. Из методических назову известную ограниченность подхода к стимулам развития художественных элементов культового здания. Нельзя не согласиться с автором, что оно может быть изучено только при учете всего объема религиозной деятельности эпохи, в том числе (и прежде всего) стереотипов благочестивого поведения. (Как известно, А.Л. Баталов одним из первых в нашей науке обратился к исследованию роли заказа в русской средневековой архитектуре вообще, в чем его неоспоримая заслуга).

Однако, уделив основное внимание изучению воздействия на архитектуру программы ктиторского заказа ("патронажа"), А.Л. Баталов невольно сводит его основу исключительно к благочестивому донаторству. Но архитектурная храмовая композиция (а через нее и художественный образ) в определенной мере зависела также от других потребностей – богослужебных (притча, монахов), социальных (горожан и крестьян несомненно формировавшихся в XVI–XVII вв., особенно в Москве, приходов, воспринимавших и использовавших храм как центр общественной жизни) и других. Эти потребности, конечно, и реализовывались (пусть неосознанно) во взаимоотношениях конкретных заказчиков-ктиторов и строителей. Отказавшись от рассмотрения "функциональной" картины во всей ее сложности, мы рискуем построить систему не менее однoплановую, чем при формально-типологическом подходе.

Эти замечания, однако, не умаляют вклад, внесенный книгой А.Л. Баталова в изучение истории русской архитектуры, а вместе с тем – и в общую историю культуры русского средневековья. Этот вклад велик, и книга уже стала заметным событием как в искусствознании, так и в области архитектурной археологии.

Институт археологии РАН, Москва *Л.А. Беляев*

Anna A. Ierusalimskaja. Die Gräber der Moscevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. Herausgegeben vom Bayerischen Nationalmuseum München und von der Staatlichen Ermitage Sankt Petersburg. München: Editio Maris, 1996. 338S., 228 Fig.

Медиевисты-кавказоведы не избалованы монографическими публикациями отдельных памятников, поэтому фундаментальное исследование Анны Александровны Иерусалимской материалов Мощевой Балки, полно и превосходно в полиграфическом плане изданное, является редким примером единства содержания и формы.

В этом исследовании удачно объединились уникальность могильника, донесшего до нас органические остатки (ткань, кожу, дерево... и даже бумагу), и высочайший профессиональный уровень археолога – А.А. Иерусалимской. Правда ей, археологу, начавшему свое знакомство с коллекцией в качестве ее хранителя, пришлось стать специалистом по древнему

© В.Б. Ковалевская, 1999 г.

текстилю. Благодаря многочисленным исследованиям в этой сфере, опирающимся прежде всего на всесторонне обработанные, подготовленные к экспозиции и изданные материалы Мощевой Балки, имя ее пользуется таким авторитетом, что с 1995 г. она была избрана в Совет Директоров Международного Центра изучения древних тканей (CIETA). Безусловно "повезло" коллекции и в том, что после долголетних мытарств собранные в начале века различными лицами, профессионалами и любителями, материалы оказались объединенными под крышей Эрмитажа. Особо бережное отношение к единицам хранения, характеризовавшее хранителей Эрмитажа, планомерный и многолетний труд реставраторов и аналитиков различного профиля превратили бурые, грязные и скомканные комочки тканей, "тряпочки", в те исключительные по своей важности материалы, которые позволили А.А. Иерусалимской в 60-е годы создать концепцию Кавказского обходного маршрута Великого Шелкового пути.

Исследования Анны Александровны всегда имеют собственный почерк, отражая то лучшее, что характеризовало работы Эрмитажа. Статьи и доклады отличает особое изящество, стройность структуры, логика изложения, поразительное знание специальной литературы и, главное, умение извлечь неожиданную и новую информацию. Каждая работа оказывалась открытием, шла ли речь о принадлежности данного фрагмента текстиля к той или иной школе или об особенностях духовной жизни местного населения, времени создания "золотоподобной латуни", или о применении черни в ювелирном деле – фактически каждая из статей А.А. Иерусалимской была маленькой монографией.

Исследования А.А. Иерусалимской, в сущности, и привлекли внимание к этому памятнику самых разных специалистов, в том числе стимулировав впоследствии и археологические раскопки Северокавказской новостроечной экспедиции ИА АН СССР (И.С. Каменецкий – Е.И. Савченко, 1980–83 гг.), полная публикация которых еще впереди. Судьба Мощевой Балки необычна. На долгие годы этот могильник, как и коллекция Эрмитажа, совершенно выпали из поля зрения археологов. Памятник не отмечен даже на подробнейшей археологической карте Северо-Западного Кавказа Е.Д. Фелицына, хотя к этому времени могильник не только давно подвергался ограблению местными жителями, но на нем были в начале века проведены сборы и раскопки Н.И. Веселовским и затем Н.И. Воробьевым. Удивительная сохранность сделанных ими находок (среди них целые одежды, ткани, мех, кожа, ковры, дерево и т.д.) ввела в заблуждение: приняв находки за близкие к современности, каждый из раскопщиков, не представив никаких отчетов в Императорскую Археологическую Комиссию, передал их в Этнографические музеи Санкт-Петербурга, где эти материалы и пребывали в полной безвестности несколько десятилетий. Однако и позднее, когда в 30-х годах эти материалы были, по инициативе И.А. Орбели, переданы в Отдел Востока Эрмитажа, их продолжали и здесь считать "этнографическими", не придавая этой коллекции какого-либо значения. И только с начала 60-х годов, оказавшись в фокусе внимания А.А. Иерусалимской (после того как ей удалось из мелких кусочков шелка, составлявших обшлаг кафтана, реконструировать знаменитый византийский шелк VIII в. "с охотой Бахрама Гура"), эта коллекция была не только верно интерпретирована как адыго-аланский могильник VIII–IX вв., но и использована для получения крайне существенных исторических выводов. И если в начале базой исследования служили только шелка, то на следующем этапе автор приступила к анализу всей коллекции в целом, в том числе с подключением небольших полевых исследований, имевших целью ответить на вопросы, возникшие при изучении коллекции (частично с Е.А. Миловановым, тогда директором Курджиновской школы, который вел в конце 60-х – начале 70-х годов сборы и охранные раскопки на могильнике и передал в Эрмитаж ряд ценных находок).

История изучения коллекции и памятника изложена во Введении и I главе монографии (с. 11–20). При этом автор подчеркивает две особенности своей работы, которые были обусловлены, с одной стороны, характером коллекции (множество предметов, необычных для археологии), с другой же – самой ситуацией (разрушенный и ограбившийся почти век могильник, на организацию широкомасштабных раскопок которого у автора не было тогда никаких возможностей, к тому же без особых надежд получить материал, эквивалентный уже находившемуся в Эрмитаже). Эти обстоятельства и лежали в основе формулируемых А.А. Иерусалимской особенностей ее исследования: 1) широкое привлечение этнографии для интерпретации различных видов инвентаря, равно как и наблюденных автором явлений из области культа или других областей жизни местного населения той эпохи; 2) "музейный" по преимуществу характер книги: от реконструкции погребальных комплексов (см. Каталог I) по старой маркировке на предметах коллекции Н.И. Воробьева – до скрупулезной индивидуальной работы с каждым предметом, часто с крохотными фрагментами тканей,

бумаги, кожи, дерева и т.д. Порой это давало удивительные результаты: с этими маленькими и крупными "открытиями" сталкиваешься на протяжении всего текста книги. Добавим к этому, что работа автора в Отделе Востока облегчала ей возможность консультаций в процессе исследования с ее коллегами – востоковедами, крупнейшими эпиграфистами и лингвистами (о чем она с благодарностью пишет в каждом из многочисленных случаев), само же пребывание в таком музее как Эрмитаж обеспечивало квалифицированную реставрацию, а также проведение разнообразных технических – физических, химических и др. – исследований (Приложения 2–3). Лишь антропологический анализ (Приложение 1) был выполнен "на стороне" академиком В.П. Алексеевым, и с горечью надо отметить, что эти данные оказались опубликованы после его кончины.

Если попытаться сформулировать основные научные достижения рецензируемого капитального исследования, следует отметить следующие.

1. Дан полный и объективный анализ коллекции Эрмитажа, который, в сочетании с полевыми наблюдениями, собственными или почерпнутыми из архивных материалов, позволил автору не только встроить этот памятник в круг синхронных археологических культур, но и воссоздать многие доселе неизвестные стороны жизни местного населения этой эпохи: одежду, различные производственные навыки, верования, в ряде случаев даже особенности эстетического восприятия.

2. В развитие темы, поднятой автором еще 30 лет назад, когда ею впервые был реконструирован "северокавказский шелковый путь" (Иерусалимская А.А., 1967, с. 58–78), в книге нарисована яркая и гораздо более полная картина жизни этого обходного пути, связывавшего в раннем средневековье страны Средиземноморья со Средней Азией и Китаем, что и обусловило невероятное скопление драгоценных шелков в пунктах, контролировавших, как Мощевая Балка, перевалы северо-западного Кавказа.

В гл. V ("Мощевая Балка в контексте Шелкового пути") равно как и во II-й, текстильной, части монографии речь идет не только о составе шелкового импорта, но впервые к ним присоединены и импортные ковры и ткани из шерсти, а также изготовленные из хлопка и рами. Но особенно интересным и новым представляется анализ в § 2 этой главы других привозных предметов. Одни из них служили, по мнению автора, объектом той же транзитной торговли, что и ткани (стеклянные сосуды, бусы, слитки "золотоподобной" латуни), другие же ("Ближняя торговля": например, самшит) были ориентированы непосредственно на местный рынок. Автор отмечает, наряду с этим, исключительные случаи, реконструируя, например, специальный груз из Палестины в Хазарию (стеклянные христианские лампадки в сочетании с культовым сосудом с иудейской надписью). Группу находок (реликварные коробочки, исходный тип мешочков для амулетов) автор справедливо связывает с деятельностью христианских миссионеров – показывая одновременно всю бесплодность их усилий в этой среде (и это примерно за четверть века до "Крещения Алании"!). Особенное же внимание привлекают находки, которые, по мнению автора, не могли быть предметом торговли, но являлись собственностью неких лиц, фиксируя таким образом пребывание тут этих последних (примером может служить персональная лента византийского военачальника, протоспафария Ибаноса). Наибольшее впечатление среди такого рода находок, конечно, производит реконструированный А.А. Иерусалимской из мельчайших обрывков бумаги, шелка, кожи, тюля, папье-маше комплекс находок (из коллекции Н.И. Воробьева), интерпретированный ею как "багаж китайского купца", который – и теперь нельзя не согласиться в этом с автором – включал: две дорожные буддийские иконы, манускрипт с сутрами и, главное, документ с личными приходо-расходными записями (чтение Л.А. Чугуевского). Именно с этих строчек, окунающих нас в атмосферу далекой эпохи:"... 4 месяц, 14 день... купил мяса на 4 вэня", – автор и начинает свой труд, с тем, чтобы тема Шелкового пути прошла затем красной нитью через всю книгу. Исследование А.А. Иерусалимской не оставляет сомнений в реальности реконструируемого торгового пути, проходившего по Лабинскому и нескольким другим перевалам Северо-Западного Кавказа, и связывавшего страны Средиземноморья со Средней Азией и Дальним Востоком. По рассмотренным материалам можно оценить влияние северокавказского отрезка Шелкового пути на жизнь местного населения. С одной стороны, мы можем оценить жизнь северокавказских племен приперевальных ущелий как гораздо менее изолированную чем это можно было предполагать прежде. С другой стороны, уровень их общественного и культурного развития делал обитателей этих мест в ту эпоху часто не готовыми к восприятию всех проникавших к ним по Шелковому пути идей, художественных образов, предметов чуждой культуры и т.д. По-видимому, постепенно делалось более активным и участие местных племен в мировой транзитной торговле. Не говоря уж о местном, "ближнем" торговом обмене (см. § 2), об

усилении контактов с соседями, появляются признаки того, что и главные партнеры "дальней" торговли начинают учитывать местный рынок.

Обращаясь к структуре монографии, прежде всего, надо отметить, что она состоит из двух (разновеликих) частей, имеющих разных "адресатов". В части I, основной, Мощевая Балка рассматривается как историко-культурный комплекс в целом; часть II-я же является, в сущности, еще одним (8-м) каталогом – текстильным, этот раздел таким образом адресован преимущественно специалистам в данной области, и каталожные описания не только сопровождаются техническим анализом структуры переплетений, но нередко перерастают в самостоятельные исследования по истории текстиля. Можно полагать, что полная публикация уникальной по масштабу и составу коллекции Эрмитажа из Мощевой Балки будет горячо принята в мире специалистов-текстильщиков, хотя количество фотовоспроизведений отдельных фрагментов могло бы быть и бóльшим.

Что касается главной – I-й части, то она построена следующим образом: за уже упоминавшимися историографической I-й главой и посвященной культам II-й, следует обширная и крайне важная глава III, где детально рассмотрена одежда. Здесь все впервые: от восстановления костюма всех поло-возрастных групп (чрезвычайно интересна, например, трансформация женского головного убора при переходе его владелиц в новую социально-возрастную категорию) до прослеживания этнических корней тех или иных элементов костюма или влияния иноземной моды (средиземноморской и согдийской). Заметим, впрочем, что, несмотря на необычайную традиционность на Кавказе быта и костюма, сохранившую почти до наших дней многие черты из засвидетельствованных археологически в Мощевой Балке, византийское элементы быстро исчезают из горского костюма, будучи, по-видимому, достаточно мимолетным отражением влияния иноземной моды. Из примеров еще более эпизодических местных подражаний различным товарам, обращавшимся по Шелковому пути, интересен приведенный в работе кожаный сосудик с декоративной строчкой, воспроизводящий рифленые стеклянные флаконы для благовоний, которые вывозились на Восток из Сирии и известны по находкам на Северном Кавказе.

Весь погребальный инвентарь представлен в фундаментальной главе IV. Он сгруппирован автором не по материалу изготовления, а функционально: 1) культовые предметы; 2) предметы, связанные с погребальной пищей; 3) украшения и туалетные наборы; 4) орудия труда; 5) оружие и снаряжение всадника.

Рассмотренный в этой главе порой весьма необычный для археологии погребальный инвентарь, с одной стороны, включает Мощевую Балку в совершенно четкий круг памятников алано-салтовского круга, преимущественно IX в. (но с рядом категорий вещей VIII в.), с другой же стороны, значительно расширяет наши представления не только о погребальном ритуале, но и о быте и в какой-то мере об уровне ремесла у этих племен. В каждом из этих разделов содержится много нового, останавливаться на всем в рамках рецензии невозможно–можно лишь рекомендовать их для внимательного чтения. Например, рассмотрение керамики, как и ряд других наблюдений (состав тамгообразных знаков на донцах роговых бокалов), подкрепляет приведенные в главах II и III данных, свидетельствовавшие о смешанном, адыго-аланском характере местной культуры. Каждую главу и каждый раздел сопровождает соответствующий каталог – их семь. Дополнительные сведения содержатся также в приложениях, упоминавшихся выше.

Помимо весьма убедительных реконструкций орудий, оружия и т.д. (интересны, в частности, восстановленные автором по отдельным деталям ткацкие устройства, которые соотносятся с определенными видами простых льняных тканей), отметим также некоторые важные наблюдения автора, касающиеся местных культов. Главной из особенностей, связанных с погребальным обрядом, имеющей значение для всей средневековой археологии Северного Кавказа, оказывается явление, названное автором еще в 1982 г. "символизацией погребального инвентаря" (Иерусалимская А.А., 1982, с. 53–57), когда все обычные его виды присутствуют в могилах лишь символически (древки без наконечников, рукояти орудий без рабочей части, ножны без ножей и т.д.), а "пеналоподобные" коробочки с приношениями домашнему божеству (эквивалент осетинских бинатыхицау), подлинники которых должны были оставаться дома, заменялись грубо сделанными специально для погребения моделями. Крайне интересны этнографические параллели из адыгской этнической среды к прослеженному автором на материалах Мощевой Балки культу деревьев.

Следует отметить еще один важный аспект. Работа была подготовлена в виде двухтомной монографии на русском языке и нуждалась в квалифицированном переводе. Перевод выполненный И.М. Смолянским, адекватен и нельзя не оценить с благодарностью ту бережливость и уважение, проявленное переводчиком к каждому оттенку мысли и тонким

нюансам в построении фраз, которыми изобилует рецензируемая работа. К сожалению, это не всегда относится к издателям. Например, предполагавшаяся судя по тексту, географическая карта Кавказа – отсутствует, так же, как и план могильника. Подготовленные автором очень наглядные и информативные таблицы массового материала, фактически представляющие собой современные базы данных, членящие каждый вид находок (данный по строке) на признаки (по столбцам): формы (номенклатура, размеры), цвета, орнамента, количества экземпляров, номера хранения, были помещены в виде описания каждого номера каталога отдельно. Это ставит перед заинтересованным читателем необходимость повторить для возможности сопоставления материалов и получения общих выводов ту работу, которая была уже произведена А.А. Иерусалимской первоначально и подвергалась редакционной правке (о чем и остается очень пожалеть!). В ходе комплектования макета в Германии в отсутствие автора некоторые таблицы оказались смонтированными вразнобой; из-за сокращения числа иллюстраций оказались не выправлены в тексте некоторые ссылки на номера таблиц. Это тем более досадно, что высокое полиграфическое качество печати является почти непревзойденным – иллюстрациями можно пользоваться как полноценным источником. Довольно непривычно, что русская научная библиография, кстати очень продуманная и хорошо подготовленная, вышла с переведенными на немецкий язык названиями работ. Правда, к этому можно отнестись двояко: казалось бы, зачем? Но если учесть достаточно плохое знание европейскими исследователями нашей археологической литературы, то положительным фактом следует счесть то обстоятельство, что зарубежный читатель получит не только прекрасное представление об одном из уникальнейших памятников раннесредневекового Кавказа, но сможет получить сводку по кавказоведческой литературе, не известную ему ранее в столь полном виде. А что же касается отечественного читателя – то нашим уделом остается радоваться и огорчаться одновременно.

Радоваться тому, что первоклассное исследование А.А. Иерусалимской вышло наконец в свет, и на наших книжных полках (к сожалению, у гораздо меньшего числа специалистов, чем хотелось бы – книга очень дорога!) появилась одна из интереснейших и самых хорошо изданных научных монографий по кавказоведению (и, добавим, исследованию раннесредневекового текстиля). А огорчаться тому, что знакомство с этой монографией остается уделом далеко не каждого археолога. Конечно, эта рецензия может дать очень примерное представление о содержании и всех достоинствах рецензируемой работы, и можно только пожелать, что когда нибудь мы сможем увидеть русское издание этой книги.

Институт археологии РАН,
Москва

В.Б. Ковалевская

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иерусалимская А.А., 1967. О северокавказском "Шелковом пути" в раннем средневековье // СА. № 2.

Иерусалимская А.А., 1982. Шелковые мешочки из Мощевой Балки и христианские "ладанки" // СГЭ. Вып. XLVII.

Хроника

К 80-ЛЕТИЮ БОРИСА АНИСИМОВИЧА ТИМОЩУКА

15 апреля 1999 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного ученого, одного из столпов современной славяно-русской археологии, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника-консультанта Института археологии РАН Бориса Анисимовича Тимощука. С юности он прошел суровую школу выживания, сумев пробиться через все препятствия и испытания в большую науку и занять в ней достойное место.

Выходцу из простой украинской крестьянской семьи, уроженцу с. Лука Житомирской обл. ему удалось не без превратностей судьбы получить высшее образование на исторических факультетах Пединститута в Житомире, Одесского университета и успеть даже поработать учителем истории. Но вскоре Б.А. Тимощук был призван в Красную Армию, в морскую пехоту, в составе которой служил в Кронштадте и в Эстонии. Великая Отечественная война застала его краснофлотцем Пинско-Днепровской флотилии в Белоруссии. Затем последовали тяжелые бои и горечь отступления, окружение под Киевом, деятельность подпольщика в оккупированном фашистами родном селе, арест по доносу односельчанина и трехлетнее заключение в фашистских тюрьмах и лагерях в Житомире, Майданеке и Флосенбурге.

Освобожденному из плена, не раз проверявшемуся органами госбезопасности Б.А. Тимощуку власти не доверяли даже учительствовать. Но этот жизненный удар (как это иногда и бывает) в конце концов помог ему обрести свое истинное призвание.

Впервые с археологией он соприкоснулся в 1946 г., работая землекопом в экспедиции В.К. Гончарова на раскопках поселения Лука Райковецкая. Тогда же, по рекомендации археолога Д.Т. Березовца, опальный Тимощук стал научным сотрудником Черновицкого областного краеведческого музея. Свыше трех десятилетий проработал неутомимый труженик науки в Черновцах, открыв и обследовав на территории Северной Буковины около 1500 археологических памятников (от палеолита до позднего средневековья) и защитив на основе обобщения их материалов в 1968 г. кандидатскую диссертацию.

Немало сил и времени отнимали также у Бориса Анисимовича лекторская работа, преподавание в Черновицком госуниверситете, где под его руководством сформировалось много квалифицированных археологов, и издание научно-популярных книг, брошюр, путеводителей (всего их опубликовано около двух десятков). Кроме того, в 1969, 1976 и 1982 гг. вышли три его монографии о Буковине раннеславянской и древнерусской эпох. С каждым годом исследования Б.А. Тимощука приобретали все более высокий научный и теоретический уровень. Накопленный огромный багаж знаний в совокупности с недюжинным природным талантом и философским складом ума позволил ему в последние два десятилетия научной деятельности перейти к широким историко-археологическим обобщениям на материалах всей Восточной Европы. Изложенные в докторской диссертации (1983 г.), книгах "Восточнославянская община IX–X вв." (М., 1990), "Восточные славяне: от общины к городам" (М., 1995), они получили заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом.

Многое удалось сделать Б.А. Тимощуку в жизненном союзе и плодотворном сотрудничестве с И.П. Русановой. Работы возглавляемых ими Славянской и Прикарпатской экспедиций АН СССР были четко продуманы и организованы. Итогом стали замечательные открытия, без которых уже невозможно представить себе современное славяноведение: раскопки в Кодыне позволили получить эталонный памятник для выделения славянских древностей V в. и понимания процессов раннеславянской истории Восточного Прикарпатья; сплошные систематичные разведки на Буковине впервые позволили представить динамику территориальной структуры нескольких десятков взаимосвязанных восточнославянских общин V–XIII вв., дав уникальный материал для изучения общественных отношений; был обследован ряд городищ-святилищ (обязательно в сопровождавшем их археологическом контексте), в том числе серия интереснейших памятников в районе находки знаменитого Збручского идола.

Все, кто работал с Б.А. Тимощуком в поле, помнят его как замечательного "разведчика". Кроме колоссального опыта и интуиции, его почерк отличает осмысленность поиска, всегда строившегося как набор корректирующихся гипотез, позволяющих представить исследуемую группу памятников как след живого исторического целого. Везде, где был Борис Анисимович, он неизменно тратил много сил и времени, чтобы

© И.О. Гавритухин, Л.П. Михайлина, В.Б. Перхавко, 1999 г.

рассказать людям о смысле и итогах работы экспедиции, узнать о местных преданиях, легендах. Он был инициатором своеобразных семинаров, где о результатах своих исследований и размышлений на самые разные темы делали доклады участники и гости экспедиции – от студентов до известных ученых.

Суровые испытания не ожесточили характер Бориса Анисимовича. Коллег, друзей, учеников и почитателей привлекают его душевность, доброта, неординарность ума, огромный талант, готовность поделиться советом. Работоспособность, трудолюбие, энергия человека, за плечами которого восемь десятилетий, не могут не поражать и не служить примером и для более молодого поколения археологов. Свой юбилей Б.А. Тимощук встречает в творческом поиске, разрабатывая очередную тему "Восточнославянское полюдье". Хочется пожелать дорогому юбиляру здоровья, бодрости, новых научных открытий.

Институт археологии РАН — *И.О. Гавритухин,*
Черновицкий университет — *Л.П. Михайлина,*
Институт Российской истории РАН — *В.Б. Перхавко*

ФРАНКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ

В ноябре 1997 г. в Москве состоялась встреча заместителя директора ИА РАН Г.Е. Афанасьева с заместителем директора лаборатории CNRS (Национальный центр научных исследований, Франция) при Музее национальных древностей М.М. Казанским, во время которой было достигнуто соглашение о развитии научного сотрудничества между двумя этими научными организациями в области раннесредневековой археологии. В настоящее время Музей национальных древностей и его лаборатория CNRS является ведущим французским центром по меровингской археологии. С другой стороны, Институт археологии РАН накопил большой опыт по изучению раннесредневековых древностей Южной России и Северного Кавказа.

Основная цель сотрудничества – отработка методов исследования раннесредневековых памятников. В России опубликованы очень интересные работы по исторической интерпретации археологического материала, однако выводы российских исследователей сложно проверить на восточноевропейском материале. Действительно, письменные источники о народах Восточной Европы в раннем средневековье фрагментарны. История меровингского Запада гораздо лучше освещена письменными источниками. Может быть, именно поэтому в Западной Европе исследования по исторической интерпретации археологических данных по эпохе раннего средневековья сравнительно немногочисленны. Меровингский материал позволяет проверить с помощью письменных источников методы интерпретации, разработанные российскими археологами.

Было решено проводить работу в двух основных формах: совместное проведение научных встреч и полевых археологических работ с их последующей публикацией. Первым шагом в этом сотрудничестве было участие Г.Е. Афанасьева в коллоквиуме, организованном в апреле 1998 г. Музеем национальных древностей и его лабораторией CNRS.

Коллоквиум был организован по случаю открытия выставки "Расписные гробницы Пестума". Как известно, в этих могилах классической эпохи были захоронены представители южно-италийской воинской аристократии. Поэтому коллоквиум получил название "Воинские элиты от железного века до раннего средневековья". Его задачей было выявление на широком хронологическом и географическом фоне специфических черт погребального обряда, связанных с воинской элитой. В коллоквиуме приняли участие специалисты по железному веку, античности и раннему средневековью из Франции, Германии, Италии, Австрии и России. Большая часть выступлений была посвящена раннему железному веку и античной эпохе, раннесредневековый материал был представлен в нескольких докладах. *П. Перен*, директор Музея национальных древностей, рассмотрел в своем докладе "Воинские элиты меровингской Галлии" принципы выделения могил франкских воинских предводителей. Меровингская тема была продолжена в докладе *Д. Кваста* (Вюртембергский региональный музей, Штуттгарт) "Погребения воинской элиты у германцев к востоку от Рейна: аламаны, баювары, тюринги и саксы". Доклад М. Казанского был посвящен проблеме существования воинских предводителей и профессиональных воинов у славян в V–VII веках. В докладе *Ф. Дайма* (Венский университет) был рассмотрен материал аварских воинских погребений. Большой интерес вызвал доклад *Г.Е. Афанасьева* "Вождество и воинские элиты у донских алан VIII–X веков". Г.Е. Афанасьев на материалах салтовских могильников Дона показал иерархию воинских погребений и принципы выделения могил вождей.

© А.В. Мастыкова, 1999 г.

Затронутые в докладах темы вызвали оживленную дискуссию, поэтому по предложению В. Круты, ведущего французского специалиста по археологии эпохи латена, было решено провести следующий коллоквиум по археологии воинских элит в октябре 1999 г. Будут рассмотрены следующие темы:

1. Воинская аристократия как фактор этногенеза.
2. Звериный стиль и воинская идеология.
3. Иерархия воинского вооружения в погребальном обряде.

Участники состоявшегося коллоквиума выразили пожелание, чтобы в состав российской делегации были включены также и специалисты по железному веку степных народов. Поэтому в рамках сотрудничества ИА РАН – Музей национальных древностей – CNRS для участия в коллоквиуме 1999 г. приглашены Г.Е. Афанасьев и В.С. Ольховский, специалист по скифскому периоду восточноевропейских степей. Ими будут представлены доклады о воинской идеологии раннесредневековых алан и ее отражении в нартском эпосе (Г.Е. Афанасьев) и о сакральной функции вождя в кочевых обществах Евразии (В.С. Ольховский).

Следующим шагом в развитии франко-российского сотрудничества было проведение коллоквиума и археологических раскопок в Лонгруа (Верхняя Нормандия). Меровингский некрополь V–VII вв. в Лонгруа был выбран как памятник-тест для отработки методики раскопок при участии французских и российских специалистов. В данном случае Институт археологии РАН выступил как один из организаторов этого коллоквиума (совместно с Региональной археологической службой Верхней Нормандии, Музеем национальных древностей и Лондонским университетом), и Г.Е. Афанасьев вошел в состав научного комитета, в который также были включены П. Перен, К. Делестр (директор Археологической службы Верхней Нормандии), М. Казанский и М. Веллш (профессор Лондонского университета). Основную организационную работу взяли на себя П. Перен и К. Делестр. Организация коллоквиума получила материальную поддержку от Министерства исследований Франции, Регионального управления по делам культуры Верхней Нормандии и мэрии Лонгруа. Надо особо отметить теплый дружеский прием, оказанный населением Лонгруа участникам коллоквиума и последующих раскопок. Как коллоквиум, так и раскопки на могильнике "La Tête Dionne" в Лонгруа получили широкое освещение в местной нормандской прессе и телевидении.

Коллоквиум, проходивший с 31 августа по 2 сентября 1998 г., назывался "Погребальная археология эпохи раннего средневековья и возможности исторических и социальных реконструкций". В нем приняли участие археологи из Англии, Франции, Германии, Бельгии, России. Российская делегация подбиралась с тем расчетом, чтобы после завершения коллоквиума принять участие в археологических раскопках на могильнике. Поэтому были привлечены специалисты, научные исследования которых могли вызвать интерес у западных коллег, и в то же время способные эффективно участвовать в полевых работах в сложных условиях.

На коллоквиуме было заслушано 15 докладов, посвященных трем основным темам:

1. Погребальная археология Верхней Нормандии и соседней с ней Пикардии.
2. Погребальный инвентарь как социальный и этнокультурный индикатор.
3. Возможности реконструкций социальной иерархии древнего населения по погребальному инвентарю.

Российские участники представили на коллоквиуме четыре доклада. Доклад *З.Х. Албеговой* "Палеосоциологические исследования религии алан в VIII–X вв. по материалам амулетов салтово-маяцкой культуры" представлял собой попытку выявления закономерностей распределения амулетов по полу, возрасту, социальному статусу погребенных индивидуумов; особенностей наборов амулетов в различных аланских общинах, а также выявления зависимости набора амулетов от социального статуса поселения.

Доклад *А.Г. Атавина* "Информационно-поисковая система НОМАД – перспективы исследований социальных процессов у средневековых кочевников" был посвящен возможностям определения социальной стратификации печенегов по данным погребальных памятников.

Эти два доклада вызвали особый интерес у археологов-специалистов каролингского и капетингского периодов (VIII–XIII вв.). Во Франции археологи, работающие по этим периодам, широко привлекают сообщения письменных источников и материалы исторической этнографии. Поэтому их заинтересовали сопоставления данных печенежского погребального обряда и известий русских летописей, а также этнографические материалы по осетинскому костюму и их параллели у алан салтово-маяцкой культуры.

В докладе *Д.С. Коробова* "Социальная стратификация алан V–VIII вв. по материалам Кисловодской котловины" были рассмотрены возможности выделения социальных групп у населения Кисловодской котловины. В дискуссии, возникшей с М.М. Казанским, обсуждался вопрос о возможности сопоставления между богатством погребального инвентаря и социальным статусом погребенного. Участники коллоквиума особо отметили широкое привлечение автором статистических методов анализа археологического материала.

А.В. Мастыкова в своем докладе "Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо в V–VI вв. (по материалам костюма)" применила к северокавказскому материалу критерии выделения социальных групп, разработанные для Центральной Европы известным немецким археологом Ф. Биербрауэром. Такой подход был одобрен специалистами по меровингскому Западу (М. Мартин, Мюнхенский университет; П. Перен), которых заинтересовали возможности поиска параллелей между северокавказскими, аламанскими и меровингскими материалами.

В заключительном слове М. Коллардель, директор Музея народных традиций и промыслов (ведущий этнографический музей Франции), особо отметил важность участия российских археологов. В частности, он подчеркнул особый интерес для него, как этнографа, научных разработок З.Х. Албеговой. Материалы коллоквиума будут опубликованы в серии "Proximus", издаваемой Региональной археологической службой Верхней Нормандии.

По окончании коллоквиума российские археологи приняли участие в раскопках меровингского некрополя "La Tête Dionne" в Лонгруа. Работы на могильнике ведутся Региональной археологической службой, непосредственно раскопками руководит сотрудник службы Э. Мантель.

В 1993 г. здесь им было исследовано 125 могил IV–VII вв. Работы на могильнике возобновлены в 1998 г. при участии Музея национальных древностей, CNRS, ИА РАН и Института археологии Лондонского университета. Сотрудники этих организаций принимают непосредственное участие как в раскопках, так и в подготовке материалов этого памятника к публикации.

Работы в 1998 г., несмотря на сложные климатические условия, прошли успешно. Исследовано более 80 ингумаций VI–VII вв. Это индивидуальные захоронения в грунтовых ямах, ориентированные головой на запад. Могилы содержали типичный меровингский инвентарь. Наиболее ранние погребения VI века, были совершены в больших ямах, к сожалению, большая часть из них оказалась ограбленной. Тем не менее, следует отметить находку женской могилы с парой пальчатых фибул первой половины VI века (№ 99), женскую могилу с височными кольцами с многогранной бусиной, украшенной в технике перегородчатой инкрустации (№ 138), а также мужское разрушенное погребение в яме больших размеров (№ 200), содержавшее копье (71 см).

Хорошо представлены погребения последней трети VI – первой половины VII вв. Наиболее многочисленными оказались мужские погребения. Их инвентарь включал поясные гарнитуры с массивными пряжками, скрамасаксы, копья, топоры. Следует отметить, что отличительной чертой этого некрополя является большое количество погребений с оружием. Обычно в Галлии для последней трети VI – середины VII вв. оружие встречается в могилах редко. Для этого периода особо стоит отметить "воинское" погребение (№ 161) с весами, а также "воинскую" могилу, содержавшую остатки металлической обувной гарнитуры (№ 164). Находки обувной гарнитуры очень редки в меровингских могилах Галлии. Назовем в качестве примера находки в королевских могилах Хильдерика (умер в 481–482 гг.) в Турнэ (Бельгия) и Арегонды (около 600 г.) в базилике Сен-Дени под Парижем. Богатый женский инвентарь конца VI в. происходит из разрушенной могилы № 209. Она, в частности, содержала пару птицевидных фибул-брошей, височные кольца с полиэдрической бусиной, украшенной в технике перегородчатой инкрустации, длинную булавку и набор полихромных стеклянных бус, характерных для этого времени. Наконец, на могильнике изучена большая серия безинвентарных погребений второй половины VII – начала VIII вв., типичных для позднемеровингской Галлии.

Совместная работа российских и французских специалистов показала, что различия в методике раскопок несущественны. Так например, французские археологи не считают целесообразным фиксировать бровки на некрополях с простой стратиграфией. Они практически не применяют систему квадратов Уиллера, а все замеры ведутся от одной линии реперных точек. При раскопках не применяются ножи и штыковые лопаты, разборка слоя ведется киркой и мастерком, зачистка поверхности производится с помощью скребков на длинных рукоятях. Чертежная и фотографическая фиксация, расчистка объектов ведутся привычными для российских археологов методами.

Отличительной особенностью полевых исследований во Франции является широкое привлечение антропологов к процессу раскопок. Как правило, разрешение на раскопки некрополей Региональными археологическими службами не выдается, если в составе археологической экспедиции не предусмотрено участие антрополога. Разумеется, для некоторых спасательных раскопок делаются исключения.

В Лонгруа антрополог постоянно присутствовал на раскопе. Более того, если расчистка скелета производилась археологами, то съемку костей осуществлял только антрополог. При этом фиксировались особенности положения костей, что позволяло сделать заключение о деталях погребального обряда (характер погребальной одежды, наличие или отсутствие деревянного гроба и т.д.) и условиях, при которых происходило разложение трупа. При съемке костей антропологом производилась обязательная их фиксация по отношению к условному уровню-реперу.

В 1999 г. планируется завершение раскопок некрополя "La Tête Dionne" в Лонгруа, в которых примут участие те же археологи. В дальнейшем планируется подготовка публикации с участием российских археологов.

Другой стороной франко-российского сотрудничества является участие медиевистов ИА РАН в международных коллоквиумах по археологии раннего средневековья, организованных при участии Музея национальных древностей. С 1979 г. существует Французская ассоциация меровингской археологии. Она объединяет около 230 французских и иностранных археологов, как профессионалов, так и любителей. Ассоциация проводит ежегодные чтения по меровингской археологии, публикует ежегодный бюллетень и издает сборники и монографии по меровингской археологии (к 1998 г. опубликовано 11 томов).

В последнее время Меровингская ассоциация все чаще публикует работы археологов из СНГ. Так в ее изданиях в разные годы появились статьи А.И. Айбабина, И.А. Бажана, Ю.Н. Воронова, И.П. Засецкой, В.Б. Ковалевской, Б.В. Магомедова, О.В. Шарова, М.Б. Щукина.

В 1998 году на XIX Меровингские чтения приглашены, в рамках сотрудничества между Музеем национальных древностей / CNRS и Институтом археологии РАН, И.О. Гавритухин, А.В. Мастыкова, А.М. Обломский. Основная тема Меровингских чтений 1998 г.: "княжеская" культура эпохи Великого переселения народов. Поэтому российские археологи представили доклады, посвященные княжеским находкам V века на Северном Кавказе (А.В. Мастыкова) и в Поднепровье (И.О. Гавритухин, А.М. Обломский). Эти доклады хорошо вписались в общую программу коллоквиума, в котором также участвовали делегации из Австрии, Бельгии, Венгрии, Словакии, Украины, Чехии, Швейцарии. Особо стоит отметить присутствие на Меровингских чтениях таких известных специалистов по эпохе Великого переселения народов, как А. Кишш, Я. Тейрал, Х. Фризингер. Таким образом, доклады, представленные на коллоквиуме, позволили воссоздать общую картину изучения "княжеских" древностей V века от Кавказа до Галлии. Материалы Меровингских чтений за 1998 г. будут, как всегда, опубликованы в виде отдельного сборника.

Институт археологии РАН,
Москва

А.В. Мастыкова

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КРАЙНОВА

(1904–1998)

8 ноября 1998 г. в день своего святого покровителя Димитрия Солунского ушел из жизни Дмитрий Александрович Крайнов – один из старейших русских археологов. 94 года – почти весь XX век со всеми выпавшими на долю нашей страны испытаниями – прошел этот человек. Судьба его также была нелегкой: он пережил и раскулачивание семьи, и военное лихолетье – на передовой, в оккупации, в плену, и торжество несправедливости, бросившей его в северные лагеря ГУЛАГа. И, несмотря ни на что, сумел не ожесточиться, остаться самим собой.

Это был удивительно обаятельный человек, обладавший особой притягательной силой. Его общительность, неизменная доброжелательность, внимание к людям – вот те качества, которые обычно отмечают все, кто когда-либо с ним сталкивался. В каждом из тех, кто его окружал, он видел не просто коллегу или сотрудника экспедиции, а прежде всего человека с его недостатками, которые он старался не замечать, и с достоинствами, которые он всегда подчеркивал. Может быть поэтому каждый его отчет о полевых исследованиях начинается подробным перечнем всех участников экспедиции и обязательной общей фотографией.

Археология была призванием, образом жизни Д.А. Крайнова. Другим глубоким его увлечением было пение. В Дмитрии Александровиче очень гармонично сочетались талант ученого и талант артиста, что определило всю его судьбу.

Получив прекрасное историческое образование на этнологическом факультете МГУ, он затем заканчивает музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова и получает звание оперного певца. Сначала пение давало ему дополнительный заработок к его основной работе в ГИМе, когда он выступал с концертами от Московской филармонии. Это был его "хлеб" во время жизни на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны. А затем – его спасение в советских лагерях, где его за великолепный бас и природную артистичность зачислили в лагерную театральную труппу. Впоследствии он пел только в свое удовольствие. В экспедиции не обходилось ни одного вечера без исполнения им у костра русских романсов, народных песен, оперных арий.

© Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, 1999 г.

Научную судьбу Д.А. Крайнова можно назвать счастливой. Во время учебы в МГУ (1925–1929 гг.) благодаря проф. В.А. Городцову он увлекается первобытной археологией. С тех пор его научные интересы определяются проблематикой каменного и бронзового веков. Он проводит исследования памятников палеолита – неолита Крыма и Кавказа, палеолита – эпохи раннего железа Верхнего Поволжья.

Можно сказать, что Д.А. Крайнов обладал особой археологической интуицией и везением, которые вкупе с научной добросовестностью и широкой эрудицией позволили ему намечать новые подходы в решении многих актуальных проблем первобытной археологии.

Огромен вклад ученого в изучение фатьяновской культуры. Им было раскопано более половины всех известных на сегодняшний день фатьяновских могильников, материалы из которых легли в основу его докторской диссертации и были обобщены в монографии "Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э." (М., 1972. 274 с., ил.).

Последние два десятилетия своих научных изысканий Д.А. Крайнов посвятил изучению в основном неолита-энеолита Верхнего Поволжья. Он проводит масштабные раскопки в Тверской, Ярославской и Ивановской областях. На материалах ряда многослойных торфяниковых стоянок обосновывает выделение новой ранненеолитической культуры, что в корне изменило, казалось бы, общепринятые до этого представления о характере и периодизации лесного неолита. Пытается решить проблему генезиса волосовской культуры. Выступает с оригинальной теорией происхождения льяловской культуры. Много внимания уделяет изучению духовного мира древнего человека, его религиозных воззрений и искусства, что нашло отражение в серии статей и коллективной монографии "Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы" (М., 1992).

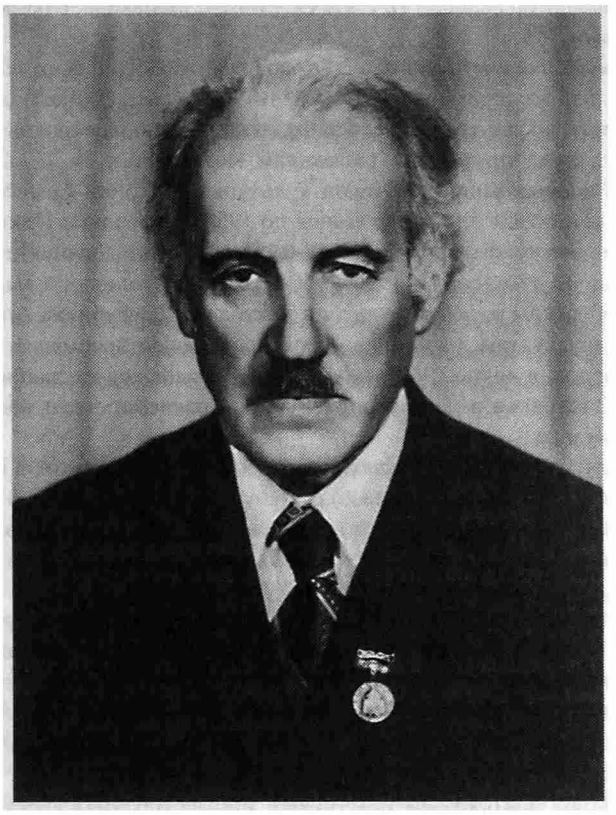
Д.А. Крайнов никогда не замыкался в рамках "чистой" археологии, а всегда стремился проводить комплексные исследования археологических памятников, привлекая антропологов, геологов, палеогеографов, палеонтологов. В его экспедиции работали А.А. Величко, С.Н. Тюремнов, Н.А. Хотинский, Е.А. Спиридонова, Г.В. Лебединская, Н.М. Ермолова, Г.И. Зайцева и другие ученые.

Он имел богатейший опыт полевых работ, которым посвятил более полувека своей жизни. Впервые выехав на раскопки в возрасте 21 года, он завершил свои "полевые сезоны" в 88 лет, до конца поражая всех своим удивительным трудолюбием и энергией. Но и перестав выезжать на раскопки, он продолжал, пока хватало сил, заниматься археологией: анализировал накопленные материалы, писал статьи, стремился быть в курсе всех новых открытий и изданий по неолиту и бронзе лесной зоны Восточной Европы. Всего более 150 печатных работ и серия археологических экспозиций в ряде областных и районных музеев – вот результат его многолетних научных исследований.

Дмитрий Александрович Крайнов ушел от нас, но в памяти своих учеников, друзей и близких он останется ярким, неординарным человеком с глубокой и светлой душой.

Список научных работ Д.А. Крайнова опубликован в статье А.В. Уткина, Е.Л. Костылевой "К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова". См. сборник "Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы". Вып. 1. Иваново, 1994.

Государственный университет, Иваново — *Е.Л. Костылева*
Комитет по культуре и искусству, Иваново — *А.В. Уткин*



ПАМЯТИ НИКИТЫ ВЛАДИМИРОВИЧА АНФИМОВА

(1909–1998)

2 июля 1998 г. после тяжелой болезни скончался Никита Владимирович Анфимов – известный ученый-археолог, краевед, настоящий подвижник в деле изучения древнего прошлого Кубани (Filip J., 1966).

Никита Владимирович родился 6 августа 1909 г. в семье известного ученого и врача-психиатра Владимира Яковлевича Анфимова.

В 1927 г., когда Н.В. Анфимов поступал в Кубанский мединститут, в вузах страны исторические факультеты были закрыты. Но медицинское образование, знание анатомии пригодились в дальнейшем в археологической практике. В годы учебы он не прекращал занятий археологией: продолжал исследование правого берега р. Кубань в районах станиц Елизаветинской, Марьинской, г. Краснодара, где были выявлены городища и могильники. Он, в частности, принимал участие в раскопках М.В. Покровского Краснодарского могильника по ул. Почтовой, вел наблюдение за Елизаветинским городищем и могильником.

С 1928 г. Никита Владимирович – внештатный сотрудник Кубанского научного музея (ныне Краснодарский историко-археологический музей-заповедник). 1 декабря 1930 г. он становится штатным сотрудником музея. В 1931 г., по окончании мединститута, Н.В. Анфимов был командирован на Центральные курсы музейных работников в г. Истру. В 1934 г, когда было вновь восстановлено преподавание истории, Никита Владимирович поступил на 3-й курс истфака Краснодарского пединститута, который закончил в 1936 г.

С 1937 г. он начинает преподавать на историческом факультете Краснодарского пединститута. 23 декабря 1954 г. Никита Владимирович защитил кандидатскую диссертацию в Институте археологии АН СССР "Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья". В 1955 г. Н.В. Анфимов увольняется из Краснодарского краеведческого музея, в стенах которого проработал почти четверть века.

27 июля 1957 г. Н.В. Анфимов получил звание доцента, а 15 октября 1968 г. был избран заведующим кафедрой всеобщей истории. В 1972 г. он был утвержден ВАКом в ученом звании профессора. В 1981 г. Никита Владимирович вышел на пенсию, проработав в общей сложности 44 года в Краснодарском пединституте, затем университете.

© Е.А. Хачатурова (Ярковая), 1999 г.

Не менее насыщенной и плодотворной была его экспедиционная деятельность ученого. В 1952–1955 гг. он работал в составе Таманской экспедиции ИА АН СССР Б.А. Рыбакова, руководя отрядом, и в Синдской экспедиции В.Д. Блаватского.

С 1936 г. Н.В. Анфимов организует и возглавляет работу археологических экспедиций Краснодарского музея и пединститута. Всего за его долгую научную жизнь было около 100 экспедиций, причем зачастую за один сезон приходилось вести по две-три. Хотелось бы назвать наиболее важные из них: Усть-Лабинская экспедиция 1936–1938 гг. была посвящена раскопкам могильника № 2, материалы которого дали возможность разработать периодизацию меотской культуры; раскопки Семибратского городища, продолжавшиеся в течение 8 лет, с 1938 г. и после войны по 1953 г.; раскопки Николаевского и Кубанского могильников прото- и древнемеотского времени (1958–1959 гг.)[1]; обследования течения р. Уруп и раскопки расположенных в этом районе поселений в 1950–1960-е годы, позволившие выделить западный вариант кобанской культуры; в 1960-е годы раскопки городищ Закубанья (Республика Адыгея), которые привели к принципиально важным результатам, установив непосредственную преемственность позднемеотского и раннесредневекового периодов; в конце 1960 – начале 1970-х годов исследования городищ и могильников правобережья Кубани и Закубанья в зоне строительства Краснодарского водохранилища, курганных могильников в Тимашевском р-не.

Н.В. Анфимов исходил большую часть Краснодарского края многократно: от Тамани до Ставрополья, по Черноморскому побережью – от Анапского р-на до р. Псоу и Красной Поляны. Им обнаружены и описаны сотни археологических памятников, на некоторых проведены раскопки. Одним из итогов этой работы стала археологическая коллекция Краснодарского государственного историко-археологического музея, которая более чем наполовину создана его трудами.

Свою научную жизнь Никита Владимирович посвятил в основном изучению раннего железного века на Северо-Западном Кавказе. Им выделена меотская культура аборигенного населения, установлена ее этническая принадлежность. По мнению Н.В. Анфимова, меотское население Прикубанья стало одним из отдаленных предков адыгов. Труды ученого были посвящены изучению материальной культуры, развитию экономики, общественного строя и религиозных верований. Благодаря его работам были установлены восточная граница расселения меотов, а также территория, занятая синдами.

Никита Владимирович был постоянным участником многих научных конференций, международных симпозиумов, научных семинаров. Им опубликовано более 100 работ.

За десятки лет своей преподавательской деятельности Н.В. Анфимов воспитал много учеников, ставших преподавателями школ и вузов, сотрудниками музеев, археологами. Он вдохновенно руководил научным студенческим обществом – археологическим кружком, организовывал и проводил региональные студенческие конференции, на которые съезжались студенты из вузов Ростовской обл., Северного Кавказа и Закавказья. Его ученики были постоянными участниками Всесоюзных студенческих конференций (ВАСК), проходивших в Москве. Вне всякого сомнения, он был одним из самых любимых студентами преподавателей исторического факультета КГУ. Самым лучшим воспоминанием каждого бывшего студента осталась археологическая практика. Руководя подчас несколькими отрядами, как это было, например, при раскопках на р. Уруп в районе хутора Ильич Отрадненского р-на расположенного в предгорьях, он ежедневно проходил по горам 8 км (в одну сторону), переправляясь вплавь через Уруп-реку узкую, но с сильным течением. Так же бывало и при раскопках Старокорсунских городищ (№ 1 и № 2), расстояние между которыми – около 4 км – он проходил ежедневно. В 60 лет он мог, стоя в глубоком раскопе, неутомимо работать лопатой, выбрасывая землю, опережая при этом многих ребят, а затем по солнцепеку идти своей стремительной походкой в другой археологический отряд, неся бодрость, энергию, душевный подъем, заразительный оптимизм. Примером такой напряженной работы являются и раскопки в 1972 г. Казазовского могильника (Республика Адыгея) на левобережье р. Кубань в зоне первой очереди затопления Краснодарского водохранилища. Там было небольшое меотское городище; когда его начали копать, в культурном слое были обнаружены средневековые погребения. За три месяца (сентябрь – ноябрь) раскопали весь могильник – 900 погребений. Ежедневно скрепер вскрывал так много погребений, что за день их не успевали расчищать. Приходилось иногда ночью при свете лампы и фар скреперов "начерно" их окапывать, чтобы затем днем продолжить расчистку. Жили в палатках, ночью в ноябре морозы были уже –2...4°. Никита Владимирович руководил большой экспедицией – более 100 чел., но все успевал: вести дневник, давать задания помощникам, чертежникам, фотографам, художникам, присматривать за кухней и бытом членов экспедиции. В это время в октябре–ноябре в университете шли занятия, и два раза в неделю на грузовой машине он ездил в Краснодар, переодевался в археологическом кабинете и шел в аудиторию. После лекции, снова переодевшись, он возвращался в экспедиционный лагерь.

За большой вклад, который Никита Владимирович Анфимов внес в изучение истории адыгейского

---

[1] Результаты этих работ получили высокую оценку А.И. Тереножкина: "Открытие Н.В. Анфимова, давшее возможность наметить хронологическую периодизацию позднейших предскифских киммерийских памятников, имеет непреходящее научное значение" (*Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 21).

народа, в 1993 г. он был удостоен звания "Заслуженного деятеля науки Республики Адыгея". К своему 85-летию Н.В. Анфимов стал Почетным гражданином г. Краснодара (Маркович В.И., 1989. С. 121–134; Хачатурова Е.А., 1997, с. 3–6).

В памяти людей, знавших Н.В. Анфимова, он навсегда останется человеком, безгранично преданным своему делу – археологии, учителем, с которым хотелось идти рядом.

Краснодарский Государственный
историко-археологический музей-заповедник

Е.А. Хачатурова (Ярковая)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Марковин В.И., 1989. Ее Величеству Археологии предан... // Кубанский краевед – 89. Краснодар.

Хачатурова Е.А., 1997. Никите Владимировичу Анфимову – 85 лет // Древности Кубани. Материалы семинара, посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. Краснодар.

Filip J., 1966. Anfimow // Enzyklopedisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. I. Prag.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Н.В. АНФИМОВА

1. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. № 7. С. 258–267.
2. Река Кубань, 1936 // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 214–220.
3. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 148–157.
4. Городище восточной окраины Боспорского государства (Материалы к археологической карте Краснодарского края) // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведения и музейной работы. М., 1948. С. 136–144.
5. Путешествие по родному краю. Краснодар, 1948. 85 с. (в соавт. с Ф. Навозовой).
6. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. С. 241–260.
7. Клад пантикапейских монет из станицы Старонижестеблиевской // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 64–66.
8. Меотские поселения восточного Приазовья (Сообщение о новых материалах) // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 85–96.
9. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23. С. 144–154.
10. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207.
11. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244.
12. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье // ВДИ. 1951. № 1. С. 110–128.
13. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией (По поводу одноименной статьи И.Б. Зеест) // ВДИ. 1952. № 4. С. 84–87.
14. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 72–85.
15. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. 1. Симферополь, 1952. С. 205–218.
16. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. 79 с.
17. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111.
18. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 151–154.
19. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (По материалам грунтовых могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
20. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 45–53.
21. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 31–34.
22. Могильники сарматского времени в долине реки Урупа (По материалам экспедиции 1954 г.) // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 88–93.
23. Древнейшее прошлое адыгейского народа // Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957. С. 13–60 (в соавт. с Е.С. Зевакиным).
24. Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной // СА. 1957. № 4. С. 155–157.
25. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. 91 с.
26. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 62–71.
27. Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край. (Материалы по изучению Краснодарского края). Вып. 1. Краснодар, 1960. С. 166–168.
28. М.В. Покровский (1887–1959) // СА. 1961. № 4. С. 297, 298.
29. Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА. 1961. Т. 2. С. 103–126.
30. Тахтамукаевский могильник // СМАА. 1961. Т. 2. С. 188–207.
31. К вопросу о происхождении адыгов // Научная сессия Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Тез. докл. Ростов н/Д., 1962. С. 140, 141.

32. Новые материалы по эпохе раннего железа Северо-Западного Кавказа // Матер. конф. (КГПИ) по итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Обществ. науки. Краснодар, 1963. С. 103, 104.
33. Синдика в VI–IV вв. до н.э. // Тр. КГПИ. 1963. Вып. 33. Краснодар. С. 181–196.
34. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Конф. по изучению проблем античности. Л., 1964. Тез. докл. М., 1964. С. 3, 4.
35. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // МИА. 1965. № 130. С. 196–198.
36. Скотоводство на Северо-Западном Кавказе в эпоху раннего железа // Матер. сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 92, 93.
37. Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165.
38. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ ст. Темижбекской // Культура античного мира. М., 1966. С. 19–23.
39. Некоторые вопросы изучения меотской культуры (по материалам раскопок 1964–1965 гг.) // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секция "Ранний железный век". Тез. докл. Ч. 1. М., 1966. С. 1–3.
40. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. Тез. докл. М., 1966. С. 40–42.
41. Исследование памятников раннего железного века на Кубани // АО – 1966. М., 1967. С. 71–73.
42. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. С. 127–131.
43. Скотоводство у синдо-меотских племен Прикубанья // Научные труды КГПИ. Вып. 103. Краснодар, 1969. С. 3–17.
44. Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // Actes du VII-e Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Prague. 21–27 aout 1966. Т. 2. Prague, 1971, P. 865–870.
45. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177. С. 170–177.
46. Археологические памятники нижнего течения рек Марта. Пчаса и Псекупса (По материалам экспедиции АНИИ 1954 и 1955 гг.) // СМАА. 1972. Т. 3. С. 79–98.
47. Древнее золото Кубани // Кубань. 1972. № 3. С. 99–102.
48. К вопросу о "зверином" стиле у меотов // 3-я Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. Тез. докл. М., 1972. С. 14, 15.
49. Курганы рассказывают... Краснодар, 1972. 96 с.
50. Курганы с ямными захоронениями в степной полосе Прикубанья (На раскопках 1970–1971 гг.) // 15-я науч. конф. ИА АН УССР. Тез. докл. Одесса, 1972. С. 127–130.
51. Наш край на уроках истории. Пособие для учителей. Краснодар, 1972. 118 с. (в соавт. с И.В. Жерноклев, В.А. Кусый и Н.Ф. Юркиным).
52. Раскопки курганов эпохи раннего металла близ станицы Роговской (Краснодарский край) // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. Археологические секции. М., 1972. С. 51, 52.
53. Раскопки на Кубани // АО–1971. М., 1972. С. 140–142.
54. Керамическое производство у меотов и античное влияние // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. КТДНК. Л., 1973. С. 3, 4.
55. Раскопки на правобережье р. Кубань // АО – 1972, М., 1973. С. 109, 110.
56. Основные проблемы в изучении меотской культуры // IV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1974. С. 31, 33.
57. Гончарные печи Старокорсунского второго городища // АО – 1974. М., 1975. С. 95, 96.
58. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 49–51.
59. Новый памятник древнемеотской культуры: могильник хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975. С. 35–51.
60. Экономические связи Боспора с Прикубаньем в VI–II веках до н.э. // Юбилейная конф. "150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР". Тез. докл. Киев, 1975. С. 151–154.
61. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье. (II в. до н.э. – III в. н.э.) // XIV Междунар. конф. античников социалистических стран. Тез. докл. Ереван, 1976. С. 13, 14.
62. История родного края. Краснодар, 1976. 48 с. (в соавт. с В.А. Кусый, Н.Ф. Юркиным).
63. Общественный строй у меотов // VI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1976. С. 6–8.
64. Религиозные верования у меотов // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977. С. 111–128.
65. Сельское хозяйство у синдов // История и культура античного мира. М., 1977. С. 6–12.

66. Вопросы этнической истории синдо-меотов // VIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 11–13.
67. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 232–238.
68. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Элиста, 1979. С. 32.
69. Общественный строй меотов // ИСКНЦВШ. Обществ. науки. 1979. № 1. С. 12–17.
70. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 92–113.
71. Культовые сосуды в меотской керамике // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1980. С. 30–32.
72. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // ВАА. 1981. С. 60–79.
73. Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 132–137.
74. Погребение IV в. до н.э. с р. Пхии // ИАбхИЯЛИ. 1981. Т. 10. С. 106–109.
75. Экспансия Боспора в Западном Прикубанье (к вопросу о меото-боспорских отношениях) // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1981. С. 12, 13.
76. Поселение Красногвардейское на Кубани – новый памятник кобяковской культуры // СА. 1982. № 3. С. 139–148 (в соавт. с Э.С. Шарафутдиновой).
77. Средневековые селища правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 1982. С. 63, 64.
78. Рыбный промысел у меотов // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983. С. 117–124.
79. Археологические исследования в Адыгее за годы Советской власти // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984. С. 3–7 (в соавт. с П.У. Аутлевым).
80. Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджий // ВАА. 1984. С. 112–127.
81. Керамические клейма из поселения станицы Красноармейской (Краснодарский край) // Всесоюз. археологическая конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тез. докл. Баку, 1985. С. 60, 61.
82. Тахтамукайское первое городище (По раскопкам экспедиции АНИИ 1956, 1958 и 1960 гг.) // ВАА. 1985. С. 92–113.
83. Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 125–129.
84. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 183–190.
85. Меотский могильник Пашковского 6 городища // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 46–48.
86. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. 232 с.
87. Елизаветинское городище как центр торговли Боспора с меотскими племенами Прикубанья // "Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье". Тез. докл. Новочеркасск, 1987. С. 28, 29.
88. Терракоты Семибратнего городища (каталог) // Тайны терракоты. Краснодар, 1987. С. 177–198.
89. Бронзовый кельт из аула Тауйхабль Теучежского района // ВАА. 1988. С. 170–174.
90. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 544 с. (глава IV – в соавт. с В.Б. Виноградовым, Б.М. Керефовым и В.Г. Котович; глава V – в соавт. с В.А. Кузнецовым, А.А. Кудрявцевым и И.М. Чеченовым).
91. Катакомбные погребения Прочноокопского могильника // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 51–56.
92. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 4. С. 138–145.
93. Протомеотские памятники Закубанья // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 43, 44.
94. Древняя и средневековая история адыгов // Адыгея. Историко-культурный очерк. Майкоп, 1989. С. 7–27.
95. Народы сменили народы, лицо изменилось земли // Кубанские рассветы. Фотокнига с текстом. Краснодар, 1989. 287 с. (в соавт. с В.П. Бардадым и др.).
96. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 11–26 (в соавт. с А.В. Пьянковым).
97. Историография раннего железного века Адыгеи // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990. С. 9–12.

98. Адыги в древности. Некоторые спорные вопросы // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1992. С. 3, 4.
99. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992. С. 19–60 (в соавт. с И.Н. Анфимовым).
100. Меотский сосуд с мифологическими сценами // ВАА. 1992. С. 287–293.
101. Археологические памятники станицы Ладожской // Вторая Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 4, 5.
102. История Адыгеи (с древнейших времен до конца XIX века). Пособие для учителей истории 8–9 классов. Майкоп, 1993. 213с. (в соавт. с Б.М. Джимовым и Р.Х. Емтыль).
103. К вопросу о пребывании скифов в Прикубанье // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 1994. С. 35, 36.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ", ЗА 1999 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки, естественнонаучные методы в археологии

Абдуллаев К. Ахеменидская гемма из Британского музея 4 199

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья 4 78

Абрамова З.А. Верхний палеолит Восточно-Европейской равнины. Итоги и проблемы 2 48

Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы 1 51

Алексеенко Н.А. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса 1 186

Амирханов Х.А. Исследования отдела археологии каменного века Института археологии РАН: современное состояние и проблемы 2 38

Антипина Е.Е. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) 1 103

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги "космической археологии" в России (к дешифровке Маяцкого селища) 2 106

Башенькин А.Н., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Кузнечное дело финно-угорского населения Белозерья до славянской колонизации 4 180

Беляев Л.А., Гуляев В.И. Журнал "Российская археология": проблемы и перспективы 2 32

Березанская С.С. Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге 4 131

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии 4 5

Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань 1 175

Бойцов И.А. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездниковского переулка ... 1 152

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии 4 5

Буров В.А. О печати "Марфы-посадницы" (из истории фальсификации) 1 193

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве 1 142

Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища) 3 108

Гайдуков П.Г. К 70-летию академика Валентина Лаврентьевича Янина 1 5

Гайдуков П.Г. Русские полушки XVI–XVII вв. с надписью "ГОСУДАРЬ" (типология и датировка) 3 79

Гей А.Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России 1 34

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму 2 157

Давидан О.И. Новые находки гребней в Старой Ладоге 1 167

Дэвлет Е.Г. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений 2 77

Жарнов Ю.Э. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме 3 165

Журбин И.В. Электрометрические исследования на поселении Горный 1 117

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А. Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы 3 5

Зеленеев Ю.А. Этнокультурная история Поволжья XIII–XV вв. в работах А.П. Смирнова 40–50-х годов 4 225

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные 4 119

Колызин А.М. Средневековая гирька из Московского Кремля 1 190

Кошеленко Г.А., Новиков С.В. О коропластике Маргианы эллинистического периода 4 54

Котова Н.С., Тубольцев О.В. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины 3 22

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма 4 99

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) 2 181

Лагутин А.Б. Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму 4 203

Лордкипанидзе Г.А., Кипиани Г.Г. Боевые колесницы древней Грузии 4 195

Лунин Б.В. Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) 2 207

Лысенко П.Ф. Булла киевского митрополита Кирилла из раскопок в Турове 4 207

Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере 4 163

Марковин В.И. К методике полевого изучения дольменов 1 67

Массон В.М., Кирчо Л.Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) 2 61

Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане (Узбекистан) 3 124
Мотов Ю.А. К интерпретации изображений на парных пластинах из "Сибирской коллекции Петра I" 3 141
Медынцева А.А. Мастерская Тудора 3 149
Мазуров А.Б. Одна из первых находок вятических древностей 4 221
Матюхин А.Е. О технологическом анализе каменных изделий 1 12
Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым 4 215
Мерперт Н.Я. Из истории Института археологии (к 80-летию его учреждения) 2 16
Миронова В.Г. Старая Русса в древности 3 59
Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье 3 69
Мошкова М.Г. Изучение проблем раннего железного века в Институте археологии РАН в 1989–1998 гг. 2 86
Мунчаев Р.М. Институт археологии РАН сегодня 2 5
Недошивина Н.Г. О больших колтах Святозерского клада 1 182
Никитина Т.Б. Древняя история мари в трудах А.П. Смирнова 3 196
Паньков С.В., Недопако Д.П. Поселение и производственный центр позднезарубинецкого времени у села Синица 4 149
Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка 4 65
Плетнева С.А. Группа "Археология евразийских степей эпохи средневековья" 2 99
Пясецкий В.К. Позднепалеолитическая стоянка Мирогощa I (Поле Вотрубы) 3 98
Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы 4 24
Савченко Е.И. Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе 1 125
Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Клейма Синопы с датами 2 135
Седова М.В., Мухина Т.Ф. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире 3 160
Сидоров В.В., Смирнов К.А. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища 1 165
Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея 3 175
Соловьев В.С. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы.. 2 172
Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа 1 23
Сыроватко А.С. Поселения эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья 2 124
Тараненко Н.П., Гей А.Н., Детюк А.Н. Применение фосфатного анализа при разведке древних поселений на черноземах Воронежской области 4 211
Федоров-Давыдов Г.А. К 100-летию Алексея Петровича Смирнова 3 190
Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур 3 181
Фролова Н.А. К вопросу о чеканке Тирой статеров лизимаховского типа 4 38
Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) 2 144
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня 3 50
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) 1 77
Шевелев В.В. Новые памятники культуры Веретье на озере Лача 4 191
Шер Я.А. О состоянии археологии в России (продолжение полемики) 1 197
Шишлов А.В., Колбасина Л.А. Археологические фонды Новороссийского государственного исторического музея-заповедника 1 209
Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии 3 35

Критика и библиография

Амиров Ш.Н. Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria. Vol. I–II. Edited by Peter N.M.G. Akkermans. Nederlands Historisch–Archaeologisch Instituut te Istanbul. 1996 ..... 2 233
Артемьев А.Р. *Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1998 ..... 3 234
Беляев Л.А. *Баталов А.Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века: проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996 ..... 4 232
Бгажба О.Х. *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997 ..... 1 228
Беляев Л.А. *Teteriatnikov Natalia B.* The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Pontificio Instituto Orientale. Roma, 1996 (Orientalia christiana analecta, 252) 1 224
Ганбов В.А., Кошеленко Г.А. Doura-Europos. Etudes IV. 1991–1993. Edite par P.Leriche et M.Gelin, IFARO, Beyrouth, 1997 ..... 3 217

Ковалевская В.Б. *Ierusalimskaja Anna A.* Die Gräber der Moscevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. Herausgegeben vom Bayerischen Nationalmuseum München 235und von der Staatlichen Ermitage Sankt Petersburg. München, 1996 ..... 4 235
Коваленко С.А. *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. // Южногородские ведомости. Севастополь, 1997 ..... 3 202
Кореняко В.А. Археологические издания Азовского краеведческого музея (1981–1995) 3 210
Козенкова В.И. *Motzenbacker I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin, 1996 ..... 2 223
Крадин Н.Н. *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волжско-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995 ..... 1 231
Кулаков В.И. *Okulicz-Kozarin L.* Dzieje prusow. Monografie Fundacji na rzecz nauki polskiej. Ser. humanistyczna. Wroclaw, 1997 ..... 1 238
Кулаков В.И. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997 ..... 2 229
Махортых С.В. *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994 ..... 2 215
Перевалов С.М. *Junkelmann Marcus.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz am Rhein, 1996 ..... 2 211
Смирнов К.А. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997 ..... 3 224
Смирнов К.А. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996 ..... 4 229
Флеров В.С. *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997 ..... 3 228

Хроника

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Конференция "Сакральная топография средневекового русского города" (Москва, 1998) 3 243
Безруков А.В. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.М. Кобылиной (Москва, 1997) 1 240
Гуляев В.И., Ольховский В.С. Круглый стол "Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений" (Москва, 1997) 1 246
Гавритухин И.О., Михайлина Л.П., Перхавко В.Б. К 80-летию Бориса Анисимовича Тимощука 4 240
Джапаридзе О.М., Мунчаев Р.М. Памяти Александра Ивановича Джавахишвили (1917–1997) 2 253
Исланова И.В., Кольцов Л.В. 5-й семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1998) 3 250
Каменецкий И.С. Александру Александровичу Формозову 70 лет 1 252
Козенкова В.И., Рудницкий Р.Р. XX юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998) 3 246
Костылева Е.Л., Уткин А.В. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904–1998) 4 245
Хачатурова (Ярковая) Е.А. Памяти Никиты Владимировича Анфимова (1909–1998) 4 247
Мастыкова А.В., Гавритухин И.О., Казанский М.М. Международная конференция "Византия и Крым" (Севастополь, 1997) 1 242
Мастыкова А.В. Франко-российское сотрудничество в области раннесредневековой археологии 4 241
Ольховский В.С. Маргулановские чтения-98 (Алма-Ата, 1998) 2 238
Плетнева С.А. Памяти Ирины Петровны Русановой (1929–1998) 2 246
Седов В.В. XII Международный конгресс славистов. Историко-археологическая и этногенетическая проблематика (Краков, 1998) 3 239
Седов В.В. Памяти Йозефа Поулика (1910–1998) 3 252
Смирнов А.С. Использование компьютеров в археологии. 26-ой конгресс CAA (Барселона, 1998) 2 242
Сташенков Д.А. II международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." (Самара, 1997) 1 250

Указатель составлен А.А. Малышевым

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 16.07.99. Подписано к печати. 16.08.99. Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8. Усл.-кр.-отт. 22,1 тыс. Уч.-изд.л. 25,9. Бум.л., 8,0
Тираж 1052 экз. Зак. 2841

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6